

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 4 (2)

Киров
2008

Главный редактор

В. С. Данюшенков, доктор педагогических наук, профессор,
чл.-кор. РАО

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор
(зам. главного редактора);

А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент
(отв. секретарь);

К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;

В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;

С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор;

О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук, доцент;

М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редактор О. Коробкова
Компьютерная верстка – Ю. Клыгина

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Поляков О. Ю. Имагология в междисциплинарном научном пространстве 8

ЛИНГВИСТИКА

**Функциональный, коммуникативный и структурно-семантический анализ языковых единиц.
Прагматика. Вопросы методики преподавания языковых дисциплин**

<i>Кудинова Н. А.</i> Функционирование молодежного сленга в субкультурных образованиях	11
<i>Чумак-Жунь И. И.</i> Коммуникативные посредники как феномен поэтического дискурса	13
<i>Поспелова Ю. Ю.</i> Функционирование лексем со значением интеллектуального взаимодействия в прецедентных текстах педагогического дискурса	16
<i>Перцева А. В.</i> Речевые неправильности как ошибка и как речевой приём (на материале современной газетной публицистики)	19
<i>Матвеева Е. Н.</i> Реализация предметных и эстетических значений в функционально-семантическом поле флористики в поэзии Игоря Северянина	26
<i>Копкова Е. В.</i> Структурно-семантический и прагматический аспекты адекватной качественности	31
<i>Кропотова А. В.</i> К истории многозначности слова	35
<i>Лыскова Т. В.</i> Перифраза как единица промежуточной зоны	39
<i>Раемгужина З. М.</i> Развитие и функционирование прозвищ в системе современного башкирского языка	42
<i>Морозова Е. Н.</i> Взаимосвязь контекста и глагольной временной формы (на примере будущего времени)	46
<i>Тер-Авакян И. В.</i> Проектирование языковых тестов: компетентностный подход (на материале дисциплины «английский язык»)	50

Языковая картина мира. Концепт.

Фреймовый анализ. Языковая личность.

Лингвокультурологический анализ языковых фактов

<i>Касьянова Л. Ю.</i> Актуализация периферийного слоя лексики в процессах обновления языковой картины мира	54
<i>Петешова О. В.</i> Гносеологический аспект языковой картины мира диаристического дискурса	59
<i>Борисенкова А. М.</i> Словообразование немецкого языка в когнитивном рассмотрении	64
<i>Хайфуллина Д. Д.</i> Языковое содержание концепта «Огонь» (на примере английского и татарского языков)	66
<i>Галимова З. Ф.</i> Сравнение стратегий конструирования «положительного образа» (на материале русского и американского ток-шоу)	70

<i>Чистякова Г. В.</i> Реализация концепта <i>yellow</i> в он-лайн текстах	71
<i>Залылова Р. Р.</i> Концепт МИЛИЦИОНЕР в языковом сознании и в анекдоте	77
<i>Гайфуллина А. Н.</i> Мужчина vs. мужик в Интернет-дискурсе	80
<i>Никонова Ж. В.</i> Фреймовый анализ как метод описания речевых актов	83
<i>Никонова Ж. В.</i> Фрейд в контексте лингвистической науки	86
<i>Мякишева Е. В.</i> Эстетические оценки внешности в зеркале ценностных доминант (по данным современного русского языка)	89
<i>Раскина Е. Ю.</i> Образы китайской культуры в творчестве Н. С. Гумилева	93
<i>Власкова М. В.</i> Онимический аспект языковой личности бывшего сельского жителя	97
<i>Деникин А. А.</i> Иммерсивные и интерактивные художественные стратегии в видеoinсталляциях и видеоэнвайронментах	101

Таксономия языковых единиц. Лексикография

<i>Федюнева Г. В.</i> О таксономических признаках дейктических слов	105
<i>Сергеева И. А.</i> О возможностях лексикографического осмысления диалектного материала	109
<i>Юсупова А. Ш.</i> Роль татарского языка, татарско-русских и русско-татарских словарей в общественно-политической жизни России XIX в.	113

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Фольклор. Образы и мотивы русской литературы.

Литературная традиция. Жанры литературы.

Сопоставительная характеристика и интерпретация художественного текста

<i>Рассыхаев А. Н.</i> К истории собирания и изучения детского игрового фольклора коми	120
<i>Нуриева И. М.</i> Песенная импровизация в северно-удмуртской и бесермянской традициях: терминологический аспект	127
<i>Камитова А. В.</i> Двухязычие в творчестве удмуртского поэта Кузубая Герда	132
<i>Лысов А. А.</i> Духовные образы и мученические мотивы в поэзии Николая Клюева как русское национальное явление	136
<i>Постнова Д. В.</i> Жест как ключевой элемент литературной традиции (на примере произведений А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова)	140
<i>Склейнис Г. А.</i> Генезис и жанровая специфика антинигилистического романа	143
<i>Осьмухина О. Ю.</i> Специфика функционирования авторской маски в рамках пародии («Пересмешник» М. Д. Чулкова)	147
<i>Верхоломова Е. В.</i> Ритмические формы в лирических циклах Н. Гумилева и А. Ахматовой	154
<i>Бронич М. К.</i> «Болтающийся человек» Сола Беллоу и «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского	163

**Зарубежная литература.
Переводоведение**

<i>Холмогорова В. Е.</i> Контент-анализ концепта «natur» (природа) (от романтизма к постмодернизму)	165
<i>Бурова Е. Г.</i> Баллада «Выбор креста» А. Шамиссо в русских переводах XIX в.	170
<i>Кириякова О. И.</i> Специфика переводов антонимов базовых лексем “joy” и «радость» в художественной прозе XIX в.	173
<i>Пинковский В. И.</i> Понятие <i>музыкальность</i> во французской поэзии последней трети XIX – первой трети XX в.	176
<i>Мжельская А. С.</i> Мотивы свободы, страха и одиночества в новелле П. Зюскинда “Die Taube”	179

РЕЦЕНЗИИ

<i>Чернова С. В.</i> Язык взаимопонимания, сотрудничества и консолидации... ..	183
--	-----

CONTENTS

- Polyakov O. Yu.* Imagology in the Field of Interrelated Studies
- Kudinova N. A.* Youth Slang Functioning in Subcultural Formations
- Chumak-Jun I. I.* Communicative mediators as the phenomenon of poetic diskurs
- Pospelova Yu. Yu.* Functioning of lexemes of intellectual interaction in educational discourse texts
- Perceva L. V.* Speech Incorrectness as a Mistake and Speech Method (on the material of modern political journalism)
- Matveeva Y. N.* Realization of objective and aesthetics significance in the functional-semantic field of floristic in Igor Severyanin's poetry
- Kopkova E. V.* Structural and semantic, pragmatic approaches to the study of the adjective
- Kropotova L. V.* To the history of the word polysemy
- Lyskova T. V.* Periphrasis as unit of intermediate zone
- Raemguzina Z. M.* Development and functioning of nicknames in the system of modern Bashkir proper names
- Morozova E. N.* The interrelation of verbal form and context in the expression of future in Modern English
- Ter-Avakyan I. V.* Development of english language tests: competence-based approach
- Kasianova L. Y.* Peripheral Vocabulary Layer Actualization in Linguistical Picture Updating Process
- Petesheva O. V.* The epistemological aspect of the language view of the world in the diary discourse
- Borisenkova L. M.* Cognitive Examination of Word Formation in German Language
- Khayrullina D. D.* The linguistic content of the concept "Fire" (on the basis of English and Tatar languages)
- Galimova Z. F.* Comparison of Strategies Oriented on Positive Image Construction (based on analysis of Russian and American talk-show)
- Chistyakova G. V.* On-line functioning of the concept *yellow*
- Zalyalova R. R.* The concept МИЛИЦИОНЕР in the modern linguistic mentality
- Gaifullina A. N.* *Man* vs. *fellow* in the Internet-discourse
- Nikonova J. V.* Frame analysis as a method for speech acts discription
- Nikonova J. V.* Frame in linguistic context
- Myakisheva E. V.* Aesthetic valuations of appearance in a mirror of value majorants (under the data of modern Russian language)
- Raskina H.* The images of Chinese Culture in the creativity of N. S. Gumilev
- Vlaskova M. V.* Onimic Aspect of Ex-villager's Linguistic Personality
- Denikin A. A.* Immersive and interactive strategy in video performances and video environments
- Fedyuneva G. V.* On taxonomic Features of deictic Words
- Sergeeva I. A.* About possibilities of lexicographic comprehension of dialectical material
- Yusupova A. Sb.* The role of Tatar language, Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries in the social and political life of Russia in XIX century
- Rassykbaev A. N.* To history of collecting and studying of children's game folklore of Komi
- Nurieva I. M.* The song improvisation in the Northern Udmurt and Beserman traditions: aspect of Terminology
- Kamitova A. V.* Bilinguizm in the works of Udmurt poet Kuzebay Gerd

-
- Lysov A. A. N.* Kluev's Poetry: Spiritual Images and Crucifying Motifs as Russian National Phenomenon
- Postnova D. V.* Gesture as a key element of literary tradition (on the example of A. S. Pushkin's, F. M. Dostoevsky's and A. P. Chekhov's works)
- Skleyinis G. A.* Genesis and specific features of the antinihilistic novel
- Osmukhina O. Yu.* The specification of the author's mask functioning on parodies text («The laughter» of M. D. Chulkov)
- Verbolomova E. V.* Rhythmical forms in Nicolay Gumilev's and Anna Akhmatova's lyric cycles
- Bronich M. K.* "Dangling man" by Saul Bellow and "The notes from underground" by F. M. Dostoevsky
- Kholmogorova V. E.* Content-analysis of the concept «natur» (природа) (from the romanticism to the postmodernism)
- Burova H. G.* "Kreuzschau" by A. Shamisso in Russian Translations of the 19th century
- Kiryakova O. I.* The translation peculiarities of base lexemes "joy" and «радость» in the prose works of the XIX century
- Pinkovsky V. I.* The *musicality* concept in french poetry of the last third of XIX century and of the first third of XX century
- Mzbelskaya A. S.* The motives of freedom, fear and solitude in short story by P. Zyuskind "Die Taube"
- Chernova S. V.* The language of mutual understanding, collaboration and consolidation

О. Ю. Поляков

ИМАГОЛОГИЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье раскрываются понятийный аппарат имагологии, ее задачи и перспективы в свете взаимодействия литературоведения с комплексом наук о культуре.

The article is concerned with the basic concepts of imagology, its main research objectives and its prospects connected with the rise of culturally oriented literary studies.

Современное литературоведение находится в поиске новых методологических основ. В западной литературоведческой науке обострились дискуссии, восходящие к спору позитивистских и антропологических школ. Сциентистски ориентированные ученые продолжают сосредотачиваться на проблемах художественной формы, однако часто их суждения носят компромиссный характер. В частности, С. Нэпп, акцентирующий необходимость изучения психологии восприятия художественного творчества, утверждает, что постижение эмотивной стороны литературы должно быть связано с изучением «формальных параметров» произведения, поскольку эстетические эмоции всегда опосредованы структурами текста. Дж. Г. Харфэм полагает, что элементы формы текста должны рассматриваться не просто как независимые объекты научного познания, а как относительные константы в коллективном историческом опыте литературы [1].

Продолжаются также споры «традиционалистов», отстаивающих интерпретационные подходы к литературе, и ученых, выходящих за пределы герменевтических текстоцентрических стратегий. К числу последних относятся адепты «новой исторической критики» и сторонники эмпирического литературоведения, особый акцент делающие на историко-культурном и социальном контексте литературы.

Одним из плодотворных в современных условиях является подход к литературе с позиций комплекса наук, изучающих пространство культуры, так весомо заявивший о себе на рубеже XX–XXI вв., что многие специалисты стали говорить о «потере» литературоведением объекта исследования, а уважаемый ученый Э. Истхоуп заявил, что литературоведение должно стать

разделом культурологии. Безусловно, справедливо говорить лишь о междисциплинарном диалоге, взаимодействии литературоведения с такими дисциплинами, как социальная и культурная антропология, социология культуры и др. Популярная ныне трактовка культуры как текста, ведущая к «семиотической метафоризации социальных параметров культуры» [2], ощущается многими учеными как недостаточная, суживающая возможности взаимодействия культурологии и литературоведения. Видный литературовед А. Нуннинг полагает, что изучение культуры связано с восстановлением «ментальной программы» общества, которая в сжатом виде представлена в литературных текстах. Соответственно, необходимо исследовать литературу с точки зрения материализации в ней системы культуры, воплощения форм социальной ментальности и культурной памяти [3]. Литературные тексты, согласно этому подходу, выступают как формы самопознания культуры. Более того, в свете учения об «интердискурсе», разработанного Ю. Линком под влиянием М. Фуко и Н. Луманна, тексты литературы благодаря своей междискурсивной структуре способствуют «сближению всех дискурсов культуры» и «восстановлению единого дискурсивного пространства» культурных эпох [4].

Одним из важнейших направлений междисциплинарных исследований является анализ роли литературы в формировании национальной идентичности, представлений о национальном характере, складывающихся в системе словесности образов народов, национальных стереотипов. Эти задачи решает имагология, молодая наука, понятийный аппарат которой сложился в 1960–1980-х гг.

Генезис имагологии (от латинского “*imago*” – «образ») отдаленно восходит к эпохе Возрождения, когда происходило усиление межкультурных связей и формировались этнические стереотипы, которые были систематизированы в период Просвещения Дж. Вико, И. Гердером и другими мыслителями, представлявшими их как антропологические категории [5]. Важную роль в становлении имагологии сыграли в XIX в. лингвистическая компаративистика, давшая импульс сравнительному литературоведению, и культурно-историческая школа критики И. Тэна, представлявшая отличия национальных литератур с точки зрения позитивистского детерминизма (триада «среда-эпоха-раса»). В первой половине

XX в. во Франции, Германии, США и других странах стали появляться труды компаративистов, в которых исследовались репрезентация и рецепция отдельных народов в текстах литературы (Ф. Бальдансперже, А. П. Бетц и др.), а возникновение имагологии как науки относится, по мнению специалистов, к 1950-м гг., когда распространились структуралистские подходы к пониманию национальной идентичности и литературоведы-компаративисты стали рассматривать ее выражения как репрезентативные, некие конструкции, подобные литературным тропам. Одним из зачинателей имагологии был Ж.-М. Карре, в середине прошлого столетия определивший в качестве предмета новой науки рецепцию одних народов другими, изучение категорий «чужого/другого» (“l’etranger”, “l’autre”) в контексте межлитературных взаимодействий.

Однако развитие имагологии было приостановлено в связи с резкими выступлениями Р. Уэллека, который отказывал этой науке в собственном предмете и считал, что ее функции выполняют социология, социальная психология и другие дисциплины. Возрождение имагологии началось в 1980-х гг. во многом благодаря немецким ученым, в частности, Г. Дюзеринку, ныне признанному авторитету в этой области, а в настоящее время имагология особенно интенсивно развивается в связи с ростом глобализации, мультикультурализма, обострившимися цивилизационными проблемами. Нередко эту науку рассматривают как раздел культурологии, однако ее генезис связан со сравнительным литературоведением и свои концепции она конструирует прежде всего на материале художественных текстов, поскольку национальные стереотипы закрепляются и оказываются наиболее устойчивыми именно в литературе.

В современном понимании задачей имагологии является анализ образов других народов, происхождения, содержания этих образов и их исторической изменчивости. В круг понятийно-логических структур имагологии входят, прежде всего, стереотипы, которые ученые называют культуротворческими феноменами (В. Б. Земсков), общественно-историческими мифами (В. А. Хорев), тропами, существующими в интертексте культуры (Дж. Леерсен). Стереотипы служат средством формирования картины мира других/чужих, возникают в результате «редукции, упрощения, схематизации прототипа, сведения его к генерализо-

ванному и категоричному шаблону» и служат выражениями культурно-бессознательного разных народов [6].

Польский ученый А. Шафф так характеризует стереотип:

а) его предметом являются прежде всего определенные группы людей (расовые, национальные, классовые, политические, профессиональные, по половому признаку и т. п.), а также – вторично – общественные отношения между ними (например, стереотип революции);

б) его генезис является общественным, то есть он передается личности как выражение общественного мнения путем воспитания в среде, независимо от личного опыта;

в) в связи со своей оценивающей функцией он несет определенную эмоциональную нагрузку (негативную или позитивную);

г) с точки зрения правдивости стереотип либо полностью противоречит фактам, либо соответствует им частично, создавая видимость полной правдивости своего содержания;

д) он долговремен и устойчив к изменениям, что связано с независимостью стереотипа от опыта с его эмоциональной нагрузкой;

е) перечисленные выше черты делают возможной реализацию общественной функции стереотипа, заключающейся в защите принятых обществом или группой ценностей и оценок, индивидуальное усвоение которых как обязывающей общественной нормы является условием интеграции личности в группу;

ж) он всегда связан со словом-названием (либо с выражением из нескольких слов), которое является импульсом, активизирующим содержание стереотипа в определенном контексте;

з) название, с которым связан стереотип, чаще всего служит также названием соответствующего понятия, что ведет к мистификации стереотипа как вида понятия, хотя стереотип принципиально отличается от понятия и с точки зрения общественной и познавательной функции, и с точки зрения лежащего у их основ процесса создания соответствующих суждений [7].

Национальные стереотипы способны к взаимному отражению: в гетеростереотипах, или представлениях о других этнических общностях, отражается собственная идентичность народа-реципиента иной культуры, воплощенная в автостереотипах. Другими словами, «образы чужой жизни, складывающиеся в большом историческом

времени в традицию, в инвариантные, устойчивые структуры сознания, отражающие исторический опыт своей нации, не только обогащают знания о другом народе, но, может быть, в первую очередь характеризуют собственную этническую ментальность» [8].

По своей структуре национальные стереотипы (клише) неоднородны, и, хотя их отличают достаточное постоянство и инертность, в процессе исторического развития выявляются их константы и переменные составляющие. Варианты стереотипа, порой контрастно противостоящие друг другу, получили названия имагем.

Научный инструментарий имагологии продолжает разрабатываться, открываются новые области ее междисциплинарных взаимодействий, появляются фундаментальные труды, среди которых в первую очередь необходимо отметить коллективную монографию «Имагология: выстраивание культур и литературная репрезентация национальных характеров», опубликованную в Амстердаме в 2007 г., увеличивается число стран, в которых активно ведутся имагологические исследования. Среди них и Россия, где имагология как дисциплина, по мнению некоторых исследователей, начала складываться в 1990-х гг. В действительности, уже в 1960-х гг. Г. Д. Гачев приступил к сравнительному описанию культур, национального мира разных народов как единства природы, характера и ментальности. Ученый пришел к выводу о том, что через анализ национальной образности литературы следует рассматривать «всю толщ культуры» [9]. В дальнейшем появились исследования, посвященные рецепции и репрезентации России в зарубежных странах (труды Н. П. Михальской, В. А. Хорева, ряд сборников научных статей) [10].

В настоящее время перспективность новой научной дисциплины не вызывает сомнений. Нуждается в углубленной проработке вопрос о выражении эстетических функций национальных стереотипов в литературах, необходимо осмысление канонов отдельных национальных литератур как «хранилищ» культурной памяти народов, национальных автостереотипов, исследование возможности создания в литературах «моделей постнациональной идентичности» [11]. Новые перспективы открывает активное взаимодействие имагологии с фольклористикой, этнографией, социальной психологией и другими науками.

Примечания

1. Knapp, S. Literary Interest: The Limits of Anti-Formalism [Text] / S. Knapp. Cambridge, Mass., 1993. P. 156; Harpham, G. Returning to philology: The Past and future of literary study [Text] / G. Harpham // New prospects in literary research. Ed. K. Hilberdink. Amsterdam, 2005. P. 24.

2. Ort, C. M. Was leistet der Kulturbegriff für die Literaturwissenschaft. Anmerkung zur Debatte [Text] / C. M. Ort // Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes. Bielefeld, 1999. Bd. 46. № 4. S. 542.

3. Nunning, A. Literary studies and-as-into cultural studies: Gauging a complex relation and suggestions for the future directions of research [Text] / A. Nunning // New prospects in literary research. Ed. K. Hilberdink. Amsterdam, 2005. P. 38–39.

4. Link, J. Literaturanalyse als Diskursanalyse. Am Beispiel der Ursprungs Literarischer Symbolik in Kollektivsymbolik [Text] / J. Link // Diskurs und Literaturwissenschaft. Frankfurt / M., 1988. S. 258–286; 293.

5. См. подр. о становлении имагологии: Leersen, J. History and Method of Imagology in Literary Studies [Text] / J. Leersen // Imagology: a Handbook on the Literary Representation of National Characters. Amsterdam, 2006. P. 1–6.

6. Земсков, В. Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецензия и репрезентация «другой» культуры) [Текст] / В. Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. № 1. М., 2006. [http:// www.rngumis.ru](http://www.rngumis.ru).

7. Цит. по: Хорев, В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов [Текст] / В. А. Хорев. М., 2005. С. 89.

8. Хорев, В. А. Указ. соч. С. 12.

9. Гачев, Г. Д. Космо – Психо – Логос: Национальные образы мира [Текст] / Г. Д. Гачев. М., 2007. С. 10.

10. Михальская, Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. [Текст] / Н. П. Михальская. М.: МПГУ, 1995; Хорев, В. А. Указ. соч.; Образ России, русской культуры в мировом контексте [Текст] / под общ. ред. Е. П. Чернышева. М., 1998; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока [Текст] / ред. В. Е. Багно (отв. ред.) и др. СПб., 1998; Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах [Текст] / отв. ред. И. О. Ермаченко. Петрозаводск, 2000; Поляки и русские в глазах друг друга [Текст] / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000; Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре [Текст] / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2003; Миф Европы в литературе и культуре Польши и России [Текст] / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2004.

11. См. подр: Dyserinck, H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Electronic resource] / H. Dyserinck // Intercultural Studies. 2003. № 1. Код доступа: <http://www.intercultural-studies.org>

ЛИНГВИСТИКА

Функциональный, коммуникативный и структурно-семантический анализ языковых единиц. Прагматика. Вопросы методики преподавания языковых дисциплин

Н. А. Кудинова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СУБКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

В данной статье рассматривается специфика функционирования сленга в речевой сфере современной молодежной субкультуры, определяются особенности словотворчества в различных субкультурных образованиях.

In this article it is written about a specific slang functioning in the speech field of modern youth subculture, it is also characteristic features of word-creation in different subcultures.

К началу XXI в. культурная сфера молодежи приобрела новые специфические черты: преимущественно рекреативный развлекательный характер; «вестернизация» культурных потребностей; низкий уровень индивидуальности и избирательности культуры, подражание общепринятым стереотипам; приоритет потребительства над творчеством; отсутствие этнокультурной самоидентификации.

Самым доступным полем деятельности для молодежи стал досуг, который в большинстве случаев выполняет рекреативную функцию, в то время как познавательные интересы реализуются недостаточно или не реализуются вовсе. Такое положение дел базируется на содержании телевизионных программ, распространяющих преимущественно ценности массовой культуры, а ценности традиционной национальной культуры уходят на второй план. Происходит формирование молодежной субкультуры.

В науке под субкультурой принято понимать «особую сферу культуры, суверенное образование внутри господствующей культуры, отличающаяся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» [1].

Молодежная субкультура – это и особый образ жизни, который разделяют в основном живу-

щие им непосредственно или сочувствующие. Молодежная субкультура – это не что иное, как форма самовыражения или самовысказывания молодых (последнее чрезвычайно важно для лингвистического описания молодежной субкультуры).

Можно выделить отдельные классификации молодежных организаций по направлениям их деятельности (увлечениям), поведению, мировоззрению. Существует некоторое количество классификаций молодежных объединений. И все эти объединения используют в общении жаргонные слова и выражения (молодежный сленг).

Молодежный сленг, используемый членами той или иной субкультурной группы, многое взял из лексики сниженного, вульгарного разговорного стиля, впитал слова и выражения из уже существовавших жаргонов, а также создал множество новых слов, используя обычные для русского языка способы словообразования.

Очевидно, что данный вид сленга должен включать в себя минимум два своеобразных пласта: во-первых, слова, обозначающие понятия и реалии, специфичные для данной группы людей, т. е. для «своих», и, во-вторых, слова, обозначающие понятия и реалии, которые надо скрыть от «чужих».

Естественно, этими пластами сленг не ограничивается. Как правило, достаточно часто с литературного языка на сленг «переводятся» либо наиболее употребительные, либо наиболее значимые слова в данной группе. В этом смысле сленг можно рассматривать как слепок с образа жизни речевого коллектива, который его создал и им пользуется. Круг тем, охваченных сленгом, позволяет выделить основные виды деятельности и времяпрепровождения.

Чаще всего молодежь собирается вместе на вечеринке – *вечерине, вечериле, тусовке, пати*, как правило, на частной квартире – *аэродроме, базе, каморе, флету*. На вечеринке пьют вино, пиво, курят, слушают музыку, танцуют. То, что пьют, обозначается *бухло, вайн, кирок, дринч, горючее*. Молодые люди слушают *мьюзик* дома, а могут пойти на дискотеку – *дискач, дрыгалку, дэнсы, тискотеку*.

На поведенческом уровне быть членом субкультурной группы означает: иметь внешний вид, соответствующий данной группе, принимать участие в *тусовках*, слушать музыку, которую слушают в данной группе, употреблять алкогольные напитки, наркотики. Практически все эти моменты отражены в субкультурном жаргоне. Например, выражение: *Затариться вайном в шопе и задринчить его из баттла* – понятно каждому члену молодежной субкультуры.

Исследователи, занимающиеся молодежным сленгом, включают в сферу изучения возраст с 14–15 до 24–25 лет. Сравнение показывает, что лексикон разных референтных групп совпадает лишь отчасти.

Наиболее развернутый лексикон у хиппи. Известны знаковые моменты в облике и поведении у хиппи: у мужчин длинные волосы (недаром хиппи называют себя *волосатыми*). Молодые люди и девушки носят на шее мешочки с документами – *ксивник*, а на руке бисерный браслет – *феньку*. Все они путешествуют автостопом по *трассе*, любят собираться в шумные сборища *тусовки* и *сейшены* – вечеринки, рок-концерты. Настоящих странствующих хиппи, порвавших с родителями и не имеющих определенных занятий, в России совсем немного. Основная часть носителей сленга – это *хиппующие* – старшекласники и студенты.

Когда мы встречаемся со сленгизмами не в слове, а в живой речи, это речь не жаргонная, а лишь жаргонизированная. Самая насыщенная она у московских и петербургских хиппи. В речи молодых людей на периферии концентрация сленгизмов гораздо меньше.

Значительная часть лексики сленга молодежных субкультур представляет собой заимствования. Англицизмы хиппи являются четкими дублями уже существующих в русском языке нейтральных слов. Это такие слова, как *шузы* – ботинки, *флэт* – квартира, *бэг* – сумка. Очень часто английское слово переделывается на русский лад: *траузера* – брюки, *герла* – девушка, *хайфы* – волосы, *пэренты* – родители, *бездник* – день рождения.

Меньше всего англицизмов в лексике наркотической тематики. Наркотики – тема, требующая зашифрованности в разговорах при посторонних слушателях. Кроме того, члены той или иной субкультурной группы проявляют массу изобретательности в создании новых названий наркотических веществ, понятных только им. Сленговые слова передают особое отношение к наркотической тематике.

Большое место в сленге субкультуры занимают названия одежды, обуви, внешнего вида, т. е. *прикида*, *прикидона*. Одеться – значит *прикинуться*; модно, шикарно одетый человек – *при-*

кинутый. Дополнением к одежде и обуви служат аксессуары, названий у которых не меньше: очки – *прицел*, *колеса*, *гляделки*, сумка – *сак*, украшения – *феньки*, а также прическа – *прича*, которую делают дома или в парикмахерской – *хайральне*.

Довольно большое место в жаргоне занимают названия людей с дифференциацией по полу или возрасту, по родственным отношениям, по профессии, по национальной и расовой принадлежности, по социальному статусу, по выражению дружественных отношений. Например: *брат* – используется как обращение к кому-либо; *бэби* – ребенок; *волосатый* – 1. (сущ.) хиппи; 2. (прил.) хипповый; *даун* – дурак: *назвал всех даунами*; *дерево* – тупой человек: *председатель жюри – дерево*; *драйвер* (от англ. driver) – водитель: *драйвер въехал в столб*; *кадр* – смешной или странный человек: *их солист – кадр на сцене*; *корёфан* – друг; *крутой* – лучший в чем-либо; *пиллы* – люди.

Существует большое количество слов и выражений, которые используются членами различных субкультур, т. е. эти слова не привязаны к какой-либо одной группе. Это такие слова, как *врунок* – радиотрансляционная точка; *выхлоп* – запах перегара, алкоголя изо рта; *вратарь* – вышибала в ресторане, баре; *мять харю* – спать; *закрыться на просушку* – полностью прекратить пить из-за сильной алкогольной интоксикации; *мыслить зеркально* – верно понимать что-либо; *капнуть на жало* – дать взятку; *до потери пульса* – интенсивно и долго; *подфарники* – очки; *приговор* – ресторанный счет; *клуба* – дура; *клиент* – простофиля; *демократизатор*, *гуманизатор* – милицейская дубинка.

В молодежном сленге высок процент слов с неопределенным значением. В словарях такие слова толкуются как «восклицание, выражающее удивление, восхищение, страх и т. д.». Практически такие слова могут означать все, что угодно. В субкультурном сленге очень часто используется, например, слово *ништяк*. Этимология этого слова до конца не ясна. Применяется *ништяк* в самом широком аспекте ситуаций: *ништяк* – 1. Все в порядке. 2. Неплохо. 3. Великолепно. 4. Ладно, договорились. Одно из контекстуальных значений можно продемонстрировать строками из песни музыканта по прозвищу Папа Леша: *Мой друг просто так Не любит напруг. И верит в Великий Ништяк*. Тут *ништяк* обозначает какую-то мировоззренческую категорию.

В последние десятилетия XX в. одним из основных источников пополнения молодежного жаргона стал «блатной язык», или воровское аргю. «В значительной степени это объясняется тем, что язык советской тюрьмы стал достоянием гласности: было снято табу на лагерно-тю-

ремные темы в литературе и кино, а это немедленно нашло отражение в прессе» [2]. Таким образом, в молодежном сленге появились такие слова: *бабки* – деньги; *мочить* – убивать; *мент*, *мусор* – милиционер; *вышка* – высшая мера наказания – расстрел; *стрелка* – встреча воров и т. п. В речевом обиходе молодых людей лексемы современного арго иногда получают переносное, более приближенное к повседневному быту толкование. Например: *кинуть* – не вернуть деньги; нарушить обещание; несправедливо обойтись с кем-либо на бытовом уровне; *навар* – прибыль; *подняться* – существенно улучшить свое положение, прежде всего в финансовом смысле и т. д. Воровское арго в своей речи используют чаще всего представители контркультуры, поскольку им необходимо показать свое неприятие культуры, ее ценностей и норм поведения, а также литературного языка.

Сленгизмы субкультуры очень интенсивно просачиваются в язык прессы. Обращение авторов к молодежному жаргону связано с установкой на молодежную субкультуру. Такой язык используется «как своего рода пароль, речевой сигнал принадлежности общающихся к одной и той же социальной или возрастной группе» [3].

В результате употребления большого количества жаргонизмов часть их переходит со временем в сферу общего употребления. Такие жаргонизмы все реже поясняются в газетных текстах, «...то, что не требуется их “перевод” на литературный язык, означает, что они, если еще и не вошли, то уже ворвались в речевой обиход образованного общества» [4].

Таким образом, сленг, используемый членами различных субкультур, – это особый материал, автоматически соединяющий «нормальные» понятия окружающей действительности и специальные условия, задаваемые одной из субкультурных рамок, т. е. создающие и одновременно использующие контекст.

Примечания

1. Гуревич, П. С. Субкультура [Текст] / П. С. Гуревич // Культурология. XX век: энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 236.

2. Ермакова, О. П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. Ок. 450 слов [Текст] / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина; под общ. рук. Р. И. Розины. М.: Азбуковник, 1999. 277 с.

3. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н. С. Валгина. М., 2001. С. 118.

4. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи [Текст] / В. Г. Костомаров. СПб., 1999. С. 83.

И. И. Чумак-Жунь

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСРЕДНИКИ КАК ФЕНОМЕН ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье речь идет о специфике поэтической коммуникации, для которой характерно особое звено – коммуникативный посредник. Определяются функции коммуникативного посредника. В качестве иллюстрации приводится анализ двух критических статей, посвященных поэтическому тексту.

The article is about poetical communication specificity that is characterized by special part – communicative negotiator. Communicative negotiator's functions are determined. Two critical articles devoted to poetical text analysis are cite as an illustration.

Специфика поэтической коммуникации обусловлена особенностями экспрессивно-эстетического сообщения, которому свойственны как предельная отвлечённость от конкретно-предметного мира, так и личностный характер языковой личности автора, то есть наличие в семантическом пространстве имплицитно или эксплицитно выраженных эмотивно-аксиологических интенций адресанта. Поэтому читатель, как правило, воспринимает лирический текст как нечто, лично к нему относящееся. Этим же обуславливаются особенности лирической коммуникации в целом, в частности, потребность в многократном перечитывании текста и запоминании наизусть. Восприятие текста при неоднократном чтении, разумеется, не может оставаться неизменным.

При первичном восприятии поэтического текста каналы коммуникации могут быть различными – чтение, восприятие на слух, одновременное чтение и восприятие на слух. В любом случае для первого чтения поэтического текста характерна «рефлексия в снятом виде», рефлексия без дискурсивности, рефлексия, при которой понимание актуально переживается как нечто, «возникающее сразу» [1], непосредственно, интуитивно. Только после этого следует второй этап декодирования поэтического текста, который состоит в «дискурсивно (опосредствованно, логически, понятийно) представленной рефлексии» [2], т. е. интерпретации эстетического объекта реципиентом. При многократном перечитывании поэтических текстов у реципиента нередко возникает необходимость в расширении «дискурсивной базы». В подобном случае он пополняет свои знания, обращаясь к метатекстам, которые содержат целостную законченную интерпретацию текста или другие интересующие реципиента сведения. Модель коммуникативного акта, которая включает шесть обязательных компонентов (ком-

муникатор, контекст, сообщение, контакт, код и реципиент), в подобном случае изменяется. В ходе восприятия поэтического текста возникает посредник коммуникации – автор метатекста, который выполняет несколько коммуникативных функций:

- функцию интерпретатора поэтического текста;
- функцию коммуникатора, осуществляющего связь между автором и читателем;
- функцию носителя когнитивной базы, сообщающего читателю необходимые ему дискурсивные сведения.

Как справедливо отмечает Ю. М. Лотман, «всякий исследовательский анализ, в конечном счете, строится на непосредственном читательском восприятии. Именно оно лежит в основе той интуиции, которая позволяет ученому не перебирать все логически возможные комбинации структурных элементов, а сразу выделять из них некоторый подлежащий дальнейшему рассмотрению минимум» [3]. Однако ученый обладает определенными знаниями, которые он излагает в своей интерпретации и которые делают его коммуникативным посредником при чтении поэтического текста.

Коммуникативный посредник – тоже читатель, который зафиксировал результаты своей дискурсивной рефлексии, то есть создал новый текст (метатекст) – один из вариантов целостной законченной интерпретации. Следует заметить, что читательское переживание и исследовательский анализ – это два принципиально различных вида деятельности. Читатель воспринимает все стороны произведения в их дискурсивно-когнитивном единстве. Именно на такое отношение читателя рассчитывает и автор. Однако «целостность произведения не может быть передана в исследовании при помощи той непосредственной нерасчлененности, которая остается и преимуществом, и недостатком читательского восприятия. Наука идет к её постижению через предварительный анализ и последующий синтез» [4].

Создавая интерпретирующий текст, исследователь расшифровывает «стоящие за текстом» дискурсивные элементы, как собственно лингвистические, так и экстралингвистические, причем в центре исследования могут оказаться любые составляющие текста как коммуникативного действия – автор, действительность, язык произведения, особенности контакта между поэтом и получателем. Образцом такой дешифровки (в виде соответствующих комментариев) является научный анализ поэтического текста, в котором важную роль играют те задачи, которые ставит перед собой конкретный исследователь.

В качестве иллюстрации подобного анализа сравним два известных исследования поэтичес-

кого текста – работы А. В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений» [5] и Е. А. Маймина «Философская поэзия Пушкина и Любомудров: (К различию художественных методов)» [6], в которых они анализируют один и тот же пушкинский шедевр, – стихотворение «Воспоминание». Эти работы дают представление обо всех элементах названного текста как коммуникативного действия – об авторе и адресате, о действительности, о языке произведения, об особенностях контакта между поэтом и получателем, но представлены эти компоненты в исследованиях по-разному. Названные работы можно считать образцом разнополюсных (собственно лингвистического и собственно литературоведческого) подходов к анализу стихотворения. Различие подходов и определяет расстановку акцентов, хотя оба ученых приводят в своей работе канонический текст пушкинского «Воспоминания». А. В. Щерба уже в названии подчеркивает безусловную и намеренную «лингвистичность» своего толкования, и в центре его исследования находится *язык (код)* стихотворения. Анализируя текст, ученый основное внимание уделяет рассмотрению лингвистических единиц разных уровней. Е. А. Маймин с позиций литературоведа определяет особенности художественного метода, который использует А. С. Пушкин в своем поэтическом творчестве (в частности, в философской лирике), и его исследование, напротив, сопровождается лишь небольшим лингвистическим комментарием, называющим «выразительные приметы» языка, который «*должен выразить не просто мысль, а мысль философскую, обобщенную*» [7].

В исследовании Е. А. Маймина центральное место занимает описание *действительности* (историко-литературно-культурной среды), на фоне которой было создано поэтическое произведение. Стихотворение анализируется в контексте пушкинской философской лирики и философской лирики исследуемой эпохи в целом (*проследить различия на сходном* – так определяет Е. А. Маймин свои намерения). А. В. Щерба демонстративно отказывается от исторических комментариев, но пишет в примечаниях: «*Не хотелось бы также, чтобы кто-нибудь подумал, будто я выступаю против историзма в литературе: я не представляю себе возможным полного объяснения текста вне исторической перспективы*», подчеркивая, что его работа – исключение, которое, в общем-то, подтверждает правило. А. В. Щерба занимает внутреннюю (по отношению к тексту) зрительскую позицию (позицию наблюдателя, принадлежащую самому изображаемому миру), а Е. А. Маймин – внешнюю, т. е. позицию зрителя, находящегося вне изображаемой действительности.

В соответствии с этими исследовательскими позициями *автор* также представлен в работах по-разному. Л. В. Щерба, пытаясь восстановить и расшифровать те интенции, которые вкладывал А. С. Пушкин в свое произведение, изображает *автора-деятеля* (активную языковую личность) в момент процесса создания стихотворения. Для работы Л. В. Щербы характерна следующая модель описания процесса: автор-деятель (А. С. Пушкин) → конкретная текстовая операция → результат (*Пушкин выносит определенное слово перед определяемым словом, чем и достигает единства представления и фразы...*). Следует заметить, что иногда результат описывается ученым в терминах эстетических (передается «настроение» пушкинского текста). Ср.: *...ритмизирование этой строфы по четырехстрочным куплетам <...> разрушило бы все очарование интимного душевного настроения, рисуемого Пушкиным. Такое ритмизирование гораздо более подошло бы во второй строфе, но очевидно и там казалось Пушкину чересчур грубым и меланхоличным.* Следует заметить, что подобный «психолингвистический подход» не всегда получал однозначную оценку. Так, Г. О. Винокур писал по поводу этой работы Л. В. Щербы: «Замечания по ритму в статье явно бледны и недостаточны: к тому же, замечания эти базируются на основаниях столь шатких, как “очарование интимного душевного настроения, рисуемого Пушкиным”» [8].

В работе Е. А. Маймина *автор* – *носитель идиостиля*, особенностями которого и обусловлены концептуально-содержательные свойства текста. В критическом исследовании активно используется модель описания: *Автор (идиостиль) – текст*. Ср.: *У Пушкина ночь является, она у него явление, а не понятие <...> У Пушкина всегда образ побеждает понятие.*

Своеобразие *канала связи (контакта)* в художественной речи заключается в том, что это контакт опосредованный и дистантный (характерный для неканонической ситуации общения). И Щерба, и Маймин оговаривают коммуникативные помехи, которые вызваны разрывом коммуникантов во времени, (Щерба – языковые особенности стихотворения, Маймин – литературные факты рассматриваемой эпохи). При этом Л. В. Щерба не пытается устранить коммуникативный «дискомфорт», возникший по ходу чтения стихотворения (в частности, не толкует значение незнакомых читателю слов), а объясняет его несовпадением хронотопа коммуникантов. И в других работах Л. В. Щербы отмечалось, что для отдаленных эпох приходится восстанавливать то «чувство нормы», естественное для современника, которое уже утрачено потомками, т. е. осознавать обоснованные отступления от разных видов норм

в художественной речи [9]. Употребление сочетания *стогны града* (*стогны просто даже непонятно, но и града вместо города не мотивировано*) объясняется тем, что *...для Пушкина это были все-таки в значительной мере живые слова, и во всяком случае он их чувствовал иначе, чем мы.* Подобным же образом он объясняет употребление слова *бденья* вместо *бдения*. Е. А. Маймин в своей работе объясняет использование этих слов стилистическими целями.

Восприятие текста. Своеобразие научного анализа текста заключается в том, что ученый, с одной стороны, выступает как адресат, а с другой – как «второй субъект» [10], воспроизводящий чужой текст и создающий обрамляющий текст [11].

В описании акта коммуникации Л. В. Щерба выступает как читатель-исследователь, не только пытающийся разгадать ход мысли субъекта (Пушкина) при создании текста, но и доказать читателю верность своих предположений. Разворачивается диалоговое взаимодействие: А. С. Пушкин – Я (Л. В. Щерба – читатель-лингвист) и читатель-нелингвист. В работе чрезвычайно высока роль интроспекции и ярко представлена языковая личность исследователя-филолога. Это сомневающийся тип, что подтверждают многочисленные слова, имеющие модальную окраску неуверенности (*бероятно, очевидно, как мне кажется, полагаю, по-видимому, может быть, мне представляется*). Вся работа проникнута духом исследовательского поиска. Л. В. Щерба последовательно описывает когнитивные процессы, которые происходят в его сознании при чтении стихотворения, в частности, связанные с толкованием содержания слов (*слова томительный, тоска, дума*), причем сами комментарии даются в форме предположения: *Почему самый глагол томить представляется, по крайней мере для меня, таким выразительным, мне неясно.* Он отделяет читателя-исследователя (себя) от читателя-неисследователя, предполагая, что последний не во всем может соглашаться с его точкой зрения. Е. А. Маймин употребляет обобщенно-научное мы, объединяя себя (или ставя в один ряд) с читателем.

Объектом описания в работе Л. В. Щербы является язык (код) текста, который толкуется в пределах горизонтальной линии коммуникативной цепи: автор → текст → контакт → адресат и включает подробное описание когнитивных процессов получателя. В исследовании Е. А. Маймина звенья контакт → адресат прорисованы схематично, формально, на передний план выступает действительность, в которой творит автор. Эта действительность включает литературную и «культурную» обстановку описываемого времени, межтекстовые связи стихотворения, экстралингвистические факторы. Представлены два не-

повторимых события текста, в каждом из которых описывается встреча двух сознаний: автора и получателя, при этом один и тот же поэтический текст оказывается перед читателем в различной дискурсивной проекции. Именно в результате подобного диалогического взаимодействия и рождаются поэтические смыслы.

Итак, в названных работах представлена универсальная форма коммуникации (поэтический текст) и варианты его интерпретаций. Исследование текста в данном случае – диалог автора текста и исследователя, «диалог особого вида: сложное взаимоотношение текста (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрошающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» [12].

Эти и подобные тексты-интерпретации создают метатекстуальный фон классического стихотворения, при обращении к которому читатели обогащаются новыми знаниями о неоднократно прочитанном поэтическом тексте.

Примечания

1. *Богин, Г. И.* Филологическая герменевтика [Текст] / Г. И. Богин. Калинин: КГУ, 1982. С. 79.
2. Там же.
3. *Лотман, Ю. М.* О поэтах и поэзии [Текст] / Ю. М. Лотман. СПб., 1996. С. 133.
4. Там же.
5. *Щерба, А. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание» Пушкина [Текст] / А. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.
6. *Маймин, Е. А.* Философская поэзия Пушкина и Любимов (К различию художественных методов) [Текст] / Е. А. Маймин // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. С. 98–117.
7. Там же.
8. *Винокур, Г. О.* Русская речь [Текст]: сб. ст. / Г. О. Винокур; под ред. А. В. Щербы. Сб. 1. Петроград, 1923. С. 203. Рецензия.
9. См. *Щерба, А. В.* Спорные вопросы русской грамматики [Текст] / А. В. Щерба // Русский язык в школе. 1939. № 1. С. 10.
10. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285.
11. Там же.
12. Там же.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье представлены результаты исследования лингвокогнитивного концепта «интеллектуальное взаимодействие». Рассматриваются особенности функционирования лексем со значением интеллектуального взаимодействия в прецедентных текстах педагогического дискурса научного, учебно-научного, художественного и разговорного стилей.

The article represents the results of the inquiry of lingua-cognitive concept “intellectual interaction”. The peculiarities of functioning of lexemes of intellectual interaction in educational discourse texts of scientific, educational – scientific, fiction and colloquial styles have been examined.

Выделившаяся в последнее время новая область научного знания – когнитивная лингвистика – характеризуется пристальным интересом к рассмотрению процессов категоризации и концептуализации знания в сознании человека, вербализации знания в языковых структурах, соотношению языковых и когнитивных структур и «занимается когницией в её языковом отражении» [1]. Когниция обозначает и сам познавательный процесс – процесс приобретения знаний, и результаты этого процесса – знания. На основе чувственного опыта и в результате предметно-познавательной деятельности у человека формируется концептуальная система – система знаний о мире. Знания упорядочиваются сознанием в виде концептов, совокупность которых представляет собой концептуальную модель мира. Большое влияние на процесс её формирования в сознании человека оказывает образование – область учебного и педагогического взаимодействия участников образовательного процесса, которое в современных условиях рассматривается как важнейший фактор становления и развития личности обучаемого.

Содержание концептуальной системы обучаемого в процессе образования усложняется за счёт знаний, полученных в результате экспериментально-познавательной и мыслительной деятельности, а также вербального / невербального общения, т. е. интеллектуального взаимодействия с преподавателями и другими обучаемыми. *Интеллектуальное взаимодействие* как особый тип межличностного или группового взаимодействия субъектов образовательного процесса является, таким образом, одним из важнейших факторов становления концептуальной системы обучаемого, его языковой личности.

Концепт «интеллектуальное взаимодействие» функционирует в педагогическом дискурсе (ПД), который представляет собой процесс речевого и неречевого взаимодействия педагога и обучаемого (процесс передачи, восприятия, переработки, усвоения и обмена знаниями) в ходе учебно-образовательной деятельности. Концепт фиксирует в сознании человека все особенности этого процесса, которые находят затем разнообразные способы языкового выражения. Межчастеречное семантическое поле, обладающее ядром и периферией, а также включающее лексико-семантические микрополя, репрезентирует рассматриваемый концепт в русском языке. Лексем со значением интеллектуального взаимодействия реализуют свои значения в лингвистическом и экстралингвистическом контексте.

Лингвистический контекст – это актуальное существование каждой единицы в виде зависимого элемента текстового фрагмента [2]. В лингвистическом контексте происходит избирательная актуализация семантических признаков значения. Актуализация той или иной семы в структуре значения обуславливает **актуальный смысл** слова в данном контексте. В конкретном контексте актуализироваться может любая сема из структуры значения, как ядерная, так и периферийная. Периферийные семы представляют собой реальные компоненты значения, могут служить основой образования переносных значений и составлять актуальный смысл слова.

Лингвистический контекст функционирования лексем со значением интеллектуального взаимодействия в педагогическом дискурсе представлен прецедентными текстами – учебно-методические пособия по педагогике, психологии, методике преподавания учебных предметов, книги для учителя, учебники, справочная учебная литература, хрестоматии, художественная литература. Это тексты следующих функциональных стилей: *научный, учебно-научный и художественный*.

Основной лексической составляющей **научного и учебно-научного стилей ПД** является терминологическая лексика, для которой характерно употребление в одном конкретном значении. В связи с однозначностью терминологической лексики в научном и учебно-научном контексте в основном происходит реализация ядерных сем терминов, не актуализированной остаётся вся периферийная часть семантики термина, например:

1) *В структуре обучения преподаванием называют процесс деятельности преподавателя (учителя), который может функционировать только в результате тесного взаимодействия с обучаемым как в непосредственной, так и опосредованной форме* [3].

2) *Следует вспомнить, что при обсуждении сочинения обращается внимание на его содержа-*

*ние (соответствие теме), последовательность изложения... [4]. **Актуальный смысл** – разбор, оценка, высказывание суждений по поводу чего-либо.*

Анализ научных педагогических текстов выявил тенденцию к расширению значения субстантивированного термина в результате слияния его основного значения со значением другой лексемы [5]:

1) *имён существительных, называющих место и форму ИВ, например: В Москве и других городах появились «школы-гибриды» с научно-исследовательскими институтами... **Актуальный смысл** – учреждения, объединившие учебно-воспитательные и научно-исследовательские функции; Так, на уроках-лекциях научные положения обычно иллюстрируются современными примерами из жизни, техники... **Актуальный смысл** – учебный час, посвящённый отдельному предмету, предполагающий устное изложение какой-нибудь темы и запись этого изложения;*

2) *имён существительных, называющих форму учебного материала, например: Заучивание текстов-образцов обогащает речь учащихся новыми словами и словосочетаниями, развивает их внимание к употреблению слов в авторских текстах... **Актуальный смысл** – законченная по содержанию и строению внутренне организованная последовательность отрезков письменного текста, которой нужно следовать;*

3) *имён прилагательных и причастий, характеризующих модели и методы обучения, форму организации учебной деятельности и учебного материала, например: В реальной школьной практике элементы программированного обучения носили ограниченное применение. **Актуальный смысл** – индивидуальное усвоение знаний по обучающей программе; Школьная лекция может применяться также при повторении пройденного материала. Такие лекции называются обзорными. **Актуальный смысл** – сжатое изложение учебной темы.*

Значение педагогического термина, дефинируемое с помощью метафорической лексики, получает дополнительный коннотативный признак, например: *Школа – это колыбель народа. Социальный заказ, данный народному образованию, однозначен: воспитать творческую, инициативную, самостоятельную личность, активно участвующую во всех общественных и государственных делах* [6]. **Актуальный смысл** – место рождения и воспитания личности.

В художественном стиле ПД слово выполняет номинативно-изобразительную функцию, поэтому в структуре значения лексемы может актуализироваться как ядерная, так и периферийные семы, например: *Она сидела передо мной аккуратная, вся умная и красивая...; к тому же она была учительницей не афишметки какой-нибудь,*

не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне (Распутин). Актуальный смысл: учительница – лицо женского рода, которое обучает чему-нибудь; учительница арифметики – обычность + актуализирована эмоционально-пренебрежительная сема, учительница французского языка – необычность, загадочность.

Характерной чертой художественного стиля является широкое использование метафорической лексики, в основе которой – сравнение, связанное с признаками, приписываемыми объекту сравнения сознанием автора. Приведём примеры актуализации переносных смыслов лексем:

• Но немногие были способны к училищным работам; большинству они давались трудно, и лишь розги заставляли заниматься (Помяловский). Актуальный смысл – учиться, заниматься.

• Из шестидесяти человек лишь десяток сумел, не приспособиваясь, не подделываясь под «своего парня», найти путь к сердцам испорченных шкетов. И этот десяток на своих плечах вынес на берег тяжелую шкидскую ладью, оснастил ее и отправил в далекое плавание – в широкое житейское море (Белых, Пантелеев). Актуальный смысл – профессионалы педагогического труда, обучившие и воспитавшие трудных детей, сформировавшие их личности, подготовившие их к жизни.

• Полно азбуке учиться, Букварём башку ломать! Не пора ли нам жениться, В печку книги побросать? (Помяловский). Актуальный смысл – трудность, ненужность учения.

• Бурсаки с жадностью посмотрели на пожираемый пирог. Так Лобов имел обычай завтракать во время класса, мешая пищу духовную с пищей телесной (Помяловский). Актуальный смысл – знания.

• Аборигены училища, насильно посаженные за книгу, образовали из себя товарищество, которое стало во враждебное отношение к начальству и завещало своим потомкам ненависть к нему (Помяловский). Актуальный смысл – учащиеся, оставшиеся на повторное обучение.

Под экстралингвистическим контекстом мы понимаем прагматическую ситуацию, в которой значения слов определяются через коммуникативную задачу речевого акта. Коммуникативная задача конкретного речевого акта определяет набор сем, подлежащих актуализации. «Актуализация семы есть коммуникативно обусловленное выделение семы в структуре значения, приводящее к восприятию её участниками акта общения как коммуникативно релевантной, входящей в актуальный смысл слова» [7]. Актуальный смысл слова в экстралингвистическом кон-

тексте – «совокупность коммуникативно релевантных сем в конкретном акте речи» [8].

В коммуникативных актах весь состав сем данной семемы полностью одновременно не реализуется, так как практически никогда не бывает необходимости говорить о всех признаках денотата сразу. В конкретном речевом контексте одни семы из состава семемы входят в актуальный смысл слова, актуализируются, другие могут не выдвигаться для специального осмысления. Актуализироваться может любая сема из структуры значения, как ядерная, так и периферийная. Периферийные семы представляют собой реальные компоненты значения, могут служить основой образования переносных значений, могут актуализироваться в речи и составлять актуальный смысл слова, оказываясь коммуникативно релевантными для говорящих [9].

Лексемы со значением интеллектуального взаимодействия функционируют также в прецедентных текстах ПД разговорного стиля (экстралингвистический контекст). Разговорный стиль ПД предполагает употребление лексем в конкретном речевом акте, в котором возможна актуализация как ядерных, так и периферийных сем лексем.

1) Актуализация ядерных сем: Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца (Распутин). Актуальный смысл – лицо женского рода, которое обучает чему-нибудь; – Положите ему под нос книгу. Положили. – Учи! – Не могу! хоть образ со стены снять, не могу. – Сейчас же и учи! (Помяловский). Актуальный смысл – заставлять усваивать.

2) Актуализация периферийных сем:

• Как ты можешь кричать на детей? А ещё учитель! [10]. Актуальный смысл – чуткий, добрый;

• – Хочу, чтобы дочь вышла замуж за интеллигентного человека. – А чем не устраивает тебя Володя? Он учитель [11]. Актуальный смысл – интеллигент;

• Приехала к нам в деревню новая учительница. Марья Семёновна. А у нас и старый учитель был – Алексей Степанович (Коваль). Актуальный смысл – давний, существующий с давнего времени;

• – Как же я с вами буду играть?

– А что такое?

– Вы же учительница!

– Ну и что? Учительница – так другой человек, что ли? (Распутин). Актуальный смысл – серьёзный человек;

• А вот Саша Быков – загадка для многих однокашников. Спокойно мог бы остаться в Омске, не морочить себе голову подготовкой к урокам, планами, а главное, воспитанием подрастающего поколения. Но Александр сказал твердо: – Хочу быть учителем. Кто-то же дол-

жен это делать! Актуальный смысл – важность, но не престижность профессии.

Разговорный стиль ПД представляют лексемы, отражающие ситуацию обучения, учения в ученическом и студенческом жаргоне. Это лексемы и фразеологические сочетания, в значениях которых содержатся эмоционально-оценочные семы, указывающие на отношение учащихся к процессу обучения. Жаргонизмы часто представляют собой реализацию переносного смысла лексемы и используются для той или иной характеристики ситуации. При этом актуализируются диктуемые коммуникативной задачей компоненты значения, например [12]:

• *Эй, эйштейн, сколько будет дважды два?*

Актуальный смысл – умный ученик.

• *Толянчик весь урок парил, забыл, наверно, что он не у себя на кафедре.* Актуальный смысл – объяснять новый материал.

• *Есть такие (об учителе), что грузить любят, а другие только опросы устраивают.* Актуальный смысл – объяснять материал.

• *Вчера пришлось весь вечер букварь терзать.* Актуальный смысл – усердно учить уроки. Актуализирована коннотативная сема «шутливо-ироничное».

• *Да уж десятый год канитель тяну, могу прикинуть, что к чему.* Актуальный смысл – успешно учиться в школе. Актуализирована коннотативная сема «шутливо-ироничное».

• *Вот мужик ботанеет – всего Пушкина прочитал.* Актуальный смысл – прилежно учить уроки, зубрить.

• *Ботать, ботать и ещё раз ботать, как вещал нам дедушка Ленин.* Актуальный смысл – прилежно учить уроки, зубрить. Актуализирована коннотативная сема «шутливое».

• *Ну что, зацепился? Давай скорее, нас уже ждут.* Актуальный смысл – выучить уроки. Актуализирована коннотативная сема «шутливое».

Примечания

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002.

2. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика [Текст] / Г. В. Колшанский. М.: Наука, 1980.

3. Педагогика [Текст] / под ред. П. И. Пидкасистого. М.: Пед. общество России, 2004.

4. Рамазаева, Т. Г. Русский язык. 4 кл. [Текст]: кн. для учителя / Т. Г. Рамазаева. М.: Дрофа, 2002.

5. Педагогика.

6. Там же.

7. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин. Воронеж: ВГУ, 1985.

8. Там же.

9. Попова, З. Д. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приёмы изучения [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 1984.

10. Попова, З. Д. Общее языкознание [Текст]: учебное пособие / З. Д. Попова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984.

11. Там же.

12. Вальтер, Х. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.

А. В. Перцева

РЕЧЕВЫЕ НЕПРАВИЛЬНОСТИ КАК ОШИБКА И КАК РЕЧЕВОЙ ПРИЁМ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

Статья посвящена проблеме речевых неправильностей в современных газетных текстах. Опираясь на теорию коммуникативных качеств речи (Б. Н. Головин), автор статьи анализирует нарушения речевой правильности в современных СМИ на разных уровнях языка, различает ненамеренные (спонтанные, неосознанные) неправильности речи и намеренные неправильности, являющиеся своеобразной речевой игрой.

This article is about problem of speech irregularities in modern newspaper texts. Based on theory of communicative speech characteristics (B. N. Golowin) the author analysis cases of speech regularity breach in modern mass media at different language levels, makes difference between unintentional (unconscious) and intentional speech irregularities which present an original speech play.

В настоящее время наблюдается снижение общего уровня речевой культуры. Особенно остро проблема качества речи стоит в СМИ, мгновенно реагирующих на изменения в языке и отражающих тем самым реальную языковую ситуацию.

Сегодня речь СМИ уже не всегда является примером хорошей речи. Неправильную речь мы слышим с экранов телевизоров, встречаем на страницах печатных изданий. При этом ошибки достаточно часты, а значит, списывать их только на небрежность и малограмотность авторов речи было бы неверно.

Снижение уровня речевой культуры в СМИ уже является предметом изучения многих исследователей, которые, анализируя речь современных массмедиа, называют различные причины падения культуры речи в СМИ.

Одна из причин – раздвижение рамок публичной речи. В последние десятилетия к ней приобщаются новые социальные слои, среди которых много людей, не владеющих в полной мере нормами литературного языка. Это приводит к сильнейшему влиянию жаргонной и простореч-

ной языковой среды на русский литературный язык, что незамедлительно восприняли СМИ. По наблюдениям Л. П. Крысина, «в современных условиях тюремно-лагерный жаргон находит себе новую среду обитания (им пользуются, например, бизнесмены, журналисты, политики)» [1].

Другой причиной снижения культурно-речевого уровня СМИ (главнейшей, на мой взгляд) можно считать исчезновение жёсткой цензуры и серьёзной редактур. В результате современная публицистика приобрела такое свойство, как «карнавальное пренебрежение нормой», появившееся вследствие «изменения языкового вкуса масс и чутья языка» [2]. Кроме того, изменились ценностные речевые установки у самих журналистов. И «такая функция газеты, как ценностно-ориентационная, сегодня переживает процесс аберрации (отклонения от нормы)» [3]. В советское время особое внимание уделялось правильности речи в СМИ, грамотности информационного текста, речь теле- и радиоведущих считалась образцовой, являлась эталонной.

Сегодня мы можем отметить такое свойство современной публицистики, как преобладание речевой моды над правильностью речи, стремление говорить с аудиторией на «её языке», несмотря на то что этот «язык» зачастую не соответствует нормам русского литературного языка.

Низкий уровень языковой подготовки журналистов также следует считать причиной падения культуры речи в СМИ. Журналист является автором речи, которую воспринимают (слушают, читают) миллионы других людей. И если журналист малограмотен, не владеет навыками устной и письменной речи, если у него не сформированы речевые вкусы, это моментально «высвечивается» в его речи. Поэтому ответственность журналистов за грамотность и уровень речевой культуры человека очень велика.

Снижение культурно-речевого уровня СМИ естественным образом отражается на состоянии русского языка, поэтому особенно остро встаёт вопрос о формировании информационно-языковой культуры, о сохранении культуры речи в СМИ.

В данной статье на основе разработанной типологии рассматриваются речевые неправильности в текстах современных газетных изданий, а также функциональные следствия этих неправильностей. В качестве исследовательского материала используются тексты статей таких печатных изданий, как «Нижегородский рабочий», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и ряда других. В общей сложности было проанализировано 500 речевых неправильностей.

Язык газеты уже давно привлекает внимание лингвистов. О его особенностях писали Г. О. Винокур, В. Г. Костомаров, М. Н. Кожина, М. Н. Володина и многие другие.

Исследователи выделяют две базовые функции газеты:

- 1) информативная;
- 2) функция воздействия.

«Газетный текст обязан быть на каждом своём отрезке и воздействующим, и информативным, постоянно совмещать (хотя отчасти по-разному в разных жанрах) оба эти качества в органической цепи» [4], считает В. Г. Костомаров. «Последовательное чередование экспрессии и стандарта» он называет основным свойством газетного языка, «которое обеспечивает надежное донесение до читателя содержательно-информационной стороны» [5]. Эту мысль поддерживает и М. Н. Кожина, по мнению которой «специфика газетной речи заключается, прежде всего, именно в особой и намеренной её выразительности, экспрессивности высказывания. Но эта черта выступает не изолированно, а в совокупности со стандартом» [6].

Исследователи указывают и на ещё одну важную особенность языка газеты, да и вообще всех СМИ: информируя человека о состоянии мира, воздействуя на умы и чувства людей, СМИ оказывают огромное влияние на уровень речевой культуры человека, на его грамотность (в широком смысле – это владение навыками устной и письменной речи в соответствии с нормами литературного языка и стилистическими нормами и др. [7]). «Язык газеты – пожалуй, одно из наиболее мощных орудий воспитания речевой культуры» [8], считает К. С. Горбачевич, но лишь при условии, что этот язык обладает нужными качествами.

Б. Н. Головин выделяет три значения термина «речевая культура», или «культура речи»:

- 1) «культура речи – это совокупность и система её коммуникативных качеств;
- 2) культура речи – это учение о совокупности и системе коммуникативных качеств речи;
- 3) культура речи – это совокупность знаний и навыков человека, обеспечивающих целесообразное и незатруднённое применение языка в целях общения» [9].

В узком смысле культуру речи неправомерно сводят к её правильности. При более широком понимании культуры речи «правильность рассматривается как важнейшее, но не единственное свойство хорошей речи, а значит, культура речи не сводится лишь к соблюдению литературных норм (правильности)» [10], отмечает Г. М. Грехнёва.

Воспринимая речь, мы оцениваем её свойства – правильность, точность, выразительность и др. – и то, насколько созданная говорящим речевая структура соответствует целям, задачам и условиям общения. Если это соответствие есть, мы говорим о хорошей, коммуникативно совершенной речи, то есть в плане самого объекта культура речи – это «совокупность и система её коммуникативных

качеств» [11]. Б. Н. Головин понимает коммуникативные качества речи как «реальные свойства ее содержательной и формальной стороны. Именно система этих свойств определяет степень коммуникативного совершенства речи» [12].

Г. М. Грехнёва, определяя коммуникативные качества речи как «объективно существующие свойства, признаки речи, определяющие степень её коммуникативного совершенства» [13], подчёркивает, что «коммуникативные качества – это не любые признаки речи, но лишь те из них, которые характеризуют её именно как средство общения, определяют то, как речь выполняет свои функции» [14].

Реальное своеобразие речевых структур, осознаваемое как своеобразие функционально-стилевое (принадлежность к одному из стилей языка и речи) создаётся разной активностью коммуникативных качеств речи. В каждом функциональном стиле – своя иерархия коммуникативных качеств. В публицистическом стиле важнейшими коммуникативными качествами являются точность, логичность и выразительность, что обусловлено функциями газеты: информативной и функцией воздействия.

«Точность – это такое коммуникативное качество речи, которое возникает как соответствие смысловой стороны речи (плана содержания) предметно-вещной действительности и/или системе выражаемых понятий и проявляется в использовании слов в полном соответствии с их языковыми значениями» [15], т. е. условием создания точной речи является применение слова в соответствии с его языковым значением.

Логичность связана с синтаксической организацией как высказывания, так и текста. «Для достижения логичности следует добиться смысловой непротиворечивости частей в одном высказывании и такой же непротиворечивости высказываний в целом тексте» [16].

«Выразительностью речи называются такие особенности её структуры, которые поддерживают внимание и интерес слушателя или читателя; соответственно речь, обладающая такими особенностями, и будет называться выразительной» [17].

Если в речи взаимодействуют эти коммуникативные качества, газетные тексты будут в полной мере воздействовать на читателя (действенность речи) [18].

Структурной предпосылкой точности и логичности как двух важнейших качеств содержательной стороны текста является соответственно правильность лексическая и синтаксическая. Правильность речи – это «соответствие её структуры нормам литературного языка и его системе» [19].

Термин «норма» по-разному определяется исследователями. Настоящая статья опирается на определение нормы, данное Г. М. Грехнёвой:

«Норма – это складывающийся в языке в определённый период его развития механизм социальной оценки и выбора вариантных средств речевого выражения, отвечающий социальным потребностям коллектива в едином средстве общения» [20].

Норма регулирует выбор вариантных средств выражения. Один вариант будет соответствовать норме, а другие, не соответствующие норме, должны остаться нереализованными. Однако некоторые из отвергнутых вариантов языковых единиц могут быть использованы индивидами – так происходит нарушение правильности.

Объектом анализа в данной работе стали четыре типа ошибок: лексические, лексико-фразеологические, синтаксические и лексико-синтаксические, как наиболее частотные.

Нарушения правильности речи

Лексические неправильности

1. **Употребление слова, неточно обозначающего предмет речи** – распространённый случай речевых лексических ошибок. Такие ошибки не всегда легко заметить в речи. Подобное неоптимальное словоупотребление может и не исказить заметно выражаемой мысли, но обязательно делает мысль нечёткой, нестройной, неточной.

Необычный сад на лоджиях нижегородки Стефании Мариановны Пилярской напоминает одновременно чертоги колдуна Черномора, келью стационного смотрителя, имение семейства Ларинных из «Евгения Онегина» и многие другие места, где бывали пушкинские герои (Нижегородский рабочий. 2004. 30 апр.).

Неверно употреблено слово *бывали*. «Бывать» значит «быть часто или иногда» [21]. Нельзя сказать, что пушкинские герои «иногда или часто» останавливались в этих местах, они здесь *жили*. Неоптимальное словоупотребление в данном примере приводит к неточности авторской мысли.

2. Одной из распространённых лексических ошибок в газетных текстах является **смещение паронимов**.

Поговаривают, что в одном из секретных НИИ существует проект под кодовым названием «Новый век». Все сведения о нём категорически отвергаются (Комсомольская правда. 2005. 22 июля).

Ср. «отвергать – не принимать, отказывать в принятии чего-н. Отвергать чью-н. помощь, отвергать проект». «Опровергать – доказывать ложность, ошибочность чего-н. Опровергать обвинение, опровергать слухи».

3. Наблюдаются нарушения лексической правильности речи в результате **неудачного выбора синонима** из синонимического ряда.

Около дома караулят Киркорова и детишки из школы № 413, где когда-то учился сам Филипп.

Правда, учителя немного обижены на своего подопечного, который ни разу со дня выпускного вечера не приходил в альма-матер (Комсомольская правда. 2005. 9–26 мая).

Слово *альма-матер* имеет значение «университет, институт, в котором учился» и поэтому не может употребляться в качестве синонима слова *школа*.

4. Знание и чёткое разграничение полисемии – одно из условий создания правильной, точной речи.

В этом году праздник [день рождения Бабы-Яги. – Прим. авт.] справлялся впервые. Помянуть Бабу-Ягу в Кукобой приехала делегация областных чиновников во главе с губернатором (Нижегородский рабочий. 2005. 7 июля).

Глагол «помянуть» многозначный. При использовании его в словосочетании «помянуть Бабу-Ягу» возникает возможность двоякого толкования фразы: справить поминки по Бабе-Яге или вспомнить о Бабе-Яге. Слово *помянуть кого-либо* в значении «вспомнить о ком-либо» очень далеко от значения «помянуть – справить поминки». И всё-таки вряд ли стоит употреблять слово *помянуть* в значении «вспомнить». Невнимание к полисемии слова привело к незапланированному комизму.

Лексико-фразеологические неправильности

1. В газете в качестве средства создания выразительности используются фразеологизмы. Но нередко выбор фразеологизма неудачен по стилю, а иногда и неверен по смыслу.

Приложить руку к восстановлению в первоизданном виде знаменитого архитектурного памятника России – московского Манежа, сгоревшего в марте этого года, – доверили нижегородцам (Нижегородский рабочий. 2004. 29 июля).

В этом примере несколько ошибок.

Во-первых, выражение «приложить руку к восстановлению памятника» стилистически неудачно, поскольку фразеологизм «приложить руку» имеет негативную оценочную окраску («приложить руку к чему-л. – сделать что-л. неблагоприятное, вредное, принять участие в каком-либо нехорошем деле» [22]). В данном случае употребление такого фразеологизма неуместно (речь идёт о восстановлении памятника).

Во-вторых, словосочетание «восстановление в первоизданном виде» – плеоназм (речевая избыточность), что нарушает требование логичности.

Синтаксические неправильности

1. В газетной речи часто встречаются нарушения лексико-семантической и стилистической синтагматики (сочетаемости слов).

В прошедшие выходные один из членов экипажа батискафа «Приз», заместитель главного конструктора ЦКБ «Лазурит» Геннадий Бо-

лонин наконец-то оказался дома. Вернувшись из Москвы, он сразу проехал на дачу к зятю – расслабить нервы, попариться в бане, поест шашлычков, поиграть с внучками в футбол (Комсомольская правда. 2005. 30 авг.).

Неудачное сочетание слов «расслабить нервы» ведёт к смысловой неточности. Расслабить можно тело, мышцы, а нервы – успокоить. В данном случае автору следовало использовать глагол «расслабиться».

2. Распространённая ошибка на синтаксическом уровне – нарушение норм управления. Причём чаще всего в газетных текстах встречаются ошибки, связанные с нарушением сильного управления.

Недавно министр экономики Герман Греф отчитался президенту: доходы населения неуклонно растут (Комсомольская правда. 2005. 26 июля).

Автор необоснованно произвёл замену предложного управления падежным: вместо «отчитался президенту» необходимо написать «отчитался перед президентом».

3. Неверное построение предложения является одной из распространённых синтаксических ошибок в газетных текстах.

Конец любого года – это время подведения итогов, определения сильнейших и вручения почётных призов. И хотя в футболе сейчас межсезонье, то в виде спорта номер один – самый разгар определения лауреатов (Нижегородский рабочий. 2004. 6 янв.).

В этом примере несколько ошибок.

Во-первых, автор использует уступительную синтаксическую конструкцию (*хотя...*), которая не подходит по смыслу.

Во-вторых, автор искажает саму уступительную конструкцию, неправомерно включая в неё коррелят *то*.

В-третьих, между первым и вторым предложением уступительных отношений нет: *Конец любого года – это время подведения итогов, определения сильнейших и вручения почётных призов. В футболе сейчас тоже самый разгар определения лауреатов*.

Невнимание автора к построению предложения приводит к алогичности высказывания.

4. Неправильное образование ряда однородных членов также служит одной из причин возникновения алогизмов в газетных текстах. Нарушение логических связей между словами, не замеченное автором неправильное сопоставление элементов предложения приводит к незапланированному комизму.

У выпускников средних общеобразовательных учреждений и абитуриентов есть реальный шанс стать студентом университета. Причём не сдавая привычных экзаменов (Нижегородский рабочий. 2004. 13 янв.).

Неправильно образован ряд однородных членов: «у выпускников и абитуриентов». Слова *выпускник* и *абитуриент* пересекаются в значениях: абитуриент – 1. выпускник средней школы, 2. человек, поступающий в высшее или специальное учебное заведение.

5. Распространённый вид алогизма в газетной речи – **сопоставление несопоставимого**.

Девятое мая будет холоднее, чем первое, причём в некоторых районах области синоптики обещают дожди и даже грозы. Небольшие потепления будут чередоваться с пасмурными днями (Нижегородский рабочий. 2003. 6 мая).

В данном случае слово, обозначающее процесс, сопоставляется со словосочетанием с предметным значением.

6. Типичной речевой логической ошибкой в газетных текстах является **неправильное соединение рядом стоящих предложений**. Это приводит к невыраженности переходов от одной мысли к другой. Пишущий пропускает некоторые звенья в развитии мысли, точнее, не материализует их в речевой форме. Это может привести и к прямому комизму.

И вообще, не хочется пугать читателей, но это факт: любая передозировка лекарствами грозит летальным исходом. Нередки случаи отравления крысиным ядом (Нижегородский рабочий. 2005. 25 авг.).

За ходом мысли автора уследить довольно трудно. Логически не мотивирован переход от одной самостоятельной мысли (опасность передозировки лекарств) к другой (информация об отравлении крысиным ядом), в результате речь не логична и даже комична.

Лексико-синтаксические неправильности

1. Нарушение требований строгой логичности изложения в газетном тексте и **плеоназмы**.

Мужчина, приехавший навестить свою родственницу в село Дивеев Усад, обнаружил, что 89-летняя бабушка погибла. И не своей смертью (Нижегородский рабочий. 2004. 17 июля).

«Погибнуть» означает «умереть от катастрофы, стихийного бедствия, насилия», т. е. не своей смертью. Значение глагола «погибнуть» уже включает в себя значение выражения «не своей смертью». Выражение «не своей смертью» не несёт никакой дополнительной информации.

Функциональным следствием лексической неправильности является неточность речи. Условием точности является соответствие словесных знаков их внеязыковым денотатам. Чтобы такое соответствие установилось, говорящему необходимо знание предметной действительности, системы словесных значений, знание слов. Вот почему точность связывают с соблюдением норм словоупотребления, т. е. с применением слова в

соответствии с его языковым значением. По существу, это правильность на лексическом уровне. Значит, лексическая правильность (структурное качество) становится базой точности – качества функционального.

Функциональное следствие неправильной синтаксической организации словосочетания, предложения и текста – нарушение логичности речи. Чтобы речь была логичной, необходимо владение логикой рассуждения – это условие экстралингвистическое; а знание языковых средств, способствующих организации смысловой связности и непротиворечивости элементов речевой структуры, есть собственно языковое, то есть структурное условие. Следовательно, структурной базой для логичности оказывается, в первую очередь, правильность синтаксическая.

Но нарушение правильности речи может быть и намеренным. Намеренная неправильность – одно из средств создания выразительности речи.

Важнейшим стилистическим приёмом создания выразительности речи является использование фигур и тропов, создаваемых на основе намеренного нарушения правильности. «Фигуры – это отступления от нейтрального способа изложения с целью эмоционального и эстетического воздействия» [23]. «Троп – это любая языковая единица, имеющая смещённое значение, т. е. второй план, просвечивающий за буквальным значением» [24].

Тропы и фигуры не только украшают текст, но и помогают осмыслить действительность, структурируя её и смещая привычные акценты.

Но для того чтобы такой речевой приём работал, играл, в газетном тексте не должно быть ненамеренных, случайных нарушений речевой правильности.

Намеренные нарушения правильности можно поделить на следующие типы.

Намеренные нарушения правильности речи

Намеренные лексические неправильности

1. Намеренное расширение или сужение лексической синтагматики

Трамваи будут изгнаны из города. С проспекта Ленина хотят убрать трамвайные пути (Нижегородский рабочий. 2004. 30 янв.).

Автор намеренно расширяет лексическую синтагматику слова *изгнаны*. Возникает метафора – *трамваи изгнаны*. Наше сознание, уловив необычность соединения понятий «трамваи» и «изгнаны», ищет сразу же более привычный предмет – «люди», «поэты». Трамваи сравниваются с людьми. Такое скрытое сравнение привлекает внимание читателя.

2. Выбор нелитературного слова

Косово косит от Сербии (Аргументы и факты. 2008. 20–26 февр.) – заголовок статьи об

обстановке на Балканах, после того как Косово объявило себя независимым от Сербии.

«Косить от чего-либо» в значении «уклоняться» [25] – жаргонизм, т. е. факт нелитературной речи. Похожее звучание первых двух слов заголовка создаёт ироническую выразительность высказывания.

Вот ещё пример:

С точки зрения самурайской чести, все демократы 90-х оказались хреновыми камикадзе. Демократию не спасли, а сами живы остались (Аргументы и факты. 2008. 9–15 янв.).

«Хреновый» – жаргонное слово, означающее «плохой, дурной, испорченный» [26]. Именно оно позволяет автору передать свое крайне негативное отношение к таким демократам.

3. Намеренная неправильная синонимия

В манеж вернулись «хвостатые» спортсмены (Нижегородский рабочий. 2004. 16 янв.) – заголовок статьи о лошадях-спортсменах конно-спортивной школы Автозаводского района г. Н. Новгорода.

Подобранный автором синоним для слова «лошади-спортсмены» не случаен. Словосочетание «хвостатые» спортсмены создаёт иронию в тексте.

4. Игра полисемией слова

Дороги, которые нас добивают, или как заставить наши дорожные службы перестать кивать на скверный климат и соблюдать элементарные требования технологии (Аргументы и факты. 2008. 9–15 янв.).

Используя глагол «добивают», автор передаёт сразу два смысла: 1) дороги, которые из-за своего плохого состояния разбивают нашу машину, и 2) дороги, которые вызывают наше раздражение, причиняют нам неприятности.

Намеренные лексико-фразеологические неправильности

1. Образование фразеологического неологизма

По ком плачет шапка Мономаха (Аргументы и факты. 2008. 9–15 янв.).

Речевая интеграция двух устойчивых выражений «по нему (палка, верёвка, петля, тюрьма) плачет» и «по ком звонит колокол» [27] удачно создаёт иронический план.

2. Употребление фразеологизма в не собственном ему контексте

Тополя на Варварке дали дуба (Нижегородский рабочий. 2004. 21 окт.) – заголовок статьи о спиле старых деревьев на ул. Варварской г. Н. Новгорода.

Дуба дать (простореч.) – то же, что и умереть. Обычно это выражение употребляется по отношению к людям. Автор намеренно, сознательно использует это выражение в сочетании со словом «тополя», входящие в состав фразеоло-

логизма элементы позволяют автору обыграть такое простое событие, как спил старых деревьев, создать шутовское олицетворение.

Намеренные синтаксические неправильности

1. Наиболее распространённой намеренной синтаксической неправильностью является **неправильное образование ряда однородных членов**

Элиты оставшихся автономных округов – Ненецкого, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Чукотского (первые три богаты нефтью и газом, а четвёртый – Р. Абрамовичем) – обладают достаточным административным и финансовым весом, чтобы погубить подобные проекты на корню (Аргументы и факты. 2008. 9–15 янв.).

Автор иронизирует, намеренно создавая однородный ряд из слов, выражающих неряшливые понятия: нефть, газ и Абрамович.

2. **Неверное построение предложения** также может быть речевым приёмом.

Снег засыпал Кузнециху до середины окон. В центре буксуют машины, а в частном секторе – пенсионеры (Нижегородский рабочий. 2005. 19 февр.).

Автор речи намеренно сравнивает машины и пенсионеров. Расширяя сочетаемость слова «буксовать», он создаёт новый вариант сочетаемости этого слова «пенсионеры буксуют» и таким образом обращает наше внимание не только на высоту и глубину сугробов, но и намекает на нечищенные тротуары, дорожки во дворах и на то, как трудно пожилым людям преодолевать такие снежные препятствия.

Итак, нарушение лексической, лексико-фразеологической, лексико-синтаксической и синтаксической правильности речи либо вызывает искажение смысловой стороны речи, либо является средством создания выразительности текста. Совершенно очевидно, что главное условие для создания выразительности на базе речевых неправильностей – отсутствие ненамеренных (спонтанных, неосознанных) речевых ошибок в данном тексте.

В результате анализа конкретного материала были выявлены наиболее типичные для газеты нарушения правильности речи. Среди них преобладают синтаксические неправильности.

Ненамеренные нарушения синтаксической правильности происходят, в основном, вследствие неверного соединения рядом стоящих предложений и нарушения норм управления. На лексическом уровне чаще всего происходит неоптимальное словоупотребление.

Самый распространённый тип намеренной неправильности на лексическом уровне – игра полисемией слова, на синтаксическом – неправильное образование ряда однородных членов.

Ненамеренные нарушения правильности в газетных публикациях отвлекают внимание адресата от содержания сказанного, вызывают с его стороны незапланированное отношение к читаемому, снижают образ автора речи. В результате нарушается такое функциональное качество речи, как действенность, а газета не выполняет важнейшую функцию – функцию воздействия на читателя.

Намеренные неправильности используются в газетных публикациях как речевой приём, создающий выразительность текста, в этом случае неправильности поддерживают внимание и интерес читателя к содержанию высказывания.

Проведённый в работе анализ речевого материала убедительно доказывает теоретическое положение о системном взаимодействии коммуникативных качеств речи.

Примечания

1. Крысин, А. П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс] / А. П. Крысин. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>.

2. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа [Текст] / В. Г. Костомаров. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. (Язык и время; Вып. 1). С. 11.

3. Савинова, О. Н. Роль средств массовой информации в толерантности общества [Текст] / О. Н. Савинова // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России: м-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. РОП-РЯЛ (23–25 мая 2002 г.) г. Нижний Новгород / Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, [отв. ред. А. И. Ручина]. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. госун-та, 2002. С. 210.

4. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики [Текст] / В. Г. Костомаров. Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 91.

5. Там же. С. 104.

6. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка [Текст]: учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / М. Н. Кожина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1993. С. 197.

7. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 335.

8. Горбачевич, К. С. Язык газеты и общелитературная норма [Текст] / К. С. Горбачевич // Проблемы журналистики: сб. ст. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1973. Вып. 2: Язык и стиль публицистики. С. 61.

9. Головин, Б. Н. Основы культуры речи [Текст]: учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Б. Н. Головин. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1988. С. 6–7.

10. Грехнёва, Г. М. Основы культуры речи и стилистики [Текст]: метод. указания для студентов-заочников филол. ф-тов гос. ун-тов / Г. М. Грехнёва. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 10.

11. Головин, Б. Н. Указ. соч. С. 9.

12. Там же. С. 125.

13. Грехнёва, Г. М. Указ. соч. С. 21.

14. Там же. С. 21–22.

15. Головин, Б. Н. Указ. соч. С. 131.

16. Там же. С. 144.

17. Там же. С. 182.

18. Подробнее о действенности речи см.: Головин, Б. Н. Указ. соч. С. 28–30.

19. Грехнёва, Г. М. Указ. соч. С. 24.

20. Там же. С. 20–21.

21. Формулировки лексического значения и примеры употребления слова, а также сведения о сочетаемости слова и описание связанных с ним фразеологических выражений здесь и далее (за исключением слов и выражений со ссылками 22, 25 и 26) даются на основе словаря: Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская Академия Наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1993. С. 63, 480, 469, 20, 577, 685, 422, 497, 13, 588–589, 508, 546, 130, 171, 536, 183.

22. Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Текст]: более 35000 фразеол. единиц: в 2 т. Т. 2: (П-Я) / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 275.

23. Культура русской речи [Текст]: учебник для студентов вузов / [С. И. Виноградов и др.]; Ун-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. А. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М.: Норма, 2005. С. 264.

24. Там же. С. 269.

25. Грачев, М. А. Словарь современного молодёжного жаргона [Текст]: более 6000 жаргонизмов / М. А. Грачев. М.: Эксмо, 2006. С. 268.

26. Елистратов, В. С. Толковый словарь русского сленга [Текст]: св. 12000 слов и выражений, арго-кинемалогос, жаргоны / В. С. Елистратов. М.: АСТ-Пресс: АСТ-Пресс Книга, 2005. С. 451.

27. Данный фразеологизм, по-видимому, возник по заглавию романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» (1940). Источник названия романа – цитата из Джона Донна: «Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе» («Духовные стихотворения», 1624 г.). См.: Душенко, К. В. Словарь современных цитат [Текст]: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка / К. В. Душенко. 4-е изд., испр. и доп. М.: ЭКСМО, 2006. С. 503.

Е. Н. Матвеева

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТНЫХ
И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ
В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ
ПОЛЕ ФЛОРИСТИКИ
В ПОЭЗИИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА**

Данная статья представляет собой фрагмент диссертационного исследования, посвященного системному изучению эстетической функции слова в поэзии. Особенности семантики ядерных единиц функционально-семантического поля флористики в лирике Игоря Северянина рассматриваются с точки зрения художественной коммуникации.

This article presents a fragment of the dissertation research devoted to systematic studying of communicatively conditioned aesthetic function of the word in poetry. The semantic peculiarities of the nuclear units in the functional-semantic field of floristic in Igor Severyanin's lyrics is considered from the point of view of art communication.

Эстетически значимые единицы в их взаимодействии составляют денотативную структуру художественного текста. Однако, поскольку эстетическое значение текстовых знаков неодинаково и отличается от предметного, эстетическая структура текста не совпадает с его денотативной структурой и является неоднородной, построенной по принципу поля или и эксплицируемой в композиции текста, его сильных и слабых позициях.

Наиболее характерной особенностью художественного текста является эстетическое функционирование языковых единиц, контекстная семантика которых не тождественна узуальной, более того, автор может актуализировать периферийные, потенциальные или окказиональные семы, необходимые для создания новых связей и образов. Несовпадение смыслового наполнения языковой и текстовой единиц осложняют понимание художественного текста: семантика текста, с одной стороны, обусловлена значениями слов, а с другой – формирует их.

Наиболее широким объединением текстовых единиц является функционально-семантическое поле (ФСП), которое можно определить как систему равноуровневых средств данного текста, объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций. ФСП рассматривается в плане выражения, который составляют конкретные языковые средства, и в плане содержания, когда семантические функции элементов данного поля не тождественны понятийным, но тесно взаимосвязаны.

Для изучения эстетического функционирования текстовых единиц принято учитывать как

узуальный, так и окказиональный аспекты, и именно ФСП, как нам представляется, дает возможность комплексного исследования текстовых единиц, служащих для создания художественного образа, с учетом их парадигматических, синтагматических, деривационных и ассоциативных связей. Н. А. Купина определяет следующие особенности ФСП (вариантный термин – функционально-семантическая группа) [1]:

- большой количественный объем компонентов;
- качественная разнородность, включающая и лексемы ограниченного употребления;
- вхождение компонентов в разные лексико-семантические поля;
- наличие в семантике компонентов коннотаций;
- включение в качестве компонентов символов и парафраз.

В поэтическом тексте ФСП представлены в виде отдельных компонентов, между которыми возникают связи, аналогичные синтагматическим и парадигматическим отношениям. Благодаря этому возникает второй план содержания – смысловая перспектива, подтекст, в котором формируется эстетическое значение. Таким образом, анализ функционально-семантического поля позволяет достаточно адекватно описать эстетическую организацию поэтического текста и эстетические функции его единиц. Особенно важно изучение и описание полей, связанных с инвариантными темами и мотивами творчества и объединяющих лексику, наиболее значимую для интерпретации его произведений – ключевых полей, определяющих лексико-семантические и коммуникативные особенности идиостиля.

Предметом рассмотрения в данной статье являются особенности семантики единиц ФСП флористики в поэтических текстах Игоря Северянина.

Растение – традиционный поэтический образ и многоплановый символ, обладающий широкой парадигмой культурных значений. Так, в «Словаре языка поэзии» [2] выделено 47 образных парадигм для цветка, 31 – для дерева и 19 – для травы. По нашим наблюдениям, в произведениях И. Северянина растение – текстовый знак, включающий денотативные, традиционно-поэтические и индивидуально-авторские значения и взаимодействующий с компонентами многих полей. Структура ФСП флористики соответствует поэтической традиции и состоит из трех относительно автономных неоднородных полей – «Цветок» (в том числе цветущие деревья), «Дерево» и «Трава». Структура каждого поля включает ряд ядерных лексических единиц – обозначений растений – и весьма обширную периферию, выявляемую анализом синтагматических отношений и ассоциативных рядов.

Объем микрополей наименований отдельных видов растений и их эстетическая значимость различны, о чем свидетельствует частотность словоупотребления. Как показала сплошная выборка, наиболее важными для эстетической системы И. Северянина цветами являются сирень (89 словоупотреблений), роза (58), лилия (37), фиалка (31), ландыш (30), вербена (вэрвена) (20), жасмин (19), яблоня (19), незабудка (12), мимоза (11), черемуха (10), цитрусовые растения (10). Менее частотны мак, василек (9), ирис, маргаритка (8), хризантема, левкой, одуванчик, лен (7), лютик, душистый горошек, абрикос, акация (6), слива, подснежник, гиацинт (5), кактус, крокус (4), гвоздика, анемон, резеда, ромашка, клевер (3), тюльпан, цикламен, нарцисс, виктория, астра, чертополох, цикорий, колокольчик, вишня, кизил, гранат, магнолия, миндаль (2). Единичны употребления названий шиповник, аютины глазки, барвинок, вереск, дурман, азалия, георгин, флокс, эдельвейс, камелия, орхидея, гортензия.

В поле «Дерево» значимость распределяется следующим образом: сосна (40), береза (25), липа (22), клен (20), ель (19), кедр (12), дуб (9), рябина (8), ракета, ива, пихта, пальма (7), ольха, осина (6), орех, ясень (3), кипарис, лиственница, маслина (олива), барбарис, смородина (2); единичны упоминания бука, груши, боярышника, пинии, ветлы, чинары, лавра, тополя.

Частотность употребления и количественный состав поля «Трава» значительно меньше, что свидетельствует о меньшей его эстетической значимости для поэта: камыш (9), тростник (8), папоротник, полынь, крапива (2), бурьян, медуница, валериана, причем наиболее употребительные единицы находятся на пересечении с ФСП «водное пространство» и приобретают эстетическое значение во взаимодействии с его компонентами.

Степень окказиональности, авторской окрашенности разных микрополей различна и не находится в прямой зависимости от их обширности. Так, в микрополе «роза» значения ядерного слова и его контекстное окружение в целом укладываются в поэтическую традицию, тяготеющую к редукции денотативного значения и актуализации периферийных сем: символ любви (*я полюбил ее зимою и розы сеял на снегу; увяли в сердце розы; разделим свою любовь, как розы – в вазе; твои поцелуи похожи на розу*), смерти (*Помнишь розы из кисейной бумаги? О живых ни полслова у могильной плиты!; темнеет небо, и вянут розы*) и бессмертия (*ты – озарительная льдина с живыми розами Христа*). Роза в прическе (головном уборе) восходит к средневековой иконографии, изображавшей с розовым венком на голове деву Марию, и символизирует молодость и невинность (*с белорозой в блондных волосах; с чайной розою в черной фетэрке*

ты – бессмертница! ты – всемирница; букеты левкоев и палевых роз, казалось, цвели на прическе). Подчеркнуто неоригинальные рифмы также указывают на традиционность образа: *роза – грёза, розы – грозы, слезы, роз – слез, мороз*.

Микрополя отдельных фитонимов ярко индивидуальны. Например, вербена в восприятии поэта ассоциируется с морем, их запахи воспринимаются им как сходные, и образы сходства эксплицируются разнообразными средствами: *у моря с запахом вервэны; как пахнет морем от Вервэны и устрицами, и луной; откуда-то веет вервэной, излученной и моревой*. Сопутствующие обонятельному образу зрительный (луна) и звуковой (пение соловья) составляют синэстетический образ авторского восприятия цветка: *выбрасывает мне волну вервэну, трелящую соловьем и упоющую мозг луною; благоухающая вся луною и упоющая соловьем, она владычествует надо мною*. В других текстах ядерное слово приобретает значение «аромат духов» с положительной эмоциональной коннотацией: *изысканный шедевр Guerlain'a – вервэна – в воздухе плывет*.

Для формирования символической и эстетической семантики отправной точкой являются предметные значения фитонимов. Единицы поля флористики приобретают контекстные эстетические значения, определяемые как поэтической традицией, влиянием символической системы, так и авторской интенцией. В качестве примера рассмотрим функционирование фитонимов *фиалка* и *лилия*, являющихся весьма значимыми в индивидуальной картине мира И. Северянина.

Узуальное значение ядерных слов является чисто номинативным и нейтральным, не содержит коннотаций и экспрессии: *фиалка* – «травянистое растение с фиолетовыми, реже белыми или цветными цветками» [3], *лилия* (устаревший производный вариант *лилея*) – «луковичное растение с прямым стеблем и крупными цветками в виде колокола» [4]. В этих значениях отмечены единичные словоупотребления: *на клумбе у меня фиалка; у юной хорватки фиалок купили; на подстриженной стрелке уже продавали фиалки; я лилию заметил у ската в водопад; лилию вплетил в косу*. Заметим, что находящееся в ядерной зоне название *ненюфар* (водяная лилия) используется как номинативное: *все в ненюфагах, сонно-нежное озеро Рэк*. Большинство словоупотреблений реализуют контекстные, в том числе символические, значения.

Фиалка и лилия – мифологические и поэтические символы, наделяемые в разных системах толкований различными значениями. Например, «Энциклопедия символов» отмечает: фиалка – символ весны, радости, любви, прохлады, скромности, памяти об умерших [5]; лилия – чистота, невинность, святость, возвышенность, смерть, власть [6].

По нашему мнению, в поэтических текстах И. Северянина актуализируются следующие символические значения слова *фиалка*:

– память об умерших: *на гроб букеты вы положите: мимоза, лилия, фиалка;*

– радость: *А сколько радости! А сколько счастья! Ночей жасминовых!.. Фиалок нег!;*

– скромность, нежность: *нежный, ласковый цветок; о фиалочках северных, лиловатых слегка, запах чей неуверенный пьем на скате леска; способна, нежно-хороша, злой папоротник разрушить фиалки белая душа.* В одном случае символическое значение можно определить как «невинный» (по контрасту с *грешный*):

Повеяло фиалками,
И ландыши сквозь сон
Под грешными русалками
Вернули чистый звон.

(«Повеяло фиалками...», 1909)

Лилия употребляется в символических значениях:

– чистота: *белую лилию – символ души ее чистой; прослушал бы чистое сердце, как лилию после дождя; к тебе по лилиям стезя, в тебе от зла и смут забвенья;*

– невинность: *Шампанского в лилию! – Ее целомудрием святеет оно; лилия не может быть кокеткой; лилию оскорбляющее полнокровье грамата; принц лилий девственных, принц целомудренный.* В этом значении лилия противопоставляется сирени и жасмину – символам чувственности: *захотелось белых лилий и сирени, – но они друг другу странно далеки; сонным вечером жасминовым, под лимонный плеск луны, повстречалась ты мне, грешница, с белой лилией в руке;* и сопоставляется с фиалкой – символом скромности;

– возвышенность: *в светозарной душе белых лилий посев расцветет; к тебе по лилиям стезя, молиться бы тебе;*

– смерть: *над мертвой лилией, над трупом юноши;*

– власть: *царица осенняя, – Юния, – как лилия, золотокрыла; певица лилий полей Сарона, тебе корона.*

Приведенные примеры свидетельствуют о высокой значимости художественной традиции в идиостиле И. Северянина: в его стихах отражены практически все общепринятые символические значения фитонимов.

Вместе с тем нами выявлена авторская система окказиональной символики, в которой фитонимы приобретают ряд новых контекстуально обусловленных значений. Общим для лексем *лилия* и *фиалка* является значение «мечта»: *я вынул грез фиалок фиалковый фиал; яд мечты фиалок, – о, Creme de Violette; фиалковой волшебой спеленат; лилии белой, застывшей в меч-*

таньи; у молодой и мечтательной Лилии; скажите сказки нам о замках раковин, о рыбках в золоте, о влажных лилиях. В этом значении эксплицируется сема ‘запах’, имеющая положительную экспрессию: *повеяло фиалками; нежный, как грезы, лия аромат; провевял воздух белой лилией; белой лилией дыша.* Стихотворение «Миньонет» (1916) демонстрирует ассоциативный ряд, формирующий символическое значение «мечта»:

О, мечта бархатисто-фиолевая,
Ты, фиалка моя,
Расцветаешь, меня окороливая,
Аромат свой лия...
Нежно теплится в сердце эолевая
Синих вздохов струя,
О, мечта бархатисто-фиолевая,
Ты, фиалка моя!

В тексте указаны поворотные пункты от одного значения к другому: *фиалка* → *расцветает* → *фиолетовая* → *аромат* → *мечта* (применительно к *лилии* можно выстроить аналогичный ряд: *лилия* → *расцветает* → *белая* → *аромат* → *мечта*). Семы ‘цвет’ и ‘запах’ являются определяющими, поскольку в идиостиле И. Северянина поля фиолетового и белого цветов имеют окказиональное значение «возвышенный», а запах цветов часто определяется как эстетическая ценность.

Общее символическое значение «роскошь, изысканность» эксплицируется в схожих сочетаниях: *мороженое из фиалок; фиалковый ликер (Creme de Violettes); лилия ликеров; шампанское, в лилии журчащее искристо* (образ, включенный в парадигму индивидуальных наряду с *мороженым из сирени*); *сигары эцигерцога абрис фиалковый; Иоланта в брильянтах, Иоланта в фиалках.*

Рассматриваемые фитонимы приобретают уникальную семантику. *Фиалка* реализует следующие контекстно обусловленные символические значения:

– естественность, простота, обозначенные противопоставлением культивированным растениям (саду): *Вот он идет по саду, поливая возделанный свой сад, а полевая фиалка за оградой все ж милей;*

– одиночество: *я соберу тебе фиалок и буду плакать об одном: Не покидай меня!;*

– слава (наряду с другими цветами):

Жасмин, ромашки, незабудки,
Фиалки, ландыши, сирень

Жизнь отдадут – цветы так чутки! –

Мне для венца в счастливый день.

Фитоним *лилия* реализует контекстные символические значения:

– радость: *путь без лилий сер; я перед ней склонился, от радости горбат;*

– нежность: *я люблю тебя нежнее белой лилии; ласковая лилейность лилий, влюбленных в плен липких зеленых листьев* (в этом случае се-

мантика подчеркивается аллитерацией сонорных звуков л и н);

– творчество: *взрастала лилия за струнной изгородью лиры; я – поэт: я хочу в бирюзовые очи лилии белой; последних лилий милых, весна моя, певец согрет лучом; ручей меж лилий – вот поэта стих.* Название цикла стихотворений «Ручьи в лилиях» также реализует это символическое значение.

Далее рассмотрим способы экспликации разноплановых эстетических значений фитонимов *фиалка* и *лилия* в поэтических текстах И. Северянина.

Стихотворение «Фиалка» (1911) демонстрирует взаимодействие символических значений слова *фиалка*:

Снежеет дружно, снежеет нежно,
Над ручейками хрусталит хрупь.
Куда ни взглянешь – повсюду снежно,
И сердце хочет в лесную глубь.

Мне больно-больно... Мне жалко-жалко...
Зачем мне больно? Чего мне жаль?
Ах, я не знаю, ах, я – фиалка,
Так тихо-тихо ушла я в шаль.

О ты, чье сердце крылит к раздолью,
Ты, триумфатор, ты, властелин!
Приди, любуйся моей фиолюю –
Моей печалью в снегах долин.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда победны, внемли, о ты:
Возьми в ладони меня, как в латы,
Моей фиолюю святя мечты!..

В тексте актуализированы семы 'слабость', 'хрупкость', 'нежность', имплицитно присутствующие в самом понятии *фиалка* как «знания о мире» [7]: *фиалка* – тенелюбивое растение, требовательное к условиям среды, его листья и лепестки мягки и приятны на ощупь. Они опосредованно выражены словами *хрусталит* (от *хрусталь*), *хрупь* (от *хрупкий*), *нежно*. Повтор слов с корнем -снег- (*снежеет* («укрыто снегом»), *снежно*, *снега*) также связан с этой семой: снег воспринимается как недолговечное вещество. Повтор наречий *больно*, *жалко*, *тихо* передает семантику одиночества и печали, необходимости защиты: *возьми в ладони меня, как в латы*. Вместе с тем *фиалка* способна вызывать радость и мечты у человека: *любуйся моей фиолюю, моей фиолюю святя мечты* (сема 'мечта', видимо, определена влиянием романтической и символистской поэзии). *Фиоль* в поэзии Северянина обычно обозначает овеществленный цвет (однозначно с *синь или зеленъ*), но в данном контексте трактуется как овеществленный главный качественный признак, «фиалковость» – совокупность всех ее качеств.

Развернутый образ прекрасной, но недолговечной лилии – олицетворения мечты и нежности – представлен в стихотворении «Белая Лилия. Сказка в триолетах» (1912):

Белая Лилия, юная Лилия
Красила тихий и сумрачный пруд.
Сердце дрожало восторгом идиллии
У молодой и мечтательной Лилии.
Изредка разве пруда изумруд
Шумно вспугнут лебединые крылья.
Белая Лилия, светлая Лилия
Красила тихий и сумрачный пруд.

Символические значения эксплицированы следующими единицами: «чистота» – *белая, светлая, чистая*; «мечта» – *сердце дрожало восторгом идиллии; волны баяюкали, ночи ласкали, исполнены чар*; «нежность» – *тихо цвела*; «радость» – *души всех радуя*; «слабость» – *как нас сближает с тобою бессилие; чем облегу я, бессильная, хилая*; «смерть» – *первое чувство сроднилось с могилою; угасала осмысленно, вдумчиво лилия, снятая с стебля задумчиво; белая Лилия – мертвая лилия*. Реализованные значения имеют различные источники. Сема 'слабость' обусловлена особенностями самого растения: лилия быстро увядает; сема 'чистота' возникла в христианской традиции; 'нежность' восходит к античному искусству; сема 'смерть' определена европейской символикой. Семы 'мечта' и 'радость' следует признать индивидуальными.

Помимо символической семантики, в лирике И. Северянина нами отмечены множественные случаи метафорического употребления фитонимов *фиалка* и *лилия*, включенных в новые ассоциативные ряды и образные парадигмы [8]. Так, в парадигму «часть тела → цветок» входят следующие микропарадигмы:

– глаза → *фиалка* (общая сема «раскрытый», «цвет»): *ее очей фиалковая глубь; эти глаза! Вы – фиалки! Фиалковые* глаза в данном случае, видимо, не только цветное определение, но и качественное, называющее сущность предмета: глаза глубокие, мягкие, с нежным и ласковым взглядом:

Смотреть в глаза твои русалчьи
И в них забвенно утопать;
Изнежные цветы фиалчьи
Под ними четко намечать.

(«Поэза предвесенних трепетов», 1913)

– рука → *лилия* (общие семы 'белый цвет', 'гладкость'): *как лилии руки*;

– тело → *лилия* (общие семы 'белый цвет', 'гладкость'): *лилиево тело*;

– щека → *лилия* (общие семы 'белый цвет', 'гладкость'): *зардели щек лилии*. Сравнение частей тела с лилией основано на общей семе 'белый цвет', и она же становится основанием сравнений «лебедь → лилия» и «облако → лилия»: *на*

лилий похожи все лебеди; к белым лилиям неба, к лебедям небес; облако – как белолилия. Семантика белого цвета (символ чистоты) определяет образ юной девушки: *не идут тебе, поверь мне, лилии, – слишком ты для белого – бела.*

Фитонимы *фиалка* и *лилия* входят в парадигму «человек → цветок» (общая сема ‘живое’): *часто вы мне грезитесь фиалкой – этим нежным, ласковым цветком; фиалки струили дымки лица трагически-безликого; эта тихая женщина – как грустная белая лилия; белолильной феей замерла.* В обратную парадигму «цветок → человек» входит только *фиалка*: *засохшая фиалка, которой сердце отцвело; с садовой фиалкой кумишься.*

Оба фитонима являются объектом сравнения вokkaциональной парадигме «цветок → музыка» (общая сема ‘прекрасное’): *лилий ароматный звон; мелодии лилий; колокольцы белолилий светло звонили; ее сердце запело; фиалки ли цветут? Поколебался стих ли музыкальный.* Представление растения как музыкального инструмента (*лютня, колокольчик, бубенчик*) или музыки (*пение, мелодия, мотив*) отмечено только у И. Северянина и является характерной чертой его идиостиля.

Средством создания эстетического значения служит прием паронимической аттракции, совмещенной с корневым повтором: *я вытил грез фиалок фиалковый фиал.* Прямое значение *фиал* – «сосуд, широкая плоская чаша с тонкими стенками (употреблялась в Древней Греции для пиров и возлияний богам), и данное сочетание можно трактовать как «чаша цвета фиалки, наполненная напитком из фиалок» [9]. На наш взгляд, в приведенном примере реализуется метафорическое экспрессивное значение «чаша, наполненная божественным напитком, дарующим наслаждение».

Таким образом, в поэтической картине мира И. Северянина значение слова *фиалка* можно определить как «красивое ароматное растение с фиолетовыми или белыми цветами, ассоциирующееся с рядом отвлеченных понятий: память, скромность, простота, слабость, нежность, мечта, радость, изысканность, слава, а также с женским образом». Авторское значение слова *лилия* – «красивое ароматное растение с белыми цветами, ассоциирующееся с чистотой, невинностью, возвышенностью, властью, изысканностью, нежностью, радостью, слабостью, смертью, мечтой, творчеством, а также с женским образом».

Обнаруженное в лирике И. Северянина сходство эстетически значимых контекстных значений позволяет нам рассматривать фитонимы *лилия* и *фиалка* на уровнеokkaциональной синонимии.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в художественной коммуникации единицы поля флористики многозначны и многофункциональны, они могут выполнять функции номинации, символизации (в том числе обращение к «языку цветов» – традиционной невербальной знаковой системе) или эстетического воздействия. Эстетическая функция ядерных слов состоит в объединении разноплановых единиц в системное и целостное ФСП, а также в аккумуляции эстетических значений текстовых знаков. Ядерные слова употребляются, как правило, вokkaциональном значении, обусловленном контекстом и взаимодействием с другими единицами ФСП и определяемом исключительно авторской интенцией. Эстетические значения являются основой для формированияokkaциональных парадигматических отношений: сходство синтагматических отношений, включенность в ряды однородных конструкций и аналогичные образные парадигмы указывают на семантическое сближение, позволяющее нам делать выводы о контекстной синонимии. Безусловно, выявление эстетического значения ядерных слов и определение их авторской парадигматики потребовало многоаспектного анализа лирики И. Северянина и изучения структуры всего функционально-семантического поля флористики.

Примечания

1. *Купина, Н. А.* Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа [Текст] / Н. А. Купина. Красноярск, 1983. С. 96–97.
2. *Иванова, Н. Н.* Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.) [Текст] / Н. Н. Иванова. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.
3. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. С. 1420.
4. Там же. С. 497.
5. *Бидерманн, Г.* Энциклопедия символов [Текст] / Г. Бидерманн. М.: Республика, 1996. С. 283–284.
6. Там же. С. 149.
7. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. *Павлович, Н. В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке [Текст] / Н. В. Павлович. М., 1995.
9. Большой толковый словарь... С. 1420.

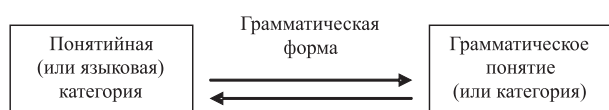
Е. В. Копкова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ АДЪЕКТИВНОЙ КАЧЕСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается проблема реализации категории качества в языке: ситуация качественной характеристики и ее структурные компоненты – предмет, признак и тип отношений между ними; поднимается вопрос о природе этих отношений; какой из двух видов синтаксических отношений – атрибутивный или предикативный – является генетически исходным. В статье также анализируются прагматические характеристики атрибута.

The article goes to the problem of the concept “quality” and its manifestation in the language: the situation of qualitative characterization and its components – the Object and the Quality (Attribute), and the type of Relations between them. The question of syntax and semantics of these relations and their genetic priority is argued. Pragmatic features of the attribute are also discussed in the article.

Философскую концепцию понимания вещей и мира в целом как совокупностей свойств традиционно называют *концепцией атрибутивности*. Категория атрибутивности может быть отнесена к одной из понятийных категорий (или категорий философских, онтологических, когнитивных и т. д., по определению В. Н. Ярцевой), которые в свою очередь являются *универсальными*, т. е. свойственными, обнаруживаемыми в большинстве языков мира [1]. Однако рассматриваемая категория не совпадает с формальными, грамматическими категориями, имеющими типологическую специфику в разных языках. Важную роль в разработке учения о *языковой понятийной* категории и, в частности, вопроса о том, как коррелируют категория понятийная (внеязыковая) и категория грамматическая (языковая), сыграли труды О. Есперсена, И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, Г. В. Колшанского и др. Суть этих размышлений можно свести к следующему. Понятийные категории передают существующие в коллективном сознании понятия, которые, в свою очередь, выявляются в языке. Все, что получает в языке свое грамматическое (синтаксическое или морфологическое) выражение, становится, по определению И. И. Мещанинова, «грамматическим понятием», а сама понятийная категория, или категория сознания, выражаемая в языке, определяется как категория *языковая* [2]. Эти взаимоотношения можно представить так:

© Копкова Е. В., 2008

В лингвистической науке категория атрибутивности (или категория признака предмета) определяется как понятийная категория, которая манифестируется в языке различными средствами семантики, синтаксиса и морфологии. Понятие атрибутивности оказывается интегративным в силу того, что включает в себя несколько значений, отражающих разнообразные характеризующие моменты (стороны) объекта: *квалитативность* (значение качества), *квантитативность* (значение количества), *компаративность* (или градуальность), *посессивность* (значение обладания), а также значение оценки [3].

Наша задача – рассмотреть функционально-семантическое поле качественности (квалитативности), ядро которого представлено таким классом слов как имя прилагательное с его «признаковой» семантикой. Для нас представляют интерес два центра поля адъективной качественности – атрибутивный и предикативный. Мы проанализируем роль адъективно-атрибутивной и адъективно-предикативной качественности в языковой ситуации характеристики, попытаемся ответить на вопрос о синтаксической первичности/вторичности двух синтаксических функций имени прилагательного. Также обратим внимание на семантические и коммуникативные характеристики атрибутивного признака.

В предыдущем изложении упоминалось такое понятие, как «ситуация характеристики». В первую очередь необходимо определить это понятие. В. С. Юрченко в своем лингвофилософском очерке «Языковое поле» рассуждает следующим образом: «Язык есть процесс и результат структуризации человеческим сознанием предметно-признакового континуума мира на оси реального времени. Первой ступенью этого процесса является виртуальное логическое суждение: предмет (субъект) – всеобщий признак (предикат)» [4]. Данная структура предполагает «бесконечное множество» признаков у конкретного предмета, как реальных так и потенциальных.

Итак, в основе квалитативной характеристики лежит логико-грамматическая структура: «один субъект (носитель признака) и один / либо несколько предикатов (признаков)». Ее можно обозначить формулой $[S (P_1 P_2 P_{3...})]$. Эта семантическая структура реализуется в языке в виде двух синтаксических моделей – модели атрибутивных (или определительных) отношений и модели предикативных отношений, причем эти отношения обладают таким свойством, как *взаимобратимость* (об этом, в частности, говорят В. В. Виноградов [5], Н. Хомский [6]). Свойство это можно проследить в результате следующих трансформаций: когда двучленная структура ситуации характеристики (*быстрая собака, собака*

бежит, бегущая собака) трансформируется в трехчленную (*собака есть быстрая, собака есть бегущая*). В отличие от двучленной, в трехчленной модели в качестве самостоятельного компонента признается синтаксическая связь, существующая между актантами объект и признак (объекта). Здесь мы возвращаемся к той идее, что любое суждение о мире можно свести к атрибутивной формуле (вспомним атрибутивную концепцию мира, речь о которой шла выше). При этом в языке эта модель сводится к трехчленному суждению, в котором помимо двух компонентов – предмет и признак – присутствует еще один самостоятельный элемент – синтаксический элемент, или элемент предикирования.

Подобные трансформации ставят вопрос о том, какая из двух функций прилагательного – атрибутивная или предикативная – является генетически первичной. С одной стороны, атрибут, имеющий своей целью *актуализацию* виртуального понятия об объекте в именной группе, раскрывает относительно *устойчивые* признаки, уже *данные* в предметной основе. Другими словами, атрибут характеризует природную сущность предмета и, следовательно, образует более тесные семантические связи с определяемым словом. Факт грамматической и семантической зависимости прилагательного от существительного позволяет некоторым исследователям называть именно атрибутивную функцию первичной, а предикативную – вторичной. Такого мнения, например, придерживается Л. Д. Тарасова [7].

С другой стороны, то мнение, что атрибутивное сочетание потенциально тяготеет к предикативной конструкции, «имплицитно пропозицию» [8], рассматривается как единица «вторичной предикативности» [9], а также тот факт, что не всегда возможна обратная трансформация – из предикативной в атрибутивную, заставляет поставить под сомнение такое предположение. Осмелимся высказать мысль о том, что все-таки именно предикативную связь следует признать генетически исходной, аргументируя это следующим.

Во-первых, связь предиката и субъекта является образующим центром любого суждения, в то время как атрибутивные связи представляют собой лишь третичный уровень отношений в вербоцентрической семантической структуре предложения. Во-вторых, мы предполагаем, что для того чтобы признак актуализировался в атрибутивном типе связи, его необходимо в первую очередь выделить, вычленив из предметной основы и назвать (*Это яблоко. → Яблоко (есть) зеленое. → Это зеленое яблоко*).

Кроме того, факты из истории возникновения и формирования категории признаков слов и их синтаксического функционирования говорят о том, что изначально существовали слова-синкреты,

выступающие в качестве названий и предметов, и их признаков (А. А. Потебня, В. М. Жирмунский, В. З. Панфилов). В. А. Баранов, в частности, в своей монографии приходит к выводу о том, что средством семантической, синтагматической и грамматической дифференциации имен выступает «член» (суффикс), присоединяемый к синкретическому имени, но, по замечанию автора, суффикс не сразу становится грамматическим показателем имени прилагательного [10]. На начальном этапе для обозначения свойств объектов использовалась субстантивная семантика, а за «членной» (маркированной) формой имени не была закреплена никакая-либо четкая синтаксическая позиция (форма могла стоять как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к другому имени). По мере грамматикализации атрибутивных отношений за не оформленными суффиксом именами-синкретами закрепляется функция предиката. Их постпозиция (как характеризующих слов) должна была соответствовать рема-тематическому порядку развертывания высказывания. В отличие от атрибутивных определителей, именные предикаты продолжали мыслиться как собственно наименование характеристик, как свойство само по себе. Одновременно с этим атрибутивный признак становился все более двойственным по сути: во-первых, он мыслился как признак неотъемлемый (когда понятие о предмете выражается целым атрибутивным сочетанием), во-вторых, как признак абстрактный, независимый (существование слов с категориальным значением признака предполагает, что данный языковой знак может быть компонентом любого атрибутивного отношения). В результате языкового развития за маркированной формой закрепляется характерная для него синтаксическая позиция (особенно в тех языках, где порядок слов играет определяющую роль в детерминации синтаксической роли актантов).

Таким образом, мы склонны полагать, что атрибутивная связь есть по сути связь *формальная* (именно так определяет ее Л. И. Чемякина [11], и мы, пожалуй, согласимся с этим). Действительно, атрибутивность не эксплицирует *содержательных* отношений между компонентами подчинительного сочетания – предметом и его признаком, а лишь позволяет осуществить синтаксические связи между ними. При этом данная модель отношений позволяет в сжатом, свернутом виде реализовать такие скрытые категории в семантике признака, как *существенный/несущественный* признак; *постоянный/переменный* (ситуативный) признак; *интегрирующий/дифференцирующий* признак; *актуально проявляемый/неактуализированный* признак предмета; *интенсивность* проявления качественного признака в предмете; *субъективная оценка качества*. Такое разнообразие от-

ношений в ситуации качественной характеристики подтверждает материал исследования [12].

Атрибутивная связь, обнаруживаемая на уровне словосочетания, не предполагает, на первый взгляд, рассмотрение его на уровне всего высказывания – коммуникативном. Однако, по мнению А. А. Малышевой, атрибутивное сочетание можно отнести не только к номинативным синтаксическим единицам, но и к единицам коммуникации, как раз-таки на том основании, что связь, возникающая в атрибутивной группе, обладает потенциальной предикативностью [13]. В свете всего вышесказанного представляется интересным оценить информационную значимость и коммуникативный потенциал атрибутивного признака в рамках более крупных синтаксических единиц.

В. М. Глушак, сравнивая область атрибутивных отношений с концептуальной областью глагольной предикативности в немецком языке, приходит к выводу, что с точки зрения того, каким образом глагольная качественность способна влиять на атрибутивный признак, «семантическая сила» атрибута может реализовываться в нескольких направлениях:

1) **дополнение** атрибутивного качества, входящего в группу подлежащего (*Sein schwarzes fettes Haar glänzte unter der Sonne*);

2) **нейтрализация** качества, выраженного атрибутом (*Rob behandelte den toten Bader wie ein Familienmitglied.*). По замечанию автора, здесь имеет место актуализация не атрибутивного признака, а определяемого слова;

3) **расширение** качества, выраженного атрибутом (*Die Leute um ihn redeten in einer singend-rasselnden Sprache*). Вместе с глагольным признаком атрибутивная группа входит в коммуникативный центр предложения [14].

Полагаем, что это очень существенное наблюдение к конкретному языковому материалу, которое можно верифицировать и применить. Анализ семантических отношений глагольной и адъективно-атрибутивной качественности позволил охарактеризовать атрибут с точки зрения его коммуникативного потенциала. В таблице представлены результаты сделанных выводов.

Синтагматика адъективно-атрибутивной и глагольно-предикативной качественности

Синтаксическая модель	Коммуникативный потенциал атрибута
[A + N] ^{Subj} + V	Нейтрализация / дополнение признака
V + [A + N] ^{Obj}	Нейтрализация / актуализация признака
V + [A + N] ^{Adv}	Нейтрализация / расширение признака
V _{be} + [A + N] ^{Pred}	Актуализация признака

Проиллюстрируем примерами каждую из представленных моделей и прокомментируем их.

Модель [A + N]^{Subj} + V

(1) *Накануне выпал глубокий снег, и к утру сильно заморозило* (Л. Толстой). Трансформируя данное предложение в следующие утверждения: *Снег выпал*; *Снег выпал в большом количестве (много)*; *Снег стал глубоким*, легко проследить, что атрибутивный признак и предикат дополняют друг друга (здесь атрибутивная качественность, по сути, пересекается с обстоятельственной – действие характеризуется с точки зрения времени, продолжительности (либо интенсивности) его протекания, что в итоге результируется в качественном изменении объекта – «глубокий снег»). Атрибутивный признак представляет рему предложения.

Сравним другой пример: (2) *Когда бабы и девка пришли на гумно, ток был расчищен, деревянная лопата стояла воткнутой в белый сыпучий снег и рядом с нею метла прутьями вверх, и овсяные снопы были разостланы в два ряда, волоть с волотью, длинной веревкой по чистому току* (Л. Толстой); (3) *Der junge Wald gedeiht gut, und er hat so viele Vorzüge...* (Н. Böll). Здесь не обнаруживаем глубинной связи между атрибутивным и предикативным признаками. В примере (2) атрибут характеризует постоянное, внутреннее свойство предметов, непосредственно связан с предметной основой (в отличие от первого рассмотренного случая, где атрибут выражает признак непостоянный, изменяющийся во времени). Являясь признаком «данным» в предмете, этот самый признак вместе с определяемым именем составляет нечто известное в предложении и не актуализируется.

То же самое происходит с атрибутивным признаком, входящим в группу дополнения/обстоятельства, когда актуализируется лишь само определяемое слово, атрибут при имени образует с ним номинативную единицу (ср.: *...деревянная лопата стояла воткнутой в белый сыпучий снег...*; (4) *...der riesige Friedhof links und rechts der Linie Gey...ist mit jungem Wald bepflanzt...* – Н. Böll).

В другом примере атрибутивный признак дополняет ситуацию качественной характеристики субъекта, при этом привлекая к себе внимание: (5) *Поев у себя обед, который принесла ему остроносая черная, неприятная лицом и нелюбимая, но старшая жена его Зайдет, Шамиль пошел в кунацкую* (Л. Толстой). В данном примере все препозитивные определения к слову «жена» могли бы быть удалены из текста, не нарушив смысла фразы, но, вводя эти определения, автор тем самым характеризует не только саму Зайдет, но и взаимоотношения между упомянутыми героями на межличностном уровне, а также отме-

чает особенности национально-этнического плана (нельзя не обратить внимание на эмфатическое использование противительного союза «но» в данном контексте).

Модель V + [A + N]^{Obj}

Об особенностях этой структуры мы уже упомянули выше, сказав о том, что атрибутивный признак, определяющий существительное в объектном падеже, как правило, нейтрализуется предикатом. Однако здесь следует отдельно сказать о роли атрибута в *ситуации интродукции* (введения нового референта). В такой ситуации атрибут бесспорно оказывается актуализированным: *Вдруг я увидел перед собой высокое здание (I saw a high building – в английском контексте введение референта поддерживается использованием неопределенного артикля, т. е. имеет место пересечение атрибутивной качественности с категорией определенности/неопределенности)*. При введении нового референта в контекст говорящий использует целый номинативный комплекс, передающий понятие о представляемом объекте. И. Б. Шатуновский объясняет эту функцию атрибута необходимостью «описать» референт при первом его введении в текстовую ситуацию [15]. На наш взгляд, это делается с той целью, чтобы очертить *перспективу* восприятия (*Я увидел не просто здание, а высокое здание*). По сути, атрибут используется здесь с прагматической целью: тот признак, который должен (с авторской точки зрения) восприниматься в первую очередь адресатом, как раз-таки и вводится атрибутом: (6) *You must have had a full and interesting life* (Н. Е. Bates).

Актуализации атрибутивного признака в объектной группе способствует контекст в том случае, когда появление признака, несущего дополнительную нагрузку, не ожидается, считается излишним с точки зрения смысла. Такое «искусственное» встраивание атрибута в контекст позволяет автору добиться соответствующего эффекта – он становится «заметен» в тексте в качестве дополнительной характеристики, описательной детали: (7) *Когда сдали первую сдачу, Воронцов открыл табакерку и сделал то, что он не делывал, когда был в особенно хорошем расположении духа: достал старчески сморщенными белыми руками щепотку французского табаку и поднес ее к носу и высунул* (Л. Толстой); (8) *Эльдар сел, скрестив ноги, и молча уставился своими красивыми бараньими глазами на лицо разговарившегося старика* (Л. Толстой).

Модель V + [A + N]^{Adv}

Основная функция атрибутивного признака в такой структуре – дополнить то значение, которое выражено в семантике глагола:

(9) *Хаджи-Мурат помолчал...потом поднял голову, стряхнув папаху назад, улыбнулся той особенной, детской улыбкой, которой он пле-*

нил еще Марью Васильевну (Л. Толстой); (10) The man was unusual, not eccentric, but unusual; he looked worn, too, baggard, hollow in the cheeks beneath those broad, high cheek-bones... (J. Galsworthy). Актуализации атрибута здесь способствует употребление указательных и притяжательных местоимений.

Заметим, характеристика может основываться как на метафорических, так и на метонимических отношениях. В любом случае такой атрибут становится актуализированным в силу своей необычной семантики равно как в адвербиальной, так и объектной группах: (11) *Женщины еще не спали и говорили об опасных гостях, которые ночевали у них в кунацкой (Л. Толстой); (12) ...он успевал везде, перенасыщая торжественный ужин своей счастливой болтовней (А. Белянин).*

Модель V_{be} + [A + N]^{Pred}

Предикативное употребление прилагательного всегда способствует его актуализации: (13) *Ханша была женщина слабая, глупая и дерзкая, как и все женщины, когда они живут по своей воле (Л. Толстой)*. В данном случае еще большей эмфатизации атрибута служит его инверсия – расположение после определяемого слова.

Встречаясь в именной группе в функции предикатива, нередко прилагательное способствует прогрессивному разворачиванию контекста (особенно в ситуации введения нового референта). Последующий контекст как бы выстраивается в соответствии с «заданным свойством» объекта, развивая ситуацию характеристики: (14) *He was a strong man. There was nothing extraordinary in his appearance, though his size was above the average. He was a little over six feet in height; he did not appear to be fat, but on the other hand, he was certainly not thin. His small head was supported by a strong neck, and he had powerful hands and an unusually thick chest. He was one of those men who look extremely strong and are really much stronger than they look (F. M. Crawford)*. Весь отрывок направлен на раскрытие смысла первой фразы, с помощью которой автор вводит нового героя – *Он был могучего телосложения... (Это был сильный мужчина...)*.

Итак, детализация коммуникативных свойств атрибута, его функциональной нагрузки позволяет сделать вывод о том, что атрибут может актуализироваться в случае включения в глагольную группу и характеристики самого предиката (пересечение с областью обстоятельственной качественности). Аtribuтивный признак нейтрализуется, если входит в объектную группу, за исключением ситуаций интродукции нового референта (пересечение с категорией определенности/неопределенности). По сути, атрибутивный признак, встречающийся в объектной группе, становится необязательным компонентом, его от-

существование не привело бы к существенным семантическим потерям, так как, трансформируемый, он легко восстанавливается из окружающего контекста (или экстралингвистической ситуации). В составе подлежащего атрибут расширяется через предикативный признак либо значение атрибута нейтрализуется (в силу того что определяемое имя ориентируется на известную информацию). В функции предикатива в составе именной группы атрибут всегда актуализируется, а также обладает прогрессивным потенциалом – определяет последующий контекст.

Примечания

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 385.
2. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи [Текст] / И. И. Мещанинов. Л.: Наука, 1978. С. 237–240.
3. Языкознание... С. 385.
4. Юрченко, В. С. Языковое поле: Лингвофилологический очерк [Текст] / В. С. Юрченко. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1996. С. 5.
5. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике: Избр. тр. [Текст] / В. В. Виноградов. М.: Наука, 1975. С. 236.
6. Хомский, Н. Синтаксические структуры [Текст] / Н. Хомский // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 481.
7. Тарасова, А. Д. Особенности функционирования имен прилагательных в именной группе [Текст] / А. Д. Тарасова // Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 1985. С. 41.
8. Малышева, А. А. Атрибутивное словосочетание в предложении как выразитель вторичной предикативности [Текст] / А. А. Малышева // Системный анализ простого и сложного предложения: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1990. С. 32.
9. Богданов, В. В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста [Текст] / В. В. Богданов // Семантика и прагматика синтаксических единиц. Калинин, 1981. С. 5.
10. Баранов, В. А. Формирование определительных категорий в истории русского языка [Текст] / В. А. Баранов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. С. 154.
11. Чемякина, А. И. Изофункциональность атрибутивных отношений на разных синтаксических уровнях [Текст] / А. И. Чемякина // Функциональные типы и функциональные модификации языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1983. С. 149.
12. См.: Копкова, Е. В. Семантика атрибутивной и предикативной качественности с атрибутивным ядром [Электронный ресурс] / Е. В. Копкова // Электронный журнал «Исследовано в России», 125. С. 1290–1298, 2007. Режим доступа: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2007/125.pdf>.
13. Малышева, А. А. Указ. соч.
14. Глушак, В. М. Когнитивные основы категории атрибутивности (на материале немецкого языка) [Электронный ресурс] / В. М. Глушак. Режим доступа: <http://www.sibilingua.narod.ru/archive/2001.htm>.

15. Шатуновский, И. Б. Основные принципы и способы интродукции объектов в дискурс [Текст] / И. Б. Шатуновский // Семантический анализ единиц языка и речи: Процессы концептуализации и структура значения. Первые чтения памяти О. Н. Селиверстовой. 17 октября 2003 г. М., 2004. С. 231–244.

А. В. Кропотова

К ИСТОРИИ МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛОВА

В статье предлагается рассмотрение развития многозначности слова: регулярной и нерегулярной полисемии с 1957 г., прототипа полисемии. Предлагаются различные модели и концепции многозначности слова, принадлежащие разным авторам.

Consideration of evolution of the word polysemy is proposed in the article: regular and irregular polysemy from 1957, the concept of the polysemy prototype. Different models and conceptions of the word polysemy by different authors are proposed for consideration.

Развитие языка возможно идентифицировать как процесс механического увеличения семиотических ресурсов (новый объект/ситуация → новый знак). Но реально этого не происходит. Язык идет по пути распространения уже существующих, «старых» знаков на другие, «новые» объекты и ситуации.

Полисемия – явление, когда отдельное слово обладает двумя или несколькими значениями, при этом не существует разницы, как данное слово определяется в одной из заданных ситуаций.

Слово, как элемент лексикона, находится в сравнении со словоформой и знаковой единицей слова. Отношения между значениями многозначного слова по-разному трактуются в лингвистической теории. Два или более значений отдельного слова соотносятся друг с другом.

Основные научные работы, опубликованные до 1990-х гг., содержат понятие полисемии как полисемии систематической. Работы до 1980-х гг. опираются на понятие полисемии как полисемии несистематической.

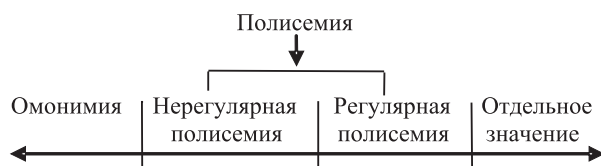
Ш. Ульманн [1] первым сделал ссылку на существование данных двух видов полисемии, предлагая классификацию трех типов значений слова: 1) омонимия: омоним – слово, имеющее несколько значений, которые не имеют ничего общего между собой; 2) полисемия: полисемант – это слова, которые имеют некоторые взаимосвязанные значения, например, «menschlicher Kopf» – «голова человека»; «Leiter der Abteilung» – «начальник отдела» в значении «голо-

ва»; 3) сдвиги значений слова: некоторые аспекты с одним и тем же смыслом, например, «gesundes Klima» – «здоровый климат»; «gesunder Teint» – «здоровый цвет (лица)»; 4) слова-эквиваленты с теми, которые называются несистематическими полисемантами; 5) слова-эквиваленты с теми, которые называются систематическими полисемантами.

Ш. Ульманн рассматривает две основные модели полисемии слова. Модель А. Полисемия исследуется на основе параллельного принципа как контекстуальный вариант в фонологии, таким образом, объясняется явление только систематической полисемии.

Модель В. Слово определяется как отдельная языковая единица, с учетом, что данная единица может иметь более одного значения и является примером несистематической полисемии.

Аргумент, что термин полисемия может включать в себя как регулярную, так и нерегулярную полисемию, зависит в основном от того, чем отличается регулярная полисемия от нерегулярной полисемии.

Развитие регулярной полисемии мотивировано обычно метонимическими средствами выражения, распространение нерегулярной полисемии обусловлено в основном метафорическими средствами выражения.

Дж. Макколи [2] показывает различие систематической и несистематической полисемии. Дж. Макколи согласен, что существуют импликационные семантические отношения между контекстуальными вариантами лексем и в словаре следует указывать только основные значения семантических полисемантов, наряду с некоторыми пояснениями, которые объясняют значение слов в другом ракурсе.

Г. Лич [3] ограничивается другими соответствующими разъяснениями в словаре, например, у имен прилагательных предлагает указывать их номинальные деривации, в то же время не утверждает, что данные лексические деривации являются целиком продуктивными. Отсюда следует, что не всегда систематическая полисемия будет «полностью продуктивной».

В 1961 г. М. Нурнберг [4] выдвинул свою концепцию: полисемия всегда идентифицируется только с систематической полисемией.

Основа концепции М. Нурнберг заключается в том, что систематическая полисемия – это феномен референтных вариантов (по сравнению с

вариантами лексического значения), обусловленных прагматическими факторами. Проблема полисемии – это проблема сравнения. Основой систематической полисемии является переносная ссылка, когда говорящий ссылается не на направленный референт, а на другую сущность, которая находится в определенном и очевидном отношении к референту, например, соотношение между «частью» и «целым». Функция ссылки заключается в том, что говорящий выбирает из ограниченного числа взаимосвязей между направленными и прямыми референтами те, которые могут быть адекватно идентифицированы слушателем. Функция ссылки выбирается говорящим в том случае (данный факт известен и слушателю), если высказывание не может быть применено к прямому референту высказывания. «The ham sandwich is sitting at table 20». – «Сэндвич с ветчиной сидит и ест за столиком № 20». В данном предложении речь идет не непосредственно о сэндвиче, а о посетителе, который сидит за столом № 20 и кушает сэндвич.

Проблема концепции М. Нурнберг заключается в том, что слово всегда имеет отдельное, лексически определяемое первоначальное значение, все остальные значения обусловлены функцией основного значения и соответственно первоначальными значениями, но как тогда объяснить открытую референтную полисемию, которая не дает первоначальное значение слова. Получается, что лексикон разных референтов (говорящих) в данном случае различается.

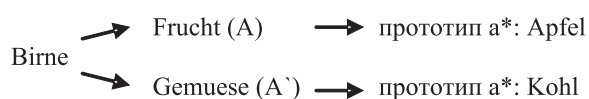
М. Бирвиш [5] в 1983 г. определяет два уровня семантики введением понятия модульной теории. М. Бирвиш утверждает, что лингвистическая система состоит из нескольких субмодулей, которые включают в себя фонологию, морфологию, синтаксис, семантику и лексикон. Семантическая репрезентация лексических терминов может классифицироваться по-разному. Интерпретация выражения может включать в себя: 1) конструкцию логической формы (семантическая репрезентация предложения); 2) анализ данной логической формы в соответствии с концептуальной системой на примере слова «университет»: а) «On Friday morning, Bill came out of the university and took a cab» – «В пятницу утром Билл вышел из университета и взял такси»; б) «For two years, Bill has been teaching at the university of Appletown» – «Билл преподает в университете Эпплтауна уже два года»; в) «The university by now covers the whole area around the house you lived in» – «Сейчас университет занимает всю территорию вокруг дома, где Вы живете»; д) «The university is a typically European institution that developed during the Middle Ages» – «Университет является типичным европейским учреждением, основанным в средневековье». Классифика-

ция семантического представления значения слова «университет» имеет следующую цель – это процесс получения высшего образования. Концепт «университет» означает: учреждение, здание, территория университета, принцип научной школы. Систематическая полисемия, по мнению М. Бирвиша, связана с концептуальной системой.

Можно провести параллели между концепциями полисемии М. Бирвиша и М. Нурнберга: М. Бирвиш не учитывает возможность различий между открытой и закрытой полисемией, он считает, что случаи со словами «Universitaet» – «университет» или «Zeitung» – «газета» являются закономерными явлениями, а также что подспецификация значений обобщается в рамках систематической полисемии. Однако М. Нурнберг подчеркивает очевидные случаи закрытой полисемии (пример предложения со словом «sandwich») и делает вывод, что значение слова понимается в соответствии с тем, как оно определяется в словаре и контексте.

Например, смысл предложения «Faulkner ist schwer zu verstehen» («Не легко понять, о чем пишет Фаулькнер») можно интерпретировать следующим образом: «сложно понять, что говорит Фаулькнер» – этот принцип называется акустическое понимание смысла предложения; «сложно понять, что пишет Фаулькнер» – этот принцип называется интеллектуальное понимание смысла предложения; «трудно понять, о чем пишет Фаулькнер» – этот принцип называется мотивационное понимание смысла предложения. М. Бирвиш считает, что в данном примере нет концептуального сдвига, а в наличии только концептуальная спецификация, поскольку интерпретацию слова «verstehen» – «понимать» нельзя сравнивать с интерпретацией слова «Universitaet» – «университет». Слово «verstehen» – «понимать» обладает абстрактным значением, и его значение колеблется в связи с обобщением концепта. В то время как концептуальный сдвиг присущ в основном существительным, концептуальная спецификация характерна для описания прилагательных и глаголов.

О прототипах и полисемии писал Дж. Лакофф [6]. Полисемия – это результат сложного взаимодействия между некоторыми аспектами нашего процесса познания. В основу концепции Дж. Лакоффа входило понятие прототипа. Прототип был ранее введен в когнитивную психологию, чтобы различать, является ли определенный феномен членом определенной концептуальной категории А, где а – определенный феномен, А – определенная концептуальная категория, а* – так называемый прототип этой категории. Границы различий прототипических категорий являются довольно неясными и расплывчатыми.

Слово Birne характеризуется как овощ (член А) вместо Gemuese.

Аналогично можно проанализировать пример со словами «Tomate» (помидор) / «Avokado» (авокадо).

Данная модель прототипа предполагает определение двух видов отношений: отношение между категориями и их членами, а также отношения между альтернативами значений. Данная стандартная концепция теории прототипа, очевидно, связана с качествами всеобщности человеческих когнитивных категорий.

Очевиден тот факт, что систематическая полисемия не представлена в словарях. Несистематическая полисемия представлена в словарях, но не во всех (а тем более в двуязычных), в основном только в специальных словарях.

Некоторые авторы рассматривают полисемию как общий неделимый термин, который содержит в себе оба вида полисемии: регулярную и нерегулярную.

Термин полисемия обозначает: 1) значение – предмет, который обозначает выражение данного значения; 2) смысл: лексический смысл – множественная лексическая информация, которая ассоциируется с одной лексемой в словаре; 3) интерпретация – реализация лексического смысла в специальном контексте.

В принципе можно выделить две стандартных лингвистических модели полисемии: модель А – проявление полисемии возможно там, где одно и то же слово (или лексема) понимается по-разному (это означает, что значения полисеманта должны указываться в словаре и определяться контекстом). Омонимия рассматривает два или более значения слова, имеющих одну и ту же словоформу. Модель 2: полисемия возможна, когда слово проявляет себя как отдельный языковой знак, т. е. его синтаксические, морфологические и семантические свойства остаются постоянными, даже если это слово используется в разных значениях. Омонимия рассматривается в случае, когда оба значения одного слова не принадлежат к одному и тому же семантическому полю. Противоречащим фактом в модели А является то, что отношение между контекстуальными вариантами и абстрактными значениями определяется согласно специальным правилам чередования (как морфология и фонология).

В целом данный подход совпадает с всеобщим определением полисемии по сути, в частности, что полисемия основывается на когнитивной страте-

гии. Регулярная полисемия (аллосемия) является результатом креативного использования определенного количества значений, которые можно проанализировать аналогично значениям альтернатив в морфологии и фонологии. Использование данных значений обусловлено определенным лингвистическим и нелингвистическим контекстом. Нерегулярная полисемия (лексическая полисемия) обусловлена, как правило, за счет определенных явлений метафоры и метонимии.

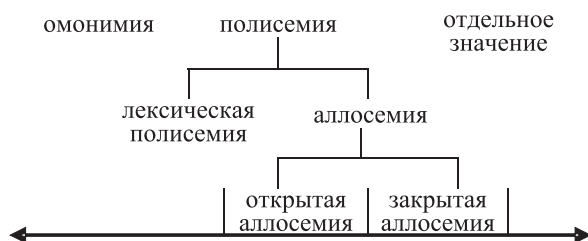
С нашей точки зрения, можно выделить два вида регулярной полисемии: открытую и закрытую регулярную полисемию (аллосемию).

Пример открытой регулярной полисемии можно наблюдать на следующем примере: «Zeitung» – «газета»:

- 1) сверток бумаги;
- 2) определенное количество информации;
- 3) несколько свертков бумаги, содержащих одинаковую информацию;
- 4) свертки бумаги, которые содержат определенную информацию, публикуются под одним и тем же названием;
- 5) компилированная информация, которую выпускает определенное учреждение;
- 6) здание редакции;
- 7) организация, имеющая определенный штат сотрудников.

Одним из аспектов данной классификации является выделение первоначального значения слова. Проблема состоит в том, что невозможно определить, какое значение было первоначальным значением. К примеру, слово «Spiel» – «игра» означает «правила игры» и «действие, которое выполняется по определенным правилам».

Закрытая регулярная полисемия ничего общего не имеет с лексическими факторами и зависит только от специфических дискурс-контекстов (с прагматической точки зрения). Открытая регулярная полисемия обычно не приводит к зевгме, а закрытая, наоборот, обуславливает явление зевгмы. С учетом того, что некоторые лингвисты рассматривают полисемию как термин «прототип», можно показать классификацию полисемии в схеме:

На схеме мы выделяем три вида семантической полисемии:

1) лексическая полисемия, которая отражена в словаре с указанием первоначального значения;

2) аллосемия – основывается в основном на систематической полисемии, в частности на общности и неопределенности, например, слово «arm» – «бедный».

Кроме прочего, мы выделяем два вида референтной полисемии, соответствующих открытой и закрытой аллосемии.

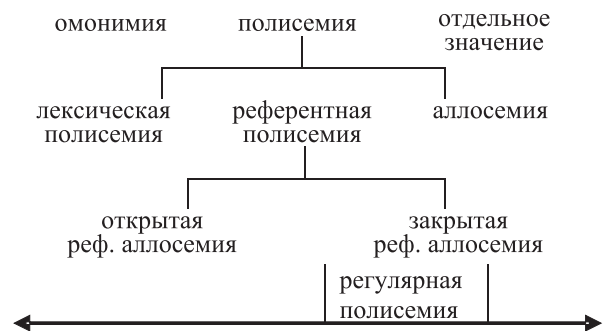
Закрытая референтная полисемия:

- 1) обусловлена асимметричным распространением активации концептуальной системы;
- 2) всегда четко обозначает первоначальное и производное значения слова;
- 3) приводит к зевгме;
- 4) весьма креативна и зависит от контекстуальных факторов, например: «The ten million dollar inheritance just walked in to be reinvested» – «Только что полученное наследство в десять миллионов необходимо снова reinvestировать».

Открытая референтная полисемия:

- 1) обусловлена симметричным распространением активации;
- 2) не дает первоначальное значение слова;
- 3) не приводит к зевгме, например: «The newspaper won't hire me, so I don't subscribe to it» – «Эта газета не возьмет меня на работу, поэтому я не подписываюсь на нее».

Общее описание классификации полисемии с учетом выделения референтной полисемии выглядит следующим образом:

В большинстве лингвистических публикаций после выхода в свет книги Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика» [7] употребляются два вида полисемии: регулярная (или систематическая) и нерегулярная (несистематическая) полисемия. Ю. Д. Апресян так определяет регулярную полисемию: «Полисемия слова со значением a_i и a_j называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово со значениями b_i и b_j , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как и a_i и a_j и если a_i, b_i и a_j, b_j попарно несинонимичны» [8], считая, что совпадение соотношения значений «по

крайней мере еще в одном слове» является показателем регулярности в языке.

Пример регулярной полисемии:

А: бутылка: А1 емкость; А2 объем

В: ящик: В1 емкость; В2 объем

С: ведро: С1 емкость; С2 объем

Д: коробка: Д1 емкость; Д2 объем.

Пример нерегулярной полисемии: СТЕКЛО – определенный материал; определенный оптический прибор, который часто состоит из этого материала; предмет посуды, состоящий из данного материала; стройматериал.

Основа полисемии – это своеобразная «сетка» отношений, на которые как бы нанизываются лексико-семантические варианты, отражающие те или иные предметы, явления и признаки действительности. Эта «сетка» удобна, потому что отношения единиц в ней регулярные, повторяющиеся, и экономна, так как позволяет распространять знак (лексему) в качестве названия сходных, связанных по сети отношений предметов и явлений внеязыковой действительности. Несмотря на различную степень своей продуктивности и пропорциональности значений, многозначность является в принципе регулярной [9].

Изучение истории многозначности слова углубляет наши представления о принципах организации лексикона, путях его расширения и развития, о соотношении системного и несистемного, закономерного и случайного в семантике естественного языка [10].

Примечания

1. *Ullmann, Stephen*. The principles of semantics [Text] / S. Ullmann. By Stephen Ullmann. [2nd ed. (with add. material)]. Glasgow, Jackson; Oxford, Blackwell [1959]. [(Glasgow univ. publ. 84)].

2. *McCawley*. Adverbs, vowels and other objects of wonder [Text] / McCamley, D. James. Chicago; London: The Univ. of Chicago press, cop. 1979. XI, 303 p., fig.

3. *Leech, G. N.* Explorations in semantics and pragmatics [Text] / G. N. Leech. Amsterdam; Benjamins, 1980. VII, 133 p., fig. (*Pragmatics & beyond. An interdisciplinary ser. Of language studies; № 5).

4. *Nurnberg, M.* How to build a better vocabulary [Text] / M. Nurnberg, M. Rosenblum // Compl. Rev. and up-dated. [By] Maxwell Nurnberg and Morris Rosenblum, With an introd. By Mario Pei. N. Y., Popular libr., [1961]. 382 p., ill.

5. *Bierwisch, M.* Richtungen der modernen Semantikforschung/Mit Beitr. Von Manfred Bierwisch, Ewald Lang, Renate Pasch et. al. [Text] / M. Bierwisch. Hrsg. Von Wolfgang Motsch u. Dieter Viehweger. Berlin, 1983. 425 S. (Samml. Akademie-Verl.; 37. Sprache). В надзаг.: Akad. Des Wiss. Der DDR. Zentralinst. Fuer Sprachwiss.

6. *Lakoff, G.* Methaphors we live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago; London: The Univ. of Chicago press, 1980. XIII, 242 p.

7. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян. М.: Наука, 1974.

8. Там же. С. 189.

9. *Новиков, А. А.* Семантика русского глагола [Текст] / А. А. Новиков. М.: Высш. шк., 1982. С. 190.

10. *Добровольский, Д. О.* Регулярная многозначность в сфере идиоматики [Текст] / Д. О. Добровольский // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 78.

Т. В. Лыскова

ПЕРИФРАЗА КАК ЕДИНИЦА ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ЗОНЫ

Статья посвящена проблеме разграничения перифразы и фразеологизма. Лингвистическая природа рассматриваемого явления анализируется с точки зрения основных категориальных свойств фразеологизмов. Исследование показывает, что в сопоставлении с фразеологизмами перифрастические сочетания являются единицами промежуточной зоны и представляют собой особый тип идиоматических образований.

The article is devoted to a problem of distinction periphrasis and a phraseological unit. The linguistic nature of the considered phenomenon is analyzed from the point of view of the basic categorical properties of phraseological units. The research shows that in comparison with phraseological units periphrasis combinations are units of an intermediate zone and represent special type of idiomatic formations.

Фразеологический аспект выделился одним из первых из традиционного, стилистического изучения перифразы. Лингвистический анализ в исследованиях фразеологической направленности характеризуется двумя противопоставленными позициями. Первая позиция связана с представлениями о перифразе как составной части фразеологического фонда русского языка и основывается на выделении общих признаков фразеологической единицы и перифразы [1]. Вторая, полярная, точка зрения находит отражение в лингвистической литературе, где перифраза выводится за пределы фразеологии [2]. В одних работах перифраза и фразеологизм осознаются в рамках дихотомии язык / речь, где перифраза понимается как единица речи, а фразеологизм – как единица языка. В других трудах перифраза и фразеологизм рассматриваются как единицы одного порядка, но отличающиеся спецификой денотативной отнесенности.

Вместе с тем можно обнаружить третью линию в решении данной проблемы – осознание перифразы как явления промежуточного, переходного, обладающего как признаками фразеологизмов, так и существенными от них отличиями.

Задача статьи заключается в том, чтобы установить, можно ли признать перифразы идиома-

ми и какие перифразы не входят во фразеологический фонд языка, а какие находятся на периферии фразеологической системы.

На наш взгляд, для отграничения перифразы от фразеологических единиц целесообразнее рассматривать данную единицу в рамках идиоматичности, которая трактуется в отечественной лингвистике как невыводимость общего значения устойчивого сочетания слов из суммы значений лексических компонентов (семантическая целостность, слитность значений лексем) (В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, С. И. Ожегов, В. Н. Телия и др.). При этом термин «идиома» служит либо синонимом термина «фразеологическая единица» (А. В. Кунин, О. А. Ахманова, В. М. Мокиенко и др.), либо наименованием одного из разрядов фразеологических единиц (В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, В. Н. Телия и др.). В рамках нашей работы термин «идиома» понимается как фразеологическая единица.

Для того чтобы разграничить перифрастические сочетания и фразеологизмы, обратимся к вопросу о категориальных свойствах фразеологизмов. Рассмотрим данные свойства в сравнительном аспекте:

1. **Раздельнооформленность.** Данный признак очень часто ассоциируется как заведомо присущий фразеологическим единицам. Однако «раздельнооформленность не является структурным признаком фразеологических единиц...» [3]. Это связано с тем, что, во-первых, в языке представлены и другие классы расчлённых номинаций, в том числе и описываемые в данной работе единицы, во-вторых, существуют и цельнооформленные единицы с обобщённо-переносной (фразеологической) семантикой (лизоблюд, развалюха и др.), в-третьих, сами фразеологические единицы являются неоднородным классом единиц (фразеологические сращения, единства, сочетания, выражения), что находит отражение в концепции фразеологической переходности, автор которой указывает на то, что фразеологизмы, отнесённые на периферию идиоматической иерархии, становятся одним из источников фразеологической переходности [4].

2. **Переосмысленность.** Любое изменение буквального значения можно назвать переосмыслением, однако во фразеологизмах наблюдается только один вид переосмысления, а именно семантический перенос, в то время как для перифраз характерен и другой вид переосмысления, в результате чего наблюдается транспонировка с более широкого понятия на более узкое, за счёт чего перифрастическое значение оказывается осложнённым. Приведём примеры: *партия власти* («Единая Россия»), *кремлевский лидер* (Д. Медведев), *главный санитар нашего государства* (Г. Онищенко) и т. д. Отличим данного типа перифраз от фра-

зеологизмов и перифраз, основанных на семантическом переносе, является их прозрачная зона тематической соотнесённости, то есть лёгкость узнавания на фоне житейских знаний.

Примерами публицистических перифраз, значения которых основаны на семантическом переносе, а именно на метафоре, могут быть следующие: *зиревой король* (А. Мощенников), *предбанник Прибалтики* (Белоруссия) и т. д. В данных примерах видим явное наличие значения чего-то абсурдного, чего-то небывалого, никогда не существовавшего. Этот вид переосмысления свойственен также перифразам, основанным на метонимическом переобозначении: *зелёный огонёк* (такси), *малиновые береты* (десантники), *голубые каски* (солдаты ООН) и т. д. Эти перифразы характеризуются наличием омонимичных свободных сочетаний, обозначающих совершенно иные объекты и явления действительности.

3. **Устойчивость в рамках вариативности.** Под устойчивостью в научной литературе понимают, с одной стороны, не что иное, как идиоматичность [5], с другой – «меру ограничения сочетаемости» [6]. Устойчивость и нерасторжимость элементов сочетания, как правило, рассматривается совместно с признаком воспроизводимости, который проявляется в определённых лексико-грамматических комбинациях слов.

4. **Воспроизводимость в готовом виде.** В словарной практике некоторые перифрастические сочетания принято относить к фразеологическим единицам в силу их устойчивости и регулярной воспроизводимости, однако природа воспроизводимости у них иная, чем у фразеологических единиц. Как отмечает Ф. Б. Альбрехт, у фразеологических единиц воспроизводимость обусловлена «моделью целостного смысла, созданного образом (или сохраненного языковой инерцией после утраты образа)» [7], у перифрастических же сочетаний воспроизводимость обусловлена значением компонента, употребленного в переносном смысле. Так, например, в публицистических текстах встречается имя существительное *акула* в значении «опытный и хваткий в своем деле человек», которое в составе перифрастических сочетаний употребляется с именем существительным в родительном падеже: *акулы бизнеса*, *акулы шоу-бизнеса*, *акулы пера* и т. д.

5. **Семантическая целостность.** В. В. Виноградов полагал, что главным фактором семантической целостности является немотивированность фразеологического значения, которое особенно ярко проявляется у фразеологизмов, содержащих лексический компонент с утраченным значением (*бить баклуши*) [8]. В. Савицкий в книге «Основы общей теории идиоматики» придерживается другого мнения: он считает, что главным фактором семантической целостности является

не семантическая немотивированность, а «анизоморфизм (несовпадение структур) семантических планов языковой единицы (то есть её номинативного и реального значений)» [9].

На первый взгляд, признак семантической целостности является объединяющим для фразеологических единиц и перифраз. Однако значение фразеологической единицы переосмыслено целиком: две и более лексемы в составе фразеологической единицы воспринимаются как монолитная единица языка. Кроме того, целостное переосмысление сопровождается последующим абстрагированием значения.

В перифразе же любой структуры чётко просматриваются два компонента, опорный и определяющий, или, по терминологии Т. И. Бытевой, тематический и рематический [10]. Важно отметить, что семантическая целостность, в отличие от фразеологизмов, образуется путём объединения значений обоих компонентов. При этом тематический компонент содержит в своей семантике нечто известное об объекте действительности, что можно назвать старым значением, а рематический компонент – нечто новое, что назовём новым значением. Другими словами, в любой перифразе прослеживается взаимосвязь старого и нового значений, которая в итоге реализуется в преобразованном смысле перифрастического сочетания. Например, в перифразе *живая торпеда* (акула) тема (старое значение) представлена в лексеме *живая*, рема (новое значение) – в лексеме *торпеда*. Прямое значение рематического компонента взаимодействует со старым значением тематического компонента, развивается новое, неузуальное значение «быстро движущийся», в результате чего возникает третий смысл – *акула*.

6. Семантическая осложнённость. Осложнённость значения присуща как фразеологизмам, так и перифразам. Этот признак указывает на то, что обе единицы являются идиомами: представляют собой вторичное языковое образование, имеющее надстройку над первичным. «Идиома вбирает в себя свой буквальный аналог: его структура конгруэнтно накладывается на участок структуры идиомы – это её компликативный компонент» [11], или, по-другому, дополнительный. Так происходит и в «объединённом» значении перифразы: в значениях каждой лексемы, помимо основных, имплицитно присутствуют различные вероятностные смыслы. Они и обеспечивают «приращение смысла».

7. Образность. Это свойство присуще обеим единицам. Под образностью в лингвистической литературе понимается «наличие изобразительности, конкретно-предметного представления, наглядности, “картинности” при обозначении предмета или явления словом или более крупной языковой (речевой) единицей» [12]. Фразеоло-

гическая образность основана на абстрактном метафорическом сближении далёких понятий, при этом фразеологизмы отражают совершенно иные объекты или явления действительности (не включая фразеологические сочетания), чем омонимичные с ними свободные сочетания слов. Образность же перифразы основывается на конкретной корреляции между непереосмысленными, прямыми значениями компонентов перифразы и её реальным значением. Например, рассмотрим метафорическую перифразу *милицейский «археолог»* (следователь): компонент *милицейский* сохраняет корреляцию со старым значением, с «темой», а компонент *«археолог»*, представляющий собой метафору, развивает новое, неузуальное значение «ищущий доказательства», в результате чего образуется реальный семантический план, третий смысл – *следователь*. На основании данного признака одни исследователи относят перифрастическое сочетание к фразеологизмам (В. Савицкий), другие – к отдельному от фразеологических единиц явлению (Т. И. Бытева).

8. Экспрессивность. Экспрессивность в научной литературе трактуют как «семантическую категорию, придающую речи выразительность за счёт взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста, оценочного и эмоционального отношения субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире» [13]. Экспрессивность включает в себя ряд составляющих: образность, эмоциональность, оценочный, стилистический и культурный компоненты.

Данный признак присущ как фразеологизмам, так и перифразам. В лингвистической литературе существует мнение, что перифразы в плане экспрессивности образуют промежуточную зону между фразеологизмами и составными терминами. Так, В. М. Мокиенко по признаку экспрессивности противопоставляет фразеологизмы составным терминам типа *чёрная дыра*, не обладающим экспрессивностью, и при этом отмечает, что перифразы типа *белая страда* «уборка хлопка», *белое зерно* «рис» образуют «зону максимального сближения» этих двух полюсов: у них имеется некоторая доля экспрессивности [14]. Из сказанного можно заключить, что экспрессивность присутствует как у перифраз, не основанных на семантическом переносе, так и у перифраз, базирующихся на метафорическом или метонимическом переносе. Последние в исследованиях нередко называют «суперэкспрессивными» (Т. И. Бытева) или «высокоэкспрессивными и выразительными перифразами» (С. В. Гусева), что сближает их с фразеологизмами.

Таким образом, анализ перифраз в сопоставлении с фразеологизмами показывает, что перифразы являются единицами промежуточной зоны между фразеологией и свободными слово-

сочетаниями и представляют собой особый тип идиоматических образований, которые в зависимости от типа переосмысления могут находиться как на периферии фразеологической системы, так и за её пределами.

Примечания

1. *Базарская, Н. И.* Семантические типы перифраз и их экспрессивные возможности [Текст] / Н. И. Базарская, З. Д. Попова // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. Уфа, 1988. С. 50–57; *Грехнёва, А. В.* Перифраза как лингвистическое явление (на материале русской литературы конца XVIII – начала XIX в.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Грехнёва. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 1999. 20 с.; *Милехина, В. И.* Перифраза в отношении к фразеологии [Текст] / В. И. Милехина, З. Д. Попова // Проблемы фразеологии. Тула, 1981; *Шмелева, И. Н.* Фразеологизация крылатых слов [Текст] / И. Н. Шмелева // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бакина; Академия наук СССР, Ин-т рус. яз. М.; Л.: Наука, 1964. С. 181–199.

2. *Бакина, М. А.* Эволюция поэтической речи XIX–XX вв. Перифраза. Сравнение [Текст] / М. А. Бакина, Е. А. Некрасова. М.: Наука, 1986. С. 3–48; *Моложай, Г. Н.* Перифраза в белорусском литературном языке (структурно-семантическая и стилистическая характеристика) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Моложай; АН БССР. Минск: Изд-во Минск. пед. ин-та им. А. М. Горького, 1971. 22 с.; *Новиков, А. Б.* Субстантивные фразеологизмы и перифразы с именами собственными [Текст] / А. Б. Новиков, В. Д. Бояркин // Вестник АГУ. Сер. История. Язык. Литература. Вып. 4. Л., 1986. С. 112–114; *Синельникова, А. Н.* К вопросу о сущности перифразы как функционально-семантической единицы речи [Текст] / А. Н. Синельникова // Вопросы грамматического строя современного русского языка. М., 1972. С. 255–261.

3. *Назарян, А. Г.* Фразеология современного французского языка [Текст]: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Г. Назарян. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987. С. 37.

4. *Жуков, А. В.* Фразеологическая переходность в русском языке [Текст]: учеб. пособие к спецкурсу / А. В. Жуков. Л.: Мин-во просвещения РСФСР, Ленингр. Ордена Трудового Красного Знамени гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1984. 93 с.

5. *Архангельский, В. Л.* О понятии устойчивой фразы и типах фраз [Текст] / В. Л. Архангельский // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы; под ред. А. М. Бакина; Академия наук СССР, Ин-т рус. яз. М.; Л.: Наука, 1964. С. 102–125.

6. *Копыленко, М. М.* Сочетаемость лексем в русском языке [Текст]: пособие для студентов / М. М. Копыленко. М.: Просвещение, 1973. С. 24.

7. *Альбрехт, Ф. Б.* Проблема определения и описания единиц зоны лексико-фразеологической переходности [Текст] / Ф. Б. Альбрехт // Филол. науки. 2001. № 3. С. 69.

8. *Виноградов, В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография [Текст] / В. В. Виноградов. М.: Наука, 1977. С. 121.

9. *Савицкий, В.* Основы общей идиоматики [Текст] / В. Савицкий. М.: Гнозис, 2006. С. 116.

10. *Бытева, Т. И.* Основы лингвистической теории перифразы [Текст]: учеб. пособие / Т. И. Бытева. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2004. С. 38.

11. *Савицкий, В.* Основы общей идиоматики [Текст] / В. Савицкий. М.: Гнозис, 2006. С. 30.

12. *Матвеева, Т. В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика [Текст] / Т. В. Матвеева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 183.

13. Русский язык: Энциклопедия [Текст] / гл. ред. Ю. Н. Караулов; репр. изд. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. С. 637.

14. *Мокиенко, В. М.* Славянская фразеология [Текст]: учеб. пособ. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. М. Мокиенко; 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. С. 221.

З. М. Раемгужина

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОЗВИЩ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В статье на материале более двухсот прозвищ, собранных в ходе анкетирования студентов вузов Республики Башкортостан, взятых из литературных произведений, детской речи, речи творческой интеллигенции и деклассированных элементов общества, рассматриваются возникновение и функционирование прозвищ.

The present article deals with appearance and functioning of nicknames basing on two hundred nicknames gathered while questioning students in the Republic of Bashkortostan, also taken from literature, children's speech, educated people's speech and declasseed people.

На ранней ступени развития общества каждому человеку было достаточно одного имени, чтобы различать людей между собой в относительно немногочисленном коллективе. Такого рода имена мало отличались от прозвищ. Но с расширением контактов между людьми, возникновением частной семейной собственности, имущественного неравенства появлением права наследования для различия одноименных личностей потребовалась система унификации и социальной дифференциации наименований. Таким образом, наряду с личным именем появилось сначала второе слово – уточнитель (прозвище или отчество), а затем и третье – фамилия. Появление наиболее древних прозвищ, даваемых человеку по тому или иному его свойству или качеству (причем не только при рождении, но и позднее), в антропонимике башкирского народа относят к концу XV в.

Прозвища возникли вместе с потребностью человека в общении. Остроумные, меткие, они прекрасно выполняют эмоционально-экспрессив-

ную функцию. Сегодня в антропонимической науке отсутствует общепризнанное определение термина «прозвище». В башкирской антропонимике почти нет работ, посвященных прозвищам [1].

Прозвище по-башкирски – *кушамат* (*кушым* «добавление» + *ат* «имя» тюрк. *ad*), что дословно означает «дополнительное имя». До принятия ислама слово *ат* «имя» было общим для тюркских народов. В башкирском языке встречаются следующие слова с компонентом *ат*: *кушамат* «прозвище», *яманат* «плохое имя», *ат казанган* «прославивший имя» и т. д. С принятием ислама башкиры заимствовали арабское слово «исму аламин», т. е. *исем* («имя», «название»).

Вторая разновидность имени – *насаб*, что сохранилась в башкирском языке в составе словосочетания *насел-насаб* (родословная). Была и третья разновидность имени – *кунья*. Арабы часто называли человека не по его личному имени и не по имени его отца, а по имени его сына – *Абульхасан*, т. е. отец *Хасана* или дочери *Уммульхасан*, т. е. «дочь *Хасана*». Но уже на заре ислама кунья перестала быть определенной категорией имени. Она служила прозвищем. Во многих случаях куньи по смыслу не отличались от прозвищ. Первые почетные прозвища появились при *Мухаммаде*, который сам назывался *Расулуллах* – «посланник алаха». Многие его сподвижники имели почетные прозвища, обозначавшие их особые заслуги (например: *Асадулла* «лев Аллаха», *Сайфулла* «меч Аллаха» и др.). Так как арабские слова многозначны, то большую часть почетных титулов трудно перевести на другие языки.

Прозвища родились в устной речи, в неприужденной обстановке. Они не уступают по своей силе, меткости и живости именам, и можно лишь удивляться той гибкости, с которой одна и та же черта человека (например, длинный, тонкий, худой) получает разные названия с самыми различными нюансами:

1. Физические данные человеческого организма:
 - здоровый *Угез* «бык»;
 - невысокий, полный человек *Букан* «полено»;
 - рослый, *Багана*, «столб», *Торна* «журавль»;
 - физические недостатки: *Сатан* «хромой»,

Сулак «безрукий».

2. Природные особенности личности:
 - любящий поговорить *Симешке* «подсолнух»;
 - плаксивый *Илак* «плакса»;
 - рассеянный *Асык ауыз* «открытый рот»;
 - часто болеющий *Сырхау* «болезненный»;
 - непоседа *Орсок* «веретено» и др.

3. Отрицательные черты человеческой природы:
 - двуличный *Ике йоз* «два лица»;
 - лживый *Алдаксы*, «лгун»;
 - «неряшливый» *Шатшак* грязнуля;
 - болтливый *Ярык барабан* «сломанный барабан».

Данные прозвища употребляются перед именами собственными, но могут употребляться и отдельно при конкретном условии, что все понимают, о ком идет речь.

Будучи, как и все личные имена, коммуникативными единицами языка, прозвища отличаются от них тем, что они всегда связаны с единственной и определенной личностью. Мы полагаем, что в древнейшие доисторические времена они, очевидно, употреблялись как второе имя, заменяющее и характеризующее основное.

Прозвища связаны с индивидуальными качествами людей, и поэтому в них с большой полнотой обнаруживаются потенциальные возможности экспрессии, образности. Слыша, например, прозвища *Коза*, *Курица*, *Овца*, *Бык*, *Журавль*, *Корова*, *Лиса*, мы ясно представляем субъект, о котором идет речь. Прозвища – это образная характеристика человека. Они достаточно метко и четко – прямо «в десятку» – подчеркивают то, что наиболее выпукло и визуально выражается у человека (наши слабости или ошибки, достоинства или недостатки, сила или слабость, уродство или красота) [2].

Прозвища существовали в древние времена и бытуют поныне. Они живут полной жизнью, как и вся лексика башкирского языка в целом: одни превращаются в архаизмы, другие утрачивают внутренний смысл – в связи с давностью употребления забывается их этимология. В лексике башкирского языка появляются слова-прозвища также и из других языков. Например: *Баба-Яга*, *Чебурашка*, *Каланча* и др.

Состав современных прозвищ в устной речи башкирского языка пополняется и за счет имен литературных и фольклорных персонажей из других языков: *Карабас-Барабас*, *Винни-Пух*, *Кикимора*, *Плюшкин* и др.

Большое количество прозвищ приходит из лексики, обозначающей профессию, должность, социальное положение: *Адвокат*, *Профессор*, *Генерал*, *Шахтер*, *Тракторист* и др.

Прозвища – это разновидность фольклора, одного из важнейших объектов исследования этнографии. Прозвища в своих значениях несут в себе много от прошлого, в том числе наряду с положительными и отрицательными чертами оценочного характера. Если посмотреть в целом на прозвища как тюркского, так и древнебашкирского происхождения, то можно проследить, что (постепенно переходя в имена), как и у большинства тюркоязычных народов, они давались или в связи с особенностями физического развития, или из физических и психологических особенностей ребенка.

Прозвище, как правило, отмечает какое-нибудь свойство, какую-либо особенность человека как живого, думающего, говорящего, чувству-

ющего физико-биологического существа, а именно: черты характера или темперамента.

Понимание содержания и назначения прозвищ – одна из важных ступеней в процессе познания образа, которая ведет к идентичному пониманию авторского видения мира.

Мы понимаем прозвища как разряд антропонимативной структуры, который бытует в неофициальной сфере общения среди определенных корпоративных коллективов, где разговорная речь является основой проявления их специфики – экспрессивно-стилистическая окрашенность, семантическая наполненность, наличие дескриптивной функции, порождающей их ассоциативность и метафоричность.

В обиходно-разговорной речи для именования лиц широко используются прозвища, что определяет вполне закономерный интерес ономастов к изучению их функционирования. Функциональный аспект исследования представлен в работах В. А. Флоровской и П. Т. Поротникова [3].

Различные типы антропонимов, идентифицируя, индивидуализируют объект, но индивидуализируют в разной степени и по-разному. Абсолютную различительную силу при этом имеют неповторяющиеся именованья – они закреплены за одним и только одним определенным лицом. Повторяющиеся идентичные именованья, относящиеся к нескольким лицам, ощущимо теряют свой идентифицирующий смысл. Их дифференцирующие возможности для выполнения различительной функции в речи становятся ограниченными.

Наибольшими различительными возможностями обладают прозвища: они не задаются списком, не подчиняются моде, как имена, а свободно создаются на базе лексического состава языка и сохраняют свое постоянное разнообразие. Прозвища строго индивидуализированы, и следовательно, в пределах одного социального поля они редко повторяются, для различения тезок к прозвищу подключаются добавочные определения или личные имена. В прозвищах не только отмечаются отличительные качества, свойства лица, но и констатируется положительная или отрицательная оценка ими личности. В свою очередь, такие функциональные особенности и специфика прозвищ создают широкие возможности использования их для личного именования в акте речевой коммуникации.

Во-первых, прозвища употребляются в речи как надежный способ различения лиц, у которых совпадают лично-именные формы именования.

Во-вторых, в условиях тезоименности (двуименности), когда в речи возникает необходимость конкретного уточнения личности человека при помощи особых дополнительных именован-

ний, прозвища, отличающиеся от других антропонимов, тем самым удовлетворяют потребности индивидуализации в небольшом коллективе, в семье, дома, в селе, в кругу лиц, связанных профессиональными интересами.

В-третьих, прозвища часто используются в ситуациях, когда необходимо более точно охарактеризовать личность, дать ей объективную оценку, выразить свое индивидуальное отношение в более яркой форме, чем это позволяют сделать другие типы антропонимов.

В современных прозвищах усиливается оценочный элемент [4]. Однако по степени эмоционально-экспрессивной выразительности этого типа прозвища неоднородны. Сравните коннотационный эффект прозвищ, данных, например, по одному и тому же признаку – за ношение очков: *Кузлек* «очки» – профессор, *Дурт куз* «четыре глаза» и др.

Эмоционально-экспрессивные группы воспринимаются личностью скорее всего как «обзыв». Прозвища, дающие положительную оценку внешним или внутренним качествам человека, не считаются, как правило, оскорбительными, к ним в большинстве случаев относятся спокойно, отзываясь на них, как на имена. Обычно не вызывают отрицательной оценки именуемого и отфамильные прозвища, лишенные по своей природе внутренней формы.

Прозвища же, имеющие (иногда предполагающие) отрицательную коннотацию для личности или же дающие негативную характеристику, содержащие указание на те или иные недостатки (например, физические и др.), очень часто бывают причиной резко отрицательной реакции.

Устная речь тесно связана с ситуацией говорения, с теми условиями, в которых осуществляется общение. Речевые ситуации определяют стиль сообщения, нацеливая при этом говорящего на употребление тех или иных форм личного именования. Например, при равных дружеских отношениях в кругу друзей или товарищей используются «положительные» прозвища. При недоброжелательных отношениях между участниками общения часто используются «обидные» прозвища. В плане общественного функционирования прозвища используются для личного и субъективного именования лиц, равных по социальному положению, возрасту, полу. При этом у башкир абсолютно не допускается обращение по прозвищу со стороны младших к старшим по возрасту. Прозвища больше всего распространены, как известно, у сельских жителей. Если в селе несколько тезок, то для определения личности каждому из них легко дают прозвище, при этом в нем характеризуются внешние особенности человека, его характер, привычки или же особенности, фиксирующие какое-либо событие

в жизни человека. У женщин прозвище получают обычно те, которые имеют какой-либо очевидный физический недостаток: *сатан Гатия* «хромая» Гатия, *сулак* «безрукая» и др. В мифологии, в религии, в истории почти любого этноса встречаются такие положительные прозвища-сравнения, как *Елена Прекрасная*, *Юсуф Прекрасный*, *Александр-победитель*, *Ярослав Мудрый* и др. В башкирском языке количество таких персонажей очень ограничено. Например: *Акъял батыр*. *Акъял батыр* – это сказочный герой, убивший хозяина воды *Дию*. *Алмыша* – распространённый в народном творчестве тюркских народов персонаж, имеющий крупное телосложение и отличающийся добротой.

В башкирской мифологии встречаются такие персонажи, как *Юха*. *Юха* – змея старше тысячи лет. Может иметь образ как юноши, так и девушки. В языке словом *Юха* называют очень хитрого, коварного человека. *Аждаха* в башкирской мифологии – живущая болоте огромная многоголовая змея. В китайской мифологии – дракон. В башкирском языке – это прозвище очень злого человека. *Шурале* – мифическое существо с длинными ногтями и волосами, служит прозвищем для обозначения некрасивого человека. *Биран* – отекший, полный, больной человек, любящий поест. Встречаются в башкирском языке названия мифических существ, пришедших с принятием ислама: *Азраил/Газраил* (в диалекте *Ябраил* – ангел смерти) *Шайтан* (араб. змея) – мифическое существо, прозвище неуравновешенных, непоседливых людей; *Ен, ен* – *нафи*, по мифологии одно из трех существ, созданных Аллахом (человек, ангел, *ен* «черт»), прозвище некрасивого человека. Человека, подстрекающего к плохим поступкам, называют *Иблис*. Неопрятно одетого, внешне неприятного человека называют *Бисура* (Бисура – мифический персонаж в образе человека: юноши, девушки или старухи) [5]. В священной книге мусульман Коране сказано: «Обидных прозвищ не давайте» [6].

По всей видимости, для традиционного сознания человеческий организм является наглядной моделью для воссоздания картины «мифического» космоса: воплощенная таким образом картина космической «анатомии» позволяет соотносить голову человека с вершиной горы, спину – с возвышенностью, руки – с руслами и оврагами, ветвями и т. д. С изначальным человеческим естеством, при оценке характера человека, мифопоэтическая традиция связывает с многими видами представителей мира фауны.

Прежде всего, это свидетельствует о самобытности словарного состава каждого языка. При сопоставлении традиционных сравнений, например, в башкирском, русском, немецком языках хитрый человек сравнивается с лисой; трудолю-

бивый человек в немецком и русском сравнивается с пчелой; трусливый человек в этих языках называется зайцем.

В башкирском языке прозвищ с семантически отрицательным значением гораздо больше, чем с положительным.

В башкирском менталитете людям охотно выбираются в качестве прозвища названия животных и птиц; *Бык* – сильный человек, *Щенок* – малорослый, *Корова* – неповоротливый, *Овца* – несмелый, *Волк* – жадный, *Осел* – упрямый, *Лошадь* – трудолюбивый, *Обезьяна* – некрасивый и т. д.

Детские прозвища в основном построены на искажении имен собственных (например, *Рамазанов* – *Рамай*, *Шакиров* – *Шаркай*, *Якупов* – *Якпай* и др.) или с учетом каких-либо иных данных: не умеющий произносить отдельные звуки (*Хакау* «картавый», большоголовый *Куш баш* «двойная голова», большеглазый *Шар куз* «круглые глаза», «косопалый» *Камыт аяк*, «дуга нога», высокомерный *Ата каз* «гусак», *Торна* «журавль» для обозначения высокого роста и т. д.);

– для обозначения прозвищами взрослых фантазийное поле гораздо шире: неровное лицо *Быжыр* «рябой», безволосый *Газ* «лысый». Это прозвище большое распространение находит в башкирских сказках, эпосах, очевидно, болезнь лишая была широко распространена среди башкир, которые тесно общались с животными в повседневной жизни;

– туповатых людей называли *Кебек баш* «голова-мякина», *Тауык мейе* «куриные мозги»; крикливых, несдержанных в речи людей называют *Ярык барабан* «разбитый барабан» и др.

Прозвищ бесконечно много в каждом языке, для любого предмета объективной действительности можно для сравнения найти параллель или похожую аналогию в анатомии человека. При этом, однако, названия предметов будут включать только те слова, которые человек видит вокруг себя или имеет, по крайней мере, представление о них.

По традиции у башкир, как и у других тюркских народов, считается неуважительным обращение к старшему по имени, тем более сокращение имен. Например, *Зайтуна* – *Зайтук*, *Ямля* – *Ямшек*, *Бибикамал* – *Бибекай* и др. В целом усечение является весьма продуктивным способом образования разговорных форм личного имени. По сути, они переходят в разряд прозвищ. Прозвищем может становиться и какое-либо событие (обычно отрицательного характера), которое произошло с человеком, например, *буф Фархи* вор Фархи (сокр. от Фархетдин) и др.

Достаточно интересная тенденция наблюдается в мотивах давать прозвища среди студенческой молодежи, где в качестве прозвищ встречаются наравне с башкирскими слова русского

языка или имена персонажей фильмов, например:

– по внешним данным: *Обезьяна*, *Коза*, *Ромашка (кудрявая)*, *Колобок*, *Фредди Крюгер*, *Очкарик*, *Слон*, *Сыпсык (воробей)*, *Чебурашка*;

– по схожести звучания с именем: *Насекомое (Насима)*, *Хребет (Хасанов)*, *Фунтик (Финат)*, *Кузя (Кузьмин)*, *Карлсон (Карлович)*, *Мазат (Мазитович)*, *Богатый (Баймухаметов)*, *Утка (Утяшева)* и т. д.;

– по внутренним качествам личности: *Сундук (много знает)*, *Шакал (за вредность)*, *Мишка (за грубый голос)*, *Чубайс (за нечистоплотность)* и т. д. [7]

Как видно из этих примеров, некоторые прозвища заимствованы из кино, литературы. Например, *Винни-Пух*, *Чебурашка*, *Фредди Крюгер*, *Кинг-Конг*. Эти прозвища вошли в стандартный антропонимический лексикон современной учащейся башкирской молодежи.

Одним из способов формирования арготической лексики является заимствование слов из других языков с образованием новых значений, в частности, заимствование собственных имен людей. Антропонимы в арготе представлены именами, фамилиями и отчествами. Обширную группу такого рода антропонимикона составляют мужские и женские имена собственные как русского языка, так и иностранных языков.

Из криминального жаргона: *Макар* (неизвестный преступник), *Габрила* (петля-удавка), *Загиб Иванович* (смерть), *Юрик* (вор), *Катя* (пальто с карманами), *Катюха* (сто рублей); гомосексуалиста в уголовной среде называют: *Маруся*, *Дашка*, *Катя*, *Люська*, *Маня*, *Манька*, *Маша*, *Настя*, *Наташка*.

Некоторые мужские антропонимы составляют ряд арготической группы, характеризую лиц мужского пола:

– по их профессиональной деятельности: *Алешка* (лакей), *Жорж* (священнослужитель) и др.;

– по национальной принадлежности: *Джон* (иностранец), *Кирилл* (цыган) и др.;

– по их внутренним качествам: *Дема* (обманщик) и др.;

– по отношению к употреблению спиртного: *Максим* (пьяный), *Мишка* (пьяница) и др.;

– по качествам ума: *Баня*, *Ванек*, *Маша* и др.

В их арготе имеется незначительное число антропонимов собственно башкирского языка, например: *Ляйля* (означает ночь), *Люзия* (от испанского – *Лусия* означает «театр»), *Хава/Хауа* (река), мужское имя собственное *Нур* означает «озеро», суффикс – *бике* «женщину», *бай* «богатый человек или начальник отряда» и другие.

Таким образом, прозвища имеют богатые языковые источники. Они образуются на основе как

лексики собственно башкирского языка, так и других языков.

Примечания

1. Раемгужина, З. М. Формирование антропонимической системы башкирского языка [Текст] / З. М. Раемгужина. Уфа, 2006.

2. Флоровская, В. А. Из наблюдений над употреблением антропонимов в бытовом и официальном общении [Текст] / В. А. Флоровская // Очерки по лексике и фразеологии. Ростов н/Д, 1974. С. 261.

3. Там же. С. 218.

4. Карпенко, М. В. Особенности антропонимики русских сел Одесской области [Текст] / М. В. Карпенко // Питание ономастики Пивденной Украины. Киев, 1974. С. 157.

5. Хисамитдинова, Ф. Г. Башкорт мифологияһы [Текст] / Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа, 2002. С. 14, 30, 58. На башк. яз.

6. Коран [Текст] / пер. и комм. В. Пороховой. М., 2004. С. 49.

7. Данные анкетирования автора среди студентов уфимских вузов, 2005 г.

Е. Н. Морозова

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНТЕКСТА И ГЛАГОЛЬНОЙ ВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ (НА ПРИМЕРЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ)

В статье рассматривается взаимосвязь глагольной формы и контекста, в котором она употребляется, вводится понятие «контекстного времени» и рассматривается его роль в диктежном членении текста.

In this article we consider the interdependence of a verb form and the context in which it is used; we introduce the notion of “contextual time” and investigate its role in the dictemic division of the text.

Изучение контекстной семантики является перспективным современным направлением филологии. Многие ученые, обращаясь к контексту, находят ответы на «лингвистические загадки», ранее казавшиеся неразрешимыми. Однако, изучая язык через контекст (который является реализацией языка, развертыванием его в речь), лингвисты сталкиваются с новыми проблемами и загадками.

Обращение к контексту рассматривается многими филологами как способ избавиться от проблем, связанных с полисемией, омонимией, синонимией и т. д. Контекст помогает в разграничении лексических единиц.

Грамматическая форма обладает более абстрактным, чем лексическое, значением, поэтому она еще более тесно связана с контекстом. Функционирование грамматической формы в речи

зависит как от лексических единиц, ее заполняющих, так и от грамматических форм, ее окружающих, то есть мы наблюдаем глубинные семантические взаимодействия значения грамматических форм и семантики конкретных словесных единиц.

В речи и в художественной литературе часто можно встретить подтверждение зависимости грамматической формы от контекста, в котором она употребляется. Так, глагольные временные формы часто не просто служат для формирования контекста, но и сами испытывают на себе его влияние.

Примером могут служить грамматические омонимы, единственным способом разграничения которых является контекст:

'Here has been little Mrs Ferrari, my dear, in a dreadful state of mind, enquiring when you **would be back.**' [1] («Future-in-the-Past»)

'If I had not consented to let that unfortunate man refer to me by name, the late Lord Montbarry **would never have engaged** him, and his wife **would have been spared** the misery and suspense from which she is suffering now.' [2] (The Conditional Mood)

В первом примере *would* является вспомогательным глаголом для образования «будущего в прошедшем». Действие в придаточном дополнительном предложении *when you would be back* явно относится к будущему. Оно реально осуществимо, хотя лишь с некоторой долей гипотетичности, присущей всем будущим действиям. В других контекстах та же самая форма может выражать нереальное условие и относиться к настоящему. Например:

– You are late!

– Sorry, I **would be back** in time if I had my wrist watch with me.

В связи с этим некоторые лингвисты считают, что такие категории, как время, наклонение, выражаемые глагольными формами, «функционально могут быть как категориями частей речи, так и предложения» [3]. «Категория времени принципиально отлична от подлинно глагольных категорий, так как она связана с самой сущностью речевого акта, с межперсональными отношениями» [4].

Личная глагольная форма, являясь предикатом в предложении, естественным образом относит содержание всего предложения к действительности (а не просто характеризует процесс как таковой), таким образом, представляя собой основное средство выражения времени протекающего процесса. Адвербиалии рассматриваются обычно как вспомогательные средства. Многочисленные примеры, однако, показывают, что влияние контекста на значение грамматической формы часто оказывается более сильным, чем влияние формы на контекст, точнее мы наблюдаем

взаимодействие грамматической формы и контекста, в котором она употребляется. Это взаимодействие и порождает предикативное значение, а категория времени является в данном случае не морфологической, а синтаксической. Иногда узкого грамматического контекста, ограниченного рамками предложения, недостаточно для раскрытия истинного значения формы. В этом случае мы обращаемся к более широкому контексту, рассматривая предикацию всей диктемы [5], которая обычно бывает полипредикативной. Особенно хорошо процесс взаимодействия формы и контекста прослеживается в случаях оппозиционного замещения.

Например, оппозиционное замещение по категории вторичного времени: ...The strange thing is that he's very nearly a great painter. He has the most fascinating sense of colour in the world, and the more intoxicated he is, the more delicate and beautiful is his painting. Sometimes, after more than the usual number of aperitifs, he **will sit down** in a café to do a sketch, with his hand so shaky that he can hardly hold a brush; he has to wait for a favourable moment, and then he makes a jab at the panel [6].

Это случай нисходящей транспозиции. Для описания героя в данном примере используется настоящее время. Наличие в форме *will sit down* значения будущности исключается. Поэтому мы рассматриваем *will* не как вспомогательный глагол грамматической формы будущего времени, а как модальный со значением привычного, повторяющегося действия.

В случае восходящей нейтрализации можно наблюдать обратное: 'Suppose I **write** and ask my lawyer (who is also my friend and trustee) to come and advise us tomorrow after his business hours?' [7].

'What time is she **coming** tomorrow? Before two? I'll look into the drawing-room by accident – I am dying to be introduced to her!' [8].

Итак, мы, опираясь на контекст, рассматриваем формы настоящего *write, is coming* как выражающие действия в будущем.

При восходящей транспозиции это взаимодействие еще сложнее. Форма настоящего времени выражает значение своего противочлена, сохраняя своё как фоновое [9].

Например: 'When you next write, I hope to hear that you **are** in better health and spirits, and that you **continue** to like your employment.' [10].

Мысль о том, что время является синтаксической категорией, может быть подтверждена наличием значения будущности у форм, изначально для этого не предназначенных, то есть оно не зафиксировано в форме (как у сочетания глаголов *shall/will* с инфинитивом), а приобретает ее в речи, например:

а) у сочетаний модальных глаголов с инфинитивом: 'You will tell Miss Lockwood what has

happened, and she **may refuse** to see me. I will go there at once, and you shall go with me.' [11]

'No', she resumed, placidly picking up the lost thread of the conversation, 'I don't know why Miss Lockwood is coming here, I only know that we **are to meet** in Venice' [12];

б) у форм косвенных наклонений:

'I don't care about this bit of money – I never did like the man who has left it to me, though he was your brother. If I lost it all tomorrow, I **shouldn't break** my heart; I'm well enough off, as it is, for the rest of my days.' [13]

'Make your mind easy, sir; I shall find the proof that everybody asks me for in her guilty face. **Let her only change** colour by the shadow of a shade – **let her eyes only drop** for half an instant – I shall discover her!' [14]

Повелительное наклонение, однако, органически связано с будущим, выражая побуждение к действию, которое следует совершить, по мнению говорящего, и часто само влияет на окружающий контекст;

в) у неличных форм (инфинитив и герундий) в некоторых конструкциях (это можно подтвердить путем трансформаций):

'Mr Henry Westwick decided to **go** to Venice in advance of the rest, to test the accommodation of the new hotel on the opening day.' [15] → Mr Henry Westwick decided that he would go to Venice in advance of the rest, ...

'She opened the door – suddenly, as if she was afraid of **being called back** for the second time – and left them.' [16] → ...as if she was afraid that she would be called back for the second time...

Как известно, в английском языке неличные формы не обладают категорией времени. Временное значение появляется в них лишь в некоторых контекстах под влиянием семантики личных форм, функций самых неличных форм и общей семантики предложения или диктемы в целом.

Что же заставляет нас воспринимать действие как будущее?

Например, в данном отрывке текста, совпадающем с одной диктемой, нет ни грамматических, ни лексических показателей будущего времени, а именно, грамматических форм будущего времени и наречий, указывающих на будущее. Однако совершенно очевидно, что время в диктеме – будущее.

'Very well. Open the house-door for me without making any noise, and leave the lady in undisturbed possession of the consulting-room. When she gets tired of waiting, you know what to tell her. If she asks when I am expected to return, say that I dine at my club, and spend the evening at the theatre. Now then softly, Thomas! If your shoes creak, I am a lost man.' [17]

Во-первых, формы повелительного наклонения ориентируют на совершение какого-то дей-

ствия в будущем (*open, leave, say*). Невозможность употребить формы будущего времени в придаточных предложениях времени и условия не снимает значения будущности в формах *gets, asks, creak*. Это пример восходящей нейтрализации по категории вторичного времени. То же можно сказать и о формах *dine* и *spend*, выражающих будущее, запланированное по собственному графику, действие. *You know what to tell her* легко трансформируется в нашем сознании в *you know what you should/must tell her*, а *when I am expected to return* в *when they expect I will return*. Предложение, завершающее диктему (... I am a lost man), содержит явно транспонированную форму *am*, которая, выражая будущее время, сохраняет значение настоящего, из-за чего становится очень экспрессивной.

Таким образом, время в диктеме выражается совокупностью грамматических, лексических, стилистических средств, включающей в себя даже значение союзов *if* и *when*, помогающих сориентироваться во времени. Отдельное предложение в диктеме ориентировано на общее значение диктемы. Это помогает нам определить значение каждой отдельной глагольной формы. Выражение времени относится к предикации. Функцией диктемы наряду с полиноминатией, тематизацией и стилизацией является (поли)предикация, то есть отнесение всей ситуации к действительности [18].

Таким образом, одной из характеристик диктемы является принадлежность предложений, ее составляющих, к одному временному пласту. В этом случае мы можем говорить о «контекстном времени» (термин наш). При смене «контекстного времени» меняется ситуация (пространство – время), что ведет к смене темы, то есть к смене диктемы.

Например:

1. Arthur gave a little laugh and pressed her hand. She would not let him go, and he felt that she was trembling. Personally, he had no doubt about the matter. He would have no trifling with credibility. Either Haddo believed things that none but a lunatic could, or else he was a charlatan who sought to attract attention by his extravagances. In any case he was contemptible. It was certain, at all events, that neither he nor anyone else could work miracles.

'I'll tell you what I'll do,' said Arthur. 'If he really knows Frank Hurrell I'll find out about him. I'll drop a note to Hurrell tonight and ask him to tell me anything he can.'

'I wish you would,' answered Susie, 'because he interests me enormously. There is no place like Paris for meeting queer folk. Sooner or later you run across persons who believe in everything. There's no form of religion, there's no eccentricity or enormity, that hasn't its votaries. Just think what a privilege it is to come upon a man in the twentieth century who honestly believes in the occult.' [19]

В данном примере три диктемы совпадают с абзацами. В первой диктеме ведется повествование в прошедшем, во второй говорящий сообщает о том, что он собирается предпринять, перемещая нас в будущее. В третьей его собеседник ведет размышления в настоящем времени. Таким образом, при смене «контекстного времени», то есть временного пласта, меняется ситуация, мы переносимся в другие временные и, соответственно, пространственные условия. Вместе с этим меняется и тема, что приводит к смене диктемы, так как одна из функций диктемы – тематизирующая [20]. Но обратного не происходит. Смена диктемы не обязательно ведет к смене «контекстного времени».

В случае, когда один абзац включает в себя несколько диктем, смена «контекстного времени» помогает в их разграничении. Здесь важно помнить, что мы рассматриваем именно время в контексте, а не глагольные временные формы. В следующем примере абзац состоит из двух диктем, которые разграничиваются знаком || (знак наш).

Three days passed before Henry was able to visit Agnes again. In that time, the little cloud between them had entirely passed away. Agnes received him with even more than her customary kindness. She was in better spirits than usual. || Her letter to Mrs Stephen Westwick had been answered by return of post; and her proposal had been joyfully accepted, with one modification. ¶ She was to visit the Westwicks for a month – and, if she really liked teaching the children, she was then to be governess, aunt, and cousin, all in one – and was only to go away in an event which her friends in Ireland persisted in contemplating, the event of her marriage [21].

В первой диктеме описывается состояние девушки и ее поступки, с ним связанные. Повествование ведется в прошедшем времени. Во второй диктеме речь идет о том, что ожидает девушку в будущем. Со сменой времени меняется и тема. Однако между этими диктемами имеется связующий элемент. Он относится ко второй диктеме, согласуясь с ней в теме, и отделяется от нее знаком ¶ (знак наш). Эти две диктемы не случайно объединены в один абзац. Они тесно связаны друг с другом, так как вторая является объяснением первой – у девушки было благожелательное настроение потому, что она получила письмо, которое раскрывало перед ней хорошие перспективы, сулило ей осуществление того, о чем она мечтала. Факт получения письма и является связующим элементом, вводя новую диктему, описывающую будущее героини.

Итак, помимо морфологических временных форм, зафиксированных в языке, существует синтаксическая категория – «контекстное время». Она-то и отражает истинное отнесение описываемой ситуации к действительности, независимо от того, описывается ли какое-то событие в од-

ном предложении или в целой диктеме. Предикация диктемы (обычно полипредикация) складывается из предикаций предложений, в нее входящих. Таким образом, предикативная функция диктемы, как и номинативная, играет дифференцирующую роль, не давая предложениям слипаться в одно и представляя событие в диктеме как комплексное явление, включающее в себя череду взаимосвязанных явлений (событий, процессов и так далее). Тематизация и стилизация, наоборот, не дают предложениям «распадаться», объединяя их в смысловые блоки, из которых и строится текст. «Контекстное время», являясь, с одной стороны, частью предикации, помогает определить место события в действительности, помогая найти его в умственной системе координат. С другой стороны, «контекстное время» связано с тематизацией, задавая пространственно-временной отрезок, в котором и заключено данное, описываемое в тексте, событие и за пределами которого начинается описание нового события. Это дает нам еще одно подтверждение того, что все функции диктемы взаимосвязаны и взаимозависимы. Работая вместе, составляя уникальную совокупность, эти функции и дают возможность выделить диктему – отдельную, верхнюю единицу в уровневой системе языка.

Примечания

1. Collins, W. The Haunted Hotel and Other Stories [Text] / W. Collins. Hertfordshire, 2006. P. 26.
2. Там же. С. 38.
3. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики [Текст]: учебник / М. Я. Блох. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2004. С. 144–167.
4. Штелиг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке [Текст]: учеб. пособие / Д. А. Штелиг. М.: МГИМО: ЧеРо, 1996. С. 223.
5. Термин был введен М. Я. Блохом в работе «Проблема основной единицы текста» (1985).
6. Моэм, У. С. Маг [Текст]: книга для чтения на английском языке / У. С. Моэм. СПб.: КАРО, 2007. С. 40.
7. Collins, W. Указ. соч. P. 31.
8. Там же. С. 71.
9. Блох, М. Я. Категория оппозиционного замещения [Текст] / М. Я. Блох // Вопросы теории английского языка: сб. тр. Вып. I. М.: МГПИ, 1973. С. 38–39.
10. Collins, W. Указ. соч. P. 76.
11. Там же. С. 53.
12. Там же. С. 92.
13. Там же. С. 64.
14. Там же. С. 49.
15. Там же. С. 76.
16. Там же. С. 59.
17. Там же. С. 4.
18. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка [Текст] / М. Я. Блох // ВЯ. 2000. № 4. С. 63.
19. Моэм, У. С. Указ. соч. С. 66.
20. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка. С. 62–63.
21. Collins, W. Указ. соч. P. 65.

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ТЕСТОВ:
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК»)**

Статья посвящена проблеме тестовой диагностики качества обучения иностранным языкам в техническом вузе. Предлагается методика проектирования текстоцентрических тестов, позволяющая на основе формализованного подхода проводить лингводидактические измерения с целью выявления уровней владения английским языком в условиях «отложенной» коммуникации.

The paper deals with a problem of assessment of foreign language proficiency in the area of professional education. The key idea is to introduce a model of text-oriented tests and to define its design parameters to improve the reliability of test procedures. Special attention is paid on accuracy of decisions when evaluating students' competence in the context of indirect communication.

Факт вхождения России в состав стран – участниц Болонских соглашений во многом требует переосмысления не только содержания образовательных программ [1], но и эффективного решения проблем диагностики и контроля знаний, получаемых в стенах высших учебных заведений. Именно поэтому особое внимание отечественных исследователей привлечено к созданию надежной системы оценки качества высшего образования.

В соответствии со сложившейся традицией действие такой системы строится на применении комплекса тестовых материалов, охватывающего все основные предметные направления в области высшего образования, а оценка результатов тестирования осуществляется посредством использования специальных диагностических процедур.

В последнее время наиболее интересные разработки в этой области принадлежат коллективу Национального аккредитационного агентства в сфере образования. Одним из направлений работы этого коллектива является проект «Интернет-экзамен», в основе которого лежит идея использования формализованных подходов для оценки качества усвоения учебного материала.

Для реализации данного проекта создана и постоянно обновляется база тестовых заданий, в том числе и в рамках дисциплины «Иностранный язык». Работа по созданию и расширению базы ведется в двух направлениях. Во-первых, осуществляется систематизация тестовых материалов в соответствии с критериями, разработанными в документах Совета Европы [2]. Во-вторых, разработана методология, обрабатывается

и совершенствуется технология языкового тестирования, основанная на компетентностной модели обучения.

Цель такого тестирования – попытка выявить и измерить коммуникативную компетентность студентов, изучающих английский язык в неязыковых вузах. Задачей разработчиков является создание и внедрение системы тестовых заданий, которая позволила бы, в контексте коммуникативных компетенций, осуществлять диагностику качества языковых знаний и оценку уровня сформированности коммуникативных навыков студентов высшей школы.

Поставленная задача решается на базе компетентностного подхода, в рамках которого действуют принципы *системности*, *функциональности* и *фрагматичности*. Эти принципы помогают регулировать процедуру отбора тем для тестовых заданий, а также разработать структуру теста, разделы которого соотнесены с теми областями профессиональной деятельности, в которых может потребоваться практическое применение иностранного языка. Комплекция языкового материала также осуществляется с учетом соотнесенности разделов теста с конкретными областями профессиональной деятельности, при этом в каждом из разделов имеются задания, позволяющие выявлять и оценивать уровень языковой и коммуникативной компетенции студентов применительно к отдельным видам коммуникативной деятельности.

Чтобы упорядочить процедуру отбора тестовых материалов и определить область их применения в структуре языкового теста, потребовалось выработать критерии, позволяющие соотнести виды коммуникативной деятельности с областями их применения.

Решение данной проблемы было получено путем смысловозначительного разделения понятий «компетенция» и «компетентность» [3], терминологическая интерпретация которых представлена ниже (см. табл. 1 и 2).

Поскольку такое разделение понятий при рассмотрении проблем языкового тестирования является особенно значимым, представляется целесообразным, в рамках данной работы, присвоить им значения, исходя из их объектно-субъектной ориентации. Термин «компетенция», учитывая его объектную ориентацию, – использовать для обозначения четко очерченной сферы активности/области, в рамках которой должна осуществляться определенная практическая деятельность. Термин «компетентность», ввиду его субъектной ориентации, – для обозначения способности адекватно функционировать с целью получения желаемых (планируемых) результатов специализированной деятельности в заданных условиях (сфере/области).

Таблица 1

Компетентностный подход
в языковом тестировании

ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ (прямая/непосредственная коммуникация)	
Компетентность (субъектная ориентация)	Компетенция (объектная ориентация)
Вид деятельности	Область применения
Распознавание звуковой информации	Аудирование
Порождение звуковой информации	Речь

Таблица 2

ПРОДУКТ КОММУНИКАЦИИ («отложенная»/опосредованная коммуникация)	
Компетентность (субъектная ориентация)	Компетенция (объектная ориентация)
Вид деятельности	Область применения
Декодирование письменной информации	Чтение
Кодирование письменной информации	Письмо

Апробация первых версий многовариантного комплекса тестовых заданий включала разделы, связанные с диагностикой коммуникативной компетентности в области «отложенной» коммуникации. Это объясняется тем, что, во-первых, работа с текстовой информацией в условиях «отложенной» коммуникации занимает в ходе обучения в неязыковых вузах особое место: на нее затрачивается значительная часть учебного времени. Во-вторых, базовый лингвистический минимум знаний при языковом обучении взрослых, как показывает практика, наиболее эффективно усваивается в контексте письменной коммуникации. Кроме того, чтение – это главный источник информации общеобразовательного и профессионального характера.

Анализ полученных результатов позволил уточнить дальнейшие задачи исследования и пересмотреть некоторые традиционные методические концепции и лингводидактические положения. Опора на компетентностный подход и принципы системности, функциональности и прагматичности подтвердили необходимость выделения единой *дидактической единицы* тестирования (далее ДЕ), тем более что единообразие и однородность объектов измерения способствует устойчивости в функционировании системы формализованной оценки качества выполнения заданий языкового теста.

В качестве ДЕ тестирования, учитывая коммуникативно-компетентностные характеристики тестовых материалов, был избран текст, кото-

рый использовался в качестве основной дидактической единицы (ОДЕ) и единицы текста (слово, словосочетание, предложение и комплекс предложений/абзац), которые, с учетом их текстовых характеристик, рассматривались как дополнительные дидактические единицы (ДДЕ).

Текст при этом рассматривался как коммуникативная единица, которая, обладая признаками смыслового единства и коммуникативной значимости и представляя собой упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способна передавать определенным образом организованную информацию. Это позволило обеспечить критерий целостности для всех предъявляемых тестовых материалов, сохранив при этом их коммуникативно-компетентностные характеристики.

Обычно за ДЕ тестирования в языковых тестах принимаются разноплановые лингвистические объекты и понятия: «лексика», «грамматика», «речевой этикет», «чтение» и т. д. Выбор текста в качестве основной ДЕ и единиц текста – в качестве дополнительных ДЕ не означает отказа от перечисленных выше значимых языковых реалий. Напротив, все они предусмотрены при проектировании теста, но представлены в тестовых заданиях имплицитно.

При проектировании теста учитывались те виды обработки письменной информации, которые имеют место при поиске и изучении текстов профессионально направленной ориентации. Структура измерительных материалов была представлена в виде блоков, каждый из которых включает набор заданий одинакового уровня сложности и организован по принципу «множественного выбора» (позволяет осуществлять выбор правильного ответа из четырех предложенных вариантов). Спецификация заданий каждого блока обусловлена прагматическими потребностями пользователя языка [см. приложение].

Характер выбранных вариантов ответов и полнота выполнения набора заданий в составе представленных блоков позволяет проводить диагностику и осуществлять лингводидактические измерения языковых компетенций в контексте одного и того же текста, даже в том случае, если объектом измерения является ДДЕ. Такой подход упрощает процедуру диагностики, оценка результатов тестирования становится более прозрачной, а анализ полученных данных может быть соотнесен с такими фундаментальными критериями, как *валидность, надежность и выполнимость* [4].

Предлагаемая концепция создания тестовых материалов [5] отвечает требованиям личностно-деятельностной стратегии обучения, поскольку обеспечивает:

- (а) нацеленность на конкретные сферы применения знаний и умений;
 (б) ориентацию на получение заранее спланированного результата;
 (в) возможность выбора варианта решения;
 (г) наличие алгоритма выполнения тестового задания.

Если все эти аспекты учтены в концепции языкового тестирования и система тестовых заданий отражает их наличие, полученные результаты будут отражать реальный уровень того, как обучаемые знают язык, какие коммуникативные умения демонстрируют и как способны действовать, успешно применяя знания, в реальном мире.

Примечания

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика [Текст] / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез // М.: Изд. центр «Академия», 2004; Никитаев, С. Н. Болонский процесс и государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования нового поколения. Современные теории и методы обучения иностранным языкам [Текст] / С. Н. Никитаев // М-лы Второй междунар. научн.-практ. конф. «Языки мира и мир языка» / Моск. акад. экономики и права. М.: Экзамен, 2006. С. 9–12; Новые государственные стандарты по иностранному языку [Текст]. М.: Астрель, 2004; Перфилова, Г. В. Компетентностный подход и его реализация в современном образовательном контексте [Текст] / Г. В. Перфилова // Компетентностный подход как основа совершенствования методики обучения иностранному языку в неязыковых вузах: Проблемы и перспективы. М.: Рема, 2008. С. 18–29. (Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 546. Сер. Лингводидактика); Программа курса иностранного языка для вузов неязыковых специальностей [Текст]. М.: МГЛУ, 2004.

2. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Совет Европы. Страсбург, 2001 [Текст]. М.: МГЛУ, 2003.

3. Андреев, А. Знания или компетенции? [Текст] / А. Андреев // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 38; Гончарова, Н. А. Категории «компетентность» и «компетенция» в современной образовательной парадигме [Электронный ресурс] / Н. А. Гончарова // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. № 5; Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Текст] / И. А. Зимняя // Образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42; Зотова, И. Н. Психолого-педагогическая поддержка развития коммуникативной компетентности студентов технического вуза [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И. Н. Зотова. Ставрополь, 2006.

4. Общеввропейские компетенции...

5. Тер-Авакян, И. В. Языковое тестирование: Новые подходы (на материале дисциплины «Английский язык») [Текст] / И. В. Тер-Авакян // Языковое тестирование: Новые подходы (на материале дисциплины «Английский язык»). Йошкар-Ола: Национальное аккредитационное агентство в сфере образования, 2008. С. 30–58.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Структура измерительных материалов (фрагмент)

Дисциплина: Английский язык

ОДЕ 1 (Текст)

Вид проверки: Декодирование информации

Спецификация заданий: Тематическая ориентация в содержании текста

(Критерий освоения ДЕ: не менее 2 правильно выполненных заданий.)

1	Просмотровое чтение: Выявление тематической направленности текста
2	Просмотровое чтение: Определение характера развития темы
3	Просмотровое чтение: Выявление тематически значимой информации посредством сопоставления компонентов текста
4	Просмотровое чтение: Определение предметной области и сферы потенциального применения извлеченной информации

ОДЕ 1 (Текст)

Вид проверки: Декодирование информации

Спецификация заданий: Извлечение информации по заданным параметрам

(Критерий освоения ДЕ: не менее 2 правильно выполненных заданий.)

5	Поисковое чтение: Извлечение запрашиваемой информации
6	Поисковое чтение: Извлечение запрашиваемой информации
7	Поисковое чтение: Извлечение и интерпретация запрашиваемой информации
8	Поисковое чтение: Извлечение и интерпретация запрашиваемой информации

ОДЕ 1 (Фрагмент текста)

Вид проверки: Декодирование информации

Спецификация заданий: Осмысление содержания текста

(Критерий освоения ДЕ: не менее 2 правильно выполненных заданий.)

9	Ознакомительное чтение: Выявление ключевых предложений текста
10	Ознакомительное чтение: Определение истинности утверждения на основе сопоставительного анализа предложенных вариантов
11	Ознакомительное чтение: Формулировка главной идеи текста

ДДЕ 1 (Предложение в составе фрагмента текста)

Вид проверки: Декодирование информации
Спецификация заданий: Изучение и интерпретация смысла предложения

(Критерий освоения ДЕ: не менее 2 правильно выполненных заданий.)

12	Изучающее чтение: Обработка информации посредством структурно-логического анализа предложения
13	Изучающее чтение: Обработка информации посредством структурно-логического и грамматического анализа предложения
14	Изучающее чтение: Обработка информации посредством грамматического анализа компонента предложения
15	Изучающее чтение: Обработка информации посредством структурно-смыслового анализа компонента предложения

ДДЕ 2 (Словосочетание в составе предложения)

Вид проверки: Декодирование информации
Спецификация заданий: Смысловая ориентация в структуре словосочетания

(Критерий освоения ДЕ: не менее 3 правильно выполненных заданий.)

16	Извлечение запрашиваемой информации посредством структурно-логического анализа именного словосочетания
17	Извлечение запрашиваемой информации посредством структурно-логического анализа именного словосочетания
18	Извлечение запрашиваемой информации посредством структурно-логического анализа именного словосочетания
19	Извлечение и интерпретация запрашиваемой информации посредством структурно-логического анализа глагольно-именного словосочетания
20	Извлечение и интерпретация запрашиваемой информации посредством структурно-логического анализа глагольного словосочетания
21	Извлечение и интерпретация запрашиваемой информации посредством структурно-логического анализа глагольного словосочетания

ДДЕ 3 (Слово в составе словосочетания)

Вид проверки: Декодирование информации
Спецификация заданий: Уточнение смысловой функции слова

(Критерий освоения ДЕ: не менее 4 правильно выполненных заданий.)

22	Извлечение запрашиваемой информации посредством анализа морфологической формы и функции слова в составе словосочетания
23	Извлечение запрашиваемой информации посредством анализа морфологической формы и функции слова в составе словосочетания
24	Извлечение запрашиваемой информации посредством анализа морфологической формы слова и привлечения фоновых знаний
25	Извлечение запрашиваемой информации посредством смыслового анализа контекста и привлечения фоновых знаний
26	Извлечение запрашиваемой информации на основе обобщенно-логического значения артикля
27	Извлечение запрашиваемой информации на основе обобщенно-логического значения предлога
28	Извлечение запрашиваемой информации на основе обобщенно-логического значения местоимения
29	Извлечение запрашиваемой информации на основе обобщенно-логического значения союза

ДДЕ 3 (Слово в составе словосочетания)

Вид проверки: Декодирование информации
Спецификация заданий: Уточнение значения слова с помощью грамматических маркеров

(Критерий освоения ДЕ: не менее 3 правильно выполненных заданий.)

30	Имена: Определение класса и уточнение значения слова: Суффиксы
31	Имена: Определение класса и уточнение значения слова: Суффиксы
32	Имена: Уточнение значения слова: Префиксы
33	Имена: Уточнение значения слова: Префиксы
34	Глагол: Определение класса и уточнение значения слова: Суффиксы
35	Глагол: Уточнение значения слова: Префиксы

Языковая картина мира. Концепт. Фреймовый анализ. Языковая личность. Лингвокультурологический анализ языковых фактов

Л. Ю. Касьянова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО СЛОЯ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССАХ ОБНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматривается один из динамичных процессов в русском языке конца XX – начала XXI в. – актуализация периферийного слоя лексики, исследуется роль данного процесса в обновлении языковой картины мира, анализируются семантические изменения лексических единиц социально-политической сферы, вернувшихся из пассивного фонда языка в активное употребление.

The article deals with one of the dynamic processes in the Russian language of the end of XX – the beginning of XXI century – the actualization of lexical layer of the outlying districts, the role of a given process in the renovation of linguistic view of the world, semantic changes of lexical units within a socio-political sphere that came back from a passive fond of a language to an active usage.

Одним из активных процессов, свидетельствующих о проявлении динамического характера языковой картины мира, о её обновлении в современных культурно-исторических условиях, является *актуализация* периферийного слоя лексики, что вызвано адаптацией русского сознания к кардинальным переменам во всех сферах жизни российского социума в течение последних двух десятилетий.

Основными речемыслительными факторами периферийного слоя лексики в новых социокультурных условиях служат когниция и дискурсия. Первый связан главным образом с экстралингвистическими явлениями, тогда как дискурсия представляет собой интеграцию лингвистических и экстралингвистических факторов речемышления.

Понятие «когниция» означает и сам познавательный акт (процесс приобретения знаний), и его результаты. Содержание данного понятия включает в себя процессы как сознательного, так и обыденного мышления (не всегда осознанного постижения мира в рамках повседневного опыта), а также «перевод» обыденного опыта (телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного) каждодневного взаимодействия человека с окружающим миром в сферу языкового сознания. Таким образом, это любой процесс (сознательный или неосознанный), связанный с получением информации, знаний, их интерпретацией,

преобразованием, запоминанием, извлечением из памяти и использованием в речемыслительной деятельности человека [1].

Понятие дискурсии как сложного когнитивно-коммуникативного процесса, объединяющего в себе речевые и событийные аспекты речемыслительной деятельности, включает не только текстообразование, но и влияние на него различных экстралингвистических факторов (знания мира, мнений, ценностных установок), которые играют важную роль в понимании, восприятии и обозначении новых реалий. Когнитивная сущность дискурсии достаточно репрезентативно раскрывается такими его составляющими, как события, происходящие в жизни общества, участники этих событий, перформативная информация, а также обстоятельства, сопровождающие события, фон и ценностно-смысловые оценки участников события. Так, события рубежа XX–XXI вв., связанные с реформированием российского общества, новые социально-исторические реалии, эволюционирующая социокультурная среда обусловили активное перемещение лексических пластов современного русского языка, что вызвано когнитивными и дискурсивными аспектами обновленного мировосприятия носителей языка.

Процесс возвращения в активное употребление лексических единиц, ранее употреблявшихся в языке, но на определенный исторический период оказавшихся в периферийном (архаизированном) слое лексики (*акции, биржа, вексель, губерния, дума, полиция, присяжные, торги*), номинируется исследователями по-разному. И. А. Стернин именуется данный процесс *реактивацией* лексики, Е. В. Какорина – *актуализацией*, В. Г. Костомаров – *возвращением в обиход*, П. В. Черникова – *номинативной переориентацией* лексических единиц, обозначавших реалии дореволюционной и/или зарубежной действительности (*губернатор, гимназия, лицей, мэр, муниципалитет*). Терминологическая неустойчивость в номинировании рассматриваемого процесса объясняется наличием в науке различных подходов к пониманию сущности самого процесса *актуализации* лексических единиц. Так, согласно одному подходу, актуализация лексики представляет собой повышение уровня её номинативной активности в русском речевом общении в связи с актуализацией обозначаемых понятий. Поэтому Г. Н. Складаревская именуется данный процесс *активизацией*, а лексику – *«бывшей на периферии языкового сознания»* [2].

Согласно другому подходу, под актуализацией понимается, прежде всего, *возвращение* к активному употреблению лексических единиц, находившихся в предшествующий период развития и функционирования русского языка на периферийных участках общественного языкового сознания и в результате этого входивших в пассивный запас носителей русского языка. Такие подходы не являются взаимноисключающими, они дополняют друг друга; отличие же точек зрения ученых заключается отнюдь не в различном понимании самой сущности актуализации словесных знаков. Всеми исследователями она связывается (прямо или косвенно) с повышением номинативной значимости этих словесных единиц в языковом сознании говорящих, с частотностью их употребления в речи. Различия в толковании сущности актуализации лексики сводятся скорее к разной характеристике конкретных процессов актуализации и к определению разрядов актуализированных словесных единиц [3].

Представляется рациональным рассмотрение анализируемого процесса в русле репрезентативного подхода (О. В. Загорская, О. П. Ермакова, Е. В. Какорина, И. А. Стернин, О. В. Милованова и др.), согласно которому лексическая актуализация представляет собой повышение функциональной значимости словесных знаков и частотности их речевого употребления в новейший период развития русского языка, что стимулируется актуализацией обозначаемых ими реалий.

Особого внимания заслуживает подход, разработанный Н. В. Черниковой, которая под актуализацией предлагает понимать активизацию ментальных и языковых процессов и единиц, детерминированную социокультурными факторами и когнитивно-коммуникативными потребностями этноса [4]. В соответствии с таким подходом актуализированная лексика представляет собой реактивируемую часть системного лексического фонда, которая стала на современном этапе развития русского языка коммуникативно и номинативно адекватной ментальному содержанию социокультурно значимых явлений и процессов и, как следствие, высокочастотной в узусе. Разделяя позицию Н. В. Черниковой при рассмотрении проблемы лексико-семантической актуализации в русле взаимодействия ментальных и языковых, социокультурных и интралингвистических явлений и процессов, считаем необходимым обратиться к анализу такого важного пласта актуализированной лексики, как темпорально маркированные лексические единицы, поскольку они наиболее востребованы носителями языка в новых социокультурных условиях.

В группе актуализированной темпорально маркированной лексики, имевшей в советский период развития русского языка статус устарев-

шей, особое место занимают наименования реалий, возрожденных самой жизнью нашего общества: *генерал-губернатор, гимназист, господин, градоначальник, думы, земство, меценат* и другие лексические единицы, находившиеся в активном лексиконе на рубеже XIX–XX вв. При этом среди них следует отметить и лексические единицы, которые уже были маркированы как историзмы (*губернатор, присяжные* и др.), и архаизмы (*волонтер, ресторатор* и др.). Однако все они на современном хронологическом срезе оказались в фокусе повышенного внимания социума. Это обусловило повышение частотности их употребления прежде всего в средствах массовой информации. Например: «*Все, о чем сейчас говорят, уже было: и Дума, и генерал-губернаторы, и Госсовет... Действительно, история развивается по сценарию*» (Время. 2000. 1 июля); «*Глава Мосгорсуда не согласна с инициативой комиссии Общественной палаты РФ по толерантности и свободе совести, предложившей исключить из юрисдикции суда присяжных рассмотрение дел о преступлениях на почве расовой и национальной вражды и ненависти*» (Рос. газета. 2006. 10 авг.); «*В "Единую Россию" вступил ресторатор Аркадий Новиков*» (Ведомости. 2007. 12 июня). Данные актуализированные лексические единицы отражают фрагменты картины мира, приобретшие общественную значимость в условиях кардинальных социальных изменений. Новые социальные условия определили и новый речемыслительный контекст функционирования подобного рода актуализированных лексических единиц.

Актуализированная темпорально маркированная лексика достаточно разнообразна в тематическом отношении, поскольку номинирует реалии различных сфер: общественно-политической, экономической, духовной и др. Тематическая дистрибуция актуализированных лексических единиц дает возможность установить приоритетные сферы их функционирования. Так, среди всего тематического многообразия устаревшей лексики, подвергшейся актуализации, в количественном отношении прежде всего выделяется тематическая группа «Общественное устройство», которая достаточно четко структурирована. В ней находим следующие подгруппы: «Государственные структуры» (*Госсовет, департамент, Дума, Собрание, управа* и др.); «Наименования территориальных единиц» (*губерния, округ, уезд* и др.); «Наименования руководителей территориальных единиц» (*губернатор, генерал-губернатор, градоначальник* и др.); «Наименования лиц по принадлежности к политическим партиям» (*анархист, западник, кадет, либерал, эсер* и др.); «Наименования лиц по роду занятий» (*думец, ресторатор, чиновник* и др.).

В подгруппе актуализированной темпорально маркированной лексики «Государственные структуры» выделяется вернувшееся с периферии языка слово *дума*, претерпевшее за длительную историю своего существования многообразные функциональные изменения в языке. Обратимся к лингвистическому экскурсу. Смысловое содержание лексемы *дума* связано с деятельностью в конце XV – начале XVIII в. *Боярской думы* – постоянного сословно-представительного органа аристократии при великом князе (царе) законосовещательного характера. В начале XX в. смысловое содержание лексемы обновляется: Государственная дума становится выборным представительным учреждением, которому формально принадлежали законодательные функции. В царской России Государственная дума просуществовала около 12 лет, вплоть до падения самодержавия. Она имела 4 созыва и была ликвидирована после Октябрьской революции 1917 г.

В постсоветской России после событий октября 1993 г. важным изменением в системе государственной власти стало введение поста президента РСФСР и перераспределение функций между различными ветвями власти. Представительным и законодательным органом РФ стало Федеральное собрание, состоящее из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы. Наименование для представительного органа власти – Государственной Думы – было выбрано не случайно: оно должно было продемонстрировать преемственность современного российского парламентаризма. Хотя в настоящее время сложно говорить о прямой правопреемственности Государственной думы Российской империи, основанной более столетия назад, и современной Государственной Думы Российской Федерации, историческая связь между ними очевидна.

Совершив своеобразное движение по спирали, слово *дума* в новых исторических условиях появилось в словаре реалий общегосударственного масштаба, сменив прежнее наименование *Верховный совет*. Когда в 1993 г. возникла потребность в названии органов представительной (законодательной) власти в ряде субъектов Российской Федерации, идея его вторичного включения в реестр властных структур показала закономерной. Историческая память подсказала образцы его использования, связанные с традициями российской политической культуры: *Царская дума*, *Боярская дума* в XVIII в., позднее *Земская дума*, наконец, *Государственная дума*, *Городская дума*, *Губернская дума*, *Краевая дума*, *Областная дума*.

Оказавшись в новой культурно-исторической среде, слово расширило свое дискурсивное пространство. Приведем примеры типичных контек-

стов: «*Так было и 10 лет назад, в 1993 году, когда российские избиратели выбирали первый раз в новой истории Государственную Думу, а также приняли новую Конституцию страны*» (Российская газета. 2003. 6 дек.); «*Депутаты Областной думы намерены повысить транспортный налог для автовладельцев*» (Волга. 2005. 11 окт.); «*После различных перипетий в Городской думе все же состоялось очередное заседание*» (АиФ-Астрахань. 2006. 20 дек.); «*На минувшей неделе фракция «Единой России» в Краевой думе пригласила сразу пятерых новыми членами*» (Время новостей. 2008. 1 апр.).

Таким образом, появившись в середине XVI в., слово *дума* прочно вошло в языковой узус и просуществовало весь XVII в.; впоследствии ушло в пассив, утратив социальную значимость. Возродившись в 1906 г., слово *дума* в процессе активного употребления стабилизировалось, вошло в ядро активного словаря. Однако в связи с ликвидацией *думы* после 1917 г. слово вновь претерпело процесс пассивизации. В начале же 90-х гг. XX в. в связи с переустройством государственной власти в России слово *дума* возродилось, попало в эпицентр языкового сознания и в настоящее время является неотъемлемой частью лексикона современного россиянина.

Анализ функционирования актуализированной лексики позволяет утверждать, что за всю историю своего существования слово способно переживать процессы функционально-номинативных изменений неоднократно, оказываясь то в активном, то в пассивном словарном запасе в соответствии с конкретными социокультурными условиями. Приобретая социальную релевантность, увеличивая активность употребления, слово переживает процесс активизации; закрепляясь в разряде употребительной лексики, проходит этап стабилизации. Становясь же социально нерелевантным, снижая активность употребления, слово подвергается пассивизации. Впоследствии оно вновь может возвратиться в активный словарный запас при наличии социальной востребованности.

Процесс актуализации устаревшей лексики в исследуемый период зачастую сопровождается семантическими изменениями, которые могут затрагивать как семантическую структуру слова в целом, так и структуру его отдельного ЛСВ. Достаточно распространенным процессом является расширение семантической структуры слова, при котором происходит утрата ряда дифференциальных сем денотативного макрокомпонента значения. В качестве примера рассмотрим одно из значений слова *управа*: ‘в дореволюционной России учреждение, ведавшее общественными, словесными или административными делами’ [5]. Например, Земская управа – это исполнитель-

ный орган уездных и губернских земств в пореформенной России. Она была введена по Положению о губернских уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. и просуществовала до Октябрьской революции. Земская управа состояла из председателя и 2–3 членов, избравшихся уездными и губернскими земскими собраниями сроком на три года. Решала на местах вопросы, связанные с народным образованием, медицинским обслуживанием, ремонтом дорог и др.

В новых социально-политических и экономических условиях в структуре местного самоуправления появились районные, городские управы, соответственно и слово *управа* оказалось вновь номинативно и коммуникативно востребованным. Так, районная *управа* – это ‘орган исполнительной власти района, который обеспечивает в пределах своих полномочий и под свою ответственность решение вопросов местного значения, осуществляет руководство хозяйственными и социальными службами района, являющимися структурными подразделениями администрации района, а также осуществляет контроль за деятельностью субъектов предпринимательства’. Сравнение словарных дефиниций свидетельствует об утрате темпорально-локативного маркера ‘в дореволюционной России’, в связи с чем лексическая единица, обозначавшая прежде реалию дореволюционной действительности, в современных условиях осознается вне исторической прикреплённости стоящего за нею понятия. Ср.: «Представители управы Сокольников и Москомархитектуры организовали встречу с жителями и рассказали им о планах реконструкции» (Газета.ру. 2005. 22 июля); «Около года назад управа района Хамовники провела ряд проверок, по результатам которых клуб был признан не соответствующим нормам пожарной безопасности и требующим ремонта» (Новые известия. 2006. 16 окт.).

В группе актуализированной темпорально маркированной лексики отмечается большое количество наименований должностных лиц, употребление которых активизировалось в последние два десятилетия в связи со снятием идеологически обусловленных оценок дореволюционной российской действительности. Это прежде всего касается лексической единицы *губернатор*. Впервые в современной ситуации слово *губернатор* прозвучало вместе с именем Б. Немцова, когда он стал руководителем администрации Нижегородской области; впоследствии губернаторами официально стали именоваться и другие главы администраций регионов России, являющихся самостоятельными субъектами федерации. В настоящее время данная лексическая единица характеризуется номинативной и коммуникативной релевантностью, функциональной мобильностью, частотностью

употребления. Например: «30 марта Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал распоряжение № 136-РП “О Президиуме Госсовета РФ”, согласно которому в его состав введен губернатор Астраханской области Александр Жилкин» (АиФ-Астрахань. 2006. 5 апр.); «В программах мероприятий примет участие губернатор Санкт-Петербурга Валентина Ивановна Матвиенко» (Волга. 2008. 5 авг.).

Переход слова *губернатор* из пассивного запаса русского языка в активный сопровождался семантическими изменениями. К примеру, между старым и обновленным значением данного слова в качестве интегральной выступает сема ‘высшее должностное лицо губернской администрации’. Наряду с этим отмечаются и определенные различия. Так, в дореволюционной России губернатору принадлежала вся полнота власти на вверенной ему территории, причем пост губернатора был назначаемым. В современном российском обществе губернатор является главой исполнительной власти, к тому же до 2005 г. эта должность была избираемой. Но в соответствии с реформой избирательной системы изменился порядок формирования исполнительной власти в регионах, согласно которому кандидатуру губернатора представляет президент, а местное законодательное собрание рассматривает это предложение и наделяет губернатора соответствующими полномочиями. Новые социальные реалии находят отражение в современном дискурсе. Ср.: «Новые инициативы по поводу назначения губернаторов и выборов в российский парламент по партийной системе активно обсуждаются политиками и гражданами, которым небезразлична судьба страны» (Комсомолец Каспия. 2004. 27 окт.); «Основная контрреформа второго срока правления Владимира Путина – назначение губернаторов – в полном разгаре. Каждую неделю, как сводки с передовыхстроек пятилетки, идут вести о назначении очередного губернатора в том или ином российском регионе. По данным социологических опросов, последствия отмены прямых губернаторских выборов наши граждане оценивают реалистично» (Независимая газета. 2005. 24 марта). Таким образом, сравнение словарных дефиниций ‘высшее должностное лицо в губернской администрации дореволюционной России; правитель, начальник губернии’ [6] и ‘глава администрации региона России, являющегося субъектом Федерации’ [7], ‘(неофициально) глава исполнительной власти крупного города’ [8] показывает, что изменения в семной структуре слова *губернатор* обусловили его определенную семантическую модификацию.

В связи со значительными изменениями в общественно-политической жизни страны стало часто употребительным и устаревшее слово *гра-*

доначальник. Оно утратило темпорально-стилистический признак «историзм» и в настоящее время используется в целях нейтральной номинации. Например: «Когда Боос плотно вошел в команду *всесильного во времена Б. Ельцина столичного градоначальника*, тот через Е. Примакова рекомендовал его на должность министра по налогам и сборам в Правительстве РФ» (АиФ. 2005. № 36). Интересно отметить, что даже в пределах одной газетной публикации могут параллельно употребляться темпорально маркированные лексические единицы для наименования одного денотата. Так, слово *градоначальник*, вернувшееся с периферии лексической системы русского языка, используется наряду с заимствованным словом *мэр*: «Средства эти, по словам *градоначальника*, были направлены на подготовку к отопительному сезону»; «По мнению *мэра*, выпуск ценных бумаг повысит инвестиционную привлекательность города» (Комсомолец Каспия. 2005. 14 дек.). Современные контексты иллюстрируют употребление синонимических номинаций, конкурирующих между собой. Однако в настоящее время чаще всего для официального наименования руководителя городской администрации употребляется заимствованный аналог *мэр*, по-видимому, в силу своей краткости, а также в связи с общей ориентацией России на политические традиции и административную систему западных государств.

Среди актуализированных наименований должностных лиц выделяется и лексическая единица *чиновник*. Продолжительный жизненный путь этого слова характеризуется функционально-номинативными изменениями, вызванными экстралингвистическими причинами. Так, класс чиновников появился с возникновением Табели о рангах в 1722 г., соответственно чиновниками в России являлись те, кто имел определенный классный чин по Табели о рангах. Ср.: *чиновник* – ‘человек, состоящий в каком-нибудь чине на государственной службе (в дореволюционной России и за границей)’ [9]. После 1917 г. с ликвидацией Табели о рангах класс чиновников соответственно также был ликвидирован. Лица, занятые в сфере государственного управления, стали официально называться госслужащими. Слово же *чиновник* в основном стало использоваться в переносном оценочном значении ‘человек, ограничивающийся в каком-нибудь деле формальным выполнением своих обязанностей’ [10]. Вместе с тем в последние десятилетия актуализировалось прямое значение данного слова – ‘служащий государственного аппарата, какого-либо ведомства’ [11]. Употребление слова *чиновник* в этом значении характеризуется нейтральностью и преобладает в современном публицистическом дискурсе. Например: «Идею госмонополии на про-

дажу алкоголя, *набирающую все большую популярность на самых высоких этажах российской власти*, Александр Жуков, как *чиновник аккуратный и осторожный*, не поддержал, но и не отверг» (Время новостей. 2006. 3 ноября); «Главными политиками России сегодня являются *чиновники*» (Независимая газета. 2007. 5 июня). В современном употреблении слово *чиновник* выполняет номинативную функцию и активно используется для наименования всех государственных служащих в отличие от первоначального употребления слова, когда по Табели о рангах низшие государственные служащие не имели чинов, вследствие чего не могли именоваться чиновниками. Таким образом, сравнение словарных дефиниций в лексикографических изданиях разных поколений показывает, что вместе с устранением присущей прежде слову *чиновник* темпорально-локативной лексикографической маркированности, свидетельствующей о принадлежности понятия дореволюционной России, и заменой темпорально-стилистического признака ‘устаревшее’ на коррелирующий с ним темпорально-стилистический признак ‘современное’ произошло расширение значения анализируемого слова.

Таким образом, изменения в общественной жизни, «установка социума на возрождение духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории» [12] потребовали возвращения в языковой узус многих лексических единиц, имевших некогда статус устаревших. Такого рода актуализированные лексические единицы вошли в общее употребление, стали частью активного словаря, о чем свидетельствует их частотное использование, прежде всего в современном массмедийном дискурсе в целях нейтральной номинации, а также отсутствие при них темпорально-локативных и идеологических маркеров, в современных словарях, в отличие от лексикографических изданий советского периода.

Итак, в современном русском языке активно осуществляется интенсификация различных процессов, отражающих совместное влияние внутриязыковых и экстралингвистических закономерностей. Среди этих динамических процессов выделяется перераспределение между активным и пассивным запасами русского языка. Функциональные изменения в лексико-семантической системе русского языка конца XX – начала XXI в. вызваны когнитивно-дискурсивными факторами. В частности, анализируемые изменения характеризуются, прежде всего, социальной детерминированностью, наиболее зримо отражают приспособление языка к постоянно изменяющимся дискурсивным условиям его функционирования и являются свидетельством динамического языково-

го развития. Когнитивные механизмы постижения и осмысления новых реалий социума «репрезентируют знакомые стимулы, известные области и обеспечивают поиск и быстрый доступ к хранимой в долговременной памяти этноса информации, связанной с этими стимулами и областями знания» [13]. В результате действия таких когнитивных процессов, как воспоминание и узнавание, оказались востребованными значительные лексические ресурсы, оказавшиеся в периферийном слое лексики. Процесс их актуализации свидетельствует об общей тенденции перемещения лексических пластов в направлении от периферийных участков языковой системы к ее центру.

Актуализированные лексические единицы вновь стали неотъемлемой частью коммуникативно-значимого ядра русского лексикона, поскольку приобрели релевантность номинируемые ими реалии. В целом лексико-семантическая актуализация отразила эволюцию культурно-когнитивного пространства носителей русского языка, демонстрируя один из активных путей обновления русской языковой картины мира.

Примечания

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. Белгород, 2008. С. 6.
2. Склярёвская, Г. Н. Предисловие [Текст] // Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Склярёвской. М., 2001. С. 7.
3. Милованова, О. В. Актуализированная лексика русского языка новейшего периода (по материалам толковых словарей) [Текст]: автореф. ... дис. канд. филол. наук / О. В. Милованова. Воронеж, 2001. С. 4.
4. Черникова, Н. В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты [Текст] / Н. В. Черникова // Филологические науки. 2007. № 6. С. 74.
5. Словарь современного русского литературного языка [Текст]. Т. 16. М.; Л., 1964. С. 753.
6. Словарь современного русского литературного языка [Текст]. Т. 3. М.; Л., 1954. С. 464.
7. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Текст] / под ред. Г. Н. Склярёвской. М., 2006. С. 269.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1997. С. 148.
9. Словарь современного русского литературного языка [Текст]. Т. 17. М.; Л., 1965. С. 1036.
10. Там же. С. 1036.
11. Толковый словарь... С. 1071.
12. Какорина, Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости [Текст] / Е. В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 67.
13. Черникова, Н. В. Указ. соч. С. 67.

О. В. Петешова

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ДИАРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье дается анализ основных особенностей языковой репрезентации способов познания внешней действительности немецкоязычными диаристами. Устанавливается характер влияния на формирование языковой картины мира соответствующего типа дискурса таких его параметров, как автокоммуникативность, синхронность и субъектоцентрированность.

In this article, language representation basic peculiarities analysis of the reality cognition ways by German diarists is given. The influence character of the corresponding discourse type and its following parameters such as autocommunicativeness, simultaneity and central place of the subject on language world picture is determined.

Языковая картина мира как «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способов получения и интерпретации новых знаний» [1] представляет собой целостное многоаспектное образование. В качестве ее основных компонентов мы предлагаем рассматривать онтологический аспект (т. е. систему вербализованных знаний человека об окружающей действительности), аксиологический аспект (т. е. совокупность вербализованных оценок получаемых и уже имеющихся знаний) и гносеологический аспект (т. е. систему способов познания действительности, влияющих на языковую репрезентацию получаемого знания). Поскольку, по утверждению Н. Н. Казыдуб, языковая картина мира формируется в определенных дискурсивных условиях и, в свою очередь, становится основой для дальнейшего протекания процесса порождения того или иного корпуса текстов [2], мы можем констатировать зависимость каждого из аспектов языковой картины мира любого типа дискурса от подразумеваемого типа дискурса.

Целью настоящей статьи является анализ специфики гносеологического аспекта языковой картины мира диаристического дискурса (ДД), где под ДД понимается автокоммуникативный процесс порождения некоторыми познающими субъектами совокупности текстов, представляющих собой датированное, хронологически последовательное изложение личностно значимых для этих субъектов фактов, которые переживаются авторами практически одновременно с актом их письменной регистрации. Исследование гносеологического аспекта языковой картины мира ДД, на наш взгляд, предполагает системное

описание особенностей языкового кодирования знания в текстах диаристики, обусловленных именно теми характеристиками единого процесса получения и вербализации знания, которые отличают ДД от других типов дискурса – так называемыми субстанциональными параметрами ДД. Как следует из определения ДД, основными параметрами данного типа дискурса являются автокоммуникативность (т. е. порождение и восприятие текста в ходе общения по каналу «Я–Я»), синхронность процесса фиксации релевантных для диариста событий с моментом их свершения и ярко выраженная субъектоцентрированность [3].

Итак, в качестве первого субстанционального параметра ДД мы рассматриваем его **автокоммуникативность**. Именно влиянием данного параметра можно объяснить частотность прямых самообращений в дневниковых текстах. Каждый элемент прямого автодиалога характеризуется включенностью в единый познавательный процесс и выполняет, по нашему мнению, одну из трех основных функций: познавательную, дисциплинирующую или экспрессивную.

Выступление элемента прямого автодиалога в *познавательной* функции, т. е. в функции прямого двигателя процесса познания, обычно маркируется вопросительным знаком. В этом случае построение автокоммуникативного эпизода может быть различным. Как правило, вопросительное предложение занимает в абзаце инициальную позицию и ориентирует писателя на поиск истины в области знания, содержательно покрываемой данным вопросом, а последующее рассуждение автора дает на него более или менее исчерпывающий ответ. При этом нередко проявляется неуверенность автора в точности информации, поиск которой был инициирован автокоммуникативным элементом. В качестве одного из наиболее распространенных маркеров этого обстоятельства выступает употребление встречного автокоммуникативного элемента. В частности, Э. Штриттматтер отвечает на свой вопрос общим вопросом к себе и тем самым смягчает категоричность собственного высказывания: “*Weshalb gibts viele Schriftsteller, die in der Jugend Gedichte machten und sich später in Prosa aussprechen? Kapitulieren sie vor der Lyrik, weil sie höchste Konzentration verlangt?*” [4].

Вопрос к себе может быть локализован и в конце абзаца, что чаще всего является эмоциональным сигналом важности для диариста затронутого проблемного поля при отсутствии у него в настоящее время достаточных знаний для надлежащего ответа. Например, немецкая писательница Б. Райман завершает свои размышления о притягательности образа жизни русского народа следующим высказыванием: “...*ich habe*

hier noch niemanden gesehen, der ungeduldig oder gelangweilt gewesen wäre. Wie bringen sie [die Russen – О. П.] es bloß fertig, dass man jede Stadt mit vorweggenommenem Heimweh verlässt, als habe man wer weiß wie lange unter ihren Dächern gelebt?” [5]. Причин такой притягательности она назвать не может – отсюда и отсутствие ответа на вопрос в тексте дневника.

Об особой заинтересованности диариста некоторым проблемным полем свидетельствует высокая концентрация оставляемых без ответа вопросов к себе в рамках узкого текстового пространства. Примером может служить фрагмент из дневника Ф. Фюмана: “*Was heißt denn das überhaupt: ein Mensch verändert, wandelt, verwandelt sich? In welcher Hinsicht... verändert er sich, unter welchem Aspekt...? Und was verändert sich, und was bleibt unverändert; und wie verändert er sich; gibt es Typen von Veränderungen, Verwandtschaften, Ähnlichkeiten?*” [6]. Каждый из таких вопросов в отдельности уже побуждает писателя к усиленному внутреннему поиску, а их скопление выступает интенсификатором авторской рефлексии, результаты которой еще недостаточно очевидны, чтобы быть вербализованными на страницах поденных заметок.

Следует отметить, что об автокоммуникативности вопросительных предложений мы говорим, прежде всего учитывая их присутствие именно в текстах ДД, характеризующегося автокоммуникативностью. В формальном же отношении большинство из них ничем не отличается от вопросительных предложений в любых других текстах.

Как было упомянуто выше, второй возможной функцией элементов прямого автодиалога в диаристике является *дисциплинирующая* функция, т. е. функция косвенного влияния на процесс познания через вытекающее из анализа наличного знания самопобуждение к совершению некоторого действия, способствующего последующему расширению объема знаний диариста. Данную функцию в дневниках обычно несут побудительные предложения. Основную их массу составляют традиционные императивные конструкции и инфинитивные предложения, в том числе со значением планирования, однако в текстах ДД достаточно частотны и номинативные предложения, подлежащими в которых являются существительные с семантикой планирования, например, такое предложение из дневника Э. Юнгера, вводящее рассуждение о желаемых направлениях самосовершенствования в ближайшее время: “*Drei gute Vorsätze*” [7].

Как показали исследования, для диаристов характерно стремление к усилению вербальных самоповелений. Главным интенсификатором дисциплинирующей функции автокоммуникативных конструкций служит восклицательный знак, осо-

бенно в тех случаях, когда дисциплинирующий автодиалог фигурирует в форме парантезы, заключенной писателем в скобки, что часто встречается в дневнике Р. Музиля. А в предложении “...*ich glaube mich gut zu erinnern, dass dieses [Büchlein. – О. П.] hellgrau mit Goldaufdruck und von Kleinquartformat gewesen sei (Prüfen!)...*” [8] дополнительным интенсификатором самоповеления становится сама лаконичность побудительной фразы.

Что касается *экспрессивной* функции элементов прямого автодиалога в текстах ДД, т. е. функции экспликации эмоционального отношения к получаемому знанию, то речь здесь идет уже об интерпретационно-оценочной деятельности диариста и, соответственно, уже не о гносеологическом, а об аксиологическом аспекте языковой картины мира ДД.

Перейдем к рассмотрению второй важной группы языковых признаков писательской диаристики, проявление которых обусловлено автокоммуникативностью ДД. Дело в том, что автокоммуникативность, предполагая адресованность записей самому себе, а priori подразумевает отсутствие у них иного, внешнего адресата. Этот фактор снимает многие преграды как для процесса познания, так и для процесса языкового кодирования его результатов. Как следствие, познающие мир субъекты становятся максимально искренними при изложении личностно значимых событий на страницах собственных дневников, что находит свое выражение не только на содержательном уровне (например, в рассуждениях К. Манна о жажде смерти и действии на него героина), но и на уровне формальном, языковом, в частности, в обилии интровертированной лексики, служащей именованию негативных эмоций, пристрастий и эгоистических мыслей диаристов, а также в употреблении специальных конструкций, маркирующих особую искренность последующих текстовых пассажей. С одним из примеров подобного маркирования авторских признаний мы сталкиваемся в дневнике Б. Райман: “*Ich gestehe Skepsis gegenüber fleischgewordenen Legenden*” [9]. С помощью глагола, семантика которого настраивает на восприятие признания, писательница выражает скептическое отношение к временами преувеличенному, по ее мнению, почитанию русскими людьми молодых освоителей целины. В ряде случаев искренность дневникового текста задается не конкретными словами, а достаточно пространственными текстовыми комментариями по поводу сущности диаристической деятельности. Это положение можно проиллюстрировать с помощью следующей цитаты из дневника И. Бехера: “*Gewiss, man kann sein Gesicht auch hinter einem Tagebuch verbergen, aber das Tagebuch verlangt Aufrichtigkeit*” [10].

Еще одним следствием отсутствия у текстов ДД внешнего адресата является некоторая категоричность отдельных утверждений весьма субъективного характера, не обоснованных авторами именно в силу отсутствия надобности в убеждении кого-либо, включая потенциальных читателей. Эффект категоричности усиливается при функционировании соответствующих маркеров в проспективно ориентированных высказываниях, например, в безапелляционной записи из дневника К. Манна от 29 декабря 1934 г. “*Hitler ohne Frage näher an seinem Sturz*” [11], не подкрепленной никакими аргументами.

Однако даже в условиях присутствия в дневниках многочисленных сигналов автокоммуникативности возможно появление в их текстах однозначных маркеров адресованности заметок потенциальному читателю, в частности, писательница Л. Ринзер периодически вводит в дневниковое повествование обращение “*meine Leser*” [12]. Из метадискурсивных вclusions и комментариев биографов мы узнаем, что целый ряд дневников (в том числе дневники Э. Юнгера и И. Бехера) с самого начала велся с расчетом на последующую публикацию, а многие другие диаристы (например, М. фон Эбнер-Эшенбах или А. Шнитцлер) временами задумывались об обнародовании своих записей. В подобных обстоятельствах вполне естественной становится склонность даже тех авторов, которые изначально стремились к фиксации на страницах собственных дневников исключительно непосредственных переживаний, к словесному само моделированию или к регистрации только способствующих реализации определенной интенции событий. Эта склонность, на наш взгляд, свидетельствует о разрушении «диаристического начала» лишь на содержательном уровне.

На языковом же уровне зачастую единственным следствием является появление отдельных признаков нарушения аутентичности повествования, к которым относятся, в первую очередь, номинации читателей, соответствующие метадискурсивные высказывания и использование аббревиатур с конспирационной целью, например, сокращений имен негативно оцениваемых людей в дневнике Ф. Фюмана. В остальном, как показал анализ немецкоязычной диаристики, автор дневника, который – в том числе неосознанно – апеллирует к потенциальному читателю, пользуется теми же средствами кодирования информации и располагает теми же возможностями декодирования информации при вторичном обращении к записанному, что и автор дневниковых заметок, обращающийся в процессе их ведения исключительно к самому себе. Более того, имея перед глазами предельно редуцированные, иногда с трудом поддающиеся расшифровке записки

М. фон Эбнер-Эшенбах и А. Шнитцлера, мы не всегда можем говорить о более высокой частотности в дневниках, предназначенных к опубликованию, литературно обработанных пассажей. Поэтому мы выступаем против четкого разделения дневников на принципиально автокоммуникативные и принципиально адресованные и постулируем основную автокоммуникативность всех познавательных процессов, направленных на порождение текстов любых дневников.

Перейдем к рассмотрению влияния на ход языкового кодирования знаний такого параметра ДД, как **синхронность** процесса фиксации результатов познавательной деятельности диариста по отношению к самому процессу познания. Сразу следует указать на относительный характер этого тезиса, поскольку события, как правило, регистрируются пишущими субъектами на следующий день после своего свершения или вечером того же дня, что может существенно изменить угол зрения диариста, привести к появлению на страницах дневников первичных обобщений. Однако в текстах ДД нередко присутствуют и высказывания, в которых авторы выражают сиюминутные мысли и чувства, описывают предметы, окружающие их в момент работы над заметками, или фиксируют сам факт записывания. Такие элементы абсолютной синхронности обычно маркированы внутри текста дневника определенными темпоральными выражениями, например, *gerade, eben, im Augenblick* или указаниями точного времени суток. Кроме того, в качестве следствия синхронной ориентации дневников может выступать вынесение в «шапку» каждого дня его четкой датировки, с помощью которой осуществляется почти обязательная привязка регистрируемых фактов к конкретному времени.

Синхронность как параметр ДД предопределяет также вербализацию результатов познавательного процесса строго по мере их получения, т. е. в *хронологической* последовательности. Хронология изложения прослеживается как на уровне отдельного дня («внутренняя хронология»), так и на уровне текста дневника в целом («внешняя хронология»). В первом случае языковыми маркерами хронологичности являются исключительно темпоральные выражения: *dann, danach, später*, определенным образом сгруппированные наречия-указатели времени суток *vormittags-nachmittags-abends* и маркеры повторения предшествующего действия *weiter, wieder*. Тем не менее необходимо отметить тенденцию многих дневниковых заметок к субъективной хронологичности, т. е. последовательной «синхронной» фиксации не событий того или иного дня, а мыслей о них и чувств диариста по их поводу. Примером такого рода субъективизма может послужить отрывок из дневника Б. Брехта, в котором темпоральный

маркер *vorher* позволяет четко восстановить реальную последовательность событий: “*Nachmittags ist Bi da... Vorher bin ich mit der Rosmarie gespaziert*” [13].

Внешняя хронологичность текстов ДД также проявляется на языковом уровне, в частности, благодаря смене датировок в «шапках» смежных дней и присутствию в заметках сигналов возвращения к темам более ранних дней. Связь соседних дней объективируется через включение в инициальное предложение дня одного из следующих элементов: наречия *wieder*, словосочетаний с прилагательными *gestrig* и *vorig* или любого прилагательного в форме сравнительной степени. Например, прилагательное *besser* в одном из начальных предложений дня с заголовком “*30. Mai*” в дневнике Л. Фейхтвангера “*Bessere Nachrichten über die allgemeine politische Lage*” [14] ориентирует читателя на поиск в тексте предшествующего дня негативной информации об общем политическом положении в стране. Связь же событий текущего дня с событиями более отдаленных во времени дней эксплицируется в диаристике с помощью ссылки типа (*vgl. 6./7.8.83*), как это наблюдается в дневнике К. Марти [15], или с помощью повторов ключевых тематических единиц в сочетании с определенными темпоральными маркерами, один из которых мы встречаем в записках Г. Крауссера. Темпоральный маркер *weiterhin* в предложении “*Mein Endspieltip bleibt weiterhin möglich*” [16] однозначно отсылает к высказыванию писателя на страницах 26–27 того же дневника “*Mein Endspieltip für den Pool ist Brasilien-Italien 2:0*”, в котором фигурирует аналогичное подлежащее “*mein Endspieltip*”.

С синхронностью выполнения дневниковых заметок тесно связана *спонтанность* регистрации диаристом получаемых знаний. Фиксируя информацию непосредственно по мере ее поступления, познающий субъект не успевает (да и не стремится) подвергнуть ее должной обработке, поэтому в текстах ДД находит отражение ассоциативный характер человеческого мышления. Стройные рассуждения писателей часто перебиваются внезапными комментариями в форме парантез, обычно заключаемых в скобки, и немотивированными повторами слов, обусловленными исключительно забыванием факта их предшествующего употребления. В диаристике может объективироваться процесс поиска автором нужного слова. Одним из проявлений этого процесса можно считать высказывание И. Бехера “*Allein setze ich immer wieder mutwillig... mein Leben (mein Herz) aufs Spiel*” [17]. Диарист сомневается в масштабах собственного риска, поэтому в скобках после более глобального “*mein Leben*” им запечатлевается более мягкое альтернативное словосочетание “*mein Herz*”. Фактор

спонтанности ведения записей приводит и к обилию на страницах дневников различного рода автокоррекции – как в форме парантез, так и в форме самостоятельных предложений. Вот один из примеров: “*Nachmittags empfing uns der Divisionskommandeur vom Klub. Na, empfing ist übertrieben, es ging so fix...*” [18]. Б. Райман остается недовольной изначально употребленным глаголом *empfangen*, о чем свидетельствует именование его «преувеличением» в последующем предложении.

Наконец, синхронностью процесса регистрации получаемых знаний по отношению к соответствующему познавательному процессу во многом обусловлена *редуцированность* большинства высказываний в текстах ДД на лексическом и синтаксическом уровнях. При этом, однако, важно отметить, что употребление многочисленных сокращений продиктовано не только стремлением диаристов к быстроте фиксации мыслей с приложением минимальных усилий, но и автокоммуникативностью ДД. В частности, именно знание писателя об отсутствии у записок постороннего адресата предопределяет регулярные редукции имен его знакомых и даже случайно встреченных людей на страницах его дневников. Писательские сокращения носят как общепринятый (например, *d. h.*, *и. s. w.*, *z. B.*), так и индивидуальный характер; причем индивидуальные сокращения в диаристике, в свою очередь, можно разделить на окказиональные сокращения, значение которых выводится из контекста (например, *El.* вместо *Eltern* в высказывании К. Манна “*Verschiedene Geselligkeit: Eltern, EL.-Konni, EL.-Heinrich...*” [19]), и привычные сокращения (например, сокращение тем же К. Манном имени сестры Эрики до одной буквы *E.*).

Завершая наш анализ специфики языковой репрезентации гносеологического компонента картины мира ДД, мы бы хотели дать краткую характеристику влияния на нее параметра «*субъектоцентрированность*». В данном случае речь идет о том, что процесс порождения текста ДД влетен в процесс самопознания диариста, поэтому на переднем плане в любом, даже достаточно экстравертивном, писательском дневнике находится авторская индивидуальность. На тематическом уровне субъектоцентрированность текстов ДД проявляется в довольно высокой частотности в них исповедальных пассажей и, конечно, в самом отборе материала, осуществляемом исключительно в соответствии с индивидуальными предпочтениями диариста. На языковом же уровне она выражается в обилии вышеупомянутых интровертированных лексем, служащих фиксации мыслей и чувств познающего субъекта, различных средств передачи субъективной модальности высказываний и в достаточно сво-

бодном обращении писателей с языковым материалом и знаками препинания.

Кроме того, в диаристике нередко встречаются сигналы включения в структуру отдельных концептов, составляющих картину мира нации, новых индивидуальных признаков. Одним из таких сигналов служит необычная сочетаемость лексем-имен этих концептов. Так, на основе сочетания лексем *Form* и *Färbung* в предложении из дневника Ф. Фюмана “*Sie [Ausdrücke. – О. П.] waren...von einer verblüffenden Intelligenz in der Färbung der Form*” [20] устанавливается включение в интерпретационное поле одного из ключевых в его картине мира концепта «форма» индивидуального признака «наличие окраски». А относительная частотность употребления писателями в текстах поденных записей слов-«слитков» сигнализирует появление в их индивидуальных картинах мира немалочисленных индивидуальных концептов. Например, словом *Noab-Gefühl* Э. Штриттматтер обозначает в своем дневнике необычное чувство предвидения лучшего, испытанное им при виде неба, проясняющегося после дождя [21].

Таким образом, осуществленный анализ позволил продемонстрировать зависимость основных языковых особенностей диаристики от основных параметров когнитивно-коммуникативного процесса ее порождения.

Примечания

1. Пименова, М. В. Концептуальные исследования сферы внутреннего мира [Текст] / М. В. Пименова // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 112.
2. Казыдуб, Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель) [Текст] / Н. Н. Казыдуб. Иркутск, 2006. С. 11.
3. Бондарева, А. М. Писательский диаристический дискурс с позиций теории интердискурсивности [Текст] / А. М. Бондарева, О. В. Петешова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. № 2. С. 61.
4. Strittmatter, E. Wahre Geschichten aller Ard(t) [Текст] / E. Strittmatter. Berlin; Weimar, 1983. S. 49–50.
5. Reimann, B. Das grüne Licht der Steppen: Tagebuch einer Sibirienreise [Текст] / B. Reimann. Berlin, 1965. S. 91.
6. Fühmann, F. Zweiundzwanzig Tage, oder Die Hälfte des Lebens [Текст] / F. Fühmann. Rostock, 1999. S. 102–103.
7. Jünger, E. Strahlungen I [Текст] / E. Jünger. München, 1995. S. 474.
8. Musil, R. Aus den Tagebüchern [Текст] / R. Musil. Frankfurt-am-Main, 1968. S. 164.
9. Reimann, B. Указ. соч. S. 111.
10. Becher, J. R. Auf andere Art so große Hoffnung: Tagebuch 1950 [Текст] / J. R. Becher. Berlin, 1951. S. 21.
11. Mann, K. Tagebücher 1934 bis 1935 [Текст] / K. Mann. München, 1989. S. 84.
12. См., напр.: Rinser, L. Wachsender Mond [Текст] / L. Rinser. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 17.
13. Brecht, B. Tagebücher 1920–1922 [Текст] / B. Brecht // Brecht, B. Tagebücher 1920–1922. Auto-

biographische Aufzeichnungen 1920–1954. Berlin; Weimar, 1976. S. 27.

14. *Feuchtwanger, L.* Tagebuch 1940 [Текст] / L. Feuchtwanger // Feuchtwanger, L. Der Teufel in Frankreich: Erlebnisse. Tagebuch 1940. Briefe. Berlin; Weimar, 1992. S. 276.

15. *Marti, K.* Tagebuch mit Bäumen [Текст] / K. Marti. Darmstadt; Neuwied, 1985. S. 101.

16. *Krausser, H.* Juli: Tagebuch des Juli 1994 [Текст] / H. Krausser // Krausser, H. Juli. August. September. Reinbek bei Hamburg, 1998. S. 38.

17. *Becher, J. R.* Указ. соч. S. 183.

18. *Reimann, B.* Указ. соч. S. 26.

19. *Mann, K.* Указ. соч. S. 107.

20. *Fühmann, F.* Указ. соч. S. 159.

21. См. *Strittmatter, E.* Указ. соч. S. 126.

А. М. Борисенкова

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КОГНИТИВНОМ РАССМОТРЕНИИ

В статье рассматриваются когнитивные особенности словообразования немецкого языка, позволяющие как реконструировать содержание производного слова (семасиологическое направление рассматривания), так и конструировать новые словообразовательные номинации (ономасиологическое направление рассматривания).

The article deals with the cognitive peculiarities of word formation in the German language that help to both reconstruct the content of the derivative word (semasiological approach) and construct new word formation nominations (onomasiological approach).

Человек – центр мироздания. Все, что происходит в этом мире, воспринимается человеком, преломляется его сознанием. И то, что в гуманитарных науках в конце XX в. на передний план стремительно выдвинулся человеческий фактор и, вследствие этого, осуществился переход науки на новую, антропологическую, парадигму, – не случайность, а закономерная необходимость. Именно человеческий фактор приблизил друг к другу отдельные гуманитарные дисциплины, превратив их в новую, междисциплинарную, сферу исследования – когнитивистику, «федерацию дисциплин, не связанных строгими уставными отношениями» [1], каждая из которых изучает познание человеком мира в специфическом, собственном данной дисциплине преломлении.

Лингвистика занимает в когнитивистике особенное место благодаря своему объекту, языку. Естественный человеческий язык, отражающий все многообразие мира, является, с одной стороны, оптимальным средством трансляции человеческих мыслей, без которого не может обойтись ни один представитель рода человеческого

как homo socialis. С другой стороны, язык – это объект научного лингвистического исследования.

Лингвистика сегодня, учитывая сложность ее объекта, – «это не одна наука, а много разных, притом настолько разных, что нередко они не имеют между собой почти ничего общего. ... Штандарт “высокой моды” с некоторых пор несет когнитивная лингвистика» [2] или когнитология, считающаяся сегодня концептуально устоявшимся направлением, для которого характерны определенные познавательные установки, существенно отличающиеся от рационалистической традиции в изучении естественного языка [3]. Отношение к когнитологии в лингвистических кругах неоднозначно: у нее много как сторонников, так и противников. Последние зачастую не приемлют ее междисциплинарный, гибридный, характер, отсутствие традиционной лингвистической чистоты; многие усматривают в ней очередное модное поветрие, имеющее преходящий характер.

Но в чем преимущества когнитивной лингвистики, позволяющие надеяться, что это – всерьез и надолго? В первую очередь в *учете человеческого фактора и ситуативности*, не свойственной традиционной имманентной лингвистике. Когнитолог также внимательно рассматривает онтологический объект, чтобы понять, каково содержание интериоризованного объекта, какая его часть обозначена именем, а что осталось имплицитным, но может оказать воздействие на поведение слова в процессе коммуникации. Такое пристальное внимание к онтологии мира позволяет рассматривать язык-объект когнитологии как естественную, нестрогую, систему, потому что в нем отражен окружающий мир, динамичный, постоянно меняющийся. Имманентная лингвистика в силу закономерностей своего устройства систематизирует язык в русле классических аристотелевых категорий, допускающих по отношению к языковой единице лишь одно из двух альтернативных решений: правило или исключение. И способность когнитологии *проявлять гибкость, упорядочивая, категоризуя мир на естественных, прототипических, основаниях*, представляя его в переходах и полутонах [4] – это еще одна сильная сторона когнитивной науки о языке, которая позволяет увидеть хорошо известные факты языка в новом свете. Когнитивный подход к языку является основой новой парадигмы знания и может помочь не только точнее постичь содержательные глубины языка и в итоге адекватнее изучить его, но также глубже и тоньше познать внутренний мир носителя языка и действительность, окружающую их, так как «...язык ничего не придумывает, а выражает глубинные смыслы бытия» [5].

Классическая имманентная лингвистика в терминах А. Е. Кибрика [6] – это «что-лингвисти-

ка» (описание *структур*). Переход к когнитивной лингвистике позволит ученым выполнить более сложные задачи: описать *процессы*, происходящие в выделенных структурах («как-лингвистика») и *объяснить* их («почему-лингвистика»).

На современном этапе развития любого европейского языка два основных пути обогащения как его словарного состава, так и картины мира, это словообразование и полисемия. Без участия языка может формироваться лишь совершенно новое значение, нарекаемое простым именем, что является в наше время большой редкостью, так как практически все в окружающем нас мире уже познано и получило свое название в филогенезе. Сегодня при возникновении потребности в заполнении языковой лакуны Наблюдатель может выполнить поставленную лингвокреативную задачу ономаσιологическим (словообразовательным) или же семасиологическим (полисемическим) путем, пользуясь при заполнении возникшей лакуны уже существующими ресурсами языка, создавая экономичные номинации: и словообразование, и полисемия представляют собой деривацию – морфологическую в первом и семантическую – во втором случае.

Морфологическая деривация имеет семасиолого-ономаσιологическую природу и представляет собой хорошо организованную систему, имеющую благодаря своей регулярности открытый характер и, таким образом, постоянно пополняющую словарный состав языка.

Морфологическая деривация поставляет, по мнению Е. С. Кубряковой, около 60(!)% лексического состава любого развитого языка [7]. В ее более поздней работе доля словообразования в словаре возрастает до 75–80% [8]. По мнению И. Г. Ольшанского, на материале немецкого языка морфологические дериваты (в широком смысле как результаты словопроизводства и словообразования) составляют 70–75% всего словарного состава. Доминирующее положение словообразовательных номинаций в немецком языке подтверждается также данными Л. Вайсгербера, согласно которым его лексическое ядро состоит из 3–4 тысяч простых единиц первичного означивания, на базе которых образуются десятки тысяч производных (в узком смысле) и сотни тысяч сложных слов [9].

Словообразование – языковая сфера с наибольшим лингвокреативным потенциалом. **Основная причина феноменальной лингвокреативности словообразования**, на наш взгляд, **когнитивная**. Морфологическая деривация, занимающая в языковой картине мира в силу указанных причин доминирующие позиции, – языковая подсистема, оптимально сочетающая в себе точность и гибкость. Поэтому именно словообразование – это та сфера языка, для которой посильно реше-

ние сложнейшей задачи: обозначить все сущее средствами языка, и к тому же с необходимой мерой детализации. Точность подсистемы является надежной *основой категоризации мира*, выделения наиболее важных для человека категорий; детальная разработанность словообразования, обеспечивающая его гибкость, позволяет *субкатегоризовать*, дробить выделенные категории с *необходимой степенью детализации*. Именно эта глобальная подсистема языка позволяет при когнитивном подходе представить мир как гармоничное целое, которое можно как делить на крупные естественные составляющие, категории и субкатегории, так и дробить до мельчайших таксономических подклассов и даже отдельных концептов, рассматривая их «крупным планом» [10].

Согласно взглядам Э. Бейтс, смысл создания нового знака заключается в облегчении мыслительных процессов, так как такой единицей манипулировать гораздо проще, чем всей совокупностью знаний [11]. Мы разделяем ее позицию, так как новый знак обозначает не только сфокусированный объект, но и тяготеющую к нему ситуацию или ее часть. И в первую очередь это относится к словообразовательному знаку, емкому по содержанию и краткому по форме. Чем более конкретизировано значение такого знака, тем сложнее оно, тем больше имплицитных семантических элементов знак содержит, ср.: *Maler m*; *Impressionist m*. Если весь объем значения первого из приведенных дериватов обозначен эксплицитно: *der Maler* ← (*eine Person, die malt*), и понять его, не обращаясь к словарю, не составляет труда, то раскрыть значение второй номинации можно лишь на основе инферентного вывода [*der Impressionist* ← *der impressionistische Maler* ← (*eine Person, die auf impressionistische Art malt*)].

Развивая приведенное положение Э. Бейтс, Е. С. Кубрякова рассматривает знак как «такое метонимическое, редуцированное, заместительное, упрощенное средство, такую форму, которая ... по правилу *pars pro toto* может реферировать (отсылать) к любому из свойств называемой целости. Такая форма ... возбуждает определенные ассоциации плана выражения и плана содержания, в чем, собственно, и заключается цель акта семиозиса» [12].

Понятие «*композиционная семантика*», составляющее специфику словообразовательного знака и позволяющее «реферировать к любому из свойств называемой целости», введено Г. Фреге по отношению к другому комплексному единству – предложению. При таком видении семантики предложения на логическом уровне был особо выделен предикат, который совместно с аргументами, с учетом отношений между ними

представляет собой ментальный остов, каркас будущего предложения, *пропозицию*.

Пропозиция, одно из главных понятий в когнитивной лингвистике, *является основой ментальной репрезентации ситуации*, представляя ее в самых общих чертах. По этой причине именно *пропозиция – то общее, что объединяет разнородные комплексные знаки* (производное слово, словосочетание, предложение), поскольку лежит в основе любого из них.

Производное слово маркирует своей формой всю пропозицию (Maler m) или же лишь какую-то ее часть (Impressionist m), оставляя всю остальную информацию имплицитной и давая говорящему возможность в соответствии с правилом pars pro toto извлечь нужное, соответствующее в дискурсе его интенции. Но пропозиция – это не все содержание предложения или производного слова, а лишь его часть, хотя и наиболее значительная [13]; остальное содержание контекстно обусловлено и представляет собой совместно с пропозицией смысл комплексного номинативного знака – соответственно предложения, словосочетания или производного слова.

Сегодня когнитивный подход позволяет говорить о «сцене», представляющей эти знаки в ментальном плане не только холистически, как блэнд, словообразовательный концепт, но и с достаточной степенью детализации. Понятие сцены, предложенное Ч. Филлмором, и понимание дискурса в духе Ван Дейка созвучны и хорошо согласуются: сцена – ментальное видение ситуации; объективированный дискурс состоит из его базы (лингвистической части, текста) и ситуационной модели – уточненного конкретной ситуацией аналога сцены. И *при реконструкции содержания производного слова* как лингвистического знака мы продвигаемся в семасиологическом направлении: *от его формы к словообразовательному концепту* как его ментальной составляющей, дающей приблизительное внутреннее видение ситуации, которое корректируется ситуационной моделью и становится однозначным при его объективации в дискурсе. При необходимости же наречения именем нового понятия мы занимаемся *словообразовательным лингвистическим конструированием*, имеющим ономазиологическую природу (от словообразовательного концепта к его форме). А поскольку хорошо организованная подсистема словообразования имеет открытый характер, возможности образования новых морфологических дериватов практически безграничны.

Примечания

1. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX века: сб. статей / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 41.

2. Фрумкина, Р. М. Лингвистика вчера и сегодня о честном слове дворянина [Электронный ресурс] // НЛО. 2001. № 50. Режим доступа к статье: <http://www.nlo.magazine.ru/scientist/52.html>. [25. 04. 2004]

3. Берестнев, Г. И. О «новой реальности» языкознания [Текст] / Г. И. Берестнев // Филологические науки. 1997. № 4. С. 47–55.

4. Когнитивные аспекты словообразования (на материале немецкого языка) [Текст]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 244 с.

5. Вендина, Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания [Текст] / Т. И. Вендина // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 71.

6. Кибрик, А. Е. О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50–60-х годов [Текст] / А. Е. Кибрик // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 230–233.

7. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

8. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

9. Weisgerber, L. Die geistige Seite der Sprache und ihre Erforschung [Text] / L. Weisgerber // Sprache der Gegenwart. Schriften des Instituts fuer deutsche Sprache. Band 15. Duesseldorf: Schwann, 1971. S. 110.

10. Когнитивные аспекты словообразования...

11. Бейтс, Э. Интенции, конвенции и символы [Текст] / Э. Бейтс // Психолингвистика. М., 1984. С. 96.

12. Кубрякова, Е. С. Язык и знание... С. 421.

13. Борисенкова, Л. М. Семантическая структура и коммуникативные функции девербатов, деадъективов и морфологически родственных им композитов (на материале немецкого языка) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Борисенкова. М., 1984. 159 с.

Д. Д. Хайруллина

ЯЗЫКОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «ОГОНЬ» (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются главные структурные и содержательные характеристики универсального концепта «Огонь». В ходе работы дается этимологический анализ, изучаются толкования концепта на базе специальных и толковых словарей, выявляются его парадигматические связи. Исследование осуществлено в рамках сопоставительной когнитивной лингвистики (на примере английского и татарского языков).

In the article we consider the main structural and informative characteristics of the universal concept "Fire". While investigating we analyze the etymology, study the definitions of the concept on the basis of special and interpretative dictionaries and discover its

© Хайруллина Д. Д., 2008

paradigmatic relations. The research is carried out within the bounds of cognitive linguistics (on the example of English and Tatar languages).

Одним из универсальных концептов, наиболее значимых в английской и татарской картинах мира, представляющих фундамент человеческого бытия и определяющих всю человеческую жизнь на земле, выступает концепт «Огонь». Данный архетип является ключевым не только в философских системах, но и в современных гуманитарных теориях XIX–XXI вв. Стихия огня прочно вошла в нашу жизнь, культуру и язык. С ним связаны символы материальной и духовной культуры; он есть источник образности в искусстве и литературе.

Задача настоящей статьи – изучение языкового содержания концепта «Огонь» как устоявшейся когнитивной структуры. Выполнение поставленной задачи требует использования лексикографического материала с целью выявления понятийных признаков, реализующих концепт в английском и татарском языках для их дальнейшего концептуального анализа.

Анализ содержательной структуры концепта «Огонь» целесообразно начать с исследования имени концепта. В описании экспликации концепта это является базовым, так как в ходе него обнаруживаются самые общие и главные структурные и содержательные характеристики концепта, составляющие его логическое и понятийное ядро. В ходе работы дается прежде всего этимологический анализ, исследуются научные и обыденные толкования концепта на базе специальных и толковых словарей, выявляются его парадигматические связи (синонимические словари).

Именем концепта чаще всего становится слово-термин – собственная форма языкового существования концепта [1], которое передает содержание концепта наиболее полно и адекватно целям и условиям коммуникации. В качестве индикатора английских слов, репрезентирующих концепт «Огонь» как мыслительный конструкт, была выбрана лексема *fire*; в татарском языке номинатором стало слово *ут*. Из множества лексических единиц, которые могут составлять вербализованное ядро концепта, есть смысл выделить *fire*, *burning*, *flame(s)*, *blaze*, *spark* в английском и *ут*, *учак*, *янгыч*, *ялкын* в татарском языках как наиболее частотные и включающие основные представления о структуре и содержании изучаемого концепта.

Анализ словарных статей авторитетных толковых словарей английского языка позволил выявить следующие значения понятия *fire* (огонь). В одних случаях дефиниции использовались в их оригинальном виде, в других в целях более точной формулировки значений были получены ком-

бинированные дефиниции из нескольких словарей (здесь и далее по умолчанию: перевод диссертанта):

Fire *n.* 1. burning that produces bright light, heat and smoke – *состояние горения с выделением яркого света, тепла и дыма*; 2. destructive burning – *разрушительное возгорание, пожар*; 3. burning fuel in a grate, furnace, etc. for cooking food or heating a room – *горящий материал в камине или печи для приготовления пищи или обогрева комнаты*; 4. apparatus for heating rooms – *обогревательные приборы*; 5. shooting from guns – *стрельба*; 6. strong emotion; angry or excited feeling; enthusiasm – *сильные эмоции; чувства гнева или воодушевления; энтузиазм, вдохновение* [2].

Уточнение семантики слова наблюдается в словаре *Concise Oxford English Dictionary*, предназначенном именно для носителей языка, где фиксируется следующий аспект изучаемой лексемы: one of the four elements in ancient and medieval philosophy and in astrology – *один из четырех элементов в античной и средневековой философии и в астрологии*, и выделяется дополнительная сема к лексико-семантическому варианту (далее ЛСВ) *fire* 5 «стрельба»: strong criticism – *сильная критика* [3].

Таким образом, значения существительного *fire* сводятся к следующим признакам: 1) стихия; 2) пламя, свет, тепло; 3) разрушительность, неконтролируемость; 4) средство отопления; 5) стрельба, опасность; 6) критика; 7) чувство. Поскольку в общенациональном языке лексема соотносится с несколькими лексико-семантическими вариантами, структура многозначного слова позволяет увидеть движение от конкретных категорий огня к эмоциональным и оценочным категориям – от *fire* в значении «огонь-пламя» и т. д. до значений «гнев, пыл, воодушевление» и «критика».

Полное описание понятийных признаков указанного концепта невозможно без анализа синонимических ресурсов слова-имени *fire*. В английском тезаурусе Лоуренс Урданг и в Оксфордском синонимическом словаре выделяются следующие смысловые уточнители огня [4]:

Семема «burning that produces bright light, heat and smoke» лежит в основе синонимического ряда: *blaze*, *conflagration*, *inferno*, *flame(s)*, *burning*, *combustion*, *holocaust*, *luminosity*, *light*, *fuel*, *sparks*, *glow*. Здесь огонь – *fire* – предстает во всех ипостасях на основе дифференциальных сем. Огонь может быть сильным, ярким: *blaze*, *flame(s)*, *luminosity*, *light*; свет от огня может проявлять себя лишь как отблеск: *glow*. Огонь – это и широко охватывающий и уничтожающий пожар: *blaze*, *conflagration*, часто неконтролируемый: *inferno*, заканчивающийся смертью мно-

гих людей: *holocaust*. Необходимо отметить, что лексемы *blaze* и *inferno* часто в контексте приобретают концептуальный признак «ад, адскость».

Семема «shooting from guns» найдена у слов: *gunfire*, *firing*, *shooting*, *fusillade*, *volley*, *barrage*, *bombardment*, *salvo*, *shelling*. При этом в толковых словарях подчеркивается внезапность и продолжительность обстрела: *gunfire*, *firing*, *fusillade*, *barrage*, *shelling*; атака, одновременный залп из нескольких орудий: *volley*, *bombardment*, *salvo*.

Синонимический ряд со значением «apparatus for heating rooms» не включен в большинство современных словарей синонимов английского языка. По материалам толковых словарей мы включили в указанный ряд следующие компоненты: *fire* (apparatus for heating rooms); *heater* (a machine used for making air or water warmer); *burner* (a large, solid, metal piece of equipment for burning wood or coal, used for heating a room); *stove* (a piece of equipment that can burn various fuels and is used for heating rooms); *fireplace* (an open space for a fire in the wall of a room for heating). Эти лексемы могут являться позиционно взаимозаменяемыми, поскольку глобальных семантических различий между ними нет. Для обозначения разновидности печи некоторые из синонимов могут распространяться определителями: например, *gas fire*, *electric fire*, *gas heater* и т. д.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет составление синонимических рядов на основе переносных значений слова *fire*. Семема «strong emotion or feeling» объединяет в изучаемых словарях синонимы: *dynamism*, *energy*, *vigour*, *animation*, *vitality*, *enthusiasm*, *passion*, *ardour*, *intensity*, *spirit*, *élan*, *sparkle*, *eagerness*. При этом в толкованиях всех этих лексем обнаружена сема «энергия, энтузиазм». Так, в дефинициях слов можно выявить следующие уточнители значения: «решительность, настойчивость»: *energy*, *spirit*; «сила, напряжение»: *vigour*, *intensity*; «желание, воодушевление»: *enthusiasm*, *élan*, *eagerness*; «живость»: *sparkle*, *animation*, *vitality*; «сильно выраженное чувство (любви, ненависти)»: *passion*, *ardour*. Среди лексем, репрезентирующих концепт «Огонь» в английском языке, с метафорическим значением «strong emotion or feeling» можно выделить *flame(s)* для обозначения страсти, *sparks* часто при описании гнева или воодушевления, *glow*, подразумевая чувство удовлетворения. Некоторые из слов обозначают чувства и эмоции, отраженные в их глазах, выражении лица (об этом может свидетельствовать слово *show*, фиксируемое в дефинициях): *light*, *blaze*, *sparkle*. Ключевое слово *fire*, по нашему мнению, является доминантой ряда, поскольку его значения включают в себя оттенки значений остальных

синонимов, каждый из которых словно конкретизирует семантику лексемы *fire*.

Семема «strong criticism» представлена следующим единицами: *censure*, *disapproval*, *condemnation*, *attack*. Перечисленные синонимы относятся к когнитивной сфере оценивания, при этом сильная критика вызвана неодобрением чего-либо очень плохого, неприемлемого в определенной ситуации. По материалам толковых словарей мы также включили в указанный ряд следующие компоненты: *volley*, *bombardment*, *barrage*, переносным метафорическим значением которых является «поток упреков, критики», представленный часто в агрессивной форме.

Как видим, синонимический ряд лексемы *fire* включает слова, частично или полностью совпадающие по концептуальному значению, но различающиеся своими коннотациями, сферой употребления, сочетаемостью с другими словами, оттенками концептуального значения. Дериватами *fire* являются существительные *firer* (поджигатель), *firing* (стрельба), прилагательное *fireless* (безогненный). В английском языке, в отличие от татарского, содержится большое количество сложных слов с основой *fire*, связанных с семой «разрушительное возгорание, тушение пожара»: *fire-alarm*, *fire-brigade*, *fire-engine*, *fire-extinguisher* и т. д., что может говорить о том, что огонь воспринимается английским сознанием прежде всего как опасная стихия, которая может нести боль, уничтожение, смерть.

Показателем базовости изучаемой лексемы служит ее принадлежность к исконной лексике английского языка: слово *fire* в древнеанглийском было известно как *fyr* – «огонь». В словаре индоевропейских языков М. М. Маковского выдвигается предположение, что «огонь» соотносится со словами, имеющими значение «резать», *букв.* «высекать огонь»: например, в древнеанглийском – *fyr* «огонь» и *fyran* «резать, отрезать» (здесь, возможно, подчеркивается способ добытия огня у древних людей) [5]. В словаре *Concise* также упоминается *fyrian* (of W. Gmc origin) «supply with material for a fire» – «снабжать костер горючим».

В татарском языке понятие «огонь» выражается словом «*ут*», образованным от древнетюркского «*от*», что означало: 1. огонь, пламя; 2. трава, зелень, растительность; 3. лекарство; 4. зрачок [6]. Как видим, в пределах одного древнетюркского слова *от* объединяются значения, не имеющие между собой ничего общего (по крайней мере, чисто внешне), что характерно именно для ранних стадий развития языка. Но если взглянуть пристальнее, можно предположить о существующей связи между лексико-семантическими вариантами. Например, с древности огонь являлся средством исцеления, отсюда, возмож-

но, ЛСВ1 «огонь» и ЛСВ3 «лекарство». О связи между ЛСВ1 «огонь» и ЛСВ4 «зрачок» можно лишь предположить: слово *от* в переносном значении могло именовать солнце как символ небесного огня, ведь, согласно древнетюркской мифологии, светила небесные представлялись народному уму глазом божества. Примечательно, что в татарском языке сохранилось парное слово *ут-куз* («огонь-глаз»), имеющее дефиницию «пожар, разрушительное возгорание».

В современном толковом словаре татарского языка представлены нижеперечисленные дефиниции лексемы *ут* (огонь):

Ут I ис. 1. 1) яна торган айберне чорнап алган ялкын – *пламя, охватившее горящий предмет* 2) яктырткыч прибордан таралган яктылык – *свет, исходящий от осветительных приборов* 3) кабызылган, яндырылган яктырткыч эсбаплар турында – *о включенных осветительных приборах (электричество)* 4) атыш, ату – *стрельба, выстрел* 5) сугыш, көчле сугыш хәрәкәтләре; сугыш барган урын – *война, бой; место прохождения войны* 6) янгын – *пожар* 7) күч. күзләрдәге ялтырау – *перен. блеск, огонь в глазах* 8) күч. көчле хис, тойгы – *перен. сильное чувство* 9) күч. дәрт, ялкын; көч – *перен. страсть, пыл; сила* 2. сф. мәгъ. дәртле, кайнар холькы; елгыр, үткен – *прил. страстный, горячий, отчаянный; проворный, шустрый, живой*.

Ут II иск. ис. үлән – *уст. суц. зелень, трава* [7].

Итак, содержание концепта «Огонь» в татарском языке также многомерно и включает языковые ядерные признаки: «раскаленность», «свет», «тепло», «опасность», «электричество», «стрельба», «война», «энергичность», «чувство».

Согласно данным словаря синонимов татарского языка, лексема *ут* вступает в синонимические отношения со словами: *учак* (очаг, костер), *янгын* (пожар), *ялкын* (пламя), репрезентирующих данный концепт, составляющих его ядро и широко употребляющихся в разных сферах общения наряду со словообразовательными дериватами этой лексемы. Однако мы замечаем, что в татарском языке синонимический ряд ключевой лексемы представлен недостаточно полно. Связано это, как нам представляется, с непоследовательным учетом полисемического характера исследуемого слова.

Основное значение слова *ут* «горящее пламя» каузирует появление синонимического ряда *ут, ялкын, учак, очкын, чаткы* с актуализацией интегральных сем «горение», «раскаленность», «свет», «яркость», «тепло». При этом последние компоненты указанного ряда определяют мельчайшую частичку охватившего пламени. Одним из переносных значений лексемы *учак* является «дом, где родился, родная земля» [8]. В связи с этим можно выделить ценностную составляющую

концепта «Огонь» в татарском языке: признаки «родной дом», «приют», «домашний очаг».

Семема «свет от осветительных приборов» реализуется в семантике таких существительных, как *ут, утчык, яктылык, якты, нуф, кояш, йолдыз* с доминантным признаком «свет». Необходимо отметить, что лексема *нуф, кояш* актуализируют также признак «тепло». Толкования многих синонимов данной группы указывают на то, что в результате существования света у воспринимающего возникают лишь положительные эмоции: радость, счастье, надежда на светлое будущее.

Синонимы слова *ут* дополнительно могут распределяться по признаку «осветительный прибор», включая в свой ряд слова: *яктырткыч, чыфа, лампы, фонарь, факел*, дефиниции которых реализуют признаки: «источник света», «электричество», «необходимость в быту», «сигнальность».

На основе семемы «стрельба» существительного *ут* представлен синонимический ряд *ут, ату, атыш*; на основе семемы «война» – *ут, сугыш, яу, көрәш, бәрелеш*. В значениях слов данных синонимических групп зафиксированы ядерные признаки «жестокость», «агрессия», «противоборство», «атака», «смерть».

Сема «пожар» реализуется в семантике слов *ут, янгын, ут-куз, үрт*. Здесь огонь предстает как ничем не сдерживаемая, разрушительная сила. Доминантными семантическими признаками огня-пожара становятся «быстрота», «всеохватность», «опасность».

Занимательным становится составление синонимических рядов на основе переносных значений лексемы *ут*. Так, в значении «сильное чувство» *ут* вступает в синонимические отношения со словами *мәхәббәт, гыйшык, сөю, ялкын*; в значении «страсть, пыл» соотносится с синонимами *ярсу, дәрт, көч, ялкын, очкын*. Синонимический ряд *елгырлык, житезлек, үткенлек, өлгерлек, булдыклылык* содержит сему имени концепта «проворство».

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что обе ключевые лексемы в представленных языках являются многозначными. Лексикографический анализ показывает, что концептуальные признаки, представляющие ядро экспликантов «Огня» в английском и татарском языках, пересекаются, но в каждом из них есть оттенки значений, которые передают дополнительные семы. Это может быть вызвано спецификой языка, огромным разнообразием способов выражения изучаемого концепта, а также и самим «видением мира» у неродственных друг другу народов.

Исходя из рассмотренных нами дефиниций в генетически неродственных языках, важно выде-

лить общие понятийные признаки концепта «Огонь», составляющие его ядро, являющиеся базовыми для развития ассоциативно-фонowego и ценностного содержания: категориальный статус – «вещество», «процесс»; тематическая конкретизация – «горение с выделением света и тепла», «стрельба»; характеристика: внешние признаки (денотативные семы) – «высокая температура», «свет», «яркость», «блеск», «всеохватность», «разрушение», «опасность»; внутренние (человеческие) признаки (коннотативные, имплицитные семы) – «энергия», «живость», «пыл», «страсть», «гнев».

Отличительные понятийные признаки: 1) *fire* обозначает «обогревательный прибор», имеет отличительный ассоциативно-смысловой признак «критика»; 2) татарское имя *ут* содержит признаки «освещение» (например, *ут яктысында* – при свете, *шәвәр утлары* – огни города); «электричество» (*ут керту* – провести электричество); «бой, сражение, война» как средоточие огня, взрывов (*утка керу* – идти в бой), «блеск в глазах» (*күзләре ут кебек яна* – в глазах огонь). Для сравнения: в английском языке значение «свет, электричество» передает слово *light* (например, *turn on the light* – включить свет), «бой, сражение» – *battle* (*join the battle* – вступить в бой), «блеск в глазах» – *light, sparkle* (*sparkle of excitement in the eyes* – искорка в глазах). Обратим внимание еще на одно значение лексемы *ут* – «зелень, трава», что является уникальным и не встречается в индоевропейских языках. Сегодня это толкование считается устаревшим, но дериваты данного слова широко употребляются в современном татарском языке: *утау* – полоть, *утаучы* – человек, который полет, *утлау* – пастбище, *утлык* – кормушка для сена. Известный этимолог Р. Ахметьянов предполагает, что значения *ут I* – «огонь» и *ут II* – «зелень» были связаны между собой [9]: траву в древности использовали в качестве топлива, и, возможно, это повлияло на название процесса горения. Однако эти два слова настолько отдалились друг от друга, что их родство можно вскрыть только специальным лингвистическим или этимологическим анализом.

Таким образом, семантическая структура изученных нами слов является многомерной и предполагает множество интерпретаций, что доказывает их концептуальную и семантическую природу.

Примечания

1. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. М., 2001. С. 79.
2. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary [Текст]. Oxford University Press, 1995. P. 334; Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Текст] / A. S. Hornby. Oxford University Press, 2004. P. 477.

3. Concise Oxford English Dictionary [Текст]. Oxford University Press, 2007. P. 532.

4. Urdang, Laurence. The Oxford Compact Thesaurus [Текст] / L. Urdang. Oxford University Press, 1997. P. 187; The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms [Текст]. Oxford University Press, 2007. P. 172.

5. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике [Текст] / М. М. Маковский. М., 1989. С. 141.

6. Древнетюркский словарь [Текст]. Ленинград, 1969. С. 372–374.

7. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге [Текст] / баш ред. Ф. Ә. Ганиев. ТФА, ТӘҢСИ. Казан, 2005. Б. 614.

8. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда [Текст]. Казан, 1979. III том. Б. 326.

9. Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге [Текст] / Р. Г. Әхмәтъянов. Казан, 2001. Б. 221.

З. Ф. Галимова

СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ТОК-ШОУ)

В данной статье представлено определение понятий: *позитивное лицо, негативное лицо, положительный образ, стратегия*. Автор приводит классификацию, согласно которой сравнивает стратегии, зафиксированные в русском и американском ток-шоу.

This article deals with the definitions of some terms: *positive face, negative face, favourable image, strategy*. According to the classification, author makes the comparison of strategies oriented on Construction of Positive Image. The findings based on Russian and American talk-show.

Термин «стратегия» трактуется как совокупность речевых действий, направленная на решение коммуникативной задачи говорящего.

В данной статье представлено сравнение стратегий, зафиксированных в ток-шоу «Без комплексов» (далее – БК) и ток-шоу «The Oprah Winfrey Show» (далее – TOWS). Изучение разговоров женщин с женщинами показывает новую модель «хореографии» разговоров.

Прежде чем перейти к сопоставлению стратегий, выясним определение понятий: *позитивное лицо; негативное лицо; положительный образ; стратегия*.

П. Браун и С. Левинсон [1] ввели термины «positive face» (*self-image*) («позитивное лицо») и «negative face» (*freedom of thought and action*) («негативное лицо»).

В нашей работе подходит следующие определения данных терминов: «позитивное лицо» – это

потребность быть причастным, принадлежащим определенному сообществу (to be connected), а «негативное лицо» – потребность быть независимым (to be independent) [2].

Понятие «положительный образ» состоит из балансирования между сохранением «позитивного лица» и сохранением «негативного лица». Понятие «положительный образ» находит практическое применение в комплименте и похвале.

Спецификой ток-шоу является взаимодействие между ведущей и участниками, следовательно, проследим конструирование «положительного образа» со следующих позиций: в глазах интервьюируемого; в глазах окружающих; в глазах ведущей ток-шоу.

В процессе классификации стратегий нами были выделены следующие критерии: цель высказывания, способ воздействия на адресата, способ реагирования на комплимент, похвалу.

Согласно классификации по цели общения, выделим две стратегии: стратегия, ориентированная на сохранение «позитивного лица», и стратегия, ориентированная на сохранение «негативного лица». Стратегия, ориентированная на сохранение «позитивного лица», в ток-шоу «БК» встречается чаще, чем в ток-шоу «TOWS». Стратегия, ориентированная на сохранение «негативного лица», чаще используется в речевом общении участников ток-шоу «TOWS», чем в ток-шоу «БК».

Выделим следующие стратегии, исходя из способа воздействия на адресата: стратегия сохранения «позитивного лица», ориентированная на интервьюируемого; стратегия сохранения «негативного лица», ориентированная на интервьюируемого. Стратегия сохранения «позитивного лица», ориентированная на интервьюируемого чаще используется в ток-шоу «БК», чем в ток-шоу «TOWS». Стратегия сохранения «негативного лица», ориентированная на интервьюируемого, чаще зафиксирована в ток-шоу «TOWS», чем в ток-шоу «БК».

Стратегии, выстроенные по способу реагирования на комплимент, похвалу, классифицированы по следующим параметрам: стратегия сохранения «позитивного лица» в глазах ведущей; стратегия сохранения «негативного лица» в глазах ведущей. Стратегия сохранения «позитивного лица» в глазах ведущей чаще встречается в ток-шоу «TOWS», чем в ток-шоу «БК». Стратегия сохранения «негативного лица» в глазах ведущей чаще всего встречается в ток-шоу «БК», чем в ток-шоу «TOWS».

В результате сравнения стратегий пришли к выводу, что «положительный образ» в ток-шоу «БК» и ток-шоу «TOWS» конструируется при помощи балансирования между «позитивным лицом» и «негативным лицом», в зависимости от

цели, от способа воздействия на адресата, от способа реагирования на комплимент, похвалу.

Примечания

1. Brown, P. Politeness: Some universals in language usage [Text] / P. Brown, S. Levinson. Cambridge U. P., 1987.

2. Yule, G. Pragmatics [Text] / G. Yule. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 41–64.

Г. В. Чистякова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА YELLOW В ОН-ЛАЙН ТЕКСТАХ

Статья посвящена рассмотрению проблемы актуализации признаков цветового концепта *yellow* в он-лайн источниках, анализ языкового материала которых позволяет представить его структуру в режиме реального времени. В предлагаемой публикации особое внимание уделяется признакам, не зафиксированным ранее в академических толковых словарях и отражающим специфику групповой концептосферы пользователей Интернета.

The article is devoted to the representation of the colour concept *yellow* in on-line resources. The analysis of the language units lets present the concept structure in real-time processing. The special attention is paid to the conceptual characteristics that were not fixed in the off-line dictionaries before and that reflect the peculiarities of conceptual background of the Internet users.

Роль Интернета в современном обществе настолько велика, что последние десятилетия XX и начало XXI вв. принято называть новым, «информационным», этапом развития общества, временем высоких компьютерных технологий и временем Всемирной Паутины (World Web). Интернет привнес в тексты те отличительные особенности, благодаря которым современное печатное слово стало мультимедийным. Печатный текст перестал развиваться линейно и однонаправленно, он стал многоуровневым и объемным, обладающим многочисленными связями [1]. Анализ языкового материала таких текстов позволяет приблизиться к описанию национальной концептосферы, существующей в режиме *реального* времени. Через лексикографические источники и художественные тексты можно получить представление об «устоявшихся» признаках концепта, сформированных в ходе исторического развития нации и национального языка. Фиксирование новых признаков в подобного рода текстах требует, как правило, значительных временных затрат, в то время как общение в режиме он-лайн позволяет отражать как наиболее типичные мыслительные образы индивидуальных (групповых,

национальных) концептосфер, так и когнитивные структуры, рождающиеся непосредственно в акте коммуникации или незадолго до него. Кроме того, в тех случаях, когда по ряду причин невозможно проведение рецептивного эксперимента, именно такое «живое» существование языка позволяет верифицировать концептуальные признаки, выделенные в ходе логического анализа (рефлексивный уровень, уровень теоретического знания) с точки зрения их реальной представленности в сознании носителей языка (бытийный уровень, уровень практического применения) [2].

В нашем исследовании мы намерены проследить, каким образом актуализируются признаки концепта *yellow* в пространстве Интернета. Помимо текстов, выполняющих информационную, образовательную или развлекательную функции, мы сочли необходимым проанализировать и комментарии читателей к различного рода статьям в чатах и на форумах, а также дефиниции он-лайн энциклопедий (<http://en.wikipedia.org/>) и словарей (<http://www.thefreedictionary.com>, <http://www.urbandictionary.com/> (словарь городского сленга), <http://www.cocaine.org/> (словарь уличного сленга наркотиков), создаваемые непосредственно пользователями Сети. Принимая во внимание, что подобные сайты посещает преимущественно молодежь, мы намерены отразить специфику концепта с точки зрения групповой нормы, где под группой понимается молодое поколение носителей английского языка.

Анализ словарных дефиниций лексемы *yellow* позволил выделить наиболее значимые концептуальные признаки, так как «значение слова выполняет функцию общей репрезентации концепта в системе языка за счет описания его наиболее характерных, существенных признаков, т. е. определенной, наиболее репрезентативной части концепта» [3]. Так, по данным толковых словарей английского языка (Webster, Longman, Oxford), в структуре концепта были выделены следующие понятийные признаки: 1) «цвет дентата», 2) «болезнь», 3) «старость», 4) «принадлежность к монголоидной расе», 5) «сенсационность, бульварность, скандальность», 6) «подлость, трусость», 7) «ревность, зависть, измена». Из перечисленных признаков очевидно, что в структуре концепта *yellow*, по данным лексикографических источников современного английского языка, преобладает негативный оценочный компонент.

Функционирование имени концепта в он-лайн текстах также проходит, главным образом, со знаком «минус». Нейтральный компонент значения концепта – ‘*of a color of the hue of sulphur or a hue somewhat less red than that of gold*’ (Webster) – безусловно присутствует, хотя и в незначительном объеме. Так, например, всемирно

но известные *Yellow Pages* (‘рус. желтые страницы’) печатаются на ярко желтой бумаге (или в ярко желтых переплетках) исключительно с целью привлечения внимания, ср.: *The Name and Concept “Yellow Pages” were invented in the USA over a century ago. The expression “yellow pages” is used all around the World in both English and Non-English speaking countries* (http://en.wikipedia.org/wiki/2006_transatlantic_aircraft_plot).

Поскольку массмедиа служат неким зеркалом, отражающим наиболее яркие, привлекающие к себе внимание, события реальной жизни, в разное время в языке Интернета наибольшую реализацию получает тот или иной признак концепта. Так, в периоды всемирных эпидемий (например, в случае с эпидемией атипичной пневмонии 2003 г.) появляется большое количество статей, актуализирующих признак ‘болезни’. Его языковыми репрезентантами служат: 1) прилагательное *yellow*, используемое, например, применительно к цвету кожи, пожелтевшей из-за болезни, ср.: *His skin took on a pronounced yellow color as the liver was damaged* (<http://scarab.msu.montana.edu/historybug/mexwar/mexwar.htm>); 2) фразеологические словосочетания *yellow fever*, / *Yellow Jack*, (‘рус. желтая лихорадка’), ср.: *SARS thus imparted a fundamental reality: health is a global public good.... Currently, governments are required to report only cholera, plague, and yellow fever to the WHO* (<http://yaleglobal.yale.edu/display.article?id=4649>) и *yellow eleven* ‘термин, используемый для обозначения инфекционного насморка у детей’, ср.: *“Honey, can you get a wipee and snag that yellow eleven on Danielle before she drinks it?”* (<http://www.urbandictionary.com/define.php?term>). Для сравнения в русском языке признак ‘болезни’ может также актуализироваться и через психические заболевания человека, ср.: *желтый дом* ‘разг. больница для душевнобольных’ (БТСРЯ), ср.: *При словах «психиатрическая больница» возникают какие угодно ассоциации... Меж тем «желтые дома» лишь внешне огорожены высокими заборами. На самом деле они являются важным социально-психологическим фактором нашей общей жизни* (<http://www.newizv.ru/news/2004-04-28/6350/>).

Как отмечают некоторые исследователи, одной из особенностей языка современных СМИ во многих странах мира является нагнетание отрицательных эмоций. Постоянные демонстрации кадров упавших самолетов, прямые эфиры происходящих катастроф или действий группировок террористического толка получили название «визуальный терроризм» [4]. Опасность, ставшая неотъемлемой частью жизни современного человека, естественно отражается и в языке. Восприятие желтого как цвета опасности обусловлено

его влиянием на психику. Желтый получается от смешения зеленого и красного. Это оптическое объединение соответствует и психологическому началу желтого цвета. Красный как возбуждение и зеленый как напряжение создают в результате возбужденное напряжение, требующее разрядки, результат которой может быть как благополучным, так и трагическим. Возможность разрешения напряжения в сторону небытия символизирует сочетание желтого с черным (например, знак радиационной опасности) [5]. Семантическая база образного признака исследуемого концепта 'опасность' включает в себя несколько параметров. 'Опасность' может быть связана с 'угрозой для жизни' по нескольким причинам.

Во-первых, существует вероятность заражения какой-либо болезнью, например, от вируса, вызвавшего желтую лихорадку, ср.: *yellow fever*.

Во-вторых, угроза появляется из-за воздействия различных опасных веществ, к числу которых относятся: 1) наркотические и медикаментозные средства: депрессанты – *yellow, yellow bullets, yellow jackets*, АСД – *yellow, yellow dimples, yellow sunshine*, «ангельская пыль» или «пи-си-пи» (фенициклидина) – *yellow fever*, марихуана – *yellow submarine*, метамфетанин – *yellow bam* (<http://www.cocaine.org/argot.htm>), 2) радиоактивные элементы: *yellow cake* ('рус. желтый пирог') 'руда с высоким содержанием урана, используемого при создании оружия массового поражения' (<http://en.wikipedia.org/>), ср.: *The uranium, known as "yellow cake," can be used to make fuel for nuclear reactors; if processed differently, it can also be enriched to make weapons* (<http://www.newyorker.com/>); 3) отходы химического производства, которые являются причиной изменения цвета естественных и искусственных водоемов, ср.: *A stream near Bridgwater, Somerset, turned bright yellow when 8,000 litres of waste products from the manufacture of orange juices leaked into a stream* (<http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/3363761.stm>); 4) биологическое оружие: *yellow rain* 'желтый дождь, вид химического загрязнения в виде дождя, прошедший на отдельных территориях Юго-Восточной Азии и явившийся причиной химических ожогов, а в ряде случаев даже смерти' (<http://en.wikipedia.org/>), ср.: *The name yellow rain derives from incidents in Laos and Vietnam beginning in 1975, when the two communist governments...retaliated against Hmong people tribes... Refugees fled from what they described as chemical warfare attacks by low-flying aircraft; most of the reports were of a yellow, oily liquid that the Hmong dubbed "yellow rain"* (<http://en.wikipedia.org/>). Цветные осадки, тем не менее, не всегда связывают с вредными веществами. Так, например, в ряде регионов России выпадение желтого снега или дождя объясняется атмосферными

явлениями, ср.: *25–26 марта наблюдалось выпадение осадков... от песочного до желто-оранжевого цвета... Сильный ветер... и мощные восходящие вертикальные потоки поспособствовали попаданию в облака частичек растительности, пыли и песка со степных районов Волгоградской и Калмыцкой областей* (www.regnum.ru/news/981068.html).

'Опасность' может также носить и политический или экономический характер. Фразеологизм *yellow peril* ('рус. желтая угроза'), реализующий также и признак 'принадлежность к монголоидной расе', имеет два значения: 1) 'опасность, которую представляют азиаты (китайцы и японцы) для западной цивилизации за счет расширения сферы влияния и политической значимости'; 2) угроза падения жизненного уровня белого населения из-за согласия азиатских рабочих-иммигрантов работать за более низкую плату' (Webster), ср.: *At least one Chinese-Italian activist is turning the discrimination accusation around, however, claiming that Romans suffer from "yellow peril hysteria"* (<http://yaleglobal.yale.edu/>). Для отдельно взятого человека опасность, сопряженная с азиатами, может быть не столь глобальной: *yellow danger* – это китаец с пистолетом в руке, ср.: *There's yellow danger lurking around the corner* (<http://www.urbandictionary.com/>); *yellow menace* – это ученик-азиат, всегда получающий хорошие оценки и не дающий списывать (<http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Yellow+Elephant>).

Признак 'принадлежность к монголоидной расе' объективируется как через адъективный, ср.: *The whites are very prejudiced against those with yellow skin, she recalls* (<http://yaleglobal.yale.edu/>), так и через субстантивный репрезентанты концепта, ср.: *Historically the color race system which includes the yellow was used in the United States in the early 20th century.... The yellow was coined based off the notion that all races of people distinctly divided into groups of separate color skin* (http://kennethomura.tripod.com/racial_slur_yellow/). Однако номинация желтой расы по цвету кожи не имеет под собой объективной основы, поскольку цвет кожи азиатов варьируется от белого до черного цветов, с промежуточными желтыми и коричневыми оттенками, ср.: *Even if the term yellow were to be just restricted to Far East Asians, there would still be too much skin color variation* (http://kennethomura.tripod.com/racial_slur_yellow/). Кроме того, благодаря доминирующей в современном мире политической корректности, широко пропагандируемой СМИ, номинация рас по цвету кожи теряет свою актуальность – так, представителей черной расы называют афроамериканцами (*Afro-Americans*), а представителей желтой расы – азиатами. В английском языке это звучит как *Tripartite Asian*, поскольку Азия

традиционно делится на три части: Дальний Восток, Индия и Юго-Восточная Азия, а термин «желтые» воспринимается как оскорбительный, ср.: *Because it has too many negative connotations, Tripartite Asians feel the term yellow is offensive. Tripartite Asian is the only acceptable term* (http://kennethomura.tripod.com/racial_slur_yellow/).

Поскольку целью СМИ в целом и информационных сайтов, в частности, является не только оповещение о грозящей со всех сторон опасности, но и, по возможности, ее предупреждение, еще одним значимым признаком концепта, широко представленном в он-лайн языке, является образный признак 'предупреждение'. Данный признак также может иметь сколь угодно много точек приложения как с отрицательными, так и положительными коннотациями. В основе всех языковых реализаций данного признака лежит некий визуальный образ, привлекающий внимание за счет яркости цвета, ср.: желтый свет светофора, желтые дорожные знаки и т. д.

Первой сферой применения является признак 'предупреждение об опасности', сопряженной с действиями различных террористических группировок. Репрезентация осуществляется за счет различных устойчивых словосочетаний: *yellow alert* ('рус. желтая тревога'), ср.: *The US is currently at alert state yellow, its third highest level, which means the Americans are still jittery about any potential terrorists getting into their country* (<http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/3363761.stm>); *yellow threat level* ('рус. желтый уровень опасности'), ср.: *US Security Threat Level set to Severe (red) for flights to England, Orange (high) for domestic flights. The GENERAL level is still at heightened (yellow)* (<http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1680971/posts>). Признак 'предупреждение об опасности', в его соотнесенности с действиями террористических организаций, вербализуется и в других цветовых концептах. США и Европа живут по пятиступенчатой цветовой системе уровня опасности: *red* – предельно высокий, *orange* – высокий, *yellow* – повышенный, *blue* – охранный, *green* – низкий, ср.: *The US lowered terror alert level from orange to yellow, Homeland Security Secretary Tom Ridge Says* (<http://news.bbc.co.uk/>).

'Предупреждение об опасности' может относиться и к другим случаям угрозы для здоровья и жизни человека. Так, например, использование пестицидов в сельском хозяйстве принято обозначать через желтые значки – *yellow signs*, ср.: *I think about it more when I see those little yellow pesticide application signs around our town fields or lawns.* (<http://www.headlice.org/news/>). В медицине система желтых карточек призвана предупреждать о различных негативных реакциях пациента на прием медикаментов: *yellow-card*,

report, yellow-card, scheme, ср.: *... in 1964 ... in Britain, Sir Derrick Dunlop, chairman of the new Committee on Safety of Drugs, circulated a letter to doctors asking them to report promptly «any untoward condition in any patient that might be the result of drug treatment». Thus began the yellow-card scheme...* (<http://www.laleva.org/>).

Фразеологическое сочетание *yellow card*₂ реализует еще один вид 'предупреждения', связанный в данном случае с нарушением правил игры, ср.: *He had already sent two players off in the second half for second yellow cards* (<http://www.foxsports.com.au/>). Спортивная тематика наглядно демонстрирует механизмы «живого» функционирования концепта. В ходе жизни языкового коллектива актуальность концептов (т. е. интенсивность оценки) может меняться. Концепт может менять оценочный знак или образные и понятийные (фактуальные) составляющие [6]. На нашем материале можно проследить, как меняется субъект действия применительно к признаку 'предупреждение'. Так, например, в значении словосочетания *yellow card*₂ после скандальных историй с рефери на чемпионате мира по футболу в Германии 2006 г. появился новый семантический компонент – 'рефери как нарушитель правил судейства', ср.: *FIFA chief shows «yellow card» to referee of Portugal-Holland game* (<http://www.iranian.ws/>).

'Предупреждение' может относиться и к нарушению правил общественного порядка, связанного, например, с девиантным поведением подростков: *yellow card*₃, *warning*, ср.: *In the UK, Police may issue a «Yellow Card Warning» to teenagers committing Anti-Social Behaviour* (<http://en.wikipedia.org/>) или чрезмерным употреблением спиртных напитков, ср.: *A yellow card is shown to imbibers who may be heading toward trouble during a night at the pub, while a red card removes them from the bar* (<http://keyetv.com/watercooler.html>).

В качестве предупредительных знаков возможно также использование желтых лент, ср.: *yellow police tape*, которыми огораживается место преступления. В сознании жителей Лос-Анджелеса, одного из самых криминальных городов мира, эти ленты имеют стабильные ассоциации с насильственной 'смертью', ср.: *My city is under siege and there is a never-ending trail of yellow tape... Yellow tape and red flares are always a sign of death in Los Angeles. ... I've always thought that I'd die a violent death at a young age. I guess I was wrong but no matter what, one day we will all lay inside the red flares and yellow tape* (<http://www.streetgangs.com/magazine/>). Признак 'смерти' также реализуется через словосочетание *yellow death* (рус. желтая смерть), которое служит прозвищем для блюда Kraft Dinner или любых других

макарон с сыром, входящими в ежедневный рацион студентов', ср.: "Yo, what's for dinner?" "Kay-Dee" "Yellow Death? Again?" (<http://www.urbandictionary.com/define.php?term>). Примечательно, что в русском языке данный фразеологизм используется применительно к пиву или некачественной водке (<http://www.ural.ru/news/business/news-41078.html>).

Несмотря на привычное употребление желтых флагов в качестве предупредительных сигналов (ср: *yellow flag* и *yellow Jack*₂, 'желтый карантинный флаг, поднимаемый на корабле или госпиталем, закрытым на карантин' (БАРС)), в некоторых ситуациях они реализуют признак 'предупреждения об отсутствии опасности'. Так, например, в современном судоходстве используется *yellow Q flag*, который означает, что на борту нет болезни и капитан просит разрешения на свободное общение с берегом, ср.: ... *yellow Q flag today means that the ship does not have disease aboard; it signifies "I request free pratique," which means I ask that the authorities in the port give me a clean bill of health* (<http://www.crwflags.com/>). Пример демонстрирует ситуацию развития диаметрально противоположных значений при сохранении образа и незначительной модификации языкового знака.

Данный признак реализуется также и через еще одно значение сочетания *yellow card*₄ (or *Carte Jaune*), обозначающего международный сертификат о прививках, ср.: *Yellow Card, or Carte Jaune is an international certificate of vaccination... It is presented to immigration authorities with one's passport, upon entering countries which are quarantined by reason of disease* (<http://en.wikipedia.org/>).

'Предупреждение об отсутствии опасности' может быть тесно связано с таким актуальным признаком, как 'секс-индустрия'. Связь осуществляется через фразеологизмы *yellow card*₃ или *yellow health cards*, используемые для уведомления о том, что представительницы секс-индустрии проходят регулярные медицинские осмотры, ср.: *Prostitution is legal in conservative Singapore but soliciting is not. There are several "approved" red light areas where strict regulations require registered sex workers to carry a yellow health card and submit to monthly medical checks* (<http://www.thaianxiety.com/>). Появление признака в структуре концепта, вероятно, связано с идеей о том, что в Средние века для привлечения внимания женщины носили желтые платья, ср.: *Tsar Pavel I was known for his passion for uniforms and decorations, so he granted a special uniform to prostitutes. Public women were supposed to wear special yellow dresses. It did not take them long to wear such clothes, but it was enough for the yellow color to become the symbol of this profession* (<http://english.pravda.ru/news/society/sex/30-04-2002/42121-0>).

Продолжая смысловой ряд, можно предположить, что появление семы 'jealous, envious' в структуре прилагательного *yellow* обусловлено 'ревностью' к представительницам этой древнейшей профессии. В словарях данное значение уже идет с пометой 'устаревшее', как и фразеологизм *to wear yellow stockings* 'ревновать'.

Признак 'подлость, трусость' реализуется в языке Интернета через лексемы *yellow*, *yellow-bellied*, ср.: *The Ontario Dernier ... is a lily livered, yellow-bellied, chickensb*t coward...* (<http://www.thepolitic.com/archives/2006/06/>) и фразеосочетание *yellow dog*, ср.: *Don't be a yellowdog, stand up and be a man* (<http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Yellow+Elephant>). По некоторым данным, эти признаки появились на базе негативных ассоциаций, которые вызывали азиаты у европейцев, ср.: *They were labeled yellow because it was believed they possessed yellow skin and had a yellow character. A yellow character is symbolic of cowardice* (<http://kennethomura.tripod.com/>). Пример демонстрирует четкую взаимосвязь между двумя признаками – 'подлость, трусость' и 'принадлежность к монголоидной расе'. Другие источники отрицают какие-либо общие смыслы между двумя значениями лексемы *yellow* – 'подлый, трусливый' и 'азиатский', ср.: *...no source suggests any connection between these terms and "yellow-bellied", other than the common use of the word yellow to imply deceit. So it is unlikely that yellow-bellied has racist undertones* (<http://www.straightdope.com/mailbag/myyellowbellied.html>).

Устойчивые связи с признаками 'подлость, трусость' прослеживаются и во фразеосочетании *yellow dog contract* (рус. 'желтое обязательство') 'обязательство не вступать в профсоюз и не участвовать в борьбе за свои права, которое должен дать рабочий при поступлении на работу' (Webster). Базой для номинации в данном случае стало выражение *yellow dog*, уже в начале XX в. означавшее 'подлого, трусливого человека' (<http://www.workdayminnesota.org/>). Интересен тот факт, что данное выражение было использовано в качестве основы для фразеологического сочетания *Yellow Dog Democrats*, реализующего признак с диаметрально противоположной оценкой. В период президентских выборов в США в 1928 г. это выражение относилось к верным сторонникам демократической партии, ср.: *Lachlan McIntosh, executive director of the South Carolina Democratic Party, says today's yellow-dog Democrats aren't the same as those reared in the segregated South* (<http://www.mercurynews.com/mlm/mercurynews/news/politics.html>). В настоящее время термин скорее стал символом 'верности, преданности', чем строгой приверженности курсу демок-

ратической партии, ср: *These days, the term is widely recognized as an expression of regard and, as such, it is only used in a manner of praise. Yellow Dog Democrats embody loyalty.* (<http://www.yellowdogdemocrat.com/>).

Эмоциональная оценка признака 'сенсационность, бульварность, скандальность' имеет скорее нейтральный, чем отрицательный, характер. Западная культура уже воспринимает *желтую прессу* (*yellow press, yellow rag, yellow sheet, yellow journalism, yellow journalist*) скорее как данность, чем некий эмоциональный раздражитель, ср.: *In many movies, sitcoms and other works of fiction, reporters often use yellow journalism against the main character, which typically works to set up the reporter character as an antagonist* (<http://en.wikipedia.org/>). В России также стали приходить к мнению, что «желтая пресса непобедима» (из выступления М. Галкина на канале «Россия», 01.09.06).

Анализ словаря уличного сленга (<http://www.urbandictionary.com/>) позволил выявить еще несколько фразеосочетаний, реализующих периферийные (в силу низкой частотности употребления) признаки концепта, к которым относятся: 'любовь' – *yellow bird*₁ 'настоящая, единственная, самая верная любовь человека, любовь до конца жизни', ср: *I never thought this life was possible, you're the yellow bird that I've been waiting for*; 'удача', 'надежда' – *yellow bird*₂ 'символ удачи и надежды, часто встречающийся в песнях', ср.: *How could you forget your yellow bird?*; 'лидер' – *yellow hat* 'букв. желтый головной убор для игры в поло', 'фиг. желтая шляпа чемпиона, лучшего игрока', ср: *Yellow hat is a sign of accomplishment and commands respect. You don't get yellow hat, you earn it.*

Подводя итог рассмотрению репрезентации концепта yellow в пространстве Интернета, необходимо отметить следующее. Во-первых, живое общение посредством Всемирной паутины позволяет «схватывать» новые смыслы в режиме реального времени, в том вербально обозначенном виде, в котором они существуют в сознании современных носителей данной языковой общности, а также максимально быстро отражать появление новых признаков, ср.: *yellow fever*₂, которое помимо собственно болезни теперь также обозначает и сильное сексуальное влечение к азиатам, ср.: *Every time we go to the club, Dave goes straight for the asian women. I swear, that dude's got a serious case of yellow fever* (<http://www.urbandictionary.com/>). Во-вторых, реализация всего множества концептуальных признаков происходит за счет многозначности как собственно имени концепта, так и различных словосочетаний с компонентом *yellow*, ср.: пять значений выражения *yellow card*. В-третьих, устойчивые выражения могут реализовать сразу несколько семанти-

чески связанных концептуальных признаков, ср.: *yellow fever*₂, – 'болезнь', 'предупреждение об опасности', 'секс-индустрия'.

Анализ реализации концептуальных признаков, представленный в рамках данного исследования, еще раз подтверждает тот факт, что одна и та же языковая единица «может в разных коммуникативных условиях репрезентировать, представлять в речи разные признаки концепта... в зависимости от коммуникативных потребностей, от объема, количества и качества той информации, которую говорящий хочет передать в данном коммуникативном акте и, естественно, в зависимости от смысловой структуры слова, его семантических возможностей» [7]. Цветовые концепты наглядно демонстрируют процессы активного функционирования уже сформировавшихся признаков и возникновение новых за счет полисемантности базовых репрезентантов и их богатой эмоциональной и оценочной составляющей.

Примечания

1. <http://www.mirrabot.com/>
2. Зинченко, В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началу органической психологии [Текст] / В. П. Зинченко. М.: Новая школа, 1997. 334 с.
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С. 13.
4. Григорьева, О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах [Текст]: учеб. пособие / О. Н. Григорьева. М.: Флинта: Наука, 2004. 195 с.
5. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики [Текст] / В. Ф. Петренко. СПб., 2005. С. 178.
6. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 14.
7. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, А. Стернин. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. С. 38.

Словари и энциклопедии

1. Longman – Longman Dictionary of Contemporary English [Текст]: 2 v. М.: Русский язык, 1992. 1229 с.
2. Oxford – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text]: 2 v. / by A. S. Hornby. Oxford: University Press, 1982. 1072 p.
3. Webster – Webster's Third New International Dictionary of the English Language unabridged with seven language Dictionary / Merriam – Webster, Inc.: 3 v. USA: Encuclopaedia Britannica, Inc., 1993. 3136 p.
4. БАРС – Большой англо-русский словарь [Текст]: в 2 т. Ок. 160000 слов / под общ. рук. И. Р. Гальперина. М.: Рус. яз., 1987. Т. 1. А–М. 1040 с.
5. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. А. С. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. <http://en.wikipedia.org/>
7. <http://www.thefreedictionary.com/>
8. <http://www.urbandictionary.com/>
9. <http://www.cocaine.org/>

Р. Р. Залялова

КОНЦЕПТ МИЛИЦИОНЕР В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И В АНЕКДОТЕ

В данной работе рассматриваются представления о милиционере, которые имеются в языковом сознании современных носителей русского языка, в сопоставлении с обобщенным портретом милиционера, составленным по данным милицейских анекдотов.

In this work the concept МИЛИЦИОНЕР is studied, we mean the notion of a militiaman, which native speakers of the Russian language have in their linguistic mentality (according to the data of associative experiment) in comparison with summarized portrait of a militiaman, based on their professional jokes data.

В последнее время понятие «концепт» находится в центре внимания филологов. Актуальность статьи обусловлена тем, что оно выполнено в русле когнитивной лингвистики, одним из базовых понятий которой является «концепт». Несмотря на большое количество работ, посвященных этой проблеме, многие исследователи оговаривают, что термин «концепт» трактуется по-разному, нет единого понимания данного термина. В статье под концептом понимается весь тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово [1]. Существует множество методов и приемов исследования концептов: анализ лексической сочетаемости ключевого слова, анализ синонимического ряда ключевого слова, построение деривационного поля ключевого слова, анализ паремий, объективирующих концепт, психолингвистический эксперимент и др. [2]. Одним из наиболее популярных методов исследования концепта является свободный ассоциативный эксперимент, который находит отражение в работах И. А. Морозовой, О. А. Егоровой, Ю. В. Трофимовой, Ван Бин Дуна [3] и др. Думается, интерес к эксперименту не случаен. «Новая ассоциативная парадигма коммуникативно-прагматической лингвистики позволяет глубоко и полно представить концептуальную природу объектов реальной действительности, построить концептуальные модели языковой картины мира» [4]. «Ассоциативные эксперименты выявляют особенности национального языкового сознания народа – связи слов в сознании, их смысловую и иерархическую подчиненность, яркость тех или иных компонентов и значения слова-стимула, их ценностную нагрузку в социуме» [5].

Цель статьи – сравнить, совпадает ли стереотип милиционера, представленный в анекдотах, с образом работника милиции, полученным в

результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента. Новизна работы заключается в том, что концепт МИЛИЦИОНЕР изучен на материале анекдотов в сопоставлении с объективацией данного концепта в современном языковом сознании.

С целью выявления содержания концепта МИЛИЦИОНЕР в языковом сознании был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагалось записать первую пришедшую им в голову реакцию на слово милиционер. При обработке эксперимента учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные. В эксперименте участвовали 234 респондента: студенты I курса Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Полученные данные были распределены по следующим группам (первое число указывает на суммарное число разных ответов, второе – на количество апелляций):

1) ассоциаты, связанные с профессией, специальностью, должностью (мент, гаишник, мусор, военнослужащий, дорожный патруль, законслужующий, милиция и др.) – 12, 19;

2) ассоциаты, связанные с местом деятельности работника милиции (ГАИ, дорога, тюрьма, перекресток, улица и др.) – 12, 27;

3) ассоциаты, связанные с названиями атрибутики (форма, фуражка, жезл, палка, свисток, милицейский УАЗик, пистолет и др.) – 32, 71;

4) ассоциаты, связанные с лицами, контактирующими с милицейскими работниками (бандит, преступник, воры, нарушители и др.) – 6, 8;

5) ассоциаты, связанные с транспортом и его частями (машина) – 1, 3;

6) ассоциаты, связанные с документами и документацией (паспорт) – 1, 1;

7) ассоциаты, связанные с профессиональными функциями (закон, порядок, штраф, безопасность, арест, помощь и др.) – 18, 44;

8) ассоциаты, связанные с происшествиями или нарушениями (авария, нарушение, несчастный случай, преступление и др.) – 6, 10.

9) ассоциаты, связанные с гендерной характеристикой (мужчина, дядя, брат, мужик, папа друга, сосед и др.) – 10, 15;

10) ассоциаты, связанные с морально-этическими качествами милиционера (взятка, взяточник, деньги, коррупция, наглый, нахал и др.) – 12, 14;

11) ассоциаты, связанные с интеллектуально-психическими качествами милиционера (злой, строгий) – 2, 2;

12) ассоциаты, связанные с родственными, дружескими отношениями (брат, знакомые, папа друга, сосед) – 4, 5;

13) ассоциаты, связанные с эмоциями и оценкой (козел, приколист) – 2, 2;

14) ассоциаты, связанные с состоянием и чувствами (опасность, страх) – 3, 4;

15) ассоциаты по цвету (синий цвет, красный) – 2, 2;

16) литературные ассоциаты (дядя Степа и др.) – 2, 3;

17) индивидуальные ассоциаты (проблемы, срок) – 2, 2.

Некоторые испытуемые дали более подробный, разносторонний «портрет» работника правоохранительных органов: молодой мужчина в форме с жезлом, с жезлом человек в форме. Как видно из приведенного списка, одной из составляющих частей «портрета» милиционера является его спецодежда – форма, а другой – один из предметов атрибутики – жезл, причем стоит отметить, что форма и жезл являются клишированными деталями узнавания работника милиции.

М. Р. Желтухина отмечает, что «если рассматривать концепт как единицу мышления, как некое знание, то фрейм представляет собой форму организации этого знания, способ его мыслительного структурирования» [6]. Фрейм состоит из слотов, каждый из которых содержит информацию, релевантную для описываемого объекта действительности. «Слоты представляют собой пустые узлы, заполняемые переменными» [7]. В результате анализа 316 текстов фрейм концепта МИЛИЦИОНЕР, актуализированный в анекдотах, можно представить следующим образом:

МИЛИЦИОНЕР – человек, (1) определенной специальности, должности, звания; (2) имеющий определенное место деятельности; (3) имеющий в наличии специальную атрибутику; (4) контактирующий с профессиональным объектом; (5) занимающийся профессиональной деятельностью; (6) определенного пола; (7) определенного возраста; (8) обладающий какими-либо качествами.

В милицеских анекдотах работник правоохранительных органов представлен как субъект деятельности, который имеет различные звания, служит в различных подразделениях МВД и контактирует с другими милицескими работниками, с людьми, обратившимися в органы за помощью, или людьми, нарушающими порядок, их родственниками, а также со своими родными. В большинстве анекдотов описываются ситуации, где работник милиции устанавливает контакт с людьми, нарушающими закон, поэтому главными для представителя правопорядка, актуальными в данных текстах, являются его профессиональные качества, которые и рассматриваются в данной статье.

Для слота «Специальность» важны названия специальностей (милиционер, постовой, участковый и т. д.), званий (сержант, майор, лейтенант и др.), должностей (начальник, командир и т. д.). Всего в слоте «Специальность» в текстах анек-

дотов выявлено 58 лексем, 448 апелляций. Данный слот детально представлен в анекдотах, что свидетельствует о наличии у носителей языка широкого и детализированного представления о специальностях работника правоохранительных органов. Проанализировав результаты эксперимента, можно сделать вывод, что данный слот находится на четвертом месте по количеству представленных лексем и по количеству апелляций. Если в анекдотах наиболее частотна лексема милиционер, а затем мент, то в эксперименте наиболее частотна наименование мент, так как первое слово явилось предметом ассоциативного эксперимента.

В милицеских анекдотах широко представлены и другие слоты, например, «Место деятельности» (количество лексем – 51; апелляций – 108). Данный слот можно подразделить на две подгруппы: 1) учреждения и подразделения (милиция, ГИБДД, школа милиции и т. д.); 2) место дежурства (улица, перекресток, ресторан и т. д.). Другими словами, можно сказать, что в текстах анекдотов место деятельности работника милиции представлено очень широко: от названий учебных заведений до неопределенного места в городе, деревне и т. д., так как происшествия могут случиться в любой точке города. Особенностью деятельности работников правоохранительных органов является работа не только в здании, но и за его пределами, в любой точке населенного пункта, что и объясняет большое количество лексем. У респондентов слово милиционер также нередко ассоциируется с его местом деятельности. Если в эксперименте наиболее частотна ассоциация ГАИ, то в анекдотах – лексема милиция.

Показательно заполнение других слотов. В анекдотах слот «Атрибутика» (49 лексем; 93 словоупотребления) представлен лексико-семантическими группами: 1) обмундирование и его элементы (форма, фуражка, маска и др.); 2) вооружение и его детали (дубинка, пистолет, нож и др.); 3) атрибутика и технические средства милицеского обихода (палка, наручники, машина и др.); 4) служебные животные (собака, конь и др.). У участников эксперимента слово милиционер вызывает ассоциации, относящиеся к слоту «Атрибутика», причем это наиболее разнообразно представленная группа. В анекдотах лишь в нескольких текстах обращается внимание на внешний вид работника МВД, так как в анекдоте важны профессиональные качества милиционера, а не его внешний вид. По данным эксперимента, самые частотные ассоциаты связаны с внешним видом милиционера, точнее его спецодеждой: форма, фуражка. Следует отметить большее расхождение в количестве апелляций к словам форма и фуражка: в анекдотах слово форма

употребляется 2 раза, а слово фуражка – 3 раза, тогда как у респондентов это наиболее частотные реакции – 21 и 16 соответственно. Как видно, представление об образе (форме) работника милиции в анекдотах не совпадает с представлениями носителей языка. Участники эксперимента ассоциируют милиционера с такими атрибутами, как жезл и палка. Это также довольно частотные ассоциаты. В тестах анекдотов палка (палочка) является наиболее частотной лексемой в ЛСГ «Атрибутика и технические средства милицейского обихода».

Работники правоохранительных органов в анекдотах устанавливают контакты с людьми, обратившимися в милицию за помощью, или людьми, нарушающими порядок. В качестве профессионального объекта выступают не только люди, но и документы, с которыми работают милиционеры, а также транспорт, поэтому выделяются следующие подгруппы слота:

1. В анекдотах подгруппа «Граждане» заполнена очень разнообразно и плотно (128 лексем, 273 апелляции). Объектом профессиональной деятельности работника милиции, с одной стороны, являются асоциальные элементы (маньяк, киллер, взломщик и др.), с другой – потерпевшие (жертва, заложница и др.), а также лица, обратившиеся за помощью (муж, жена и др.). По данным эксперимента, эта группа включает в себя лишь 6 лексем, выражающих принадлежность к асоциальным элементам.

2. Подгруппа «Транспорт и его части» (Мерседес, Волга, аптечка, окно и т. д.) является продуктивной для анекдотов (количество наименований – 41, словоупотреблений – 93). Однако только у 3 респондентов слово милиционер ассоциируется с лексемой машина.

3. Подгруппа «Документы и документация» (документ, фотография, протокол и т. д.) малопродуктивен как в анекдоте (26 лексем, 56 апелляций), так и в эксперименте. Стоит отметить, что лишь у одного респондента возникла ассоциация, связанная с данной группой.

Полностью раскрыть образ работника правоохранительных органов как профессионала позволяет анализ его профессиональной деятельности.

Всего в слоте «Профессиональная деятельность» в текстах анекдотов выявлено 220 лексем, 430 апелляций (+173 ситуации, представленные в текстах имплицитно), т. е. это наиболее плотно заполненный слот.

У респондентов реакция на слово милиционер также вызывает ассоциаты, связанные с профессиональной деятельностью. Преобладает лексема закон / законы, которая указывает на общую профессиональную функцию, выполняемую всеми милицейскими работниками.

Таким образом, во многом «портрет» работника милиции, представленный в милицейских

анекдотах, совпадает со стереотипом, имеющимся в сознании носителей языка.

В анекдотах о милиционерах «портрет» профессиональной личности разработан достаточно детально и всесторонне. Все слоты фрейма МИЛИЦИОНЕР (за исключением слота «Документы и документация») имеют средний и высокий уровень продуктивности.

В эксперименте лидирующее место занимает слот «Атрибутика», и лишь потом вышеуказанные слоты, что, возможно, объясняется тем фактом, что форма, фуражка, жезл, палка являются клишированными деталями спецодежды работников милиции. Проведенный свободный ассоциативный эксперимент показал, что для респондентов актуален внешний вид милиционера (его спецодежда), что практически не находит отражения в анекдотах. У респондентов немногочисленны реакции, относящиеся к слотам «Граждане», «Транспорт и его части», однако в текстах анекдотов выявлено большое количество лексем, заполняющих данные слоты. Возможно, это объясняется инструкцией эксперимента, предлагающей назвать лишь первое слово, возникающее при слове милиционер. Лица, контактирующие с милицейскими работниками, транспорт и его части, документы и документация являются лишь объектом профессионального воздействия милиционеров, поэтому опосредованно относятся к концепту МИЛИЦИОНЕР. Таким образом, слово милиционер вызывает ассоциаты, относящиеся к данным группам, но не главные, а вторичные, что и объясняет их небольшой количественный состав.

Итак, проанализировав данные свободного ассоциативного эксперимента и текстов анекдотов, можно сказать, что концепт МИЛИЦИОНЕР в настоящее время занимает важное место в сознании носителей языка, так как объективируется большим количеством лексем, заполняющих слоты, разносторонне представляющих «портрет» профессионального деятеля.

Примечания

1. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. С. 43.

2. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2001. С. 96–159.

3. Морозова, И. А. Ассоциативный эксперимент как метод когнитивного исследования [Текст] / И. А. Морозова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. издание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 126–129; Егорова, О. А. Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте (на материале русского и английского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Егорова. Ульяновск, 2005. 25 с.; Трофимова, Ю. В. Кон-

цепт «политика» в русской языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Трофимова. Барнаул, 2004. 15 с.; *Ван Бин Дун*. Сравнительное исследование содержания концепта «экономика» в китайском и русском языковом сознании (по результатам ассоциативного эксперимента) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ван Бин Дун. Барнаул, 2004. 28 с.

4. *Сегал, Н. А.* Концепт счастье в русском и китайском языках (из опыта проведения ассоциативного эксперимента) [Электронный ресурс] / Н. А. Сегал. Режим доступа: <http://workinggroup.org.ua/publsegal.shtml>.

5. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии [Текст]. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 56.

6. *Желтухина, М. Р.* Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики [Текст] / М. Р. Желтухина. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000. С. 76.

7. Там же.

А. Н. Гайфуллина

МУЖЧИНА VS. МУЖИК В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В данной статье на материале форумов русскоязычного Интернета анализируются лексемы *мужчина* и *мужик*, выделяются речевые характеристики, закрепленные за данными словами, как критерии мужественности, зафиксированные в Рунете.

In this paper lexemes man and fellow are analysed on the material of forums of the Russian-language Internet, vocal descriptions of these words are selected as criteria of courageousness in the Runet.

В эпоху всеобщей компьютеризации большой научный интерес представляет изучение электронной коммуникации, осуществляемой при помощи Интернета. Виртуальное общение все больше заменяет реальное, что говорит о возникновении виртуальной языковой картины мира и компьютерного языка. Обращает на себя внимание и влияние гендерного фактора на электронную коммуникацию, так как гендерная составляющая является достаточно значимой в структуре любой языковой личности. Например, Дэвид Кристалл говорит о возникновении виртуальной языковой личности, а О. Л. Каменская выделяет даже языковую личность женщины и языковую личность мужчины [1]. Однако гендерные аспекты электронного общения и способы языковой репрезентации пола в Рунете до сих пор практически не исследованы.

Цель данной статьи – выявление специфики функционирования лексем *мужчина* и *мужик* в Интернет-дискурсе. Для достижения данной цели

были поставлены следующие задачи: проанализировать лексемы *мужчина* и *мужик* в языке женских и мужских форумов Рунета; выделить речевые характеристики, закрепленные за словами *мужчина* и *мужик*, как критерии мужественности, зафиксированные в Интернете. Актуальность данной статьи заключается в важности изучения лексем *мужчина* и *мужик* в языке форумов Рунета, которое позволяет выявить и описать существующие в современной лингвокультуре критерии маскулинности, а также определить роль и место данных лексем в системе гендерных ценностей русского социума в виртуальной среде.

Материалом исследования являются данные мужских и женских форумов Рунета, объектом – русскоязычные мужские и женские форумы. Предметом изучения стали лексемы *мужчина* и *мужик*.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые рассмотрение данных лексем осуществлено на материале русскоязычного Интернета.

Базу исследования составили 300 сообщений (авторы писем по половому составу делятся поровну), выбранных из самых популярных и крупных русских форумов: а) мужских: Форум волчат (25889 пользователей), Поговорим (10742), BestForum (7633), Мужской клуб (7520), MaxiChat (2213); б) женских: Главный женский форум страны (28684), Точек нет (9078), Искушение (2726), MakeCool (2178), Wow (2036).

Лексемы *мужчина* и *мужик* репрезентируют ту часть наивной картины мира, которая связана с представлением о мужественности, сформированным в реальном и находящим отражение в виртуальном мире. Лица мужского пола нередко становятся объектом обсуждения, поэтому в форумах часто можно встретить такую тему, как «Мужчина и мужик: в чем разница».

Данные результатов анализа функционирования лексем в форумах Рунета свидетельствуют о количественных и качественных различиях в употреблении данных слов мужчинами и женщинами:

Лексемы	Количество лексем	
	Мужские форумы	Женские форумы
Мужчина	74	101
Мужик	91	67

Как видно из таблицы, в количественном отношении слово *мужчина* преобладает в женских форумах, тогда как в мужских форумах чаще используется лексема *мужик*.

В современном русском языке нейтральная лексема *мужчина* используется для обозначения 'лица мужского пола, которое отлично по своим физиологическим и психическим свойствам от лица женского пола'. В женских и в мужских форумах лексема *мужчина* в основном использу-

ется для характеристики лица мужского пола как носителя совокупных социально предписанных характеристик, которые составляют эталон мужественности. Быть мужчиной – значит обладать рядом свойств, характерных для лица мужского пола. Так, в стереотипном образе мужчины присутствуют такие качества, как предприимчивость, стремление к достижению цели, настойчивость, уверенность в своих силах, ответственность, властность, сила, умение принимать решения, ум, объективность, логичность, надежность [2]. Для раскрытия образа мужчины в женских форумах показательным является следующее сообщение:

«Мужчина – это тот, рядом с которым самая сильная женщина сможет почувствовать себя слабой девушкой. Должен быть таким, чтобы его взгляд придавал уверенности, чтобы его рука была женщине опорой, чтобы его спина действительно была каменной стеной, за которой можно спрятаться. Должен быть тверд, отважен, сам принимать решения, быть ответственным, заботливым. Иметь ум, сильный характер, постоянство, чувство юмора. Женщине хочется видеть в мужчине надежного защитника».

В мужских форумах «портрет» мужчины наиболее подробно рассматривается в следующем сообщении:

«А если серьезно, мужчина – это тот, кто готов защищать родину и слабого, полюбить и приласкать женщину, наказать виноватого... ну и построить дом, посадить дерево, воспитать ребенка. Мужчина это не просто гопа мускулов, а человеческое существо, способное мыслить и принимать решения, брать ответственность на себя и спрашивать это с других. Может ли мужчина быть слабым? Может только возле мамкиной груди».

Сравним с полученными А. В. Кирилинной данными о том, что русский мужчина видит себя в первую очередь умным, с широкой душой, добрым. Внешне – это сильный, крепкий, отличающийся выносливостью, не особенно следящий за внешностью человек. К положительным качествам характера мужчины относят способность противостоять лишениям судьбы, твердость, неприязнательность в быту, великодушие, патриотизм, способность целиком отдаться работе или празднику, удаль, терпение, ответственность [3]. В мужских форумах эти реакции сохраняются.

Пользователи форумов также акцентируют свое внимание на том, что мужчина должен быть главой семьи, зарабатывать деньги, защищать, оберегать, поддерживать:

«Но мужчина должен быть главой, на то он и мужчина. В семье должен быть сильный человек, но это не женщина!!! Мужчина должен уметь зарабатывать деньги, чтобы дать возможность своей женщине почувствовать себя королевой».

Интересен тот факт, что только в женских форумах *мужчина* нередко сравнивается с ребенком, которому просто необходимо внимание и уход:

«Мужчина только на работе готов быть самостоятельным и твердым, а в доме ему как ребенку необходим уход, чтобы постирали его вещи, погладили, приготовили поесть».

В мужских форумах неоднократно подчеркивается большая искусственность мужского пола в вопросах секса. Настоящий *мужчина* должен обладать женщиной, чтобы укоренилось стереотипное представление о нем как потребителе женской сексуальности, отсюда описываемая секс-удаль. Желательно, чтобы эта женщина была красивой, тогда усиливается степень признака мужественности. Это форма доказательства себе и другим: если я обладаю женщиной, значит я не женщина [4], например:

«Я понял, что серьезные отношения построить можно, если после знакомства начать действовать как мужчина, т. е. постоянно проявляя сексуальный интерес в сторону избранницы». *«Да, мужчины – это мужчины, нам подавай красивых».*

Оценочная характеристика лексемы обнаруживает себя в сочетании с прилагательными, когда говорящий дает характеристику мужчины по одному или нескольким параметрам, выражая свое отношение. Так, в женских форумах *мужчина* предстает как *мой (13), настоящий (11), любимый, единственный, женатый (7), идеальный, нормальный, умный (6), взрослый, первый (4), интеллигентный, сильный (3), маленький, свободный, красивый, успешный, полноценный, самый лучший, состоявшийся, с волосами, дорогой, тупой, с юмором, широкоплечий, бедный, редкий, мускулистый, самый верный, моей мечты, свободный, ответственный, одетый, обалденный, достойный, разведенный, порядочный, избалованный, бритый, последний, моей подруги, хороший, богатый, нелюбящий, высокий*.

Чаще всего встречается сочетание *мой мужчина*, что говорит о желании женщины сказать всем, чаще всего другим представительницам женского пола, о том, что у неё есть любовные отношения, которыми она гордится и дорожит.

Заслуживает внимания тот факт, что в мужских форумах практически не употребляются оценочные лексемы. Мужчина фигурирует как *умный (14), настоящий (11), нормальный, сильный (8), воспитанный, уверенный, каждый, с большой буквы, ухоженный, с маникюром*.

Наблюдения за функционированием лексемы позволили установить, что за словом *мужчина* в языке форумов отрицательные характеристики не закрепляются.

Лексема *мужик* в женских форумах преимущественно ассоциируется с определенным набором отрицательных качеств в противовес номи-

нации *мужчина*, за которой закрепляются положительные характеристики. Основанием отрицательной характеристики служат гендерные представления о *мужике*, который ассоциируется с грубостью, невежественностью, невоспитанностью, необразованностью, неопрятностью. Как отмечает В. Даль, «становиться *мужиком* – делаться грубым, мужиковатым» [5]. Так, *мужик* в женских форумах сочетается с отрицательно окрашенными лексемами: *пьяный* (10), *чужой* (8), *с бегающими глазами и потными ладонями*, *бедный*, *ленивый*, *со следами былой интеллигентности на лице*, *гребучий*, *гуляющий*. Также встречаются и положительно окрашенные лексемы, что говорит о новом смысле, закрепляемом за лексемой *мужик*. *Мужик* воплощает в себе все положительные черты характера, свойственные русским мужчинам, является своего рода эталоном зрелой мужественности, маскулинности, брутальности. В женских форумах мы встретили лексемы *русский* (6), *умный* (3), *классный* (2), *щедрый*, *нормальный*, *настоящий*. *Мужик* обязательно коррелирует с характеристиками этничности. *Мужик* – это значимая маркировка русскости. *Мужик* по определению русский, поэтому некоторые исследователи считают сочетание *русский мужик* тавтологичным [6].

В отличие от женских форумов, в мужских форумах не реализуются фиксируемые словаря негативные оттенки лексем и слово приобретает положительную коннотативную окраску. Стереотипные характеристики современной российской маскулинности, с точки зрения мужчин, сочетаются в одной категории – *мужик*. *Мужик* является универсальным кодом для вхождения в мужской коллектив, ключом к коммуникации среди мужчин. Как считает О. Шабурова, всякое закрытое мужское пространство строится на такой коммуникативной интонации, вне зависимости от сфер. Во всех экстремальных ситуациях мужской жизни это обращение является универсальным культурным кодом [7]. *Мужик* в мужских форумах прежде всего маркируется как человек сексуально состоявшийся. Это настоящий глава семьи, добытчик, хозяин жизни. Перед *мужиком* открыты все дороги, для него нет ничего запретного или сложного. Он является воплощением силы. *Мужик* предстает как *настоящий* (15), *нормальный* (11), *умный* (7), *красивый* (5), *богатый* (2), *уверенный в себе*, *вежливый*, *с головой*, *честный*, *смелый*, *сильный*, *крепкий*.

Лексемы *мужчина* и *мужик* очень часто становятся объектами сравнения, хотя в русском языке они выступают своего рода синонимами. Тема «Мужчина и мужик: в чем разница» одинаково широко представлена как в мужских, так и в женских форумах. Как показывают наши исследования, в женских форумах *мужчина* и *му-*

жик выступают антонимами, противопоставляясь по каким-либо качествам ('внешность', 'манера поведения', 'черты характера'). *Мужчина* – это эталон всего мужественного, тогда как *мужик* выступает своего рода воплощением всего худшего, что есть в представителе мужского пола, например:

«Я раньше думала, что мой *мужчина* самый **хороший** и **замечательный**, поэтому ухаживала за ним, а сейчас он стал совершенно **обыкновенным мужиком**: **грубым**, **наглым**, и спрашивается, а зачем я с ним?»

«А зачем мне *мужик*? Мне **интеллигентный, состоявшийся мужчина** нужен, который меня **уважать** будет, а не за волосы по дому **таскать**».

В мужских форумах картина противопоставления совсем иная. *Мужчина* и *мужик* выступают синонимами, но часто за словом *мужчина* закрепляется значение 'человек мужского пола', не обладающий какими-либо характеристиками, тогда как *мужик* – воплощение лучших мужских качеств, например:

«*Мужик* – это **высшая эволюционная стадия мужчины**, внизу которой стоит **трешло, слабак и тряпка**. Каждый з...ец мечтает стать **настоящим мужиком**, ведь они **деликатны и бескомпромиссны, суровы и свирепы, жестоки и беспощадны**».

«*Мужчина* – это **особь мужского пола**, а *мужик* – **тот, на кого можно положиться, основательный, хозяйственный, крепко стоящий на ногах, человек твердых жизненных позиций**. *Мужик* – это тот, кто уже хоть чего-то добился в жизни и имеет какие-то **определенные принципы**».

Пользователи мужских форумов отмечают, что слово *мужик* звучит положительно, если субъектом оценки и речи выступает лицо мужского пола. Также они понимают, что женщины закрепляют за словом *мужик* отрицательную оценку, поэтому предпочитают слышать от них в качестве обращения слово *мужчина*.

Итак, лексемы *мужчина* и *мужик* занимают большое место в виртуальном мире, который является непосредственным отражением реальной жизни и реального общения. Для пользователей и мужских, и женских форумов является актуальным определение значения данных лексем и специфики их функционирования как в реальной, так и в виртуальной жизни. Проведенное исследование показало, что во многом «портрет» современного мужчины, нашедший отражение в форумах, совпадает со стереотипом, представленным в сознании носителей языка. В сообщениях пользователей четко разграничивается оценка между лексемами. На первое место по употреблению выходят слова, которые выражают наи-

более положительную оценку. Так, в женских форумах – это слово *мужчина*, в мужских форумах – лексема *мужик*.

Примечания

1. *Горошко, Е. И.* Гендерные особенности русскоязычного Интернета [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко. 2004. Режим доступа: <http://www.textology.ru/public/goroshko1.html>

2. *Рябова, Т. Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований [Текст] / Т. Б. Рябова // *Личность. Культура. Общество*. Т. V. Вып. 1–2 (15–16). М., 2003. С. 120–139.

3. *Кирилина, А. В.* Гендерные компоненты этнических представлений: (По результатам пилотажного исследования) [Текст] / А. В. Кирилина // *Гендерный фактор в языке и коммуникации*. Иваново, 1999.

4. *Шабурова, О.* Мужик не суетится, или Пиво с характером [Текст] / О. Шабурова // *О муже(Н)ственности*: сб. ст. / сост. С. А. Ушакин. М., 2002. С. 532–555.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же.

Ж. В. Никонова

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ОПИСАНИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В настоящей работе обосновывается актуальность исследования речевых актов в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, освещаются возможности использования фреймового анализа для описания речевых актов на парадигматическом и синтагматическом уровнях конкретного языка и в типологическом плане.

The article proves the topicality of speech act research in the frames of cognitive-discursive knowledge paradigm, covers the opportunities of frame analysis use for speech act description on the paradigmatic and syntagmatic levels of concrete language and in typological view.

В последнее десятилетие внимание ученых привлекают исследования, посвященные теории речевой коммуникации и преследующие, прежде всего, прагматические цели.

В повседневной жизни носители языка нередко оказываются беспомощными перед самыми простыми речевыми ситуациями, требующими поведения по особым правилам и в соответствии с определенной коммуникативной стратегией.

Поэтому осознание того факта, что не любое речевое взаимодействие есть общение, и включение этого факта в парадигму научного мышления пользователей языком привлекло внимание многих современных исследователей к такому явлению, как речевая ситуация во всех её измерениях. Это, в свою очередь, привело к полной

переоценке понимания языка и общения на языке, что вылилось в новое направление лингвистики – лингвистическую прагматику как науку об использовании языка в реальных процессах коммуникации, ядро которой составляет теория речевых актов. Уже сегодня лингвистическая прагматика оказывается чрезвычайно продуктивной в решении самого широкого круга задач, стоящих перед теми, кто пользуется языком как средством коммуникации. За скромным же местоимением «те» стоит практически каждый носитель языка. Понятно, что действительно «уметь приветствовать», «уметь прощаться», «уметь аргументировать», «уметь просить» и т. д. – то есть уметь использовать язык по назначению с достижением поставленной коммуникативной цели – не есть прерогатива только одних филологов и что в идеале навыки подобного рода должны быть у всех.

Лингвистическая прагматика может толковаться по-разному, но общим для всех прагмаориентированных течений является то, что они изучают язык в действии, т. е. «функционирование языковых знаков в речи» [1].

Прагматика представлена рядом направлений, но наиболее тесно она связана с теорией речевых актов (ТРА), которая является, пожалуй, «главным её образом» [2]. ТРА изучает речевые акты как минимальные единицы коммуникативно-речевого процесса, дискурса, их структуру, условия успешности, все их лингвистические и экстралингвистические компоненты. Находясь, тем самым, на пересечении многих междисциплинарных областей знания, ТРА постоянно находится в развитии с учетом достижений смежных наук. Переосмыслению подвергаются в свете современных исследований лингвистической прагматики и классические понятия и определения языкознания, казавшиеся «незыблемыми» и «вечными», т. е. самыми простыми. Например, знакомое каждому образованному человеку определение «язык есть средство коммуникации» получает сейчас новое звучание в связи с всесторонним изучением процесса коммуникации, хотя оно уже прошло некоторую переоценку в последние десятилетия XX в. в связи с разделением понятий «язык» и «речь». Теперь особое внимание уделяется феномену, отраженному в другой части этого определения. Процесс коммуникации является таковым, если в ходе этого процесса носители языка решают коммуникативные задачи, обмениваясь информацией. На передний план исследования выдвигаются речевое взаимодействие и критерии информативности, которые сами по себе представляют серьезную научную проблему, базирующуюся на решении вопросов типа: «что считать и что не считать информацией», «каким образом определяется и измеряется

уровень информативности высказывания», «каковы типичные формы презентации информации в устной и письменной речи», «всегда ли информация информирует и должна информировать» и т. д.

Лингвистический анализ речевых актов (далее – РА) оказывается вследствие этого достаточно проблематичным, так как требует точных и ясных методов исследования такого сложного и многогранного феномена, каковым является РА. И это неудивительно – полный лингвистический анализ РА должен протекать с учетом его когнитивных, психологических, социальных, ситуативных параметров и индивидуальных характеристик языковой личности.

Решение многих сложных вопросов прагматической лингвистики связывается в последнее десятилетие, прежде всего, с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, к отличительным чертам которой относятся учет и синтез идей когнитивного направления, ориентированного на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной или функциональной лингвистики (лингвистики прагматически ориентированной и дискурсивной), а также с идеями семиотического порядка [3]. Отличия когнитивно-дискурсивной парадигмы от других парадигм проявляются, прежде всего, в многофакторном анализе каждого изучаемого языкового явления с точки зрения его роли в осуществлении как познавательных, так и коммуникативных процессов. С одной стороны, когнитивно-дискурсивное направление демонстрирует отказ от «узкого когнитивизма» с его сосредоточенностью на изучении ментальных репрезентаций или на стремлении связать все программы когнитивной науки с их разработкой и реализацией в виде компьютерных программ. С другой стороны, новая парадигма знания направлена на преодоление известной ограниченности коммуникативной парадигмы, где ведущая роль принадлежала теории речевых актов и анализу прагматических установок говорящих и прагматических условий совершения речевых актов [4]. В установки когнитивно-дискурсивной парадигмы обязательно входит положение о том, что адекватное познание языка и языковых явлений происходит при анализе их в двух системах координат, т. е. на пересечении когниции и коммуникации [5]. Это положение основывается на убеждении в том, что язык выполняет две главные функции – когнитивно-репрезентативную и коммуникативную (дискурсивную), что когниция и коммуникация в равной мере детерминируют специфику языка и его устройство. При этом самое главное заключается в том, что функции языка нельзя рассматривать изолированно, а только в их непереносимом и непрерыв-

ном согласовании [6]. Положения когнитивно-дискурсивной парадигмы находят объяснения многим проблемам теории коммуникации в свете принципа универсальности процессов концептуальной интеграции [7], лежащей в основе как необычной, яркой, так и обыденной продуктивной коммуникативной деятельности. В применении к языку эти языковые выражения способствуют объединению или интеграции разнообразных концептуальных сущностей в новые подвижные и гибкие структуры – ментальные пространства. При этом формальная и семантическая конвенциональность языковых единиц не вступает в противоречие с индивидуальными творческими устремлениями коммуникантов, так как языковые формы служат лишь для запуска процессов концептуальной интеграции.

Процессы концептуализации дискурсивной деятельности рассматриваются в когнитивистике, прежде всего, с позиции теории фреймов.

Теория фреймовой семантики является едва ли не самой популярной среди семантических теорий конца XX и начала XXI вв. Такой статус фреймовой теории объясняется тем, что она имеет междисциплинарный характер и, интегрируя различные области лингвистического и нелингвистического знания, дает возможность как универсальный метод научного поиска объяснить многие языковые феномены с позиции когнитивного анализа.

На сегодняшний день всё большее количество отечественных исследователей обращается к рассмотрению актуальных вопросов и проблем лингвистики посредством фреймового анализа.

Фрейм признается универсальной категорией, объединяющей разнообразные знания человека, его опыт и характеризующейся максимальной формализованностью и энциклопедичностью. В противоположность простому набору ассоциаций, фреймы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая структурирована данными единицами представления знаний.

Изучение фреймов дает ключ к раскрытию механизмов концептуализации вербализованных понятий и явлений окружающей действительности, именно поэтому фреймовый анализ становится очень популярным, даже модным не только среди ученых-лингвистов, но и среди литературоведов и представителей других отраслей знания.

Представленный в работе [8] системный обзор точек зрения разных авторов на природу фрейма – от основоположников теории фреймов до концепций современных исследователей, – а также опыт применения фреймового анализа отечественными лингвистами в практических целях проводимого ими научного поиска может дать многим исследователям более полное представ-

ление как о самом понятии «фрейм», так и о возможностях и перспективах теории фреймов применительно к лингвистическим исследованиям, в частности к изучению речевых актов.

Теория фреймов применительно к речевым актам объясняет не только процесс становления и вербализации речевого акта, который напрямую связан с когнитивными процессами мышления и коммуникативным опытом эмитента, но и структуру организации языковой базы данных человека. Поскольку язык является многоуровневой, иерархически построенной системой, вполне справедливым представляется предположение о фреймовой организации языковой базы данных человека, в том числе и базы коммуникативного опыта, где «хранятся» знания об основных типах, видах, характеристиках и способах выражения речевых актов носителя языка. Исследование речевых актов в свете фреймового анализа оказывается в связи с этим актуальной проблемой, решение которой поможет не только теоретикам в плане описания процессов, механизмов и прагматических особенностей вербализации речевых актов в конкретном языке, но и практикам в плане описания прагматически релевантных способов организации конкретных типов речевых актов в конкретном языке. При этом обращение к изучению языка в свете фреймовой организации языкового знания даст толчок исследованиям в области компаративистики языков, поскольку фреймовая база языка представляет собой совокупность фоновых знаний эмитента, сложившихся на основе его социального и коммуникативного опыта в течение всей его жизни. Они стоят за областью языка и являют основу осуществления будущего высказывания, формируя смысловой каркас рождающегося речевого акта, который образуется в доязыковой области ментальной сферы человека и имеет вследствие этого характеристики, универсальные для носителей различных языков. Фреймовую организацию языковой базы человека и его общих знаний о мире хорошо можно проиллюстрировать на примере учебников иностранных языков, построенных по принципу обучения речевым ситуациям. Сведения о языке в таких учебниках имплицитно присутствуют в топиках, то есть в актах социального взаимодействия, наиболее часто встречающихся в жизни (например, «В аэропорту», «На вокзале», «В гостинице»). Знать эти ситуации означает владеть речевыми оборотами, задействованными в соответствующих (в частности, присущих определенной национальности) типичных коммуникативных актах – «ритуалах». В принципе, реципиент, приглашенный к речевому взаимодействию, должен заранее располагать не только сведениями о том, «как это делается», но и иметь недвусмысленную коммуникативную стратегию по

отношению к любой из этих речевых ситуаций. Реальная же, то есть складывающаяся в условиях действительного акта речевого взаимодействия, коммуникативная стратегия будет лишь вариантом по отношению к более или менее инвариантной структуре, хранящейся во фреймах базы коммуникативного опыта индивида и составляющей часть его языковой и речевой компетенции. Иными словами, нормальная коммуникативная стратегия в ходе того или иного коммуникативного акта, как правило, имеет в качестве «фона» или «основы» соответствующий фрейм.

Исследования фреймовой организации речевых актов и способа их выражения в различных языках являются в связи с этим направлениями научного поиска, имеющими большую практическую ценность с точки зрения лингвистической прагматики, представляя собой широкое поле для новых научных изысканий.

Речевые акты становились до настоящего времени предметом исследования многих лингвистов: с целью их классификации, описания отдельных речевых актов или типов речевых актов как в свете современных лингвистических теорий, так и в свете исторической прагматики текста. Системное описание РА конкретного языка на основе фреймового анализа позволило бы осмыслить сущностную природу речевого акта на современном этапе развития лингвистической теории и предложить методологическую основу для дальнейшего изучения речевых актов.

Некоторые исследователи отмечают, что речевой акт, будучи составной единицей диалогического дискурса, может и должен исследоваться с точки зрения его двукратной отнесенности – в парадигматике (в плане иллокутивных типов) и в синтагматике (в рамках дискурса) [9]. Это обусловлено тем, что различные иллокутивные типы РА обнаруживают разные синтагматические возможности в структуре дискурса. Поэтому при динамическом подходе дается объяснение реальному взаимодействию статических составляющих в прагматике дискурса, изучаются особенности и закономерности его организации, начиная с элементарных РА, речевых шагов и заканчивая комплексными речевыми стратегиями и тактиками [10]. Комплексный анализ речевого акта как составной единицы диалогического дискурса является частью динамического подхода к изучению последнего [11] и необходимым шагом для дискурсивного анализа в целом. Фреймовый анализ речевых актов в дискурсе полностью соответствует задачам динамического подхода и мог бы также объяснить многие проблемные вопросы описания и декодирования речевых актов в дискурсе.

В связи с вышеизложенным исследование фреймовой структуры речевого акта на парадиг-

матическом и синтагматическом уровнях языка является не только актуальной задачей современного периода развития лингвистической науки, но и необходимым шагом для дальнейшего продвижения научного поиска в рамках лингвистического анализа речевых актов.

Примечания

1. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1990. С. 389.

2. Кожина, М. Н. О соотношении стилистики и прагматики [Текст] / М. Н. Кожина // *Стилистика и прагматика: тез. докл. науч. конф. 25–27 ноября 1997 г.* Пермь: Перм. ун-т, 1997. С. 3.

3. Лузина, А. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания [Текст] / А. Г. Лузина // *Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; редкол.: Е. С. Кубрякова, А. Г. Лузина (отв. ред.) и др. М., 2006. С. 43.*

4. Там же. С. 44–45.

5. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. М., 2004. С. 325.

6. Лузина, А. Г. Указ. соч. С. 44.

7. Ирриханова, О. К. О лингвокреативной деятельности человека: Отглагольные имена [Текст] / О. К. Ирриханова. М., 2004.

8. Никонова, Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях [Текст] / Ж. В. Никонова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

9. Зернецкий, П. В. Прагмалингвистические параметры связного текста [Текст] / П. В. Зернецкий // *Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: сб. науч. тр. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985. С. 174.*

10. Солдатова, А. А. Директивные речевые акты в средневерхненемецком языке (на материале «Песни о Нибелунгах», «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристана» Готфрида Страсбургского) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Солдатова. СПб., 2004. С. 62.

11. Зернецкий, П. В. Динамические аспекты семантики и прагматики дискурса [Текст] / П. В. Зернецкий // *Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. Калинин: КГУ, 1989. С. 75–76.*

Ж. В. Никонова

ФРЕЙМ

В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В настоящей статье на основе анализа определенных основоположников когнитивистики уточняется понятие фрейма, обосновывается конвенциональность языкового знака. Фрейм представляется уникальной структурой репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяющей область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности. Фрейм, соотносящийся с определенной вербальной структурой, обозначается как смысловой каркас стереотипной (т. е. заданной определенным набором компонентов, способным идентифицировать именно её) ситуации или понятия.

In this article on the basis of identification analysis of cognitive science founders specifies the term frame, validates language sign conventionality. Frame is shown as a unique structure of experimental cognitive human knowledge representation, connecting cognitive and linguistic area in the speech process. Frame correlates with defined verbal structure is shown as a meaning former of stereotype (means: given with definite component set that may identify just it) situation or conception.

Понятие фрейма прочно входит в практику современных лингвистических исследований, несмотря на то что семантическая сфера данного понятия до сих пор остаётся достаточно размытой.

Обзор разноплановых трактовок фрейма в современной лингвистике мы находим в освещении Л. А. Нефедовой, которая (вслед за Н. Н. Болдыревым) указывает, что

1) в теории фреймов Ч. Филлмора группы слов представляют собой некоторую единую схематизацию опыта (знание); они (группы) мотивируются, определяются и взаимно структурируются особой конструкцией знания – фреймом. Иными словами, речь идет о том, что фрейм – единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и содержащая данные о существенном, типичном, возможном для этого концепта в рамках определенной структуры (Т. А. Ван Дейк; Р. Богранд и В. Дреслер);

2) фрейм трактуют как структуру данных для представления стереотипной ситуации (М. Минский);

3) фрейм определяют как тип когнитивной модели, репрезентирующей знания и мнения, связанные с конкретными, часто повторяющимися ситуациями (Ф. Унгерер, Х.-Й. Шмидт);

4) фрейм интерпретируется и как структура знания, объединяющая многочисленные области, ассоциируемые с данной лингвистической формой (Дж. Тейлор) [1].

Представленные рассуждения различных авторов о природе фрейма при их сопоставлении и

содержательном анализе сквозь призму лингвистических исследований, очевидно, приводят к следующим основным выводам:

1. Фрейм представляется уникальной структурой репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяющей область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности.

Данная мысль с акцентом на последнюю часть тезиса так или иначе прослеживается в размышлениях многих исследователей. Основной отправной точкой при этом является тот факт, что в отличие от других типов когнитивных единиц (например, понятия, образа и т. п.), фрейм представляет собой смысловой каркас *будущего высказывания*. Это значит, что любая когнитивная единица или структура, являясь результатом мыслительной деятельности человека и проходя вследствие интенционального импульса эмитента процесс вербализации, предстаёт на доязыковом этапе в виде фрейма как смыслового каркаса, совокупности смысловых ступок (или компонентов) плана содержания когнитивной единицы или структуры, подлежащей вербализации. Объёмная ментальная единица «подготавливается» таким образом к процессу материализации через линейную одномерную вербальную структуру. Обратный процесс наблюдается в случае декодирования речи, когда одномерная языковая структура разворачивается через образованную реципиентом фреймовую структуру в многомерную когнитивную единицу, вызывающую в сознании реципиента соответствующие образы и понятия.

2. Фрейм является схемной когнитивной репрезентацией референтной ситуации (сценария) или понятия (скрипта) и – тем самым – набором задаваемых ситуацией или понятием типовых признаков, т. е. того, что отличает в сознании человека представление именно этой ситуации или конкретного денотата от другой/другого, и который закрепляется в сознании как опыт отражения именно этого отрезка реальной действительности через соотношение с определенной единицей языкового тезауруса.

В процессе вербализации когнитивной структуры её объем и содержание фокусируются во фрейме как смысловом каркасе будущего высказывания. При этом смысл многомерной объёмной единицы сознания, подлежащий вербализации, «овеществляется» в слотах (узлах) фрейма, являющегося опосредованной структурой, тем «мостиком», который даёт возможность соединить когнитивный и языковой уровни посредством сопряжения узлов фрейма с компонентами семантической структуры (пропозиции) вербальной единицы или структуры. Это подтверждается многочисленными современными исследованиями порождения высказывания и составляет основу следующего вывода:

3. Фрейм, являясь сущностью когнитивного уровня, представляет собой опосредованную структуру, соединяющую область когнитивного тезауруса с языковым, которая смыкается смысловыми узлами схемы с соответствующими компонентами значения семантической /пропозиционной структуры языковой единицы /структуры (семами), актуализирующей соотносимый с нею фрейм в сознании носителей языка.

Описанный принцип вербализации когнитивной информации является универсальным и не зависит от языка, посредством которого вербализуется простая или сложная когнитивная структура, поскольку данный принцип опирается на определенные закономерности речемыслительных процессов. Однако способ выражения когнитивных смыслов посредством вербальных структур в разных языках происходит по-разному. Из сказанного вытекает следующий тезис:

4. Будучи закрепленным в языковом тезаурусе за соотносимой с ним языковой структурой, фрейм является частью упорядоченной системы опыта отражения сознанием реальной действительности. Упорядоченность данного отдельного опыта состоит в том, что выделенный фиксированный набор смысловых компонентов понятия или ситуации, отраженный, с одной стороны, в структуре фрейма, с другой – в компонентах семантической структуры вербальной единицы, признается прагматически релевантным со стороны носителей языка именно тем, что является принадлежащим к сфере языка, а значит, обладает конвенциональной природой. Стереотипная ситуация предстает здесь не как шаблонная ситуация (или не только как таковая), а прежде всего как *фиксированный набор* предопределяющих её смысловых компонентов (узлов (слотов) фрейма).

Данный тезис связан с мыслью о том, что номинация в конкретном языке происходит по закону языковой конвенции и вербальную оболочку в конкретном языке получают только прагматически значимые для носителей языка смыслы, которые в этом плане являются стереотипными представлениями о некотором явлении окружающей действительности. Стереотипность представления отражена при этом в фиксированном наборе семантических составляющих (сем) в структуре вербальной единицы. Это касается, в первую очередь, значений лексических единиц, грамматических и прагматических структур.

Всё вышеизложенное позволяет сформулировать следующий тезис:

5. Фрейм, соотносящийся с определенной вербальной структурой, обозначается как смысловой каркас стереотипной (т. е. заданной определенным набором компонентов, способным идентифицировать именно её) ситуации или понятия.

Из этого следует, что он лежит в основе когнитивной структуры другого типа, выражаемой посредством языка, – образа, представления, понятия и т. д. Когнитивная структура, стоящая за фреймом, носит абсолютно индивидуальный характер, зависящий от типа мышления и психологических характеристик носителя языка. Фреймовая структура когнитивных единиц (понимаемая как их смысловой каркас) является при этом необходимым условием их вербальной материализации, так как позволяет «сстыковать» область нематериального ментального с областью материального вербального.

Образуюсь только как «окно» её будущей материализации в вербальной структуре, как схема, совокупность концептуальных смыслов когнитивной структуры, подлежащей вербализации, фрейм неотделим от данной когнитивной структуры, так как за каждым словом и РА стоит не только определенное понятие как содержание выражаемой мысли, но и связанный с ним образ, причем степень конвенциональности языкового знака здесь обратно пропорциональна индивидуальности мыслительного образа, выраженного данным языковым знаком. Доказательством этому могут послужить результаты психолингвистического эксперимента, проведенного автором настоящего исследования с привлечением 86 информантов-носителей русского языка.

С целью проверить индивидуальность характера когнитивных структур, соотносящихся в сознании отдельных носителей языка с определенными лексемами, было сформулировано следующее задание: «Опишите как можно подробнее, какой образ или какая сцена рисуется в вашем сознании, когда произносится следующее слово...». При обработке данных эксперимента обнаружено, что когнитивный образ, стоящий за той или иной словарной единицей, не совпадает у информантов в 100% случаев. Например, вербальная единица «стул» соотносится в сознании участников эксперимента с такими когнитивными образованиями:

1) «квадратный предмет, высотой около 70 см, на 4 ножках, на котором сидит человек» (Участник № 2); 2) «у стола» (Участник № 14); 3) «драка, чаепитие» (Участник № 26); 4) «полированные изогнутые ножки, мягкая спинка и сидение» (Участник № 41); 5) «совещательная комната, кафе, ресторан» (Участник № 64) и т. д.

Лексема «бежать», имеющая в своей основе более сложный фрейм-сценарий, отличающийся, по данным эксперимента, вариативностью слотов фрейма в 62% случаев, сопряжена также с самыми разнообразными когнитивными структурами в сознании участников эксперимента, несовпадение образов наблюдается также в 100% случаев, например (Форма ответов сохранена. –

Ж. Н.): 1) «Я, совершающий пробежку, в кедах и трениках» (Участник № 6); 2) «Торопящийся человек с огромными глазами» (Участник № 13); 3) «Пробежка, погоня, лёгкая атлетика» (Участник № 38); 4) «Скорость» (Участник № 47); 5) «Бегающий человек» (Участник № 49); 6) «Спортивные соревнования, забег легкоатлетов» (Участник № 51); 7) «Эстафета, забег на время, по дорожке бегут, опережая друг друга, около 10 человек» (Участник № 57); 8) «Спортивный костюм и кроссовки, спортсмен» (Участник № 65); 9) «Человек торопится, быстро передвигается, припрыгивая вверх» (Участник № 79); 10) «Девушка из фильма «Беги, Лола, беги!»» (Участник № 85) и др.

Конечно же, такая палитра различных образов, возникающих у информантов в связи с определенной языковой единицей, предопределена психологическими, социальными, гендерными факторами формирования их языкового и речевого опыта в каждом конкретном случае и является предметом особого исследования. Но один из главных выводов состоит в том, что свойство стереотипности, приписываемое многими исследователями фрейму как вызывающему в сознании коммуникантов определённые стереотипные образы, не подтверждается данными проведенного эксперимента. Стереотипность фрейма состоит вовсе не в стереотипности когнитивных структур (чаще всего они даже совсем не похожи!), а в относительно стереотипном наборе узлов (слотов) фрейма данных когнитивных структур, позволяющем соотнести данную когнитивную сущность с определенной языковой единицей и достичь главной цели языкового общения – способности представить своё когнитивное пространство посредством определенной вербальной структуры и быть относительно правильно понятым в акте коммуникации, т. е. осуществить этот процесс на основе языковой конвенции. Данную мысль можно представить в виде следующего тезиса:

6. Стереотипность набора смысловых компонентов (узлов) фрейма не предопределяет стереотипность концептуальной структуры, наполняющей фрейм. Концептуальный объем ментальной единицы на основе одного и того же смыслового каркаса может быть заполнен носителем языка индивидуально в зависимости от причин разнообразного характера: когнитивных способностей, ситуационной соотнесенности, его национальной, социальной принадлежности, темперамента, менталитета и т. п. Здесь фрейм соотносится с другими когнитивными единицами – образами, представлениями и т. д.

В этом состоит универсальность фрейма и его сущность как структуры, лежащей в основе конвенциональности языка. Стереотипный на-

бор «смысловых сгустков» фрейма, зафиксированных в смысловых компонентах семантической структуры единиц языка, фиксирует прагматически значимые для носителей языка (следовательно – типичные) отрезки опыта (т. е. осознанные, а значит, – схематизированные ситуации/понятия) исходя из постулата, что вербализуется в языке только то, что наиболее значимо для его носителей.

Тем не менее конвенциональность языка не следует из факта вербализации когнитивных структур посредством фрейма, которая может привести к их материализации посредством любой вербальной единицы по желанию её создателя или носителя. Конвенциональность предполагает активизацию соответствующего фрейма посредством конкретной вербальной структуры разными и многими носителями конкретного языка в рамках определенной общности в целях коммуникации.

7. Фреймовая структура (в соотношении с той когнитивной структурой, в основе которой лежит данный фрейм) может быть как статичной, так и динамичной. В данном случае не имеется в виду её концептуальное наполнение (скрипты и сценарии), а принцип репрезентации знаний. Статичный фрейм представляет собой «пакет», «ячейку» схематизированного опыта человека. Динамичный фрейм отражает категориальный опыт человека в процессе речеобразования как смысловой каркас его дискурсивной деятельности.

Данные выводы, иллюстрирующие лингвокогнитивную природу фрейма и изложенные более подробно в работе [2], могут помочь многим исследователям-лингвистам, осуществляющим научный поиск с применением теории фреймов, подходить к использованию фреймового анализа с учётом представленных характеристик фрейма и его отличий от других когнитивных единиц.

Примечания

1. Нефедова, Л. А. Когнитивный подход к интерпретации текста [Текст]: учеб. пособие / Л. А. Нефедова. Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 2003. С. 9–10.

2. Никонова, Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях [Текст] / Ж. В. Никонова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

Е. В. Мякишева

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ВНЕШНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ (ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)

Автор реконструирует сущностные свойства красоты человека с точки зрения разных субъектов-интерпретаторов внешности. В статье описаны модели красоты, наиболее актуальные в современном коммуникативном пространстве.

The writer renovates essential of property of beauty of the person from the point of view of the different subjects-interpreters of appearance. The most actual sample pieces of beauty in the modern communicative space are described in the article.

Будучи важнейшей человеческой ценностью, красота является понятием крайне противоречивым: эстетическое переживание предполагает синтез *общезначимого и индивидуально-личностного* (красота существует как социальная ценность и как объект личного предпочтения); *объективного и субъективного* (чтобы признать предмет красивым, необходимы объективные предпосылки и оценивающий субъект, переживающий эстетическое удовольствие или отвращение); *абсолютного и относительного*, ибо «нет абсолютных эстетических ценностей, но существует абсолютная общечеловеческая способность отличать красивое от некрасивого, безобразного» (Цит. по <http://www.krugosvet.ru>).

Красота *иррациональна*. Её критерием является чувство, переживание удовольствия или отвращения, отсюда невозможность её логического определения. Но в этой иррациональности *есть своя «логика»*. Оценка предмета как красивого, по данным теоретической эстетики [1], предполагает его целостное восприятие в характеристиках пропорциональности, симметрии, гармонии.

Неоднозначно определение места красоты в системе человеческих ценностей. Например, в иерархии ценностных модальностей [2] красота может быть отнесена к *ценностному ряду «приятное – неприятное»* (низшая ступень в иерархии) или к области *духовных ценностей* (третья ступень). (Между ними располагаются ценности витального чувства.) То или иное понимание красоты определяет её ранг в уровневой организации ценностей по степени их «ценности».

В силу своей онтологической неоднозначности красота как феномен представляет большой интерес в качестве объекта интерпретации языком / речью. Поскольку ценностная картина мира

в языке реконструируется в виде оценочных суждений [3], специфика понимания красоты как ценности может быть выявлена через высказывание / текст.

Целью нашего исследования является реконструкция сущностных свойств красоты человека с точки зрения разных субъектов-интерпретаторов внешности (порождающих и воспринимающих соответствующие тексты, в частном случае совпадающих с их референтами). Материалом исследования послужили тексты разных стилей и жанров, содержащие описание внешности человека. Основным материал статьи составили высказывания из современных художественных текстов (вторая половина XX в. – XXI в.), журнальных статей и объявлений о знакомствах последнего десятилетия, записи разговорной речи. В качестве дополнительного материала привлекались фольклорные тексты.

Заметим, что описание внешности человека не всегда подразумевает интерпретацию с эстетических позиций. Оно может осуществляться с целью идентификации человека потенциальным адресатом. Таковы, например, описания внешности преступников или тексты объявлений о пропавших людях: *Мужчина 45 лет. Лицо крупное, смуглое, глаза голубые, скулы широкие, нос вздёрнут. Лоб высокий. Волосы редкие, русые. Подобные тексты рассматриваются нами как «нулевой уровень», на котором эстетическая оценка нерелевантна.*

Каждая из выделенных МОДЕЛЕЙ КРАСОТЫ задана определенным «узором» эстетических предпочтений субъекта-интерпретатора, особой иерархией частных ценностей, определяющих аксиологический итог – результирующую эстетическую оценку. Субъекты-интерпретаторы, в свою очередь, тоже модельные личности, «извлеченные» из корпуса проанализированных текстов, выделяемые на основании общности эстетических предпочтений. Полагаем, что конкретный человек в реальной жизни в зависимости от комплекса прагматических факторов (ситуации, объекта оценки и т. д.) может менять эстетические позиции и вступать в коммуникацию «от имени» разных типовых («модельных») личностей.

Перечисленный ниже ряд МОДЕЛЕЙ КРАСОТЫ и типов субъектов-интерпретаторов неограничен. Для нас важна сама возможность систематизации речевых репрезентаций в столь противоречивой области аксиологии. Представлены модели, наиболее актуальные в современном коммуникативном пространстве, имеющие в этом пространстве корреляты в виде речевого жанра или другого дискурсивного образования, устойчиво транслирующего признаки модели.

Модель 1. Красота есть привлекательность женщины с определёнными внешними данными.

Субъект-интерпретатор – мужчина либо женщина, которая оценивает другую женщину / себя как сексуальный объект. Данная модель интерпретации выражает отнесенность красоты к *ценностному ряду «приятное – неприятное»*. В высказываниях, основанных на данной модели, эстетические оценки сближаются с сенсорными, т. е. с оценками, связанными с ощущениями, «ориентирующими человека в природной и социальной среде», «способствующими достижению комфортности» [4].

Такой способ интерпретации внешности актуализирован, в частности, во многих текстах, относящихся к *речевому жанру объявлений о знакомстве*. Особенности интерпретации внешности женщины задаются здесь специфическими коммуникативными целями жанра. Компактность текста и актуальность репрезентации себя не только как эстетического объекта, но и как личности, не предполагает детального описания внешности. Синтаксическая структура типового объявления формируется перечислением характеристик, где предикаты, описывающие внешность, объединяются в перечислительные ряды с другими характеризующими предикатами. В редуцированных описаниях внешности нередко акцентируется признаки, характеризующие женщину как потенциального сексуального партнера (прежде всего особенности фигуры): *Очень редкая, сексуальная, с шикарным телом, нежной кожей, супербюстом, с изысканным вкусом, отличная хозяйка, умеющая любить и быть верной, познакомится с мужчиной после 42 лет (газ. Новое обозрение. 2007. № 14).*

В жанре объявлений о знакомстве чрезвычайно значимы личностные предпочтения, поэтому необходимым компонентом описания являются идентифицирующие признаки (рост, возраст, цвет волос, особенности телосложения), что сближает эти тексты с текстами, преследующими цель идентификации человека (см. выше). Полная женщина, отвечая коммуникативным ожиданиям адресата, сообщит о себе эту информацию с использованием эвфемизма *приятной полноты*, а худая напишет *стройная*. В разговорной речи и текстах массовой культуры компонент модели «немотивированные личностные предпочтения» выражается расхожими фразами типа *Кому-то нравятся блондинки, а я люблю брюнеток*.

Для данной модели существенна опора на стереотипы «привлекательной женщины». В брачных объявлениях регулярно репрезентируется стереотип *стройная*. В других текстах актуализируются стереотипные характеристики *молодая, высокая, голубоглазая, блондинка, длинноногая* и др.

Модель 2. Красота есть результат специальных предпринимаемых усилий, итог реализации

определённой программы применения товаров и услуг, направленной на «эстетизацию» внешности. Субъект-интерпретатор – производители, промоутеры и потребители косметической продукции (к последним, как представляется, относятся все возрастающая аудитория читателей глянцевого изданий). Данный способ интерпретации внешности репрезентируется прежде всего в текстах рекламного типа, задачей которых является продвижение косметической продукции и услуг. Преобразование внешности – тема устных коммуникаций в жанре «болтовни», светских бесед и т. д.

Среди особенностей интерпретации внешности человека в текстах рекламы (как «образцовых» текстах данного типа) можно отметить следующие. Внешность человека интерпретируется как материал, требующий преобразования. Внешний облик человека до применения им описываемых товаров и услуг оценивается отрицательно. Внешность, которую человек приобретает после выполнения заданной программы, получает положительную эстетическую оценку. Данное содержание определяет языковые / речевые особенности рассматриваемой модели. Актуальный словарь текстов данного типа составляют:

а) акциональные глаголы, актуализирующие признак предельности, исчерпанности действия, содержащие указание на его завершенность, а следовательно, переход объекта в новое качество: *сделать, подчеркнуть, достигнуть, создать, удалить, избавиться*.

Поразительно простой повседневный уход поможет сделать – и сохранить – Вашу кожу чистой, здоровой, сияющей (журн. COSMOPOLITAN. 2008. Июнь); *Татуаж бровей, татуаж глаз, губ, век подчеркнут естественную привлекательность* (журн. Выбери. 2008. 1–15 апреля); *Придай взгляду глубину и выразительность* (журн. COSMOPOLITAN. 2008. Март); *Многообразие косметики для загара и совет профессионала помогут достигнуть шоколадного оттенка, который к лицу именно Вам* (журн. Выбери. 2008. 15–30 апреля);

б) существительные с конкретным значением, номинирующие средства создания красивой внешности: *косметика, краска, лак, помада, пудра, румяна, тушь, шампунь, крем, маска* и т. д.;

в) интенсификация оценки, выраженной эмоционально-оценочными прилагательными: *неотразимый, привлекательный, очаровательный, потрясающий, стильный, креативный* и др.;

г) слова-антонимы и слова, вступающие в антонимические отношения: *Сухая кожа может стать гладкой и наполненной влагой* (журн. COSMOPOLITAN. 2008. Май); *У Вас тусклые непривлекательные волосы? В таком случае этот шампунь для Вас... Волосы становятся живы-*

ми, легкими и блестящими... (журн. Она. 2008. Март).

Тексты рассматриваемого типа, с одной стороны, ориентированы на понятие моды и, следовательно, стандарта: *Главное – знать, какие стрижки нынче в моде и не сочтут ли окружающие ваш сиреневый маникюр в горошек за моветон...* (журн. Она. 2008. Март); *Что касается макияжа, то, как и в прошлом году, в моде естественность, слегка приглушенные тона и краски. Акцент либо на глаза, либо на губы. Третьего не дано...* (журн. Женские секреты. 2008. Май). С другой стороны, в них актуализируется понятие *индивидуальности, неповторимости* внешности человека, и именно эта индивидуальность интерпретируется как красота: *Утонченность, женственность и неповторимую красоту вашему образу придадут изысканные ноготки!* (журн. Выбери. 2008. 1–15 апреля); *Хотите создать свой индивидуальный образ? Многообразие косметики для загара и совет профессионала помогут достигнуть шоколадного оттенка, который к лицу именно Вам!* (журн. Выбери. 2008. 15–30 апреля).

Данная модель красоты реализуется в множестве высказываний разговорной речи: *Женщина делает макияж, чтобы лучше выглядеть. Следить за собой нужно, тогда будешь и в пятьдесят выглядеть красивой* и т. п.

Модель 3. Красота есть физическая сила мужчины. Субъект-интерпретатор в данном случае не может быть задан признаками пола, возраста, однако можно говорить о его социальной маркированности. Это, как правило, представитель «среднего класса», сторонник активного образа жизни, являющийся потребителем спортивных товаров. Для субъекта данной модели актуальны представления о красивом мужчине как о здоровом и обладающем спортивным телосложением.

Основным дискурсом, реализующим данную модель, является дискурс спортивных изданий. Атлетическое мужское тело, как и самый спорт, занимает все более заметное место в современной массовой культуре. В начале XX в. в России появились первые иллюстрированные спортивные журналы, которые провозгласили своей задачей вернуть телу современного мужчины «богатырские» пропорции. В текстах спортивных изданий атлеты сравниваются с богатырями [5]. Например: *Николай Вахтуров! И из «парада», ласково улыбаясь, грузно выступает колоссальная фигура нижегородского богатыря. Стихийный борец. По размаху натуры и по темпераменту – перенесшийся к нам в XX век былинный Васья Буслаев. Это воплощенная в мускулистое тело идея натиска* (журн. Геркулес. 1912. Цит. по: http://gym.by.ru/atl_lebed.shtml); *Мужчины с рельефными, заметными даже под одеждой мус-*

кулами всегда приводят в восхищение женщин (журн. Качай мускулы. 2008. № 4). Анализ высказываний о красоте человека, извлеченных из современных спортивных журналов, показал, что в данном дискурсе объектом эстетической оценки выступает тело человека, которое характеризуется с позиций *пропорциональности*: *Когда речь заходит о чемпионских пропорциях, то мы подразумеваем тонкие лодыжки и колени, узкий таз, пропорционально развитые конечности, компактные ягодички, широкую спину, но прежде всего – это широкие плечи* (журн. Качай мускулы. 2008. № 5).

В дискурсе современных спортивных изданий появляется образ женщины, не уступающей мужчине в силе, внешне похожей на мужчину: *Занимаясь бодибилдингом, женщина приобретает мужской тип телосложения, выраженную скелетную мускулатуру...; Порой только по деталям купальника и стилизованной причёске можно догадаться, что человек с неженским лицом и неженской фигурой – это всё-таки женщина. Что заставляет женщину стремиться к мужским пропорциям, отказываясь от приятных форм и линий?* (журн. Качай мускулы. 2008. № 4) и т. п. Такие женщины получают отрицательную эстетическую оценку [6]: *С эстетической точки зрения, можно с уверенностью сказать, что женщина не должна заниматься бодибилдингом* (журн. Качай мускулы. 2008. № 4).

Модель 4. Красота есть «производная» от различных характеристик «внутреннего человека». Субъект-интерпретатор – человек, соотносящий внешнюю красоту с красотой внутренней, близко знакомый с объектом эстетической оценки. К данному типу относится и образ автора художественных текстов. В системе ценностей субъекта-интерпретатора красота подчинена морально-этическим ценностям (ценностям духовного порядка). Поэтому некрасивый кажется красивым, если он «хороший», «добрый», «умный», просто «родной», «мой» и т. д. [7]

Рассмотрим, например, отрывок из стихотворения Н. Заболоцкого «Некрасивая девочка»: *А если это так, то что есть красота / И почему её обожествляют люди? / Сосуд она, в котором пустота, / Или огонь, мерцающий в сосуде?* В данном примере речь идёт о двух способах понимания красоты: красота интерпретируется как свойство внешнего облика или как качество «внутреннего человека». Красота душевная находит отражение в деталях внешности: *Младенческая грация души... сквозит в её движении* (Заболоцкий Н. Некрасивая девочка). «Благодаря разнообразным лексическим и грамматическим средствам всё тело человека, вся его внешняя выраженность представлены в речи как участвующие во внешнем проявлении, обнаруже-

нии внутреннего мира человека» (6, с. 100). Поэтому внешняя красота может репрезентироваться как проявление внутренней красоты.

Анализ текстового материала показал, что в дискурсе современной художественной литературы внутреннее доминирует над внешним, окрашивает его, и эти отношения между внешним и внутренним в целостном облике человека определяют характерные особенности эстетической оценки: *Она была маленького роста. Карманная женщина. Маленькая, худенькая и довольно страшенькая. Но красота – дело относительное. В её подвижном личике было столько ума, искренности, непреходящего детства, что это мирило с неправильными чертами* (Токарева В. Розовые розы).

Данная модель интерпретации внешности в сопоставлении с внутренним содержанием актуализируется и в разговорных диалогах, а также при их воспроизведении в текстах разных стилей, например: *Когда мы счастливы, мы невероятно красивы* (Лера Кудрявцева в интервью журн. Женские секреты. 2008. Март), *Секрет красоты для меня – хорошее настроение* (Алла Духова в интервью журн. Женские секреты. 2008. Май).

Организирующую функцию в высказываниях, основанных на данной модели, выполняют конструкции сопоставления и противопоставления, участвующие в выявлении отношений между красотой внешней и внутренней.

Подведём итоги наших наблюдений. Проведённое исследование позволило выявить МОДЕЛИ КРАСОТЫ, актуальные с точки зрения типичных для современного коммуникативного пространства субъектов-интерпретаторов внешности человека.

В текстах, создаваемых с целью идентификации человека, реализуется «нулевой уровень» эстетической оценки. Понимание красоты как привлекательности женщины с определёнными внешними данными наиболее характерно для субъекта речи в речевом жанре брачного объявления. В текстах рекламного характера предлагается определённая программа действий по совершенствованию внешнего облика. Их результат интерпретируется как красота. Красота как физическая сила мужчины понимается в современных спортивных журналах, транслирующих в данном случае традиционные эстетические предпочтения. Существует субъект-интерпретатор, для которого эстетически значимым оказывается внутренний мир человека. К данному типу, в частности, относится образ автора в большинстве русских художественных текстов.

В пределах любой модели может актуализироваться *относительность эстетической оценки*, необходимость *целостного восприятия внешности объекта* для вынесения оценочного вердикта. Моделирование субъектов-интерпретаторов обнару-

жило факультативную значимость для эстетической оценки параметров пола (модель 1), рода занятий (модель 2). Критерии оценки человеческой красоты сегодня традиционны лишь отчасти (модель 2, модель 4). Творимая красота женщины (модель 2) успешно конкурирует с естественной. Следствием этого явилось отсутствие дискурсивного образования, аналогичного рассмотренному в модели 4.

Примечания

1. Новая Философская Энциклопедия [Текст]: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 456.

2. Там же. С. 64.

3. См. Арутюнова, Н. Д. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 341 с.; Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. М.: Ин-т языкознания РАН: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.; Трипольская, Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты [Текст] / Т. А. Трипольская. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. 166 с.

4. Арутюнова, Н. Д. Указ. соч. С. 76.

5. В данном случае речь должна идти о наследовании современным социумом древних представлений о красоте мужчины. Атлетизм, здоровье, физическая сила в национальном сознании всегда были непосредственно связаны с образом красивого мужчины, с древности они восхвалялись не меньше, чем воинские подвиги. Например, образ богатыря в русских былинах сопровождается эпитетами: *могучий* (толков. в словаре Ожегова – *мощный, сильный*), *дородный* (толков. в словаре Ожегова – *рослый, крупный, плотный во косу сажень, великий, сильный, удалой, силушка у него великая, он «бросает палицу булатную выше лесушку стоячего...»*) (*был. Святогор и Илья Муромец*).

6. Иную оценку такие женщины получали в древности. Ср. дохристианский идеал женской красоты – не уступающие по силе мужчинам-богатырям женщины-богатырши, «поляницы удалые». Наиболее полно описан образ вительницы в былине «Илья Муромец и дочь его»: *Едет поляничница удалая, Ай удала поляничница великая, Конь под нею как сильня гора, Поляница на кони будто сenna котна...Спереду-то не видать личка румяного, И сзади не видать шеи белой*. Она настолько сильна, что ни Добрыня Никитич, ни Алеша Попович не рискнули вступить с ней в бой. Только Илья Муромец сошелся с ней в поединке. С принятием христианства плоть была противопоставлена духу, и этот идеал сменился другим

7. Сопоставление внешнего и внутреннего, души и тела является традиционным для русского национального самосознания. По данным пословиц, красота душевная более значима для русского человека. Поэтому при положительной оценке внешности и отрицательной оценке внутреннего мира общая оценка – отрицательная: *Бела, румяна, да нравом упряма; Лицом красавица, а нравом только чёрту нравится; Лицом хорош, да душою не пригож; Личиком бел, да душою черен; Личиком гладок, а делами гадок, Молодец красив, да на душу крив* и др., а при отрицательной оценке внешности, но положительной оценке внутренних качеств общая оценка – положительная: *Лицом не красив, да сердцем не спесив; Ногами хром, а душою красив; Рожа кривая, да совесть прямая; Рожа негожа, да душа пригожа* и др. Идею духовной красоты развивала и древнерусская эстетика.

Е. Ю. Раскина

ОБРАЗЫ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

Культура Древнего Китая, китайская поэзия эпохи Тан оказали огромное влияние на творчество великого поэта «серебряного века» русской культуры Н. С. Гумилева. Образ «священного Китая» присутствует в стихотворении «Путешествие в Китай» (1910), незавершенной поэме «Два сна» (1918) и «сборнике китайских стихов» – «Фарфоровый павильон». Для Гумилева Китай – это страна поэзии, мудрости и веры, оказавшая несомненное влияние на историко-культурное развитие России.

The culture of Ancient China, Chinese poetry of epoch Tan influenced on the creativity of N. S. Gumilev. The image of «sacred China» is present at the poem of Gumilev «Travel in China» (1910) and in the unfinished poem «Two dreams» (1918) and in the book of poems «Porcelain Pavilion». For Gumilev China is a country of poetry, wisdom and belief which influenced on the historical and cultural development of Russia.

«Священный Китай» занимал Гумилева на протяжении всей его жизни, но можно проследить определенные всплески этого интереса, связанные с созданием стихотворения «Путешествие в Китай» (1910), незавершенной китайской поэмой «Два сна» (1918) и «сборником китайских стихов» под названием «Фарфоровый павильон» (1917). М. Баскер справедливо считает, что стихотворение «Путешествие в Китай» в творчестве Гумилева является символом «поисков рая» – в духе Пушкина и Бодлера. «Китай, как конечное место назначения, должен, естественно, восприниматься как достижение совершенного понимания...» [1], – утверждает М. Баскер.

Сборник «китайских стихов» «Фарфоровый павильон» был создан во время последнего пребывания Н. С. Гумилева в Париже, куда поэт прибыл из Петрограда через Лондон 1 июля 1917 г. В Париже Гумилев поступил в распоряжение представителя Временного правительства во Франции генерала М. И. Занкевича, затем был назначен офицером для поручений при военном комиссаре Временного правительства Е. И. Раппе и тщетно ожидал отправки сначала на Салоникский, а затем на Персидский фронт. «Сборник китайских стихов» представляет собой сборник вольных стихотворных переводов китайских поэтов эпохи Тан: Ли Бо, Ли Вэя, Чжан Цзи, Юань Цзе, Тзе Тие, Цзяо Жаня, Ду Фу и др. В работе над переводами Гумилев, по собственному признанию, пользовался «Яшмовой книгой» Юдифь Готьё, представлявшей собой вольные переводы китайской поэзии, работами маркиза Сен-Дени, Юара, Уэля (Уили) и др.

Сборник «Фарфоровый павильон» с подзаголовком «Китайские стихи» был выпущен издательством «Гиперборей» в 1918 г. и состоял из двух частей: «Китай» и «Индокитай» («Аннам»). Иллюстрациями к «Фарфоровому павильону» послужили графические работы китайского художника У-цзин-ту из собрания ксилографов библиотеки Петербургского университета. В 1922 г. «Фарфоровый павильон» был переиздан с добавлением стихотворения «Сердце радостно, сердце крылато».

Наиболее важным источником стихотворений, вошедших в «Фарфоровый павильон», является «Яшмовая книга» Юдифь Готье (1845–1917), опубликованная в 1867 г. Личность и творчество дочери Теофиля Готье были особенно близки Гумилеву в связи с тем, что именно Юдифь Готье, по словам Реми де Гурмона, вместе с Пьером Лоти открыла для французской поэзии «вкус экзотики» («Judith Gautier semble, avec Pierre Loti, représenter, dans la littérature française contemporaine, le goût de l'exotisme» [2]). Действительно, в своих романах, поэтических сборниках и пьесах Юдифь Готье была скорее китаянкой, чем французенкой: и не только китаянкой, но и японкой, персиянкой, египтянкой. Ее лучший роман «Императорский дракон» (1869, опубликован под именем Юдифь Мендес) является доказательством глубокого знакомства писательницы с литературой, традициями и обычаями Поднебесной империи. Ж. Готье не только писала и читала по-китайски, но и говорила на этом языке. В «Стихотворениях стрекозы» Ю. Готье представила читателям изысканную антологию японской поэзии.

Юдифь Готье была хозяйкой литературного салона, который среди поэтов назывался «Отеlem Синего Дракона». Название этого салона глубоко символично: синий (лазурный) дракон в китайской мифологии – один из четырех духов-защитников человечества, символ Востока, познания, мудрости и стабильности. Китайский дракон «лунь» относится к четырем волшебным животным, так называемой «четверке совершенных», остальные – это единорог, феникс и черепаха. «Лунь китайских мифов наделен божественным достоинством и подобен ангелу, который вместе с тем лев (...) Некогда дракон, или лошадь-дракон, вышел из Желтой реки, дабы показать императору знаменитую схему круга, в котором отражена взаимосвязь Ян и Инь» [3].

В «Отеле Синего Дракона» проводили свои вечера Малларме, Вилье де л'Иль-Адан, Блемонт, редакторы журнала «Литературный и Художественный Ренессанс». Особый интерес в связи с творчеством Гумилева представляет тот факт, что дочь Теофиля Готье была поклонницей и ученицей Элиафаса Леви (Альфонса-Луи Константа),

чьи книги «Учение и ритуал высшей магии», «История магий», «Ключ к тайнам» и другие пользовались успехом в парижских литературных кругах. Книга Э. Леви «Учение и ритуал высшей магии» в 1910 г. была переведена на русский язык.

В ноябре 1873 г. Ю. Готье нуждалась в консультации на тему халдейской Каббалы для своих восточных романов и получила эту консультацию у Элиафаса Леви, который, согласно литературной легенде, некогда предсказал успех дочери Теофиля Готье, посмотрев на ее ладонь. В дальнейшем Юдифь Готье устраивала встречи Э. Леви с поэтической молодежью. Сам Леви описывал одну из таких встреч следующим образом: «...я оказался у месье Катулла Мендеса (мужа Ж. Готье. – Е. Р.) в кругу юных (таких юных, что многие из них еще не родились), которые печатают свои произведения у Лемерра (Сюлли-Прюдомма не было, его уже относят к старикам). Эта молодежь приняла меня с любезностью и даже с уважением. Катулл Мендес мне сказал, что мои произведения содержат удивительную науку и литературные достоинства первого ранга. Короче, меня чествовали и пригласили зайти еще. В следующий четверг за мной должны зайти и доставить меня к Виктору Гюго, который в это время находится в Париже» [4].

В 1906–1908 гг. Н. С. Гумилев обращался к работам Э. Леви и даже называл себя «адептом оккультизма», что зафиксировано в письмах к В. Брюсову («Когда я уезжал из России, я думал заняться оккультизмом. Теперь я вижу, что оригинально задуманный галстух или удачно написанное стихотворение могут дать душе тот же трепет, как и вызыванье мертвецов, о котором так не красноречиво трактует Элифас Леви» (8, 23); «И если бы я не был адептом оккультизма, я вечно удивлялся бы случаю, который заставил Вас заинтересоваться моими стихами» (12 (25) III. 1907 г.) (8, 23). Поэтому Юдифь Готье интересовала Гумилева не только как писательница, подарившая французской литературе начала XX столетия «вкус экзотики», но и как ученица и последовательница Элиафаса Леви. В 1907–1908 гг., во время пребывания Н. С. Гумилева в Париже, салон Юдифь Готье («Отель Синего Дракона») по-прежнему оставался одним из центров литературного Парижа.

В 1917–1918 гг. Гумилев подвел итоги своего первого парижского периода (1907–1908 гг.) и продолжил многие начатые замыслы, в том числе и связанные с интересом к творчеству Юдифь Готье. Во многом этому способствовало желание поэта отдать последние почести дочери Теофиля Готье, умершей в 1917 г.

Для образно-символической интерпретации названия «сборника китайских стихов» важна символика фарфора как «императорского» ма-

териала (слово «фарфор» на фарси обозначает «императорский»), заключающего в себе величие Поднебесной империи. Изделия из китайского фарфора считались королевским подарком и символизировали величие императорской власти. Беседка или павильон, наряду с башней, колодцем и дверью, являются символическим обозначением Вечной Женственности. В Китае павильон символизировал женское начало и в то же время «приют мудреца», место для медитации и молитвы.

Интересно, что в стихотворении «Китайская девушка» (1914) фигурирует голубая беседка «посредине реки», ставшая «темницей» для лирической героини стихотворения («Голубая беседка / Посредине реки, / Как плетеная клетка, / Где живут мотыльки (...) У меня же в темнице / Куст фарфоровых роз, / Металлической птицы / Блещет золотом хвост») [5]. Образ беседки «посредине реки» из стихотворения «Китайская девушка» соотносится с образом-символом фарфорового павильона, поднявшегося «среди искусственного озера» (см. стихотворение «Фарфоровый павильон», которое открывает сборник «китайских стихов»). Беседка и павильон символизируют убежище, некое огражденное пространство, подобное райскому саду, где находят приют избранные души.

Косвенное, опосредованное знакомство Гумилева с китайской культурой началось в ранний царскосельский период, поскольку в Екатерининском дворце, Китайской деревне и Китайском театре было сосредоточено немало китайских «диковин». Наличие в Петербурге и его пригородах (Петергофе, Ораниенбауме) большого количества предметов искусства, привезенных из Китая, являлось бесспорным свидетельством плодотворных китайско-русских экономических и культурных связей, характерных для XVIII столетия. Первая русская миссия прибыла в Пекин в январе 1716 г. и вплоть до открытия российского посольства в Китае (1860 г.) играла важную представительскую роль в отношениях между двумя странами.

Поистине громадную роль в ознакомлении российского общества в целом и петербургского в частности с культурой древнего Китая сыграл начальник 9-й миссии архимандрит отец Иакинф (в миру Никита Яковлевич Бичурин), пробывший в Китае с 1807 по 1821 г. «Слышавший в салонах города его полные живых зарисовок воспоминания А. С. Пушкин предполагал поехать в Китай, чтобы удовлетворить свое желание лично познакомиться с историей и культурой этого древнего государства, его современной жизнью» [6], — пишет А. М. Решетов. Переводы средневековых китайских манускриптов, выполненные отцом Иакинфом (Бичуриным) оказали огромное влияние и на А. Н. Гумилева, который и в заключе-

нии не расставался с книгами отца Иакинфа. «Само собой разумеется, в лагере никакой библиотеки, тем более научной, не было и в помине, — вспоминал А. Ф. Савченко. — И все-таки в распоряжении А. Н. Гумилева имелись, по крайней мере, две книги, помогавшие ему в работе. В частности, в создании книги «Хунну». Одна из них — книга нашего ученого-монаха начала XIX века Иакинфа Бичурина, многие годы возглавлявшего русскую духовную миссию в Китае» [7].

В Париже Гумилев имел возможность познакомиться с обширной коллекцией китайского искусства из Музея Восточного искусства имени Гимэ (Musée Guimet des arts asiatiques). В 1910 г. Гумилев и Ахматова посетили музей Гюстава Моро, музей Гимэ, аббатство Ключи, Зоологический сад. Китайская коллекция музея Гимэ насчитывает 20 000 произведений китайского искусства, от искусства эпохи неолита и искусства средневекового Китая до XVIII в. В скульптурном отделе китайской коллекции собраны памятники буддистского искусства Центральной Азии, в отделе декоративного искусства — китайская керамика, в том числе предметы из фарфора, относящиеся к эпохе Тан. Хранится в музее Гимэ и богатая коллекция живописи, привезенная из Тибета Жаке Бако.

Среди петербургских коллекций китайского искусства Гумилеву, бесспорно, была знакома коллекция Кунсткамеры (музея Антропологии и этнографии имени Петра Великого). В 1880–1910-е гг. происходило интенсивное пополнение фондов музея, в том числе и китайской коллекции. Академик В. В. Радлов, возглавлявший музей с 1894 по 1918 гг., в 1903 г. возглавил Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии, направлял в азиатские страны, в том числе и в Китай, исследователей. При непосредственной помощи академика В. В. Радлова была осуществлена и гумилевская абиссинская экспедиция 1913 г. За тот период, когда В. В. Радлов руководил Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого, китайскую коллекцию музея существенно дополнили такие исследователи-китаисты, как В. М. Алексеев (1881–1951), А. И. Иванов, Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, В. Ф. Ладыгин, М. М. Березовский. Крупную коллекцию привез из Западного Китая индолог С. Ф. Ольденбург. Значительная коллекция тибетской живописи и бронзы принадлежала кн. Э. Э. Ухтомскому, расстрелянному вместе с Гумилевым за участие в «таганцевском заговоре». После расстрела Ухтомского коллекция поступила в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого.

Рассмотрим образно-символические ряды Гумилевского «сборника китайских стихов» «Фар-

форовый павильон». В открывающем сборник китайских стихов «Фарфоровый павильон» одноименном стихотворении присутствует образ павильона «среди искусственного озера», в котором собрались друзья-поэты («Среди искусственного озера / Поднялся павильон фарфоровый, / Тигриною спиной выгнутый / Мост яшмовый к нему ведет» [8]). Символика «искусственного озера» в данном случае соотносится с озером как «зеркалом духа», неподвижная поверхность которого подобна зеркальной глади.

О символике фарфорового павильона мы писали выше, интерпретируя название сборника «китайских стихов», тогда как о символике «яшмового моста» следует сказать особо. Образно-символическое значение «яшмового моста» связано со значением яшмы в средневековом Китае. В Китае яшма – самый почитаемый из всех драгоценных и полудрагоценных камней. Этот камень считается воплощением творческой силы Неба. Ему придавали круглую форму, символизирующую Небо, или квадратную, символизирующую Землю. Яшмовые диски и пластины использовались в религиозных церемониях.

Образ «яшмового моста», ведущего к фарфоровому павильону посреди искусственного озера, связан также с «Яшмовой книгой» Юдифь Готье и сборником рассказов Анри де Ренье «Яшмовая трость» («La canne de jaspe»). В рассказе Анри де Ренье «Шестая женитьба Синей Бороды» из книги «Яшмовая трость», проанализированном Максимилианом Волошиным на страницах альманаха «Северные цветы» за 1911 г., упоминаются аллегорические дамы Мудрости и Добродетели, перед которыми склоняются единороги с хрустальными копытами. По Анри де Ренье, одна из жен Синей Бороды – та, что погибла первой, носила белое платье – «белое, как снег, попираемое хрустальными копытами Единорогов, что ходят на тканых коврах по садам, *пьют в яшмовых водометах* и преклоняют колена перед прекрасными аллегорическими дамами Мудростью и Добродетелью» [9]. Хрустальные копыта единорогов символизируют чистоту и безгрешность («чист, как горный хрусталь...»), тогда как яшмовые водометы (фонтаны) связаны с символикой яшмы как камня, дарующего мудрость, силу предвидения, твердость в час беды.

Яшма как символ неба и духовного преобразования человека фигурирует в «Откровении» Иоанна Богослова. В «Откровении» сказано, что «яспис» («яшма») является первой ступенью пирамиды, ведущей к небесному граду Иерусалиму. Из ясписа построена и стена небесного Иерусалима: «Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, вто-

рое сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд» (21: 19, 20).

В китайской мифологии существовал образ «яшмового пруда» или «яшмового озера»: так называлось озеро в райских садах богини фей Сиванму, расположенных на отрогах гор Куэньлунь. В летнем дворце императора Сюаньцзуна, находившемся на горе Лишань, к западу от Чаньаня, тоже был пруд, называвшийся Яшмовым. В нем любила купаться императорская фаворитка Ян Гуй-фэй, которую поэты часто именовали «богиней фей».

Следует учитывать также, что в китайской поэзии эпохи Тан прилагательное «яшмовый» традиционно употреблялось как синоним прилагательных «красивый» и «прекрасный» (например, «яшмовый лик девушки»). В китайской мифологии существовал образ «яшмовых персиков», произраставших в садах мифического Небесного Императора: всякий, кто их отведал, получал бессмертие.

В данном аспекте необходимо обратить внимание и на то, что яшмовый мост в стихотворении «Фарфоровый павильон» подобен выгнутой тигриной спине. Известно, что тигр в средневековом Китае символизировал силу и доблесть на службе правого дела. Пять мифологических тигров защищали Поднебесную империю от сил хаоса.

В гумилевском стихотворении фарфоровый павильон посреди искусственного озера – это приют поэтического вдохновения («И в этом павильоне несколько, / Друзей, одетых в платья светлые, / Из чаш, расписанных драконами, / Пьют подогретое вино...») [10]. Чаши, расписанные драконами, символизируют императорскую власть и сакральность Поднебесной империи. В Китае дракон с пятью когтями был среди орнаментов и украшений императора, тогда как придворные имели право носить изображение дракона с четырьмя когтями.

Друзья-поэты одеты в желтые шляпы. Желтый цвет шляп подчеркивается здесь не случайно. В средневековом Китае центральной пространственной зоне соответствовал желтый цвет (символ Китая, верховной власти и государя, цвет богатства и невинности). Желтые шляпы были головным убором лхасских монахов (известны так называемые «желтошапочные» монастыри в окрестностях Лхасы). Таким образом Гумилев подчеркивает избранность, святость друзей-поэтов, собравшихся в фарфоровом павильоне «посреди искусственного озера». Образ поэтов-мистиков, сочиняющих стихи в лунную ночь в фарфоровом павильоне посреди искусственного озера, достаточно символичен. Фарфоровый павильон выполняет в произведениях Гумилева ту же функцию, что и сад поэта-пророка Гафиза в пьесе «Дитя Аллаха»: перед нами некое огражденное сакраль-

ное пространство, «рай земной», представляющий собой отражение рая небесного.

Примечания

1. Баскерф, М. Гумилев, Рабле и «Путешествие в Китай». К прочтению одного прото-акмеистического мифа [Текст] / М. Баскерф // Н. Гумилев и русский Парнас: м-лы науч. конф. 17–19 сентября 1991 г. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992. С. 15.
2. Les Célébrités d'aujourd'hui: Judith Gautier, par Remy de Gourmont (Bibliothèque internationale d'édition) [Text]. Paris, 1903. С. 10.
3. Борхес, Х. Л. Книга вымышленных существ [Текст] / Х. Л. Борхес. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 100.
4. Шасомас, Р. Eliphas Levy [Text] / Р. Шасомас. Paris: Ed. Traditionnelles, 1929. С. 15.
5. Гумилев, Н. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. Гумилев. Изд. 3-е. Л., 1988. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 50.
6. Санкт-Петербург – Китай: Три века контактов [Текст]. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 13.
7. «Живя в чужих словах». Воспоминания о Л. Н. Гумилеве [Текст]. СПб.: Росток, 2006. С. 160.
8. Гумилев, Н. Указ. соч. С. 273.
9. Волошин, М. Аполлон и мышь [Текст] / М. Волошин // Северные цветы за 1911 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1911. С. 95.
10. Гумилев, Н. Указ. соч. С. 273.

М. В. Власкова

ОНИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ БЫВШЕГО СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

В статье рассматриваются особенности антропонимического и микротопонимического аспектов языковой личности бывшего сельского жителя, диалектоносителя. В частности, автор анализирует уличные фамилии, прозвища и микротопонимы, сохранившиеся в памяти информанта.

In the article some peculiarities of anthroponymic and microtoponymic aspects of former country dweller's language personality. In particular, the author analyses street surnames, nicknames and microtoponyms that still exist in informer's memory.

В современной России наблюдается отток населения из сельской местности в города. Полного исчезновения диалектов не происходит, так как их элементы сохраняются в речи жителей, переехавших в города. Таким образом, они демонстрируют определённый консерватизм структуры, присущий живому языку. Тем самым важную роль приобретает фиксация языкового материала и в условиях функционирования диалекта, и в городской среде, имея в виду речь быв-

ших сельских жителей. Значимым фрагментом языкового материала является онимия, так как она сохраняет фонетические, морфологические, лексические особенности, утраченные нарицательными именами.

В пределах онимического пространства среднерусской деревни существенным компонентом онимии является антропонимия, представленная неофициальными именованями людей, в том числе так называемыми *уличными фамилиями*, функционирующими, в частности, в речи жителей нижегородской деревни [1]. Это свойственно и уличным фамилиям села Ла́пша Первомайского района Нижегородской области. Усвоенные в детстве и юности, они сохраняются в памяти бывшего диалектоносителя, каким является наш информант, Александра Александровна Бубнова, 1935 г. р., жившая в данном населённом пункте с рождения до 1954 г. Она не только сохранила в памяти уличные фамилии, но и воспроизводит их, при необходимости в большей части мотивируя.

В условиях существования многопоколенной крестьянской семьи уличные фамилии служили средством выделения из фамильного ряда родственников. В пределах одного населённого пункта часто встречались семьи с одинаковой официальной фамилией. В этом случае уличные фамилии наряду с номинативной и выделительной функциями ярко иллюстрировали дифференцирующую роль собственных имен [2].

Так, в речи нашего информанта зафиксировано 6 уличных фамилий семей *Галкиных* (Гордюхины, Картóшкины, Пендюко́вы, Сгобурóвы, Филюно́вы, Яшкины), 4 – семей *Сенко́вых* (Аксёно́вы, Горя́вины, Пара́хины, Ско́блиновы), 3 – семей *Ки́реевых* (Гормодо́новы, Серафи́мовы, Хромóвы), 2 – *Анто́новых* (Пара́шкины, Шелепе́нковы). А. А. Бубнова особо подчеркивает, что каждая семья села Лапша наделялась уличной фамилией, которая была известна всем (в том числе и ее обладателям). Всего в речи нашего информанта, бывшего диалектоносителя, были зафиксированы 24 уличных фамилии. С точки зрения мотивации данные онимы представляют собой несколько групп.

– *Уличные фамилии, мотивированные полными или трансформированными именами родителей и прародителей (реже – других членов семьи):* Пара́хины ← Пара́ха, уличная фамилия семьи Сенко́вых: [мат' у-н'их пара́хъй зва́'и / вот и пашло //]; Ти́товы ← Тит, уличная фамилия семьи Поздиных: [у-н'их д'ет был т'ит // вот и празва́'и //] и др.

– *Уличные фамилии, мотивированные прозвищами предков:* Блоханóвы ← Блоха́н, уличная фамилия семьи Хабарóвых: [ат'е́ц у-н'их х'итрый был / изваро́тл'ивый / бл'яхано́м живо́ за-э́ть празва́-

л'и // а там-уш и с'ём'йу]; **Филюно́вы** ← **Филю́н**, уличная фамилия семьи Галкиных: [у-н'йх у-фс'ей с'ём'й глаза́ б'ыл'и бал'шы́ / как у-ф'й'л'инь //] и др.

– Уличные фамилии, мотивированные действиями, признаками и предметами, относящимися к прародителям семьи: **Гордю́хины** ← **горд'иться**, уличная фамилия семьи Галкиных: [ан'й фс'о гард'й'л'ис' / шт'ь-бага́ты //]; **Хромóвы** ← **хромо́й**, уличная фамилия семьи Киреевых: [ба́ушк'ь у-н'йх была́ храма́й //]; **Картóшкины** ← **картошка**, уличная фамилия семьи Галкиных: [ма́т у-н'йх ка́к-т'ь в-м'яз'а́йн пр'ишла́ и г'вар'йт / мы фс'о карто́шку д'ь-карто́шку жи́д'йм // вот и празва́л'и //] и др.

– Уличные фамилии, мотивированные звукоподражаниями: **Ши́ркины** ← **ширк**, уличная фамилия семьи Харчонковых: [ат'ец у-н'йх хад'й'л ка́к-т'ь инт'ир'есн'ь / штана́м'и фс'о шырк-шырк //].

Мотивация не всех антропонимов информанту известна. Так, А. А. Бубнова не смогла пояснить происхождение уличных фамилий **Сгобу́ровых**, **Горя́виных**, **Шея́новых**, **Копыло́вых**, **Пе́риных**, **Арю́ткиных**.

Кроме уличных фамилий, к антропонимической лексике относятся прозвища. «Прозвищные онимы – это огромный пласт лексики, в котором, как в зеркале, отражается жизнь этноса, его культура, история. Язык ономастикона – это разновариантная знаковая система, образуемая текстами, кодами, ибо, как и язык, ономастикон – зеркало культуры» [3]. Прозвища индивидуализируют человека, дают ему оценку и используются в определенной ситуации. Их функция эмоционально-экспрессивная, а бытование ограничено локальными и временными параметрами. Прозвища наиболее ярко выполняют индивидуализирующую функцию, отражая разные свойства именуемого: внешний вид, особенности речи, манеру поведения, свойства характера [4]. Прозвища составляют в микросистеме, в том числе села Ла́пша Первомайского района Нижегородской области, периферию антропонимического поля [5]. Они разнообразны по типу мотивации, отражают:

– особенности речи человека: **Дры́нда** (прозвище Натальи Лазаревой: [г'вар'й'л'ь ана́ б'ыстр'ь / дры-ды-ды //]), **Шеле́н'нок** (прозвище Николая Антонова: [он ш'п'ил'ав'ил //]) и др.;

– внешний вид по сходству с животным: **Лиса́** (прозвище Анны Сенковой: [х'йт'р'ь ана́ была́ пр'ам как л'иса́ //]), **Филю́н** (прозвище Николая Галкина: [глаза́ б'ыл'и бал'шы́ / как у-ф'й'л'инь //]) и др.;

– физические качества индивида: **Ры́жий** (прозвище Д. М. Кашина: [во́льсы у-н'иво́ ры́жы б'ыли //]), **Уго́л'ек** (прозвище Александра Галкина: [во́льсы у-н'иво́ ч'орны //]) и др.;

– психические особенности индивида: **Блоха́н** (прозвище Василия Хабарова: [он х'йт'рый был /

изваро́т'ливый / бл'ьханом́ живо́ за-э́ть празва́л'и //]) и др.;

– особенности поведения: **Любо́вна** (прозвище Н. П. Сенковой: [уч'йт'л'н'иц'ь на́ш'ь была́ / ана́ нам ф'с'о пр'ь-л'убо́ф' расказа́ыв'эль / вот и празва́л'и //]) и др.;

– характерные действия: **Свисту́н** (прозвище Ивана Галкина: [св'ис'т'ёл он ф'с'о вр'ём'ь //]) и др.

Кроме того, в исследуемом нами говоре употребляются прозвищные комплексы как сочетания личного имени и непосредственно прозвища. При этом особенно частотны неполные формы имени, образованные усечением и трансформацией основы (Катя, Коля и др.), а также с помощью суффикса -к-: Ванька, Витька, Колька и др. Таковы, например, сочетания личного имени и прозвища, информирующие о физических или психических качествах индивида: **Катя беззуба** (прозвище Екатерины Христофоровой: [зубо́ф у-н'ей ма́ль б'ыл'ь //]); **Витька-карма́н** (прозвище Виктора Медина: [глухо́й он был // г'вар'й'л'и пр'ь-н'иво́ / глу́х'ь / как ф-карма́н'ь //]); **Ванька-хрык** (прозвище Ивана Лизунова: [хул'иган'истый он был / ма́т'ьм руга́л'сь / н'ьхаро́шый //]).

Прозвища по самому своему предназначению коннотативны, несут в себе оценку, которая заключается в самом значении языковой единицы. «Здесь как бы опредмечивается само отношение к называемому предмету, и само значение по природе своей коннотативно. Поэтому каждое прозвище уже в момент создания получает определенную стилистическую окраску, которая обычно и воспроизводится в момент его употребления» [6]. В большинстве своем прозвища содержат негативную окраску и являются обидными. В анализируемой микросистеме таковы, например: Чурбан, Дрында, Ванька-хрык, Камбала, Пендук, Блохан и другие. Наш информант свидетельствует о том, что такими прозвищами «людей в глаза не зовут». Положительная окраска более редка для прозвищ. А. А. Бубнова к таким отнесла номинанты Угол'ек, Любовьна, имеющие оттенок ласкательности.

Среди имен собственных не менее информативны **географические** названия, в частности, микротопонимы, они очень ценны для истории языка, народа благодаря их устойчивости. «Региональная микротопонимическая система отличается от других региональных систем, а также от общей ономастической системы не только своими размерами, объемом, но и своеобразием номенклатуры единиц, их взаимосвязями друг с другом и с единицами региональной языковой системы в целом, отражением своеобразия истории края, его социально-культурных условий» [7]. Свообразием отличаются и микротопонимы села Ла́пша Первомайского района Нижегородской области.

Наш информант уехал из с. Лапша в 1954 г., однако микропонимы данного населенного пункта живы в его памяти до сих пор, являясь одним из параметров языковой личности А. А. Бубновой как бывшего сельского жителя. При этом существенно то, что информант помнит не только сами единицы, микропонимы, но и в большинстве случаев их мотивацию. В некоторых случаях, правда, высказываются предположения относительно происхождения имён. Например, относительно названия самого села Лапша: [р'ан'шы у-нас ф-с'ил'е пл'ил'й л'апт'и / м'ожьт ат-эт'ъв пашл'о / н'и-зн'ай' //].

Микропонимы в самом селе Лапша и в памяти его бывшего жителя по характеру объекта делятся (подобно собственно топонимам) на ряд групп, соответственно секторам микропонимического пространства [8].

1) Микрогодонимы – названия частей селений, улиц, переулков. В с. Лапша микрогодонимами являются только улицы, причем именуются они «порядками» в значении – «улица в два ряда домов». **Красный порядок** – [к'расный / эт был с'амый цынт'рал'ный пар'ад'къ // там и-дам'оф б'ол'ш'ь //]; **Погорелый порядок** – [згар'ел'ь на-н'ом два р'ид'а дам'оф //] и др.

2) Микрооронимы – названия объектов рельефа. В данной группе микропонимов представлены названия *оврагов*, или *вершин*, и *гор* (гора в значении «верхняя часть склона оврага»). **Прудовый овраг (или Прудовая вершина)** – [о'къл цынт'рал'н'въ пруд'а он н'хад'йлс'ь / вот и назв'ал'и пруд'овый //]; **Прудовая гора** – [пруд'овъ гар'а н'в'ирх'у пруд'овъ авр'агъ был'а / прут р'ад'ъм // вот и празв'ал'и //] и др.

3) Микродримонимы – названия лесов, участков леса, кордонов, рощ, садов. Из всех перечисленных объектов в с. Лапша выделяются названия лесов, кордонов. **Сосновый лес** – [ад'н'и с'осны там расл'й //]; **Мазинский лес** – [о'къл д'ър'ив'ен'к'и мас' он н'хад'йлс'ь //] и др.

4) Микрофитонимы – названия отдельных деревьев. **Барский дуб** – [н'ь-б'ър'игу б'арск'ъв пруд'а стай'ал // стар'ый он так'ой / здар'овый / выс'ок'ий / стал'етн'й давн'ст'и эт'ът дуп //]; **Тополь** – [у-шк'олы стай'ал т'опъл // так п'ахл'ь ат-н'йво х'раш'о / къгд'а он цв'ол //].

5) Микродромонимы – названия дорог, тропинок. Микродромонимы указывают на тот населенный пункт, в который ведет данная дорога: **Дорога на Большой Макателём; Дорога на Первомайск; Дорога на Юрьевку** и др.

6) Микрогидронимы – названия водных источников: прудов, озёр, болот, ручьёв, частей рек, мест купания на реке. Из всех перечисленных объектов в микропонимической системе с. Лапша выделяются в основном пруды. **Центральный пруд** – [он шол м'ежду к'расным и п'гар'е-

лым пар'ат'към / па-ц'энтру с'ил'а // с'амый бал'ш'ой прут в-д'ир'евн'ь //]; **Колхозный пруд** – [в-эт'ъм пруду скат'йну калх'озну куп'ал'и / т'ол'къ дл'ь-н'йх эт'ът прут //] и др.

7) Микроспелеонимы – названия колодезев, родников. В с. Лапша микроспелеонимами являются только названия колодезев. **Лазарев колодец** – [эт'ът кал'од'ьц был р'ад'ъм с-лаз'ър'ьвым'и //]; **Слободской колодец** – [н'ь-слаб'отк'ь кал'од'ьц был // вот и назв'ал'и //] и др.

Микропонимические группы, выделенные по виду объекта, в совокупности дают представление о физико-географических особенностях местности. Результатом исследования именно этого аспекта имен говора с. Лапша явилось установление следующего факта: среди микропонимов данного говора большинство составляют названия дорог (9 объектов), на втором месте после них находятся названия улиц (8 единиц); затем идут названия лесов и участков леса (7 единиц; это связано с тем, что Первомайский район находится в лесном краю: по зелёным площадям на одного жителя приходится 334 кв. км, одной из основных производственных специализаций является лесная промышленность [9]). Характер микрообъекта зачастую отражается в самом микропониме путем употребления соответствующего географического термина. Например, Первомайский лес, Сазанов порядок, Степанов пруд, Таланов колодец, Микитявый овраг. Вне употребления географического термина характер микрообъекта структурно в самом имени не отражается.

Микропонимическая система определяется характером внутрисловных и межсловных, внесловных отношений, которые наиболее отчетливо проявляются в такой микросистеме, как гнездо. Существование, функционирование микропонимов группами, семьями, или гнездами, – своеобразная «гнездованность», «гнездовость», проявляющая связи микропонимов, в целом основанная на отражении связей микрообъектов, – относится к числу специфических признаков микропонимии [10]. Гнезда в микропонимии являются разными по характеру внутренних и внешних связей, по структуре и образованию, а также по количеству входящих в них членов (по объёму). К последнему признаку относятся дву-членные гнезда: Степанов пруд – Степанов колодец; Ореховый овраг – Орехова гора. Зафиксированы трехчленные гнезда: Заводской пруд – Заводской колодец – Заводской овраг; Барский лес – Барский пруд – Барский дуб. Перечисленные гнезда включают в себя только составные единицы. Кроме того, выделяется одно «смешанное» гнездо, содержащее в своем составе и однословные, и двусловные наименования: Слободка (улица) – Слободской колодец – Слободской

овраг. «Гнездовость» характерна для всей региональной, неофициальной, онимии.

Микротопонимы с. Лапша по структуре делятся, прежде всего, на однословные и составные. Это деление является бесспорным. Однословные представляют собой один компонент, имеющий простую или сложную основу, оформленный по лексико-грамматической модели существительного мужского или женского рода в начальной форме. Например: Слободка (улица), Курмыш (улица), Гора, Церква, Капкас (лес), Кордон. Составные микротопонимы оформляются как именное субстантивное словосочетание типа: Красный порядок, Богатый бугор, Мазинский лес, Барский дуб, Заводской пруд, Лазарев колодец, Ореховый овраг и др. В целом составных микротопонимов в рассматриваемом нами говоре значительно больше, чем однословных, причём во всех секторах микротопонимического пространства. Предпочтительность такой структурной оформленности объясняется стремлением к большей конкретности имен, что представляется более актуальным, чем стремление к экономии. Последнее оказывается менее существенным для региональных имен, поскольку оперирование ими не выходит на большую арену, не предполагает большого потока информации [11]. Важно заметить, что микротопонимы сохранились в памяти информанта не просто в виде отдельных единиц, а в тесной связи между собой, они являются микропарадигмой в системе, в них отражается интерпретация единиц бывшего диалектоносителя, А. А. Бубновой.

В ходе работы нами ставилась задача рассмотреть, насколько онимическая лексика сохранилась в памяти бывшего сельского жителя, диалектоносителя. Так, было зафиксировано 23 прозвищных онима, 24 уличных фамилии и 47 микротопонимов. В большинстве случаев онимы являются мотивированными и доказывают, что собственные наименования, усвоенные в детстве и юности А. А. Бубновой, сохранены в ее памяти и по сей день. Это свидетельствует о том, что в речи информанта не утратились региональные черты, в частности онимическая лексика. Микротопонимы и антропонимы, сохранившиеся в памяти бывшего диалектоносителя, представляют особый интерес не только с точки зрения истории, культуры и быта села, но и с точки зрения изучения языкового сознания личности.

В языковой личности бывшего сельского жителя отчётливо выделяются три уровня: вербально-се-

мантический, ответственный за владение языком (нулевой); когнитивный, включающий концептуальную систему индивида (первый); мотивационно-прагматический, включающий информацию о внутренних установках, целях и мотивах личности (второй) [12]. Когнитивный и мотивационный уровни языковой личности, проявляясь в употреблении информантом региональных онимов, характеризуют бывшего сельского жителя как индивида, имеющего свою картину мира, обладающего способностью её осмыслить и дать оценку.

Примечания

1. См.: Климкова, А. А. Онимическое пространство одного села: объем, состояние, тенденции развития [Текст] / А. А. Климкова, Т. Е. Зинина // Материалы для изучения селений России: доклады и сообщения 6-й науч.-практ. конф. «Российская деревня: история и современность»: в 2 ч. Ч. 2: Язык русской деревни: Говоры. Лингвофольклористика. Ономастика. М., 1997. С. 72–78.

2. См.: Тюрина, Г. Н. Уличная фамилия как компонент именования сельского жителя (на материале говоров юга Нижегородской области) [Текст] / Г. Н. Тюрина // Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конф. (Орел, ноябрь 2001). М., 2001. С. 258.

3. Блевцак, Т. Б. Прозвищные онимы Шпаковского района Ставропольского края: функционирование и семантика [Текст] / Т. Б. Блевцак // Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конф. (Орел, ноябрь 2001). М., 2001. С. 252.

4. Ср.: Там же.

5. Ср.: Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал [Текст] / В. И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2000. С. 8.

6. Сироткина, Т. А. К вопросу о стилистической окраске антропонимов [Текст] / Т. А. Сироткина // Ономастика Поволжья: тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград, 1998. С. 92.

7. Климкова, А. А. Диалектолого-онимическая работа в вузе и в школе [Текст]: метод. рек. / А. А. Климкова. Арзамас, 1987. С. 25.

8. Ср.: Климкова, А. А. Региональная ономастика (микротопонимия Арзамасского района Горьковской области) [Текст] / А. А. Климкова. Горький, 1985. С. 35–36.

9. См.: Камерилова, Г. С. Отечество моё Нижегородское: Книга для чтения [Текст] / Г. С. Камерилова. Н. Новгород, 1997. С. 275.

10. См.: Климкова, А. А. Диалектолого-онимическая работа... С. 25.

11. Ср.: Климкова, А. А. Региональная ономастика... С. 66.

12. См.: Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. М., 1987. С. 38.

А. А. Деникин

ИММЕРСИВНЫЕ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В ВИДЕОИНСТАЛЛЯЦИЯХ И ВИДЕОЭНВАЙРОНМЕНТАХ

Статья посвящена исследованию особенностей современных художественных практик в жанрах видеоинсталляция и видеоэнвайронмент. Ключевые слова: современное искусство, инсталляция, видеоинсталляция, видеоэнвайронмент, иммерсия, интерактивность, видеоарт, кинестетика.

This article is devoted to research contemporary art in genres video installation and video environment. Key words: contemporary art, installation, video installation, video environment, immersion, interaction, video art, kinesthetic.

В современном искусстве [1] инсталляционные формы являются одними из самых востребованных, самых часто используемых в работах художников во всём мире, что обусловило появление многих разновидностей инсталляций. Среди них можно отметить произведения, в которых в инсталляции включаются видеотехнологии и возможности видеотехники, образуя жанры **видеоинсталляция, видеоэнвайронмент и видео-скульптура**. Художественные работы, созданные в этих жанрах зарубежными художниками начиная с 1970-х гг. – чрезвычайно интересная область для исследования.

Сам термин «инсталляция» появляется только в XX в. Первыми инсталляциями принято считать авангардные работы Марселя Дюшана, ассамбляжи и конструкции европейских и русских художников-авангардистов. Термины «ассамбляж» и «энвайронмент» чаще всего употреблялись для определения работ, в которых художник отбирал всевозможные материалы, предметы, объекты в реальности и организовывал их вместе в едином пространстве работы. Художников интересовал сам дискурс «заимствования» объектов, окружающих жизнь человека, что позволяло создавать новые смыслы и новые значения.

В «Антологии российского видеоарта» авторы сборника дают следующее определение инсталляции: «Инсталляция – жанр современного искусства. Представляет собой композицию из объектов, причём не обязательно оригинальных, художественных самих по себе. Отличительной особенностью инсталляции является то, что её функционирование обусловлено важной ролью пространства в организации её структуры, а также взаимодействием с внешним контекстом и зрителем. В отличие от скульптуры или любого другого художественного объекта, восприятие

инсталляции строится при помощи динамического взаимодействия, вплоть до непосредственного (физического) контакта со стороны зрителя» [2].

Видеоинсталляция образуется благодаря соединению характерных черт инсталляций и возможностей видеотехнологий. Видеоинсталляция расширяет границы зрительного образа, предлагаемого на экране. Изображение «освобождается» от экрана, сочетаясь с предметами, расположенными внутри инсталляции, заполняющими всё окружающее пространство. Место действия теперь располагается снаружи; то, что раньше показывал экран, теперь происходит вокруг зрителя. Видео таким образом способно преодолевать рамки экрана и продолжать действовать в реальном пространстве.

Так, например, в видеоинсталляции известного американского видеохудожника Б. Виолы «Slowly Turning Narrative» (1992) различные изображения проецируются на центральный экран, мерцают и переходят на стены затемнённой галереи, затем исчезая из поля зрения зрителя. Зеркало, расположенное перед экраном, отражает зрителя на фоне изображения, делая его частью мимолётных калейдоскопических изображений. Изображения искажаются, накладываются друг на друга, отражаются от стен и потолка комнаты. Зритель находится как в бреду из перемешанных смутных картин и звуков, окружающего его со всех сторон. Кроме того, он вынужден созерцать и собственный образ, отраженный в зеркальной поверхности экрана. Ритм звуков и образов из внешнего становится внутренним и превращается в навязчиво-изменчивый мир человека, поглощенного собой. Сознание завораживается миром карнавальная иллюзии, где лицо человека и его сознание являют собой лишь водоворот всевозможных фрагментов образов и изображений. По мнению исследователя О. Ньюмаера, в этой видеоработе Виола показывает «тот режим, в котором пространство может работать в видеоарте: это не экранное пространство телепередачи, но само пространство человеческого опыта» [3].

Часто конструктивные возможности инсталляции позволяют зрителю войти внутрь инсталляции, прикоснуться к деталям и составным частям работы. В этом смысле видеоинсталляция позволила объединить качества изобразительного и исполнительского искусства в рамках единого художественного пространства. Как отмечает в своей статье французский искусствовед Ф. Парфэй, «видеоинсталляции всегда перформативны» [4], притом что они изначально не подразумевают разделение на представляющего действие и смотрящего действие. Погружая зрителя / участника в мир загадочных изображе-

ний, странных предметов и конструкций, художник превращает его в исполнителя, перформера, ищущего в хаосе возможных значений логику, объясняющую смысл инсталляции. Здесь нетрудно заметить связь инсталляции с другими формами и направлениями искусства второй половины XX в., таких, как концептуальное искусство, перформанс, акционизм и пр.

Исторически первой формой видеоинсталляций стали видеоинсталляции с использованием технологии «замкнутый контур» (англ. “close-circuit”). В них зритель становился «актантом» работы, благодаря использованию особых технологий, например мгновенного воспроизведения видеосигнала, съёмки несколькими камерами, возможностями применения всевозможных эффектов («временных» задержек изображения) и других. Видеоинсталляции “closed-circuit” визуализировали «присутствие». Статичная видеокамера, без прямого участия художника, захватывала изображения зрителей и демонстрировала их на мониторах в реальном времени, позволяя отображать зрителя на мониторах, внедрять его изображение в работы художников, делая зрителей одновременно наблюдателями и участниками в «телевизионном» пространстве выставки.

Видеоинсталляция «Стирающий цикл» (1969), созданная кинорежиссёром Ирой Шнайдер и художником Франком Жиллеттом и показанная на выставке «ТВ как творческая среда» в США в 1969 г., – пример этого типа видеоинсталляций. Инсталляция состояла из 9 видеомониторов. Все возможные телевизионные изображения, а также кадры «живого» пространства самой галереи, поступающие с видеокамер, расположенных за мониторами, проецировались на экраны с интервалом в 6 и 16 секунд. Зритель, оказавшись рядом с этими приборами, попадал в необычное пространство, где одновременно существовали настоящее и прошлое, где нематериальное медиапространство обрело формы символического представления и физически воздействовало на ощущения зрителя.

Художники, создававшие инсталляции, касались самых важных аспектов психологического и физиологического освоения электронных пространств, демонстрируя возможности расширяющихся границ между реальным и виртуальным, а также новые возможности электронных реальностей, заново определяющих понятия пространства, времени и энергии.

Видеоинсталляции работали с трехмерным пространством и позволяли художникам работать с временными характеристиками настоящего, прошедшего и будущего.

Примером может служить известная видеоинсталляция американского художника Дэна Грэхэма «Present Continuons Past(s)» (1974), мно-

гократно демонстрировавшаяся в таких музеях, как Тэйт Модерн (Англия), Центр Жоржа Помпиду (Франция), Музей американского искусства Уитни (США). Инсталляция представляет собой комнату с зеркальными стенами и видеомонитором, встроенным в одну из стен. Отражения пространства комнаты многократно увеличиваются благодаря зеркальному эффекту. Скрытая видеокамера в реальном времени записывает и транслирует изображение зеркальной комнаты на видеомониторе. Видеоинсталляция «Present Continuons Past(s)» делает физически ощущаемым для зрителя момент перехода события из настоящего в прошлое. Зрители могут, например, хлопнуть в ладоши и видеть в одном и том же пространстве инсталляции реальное событие, его отражения и его изображения с задержкой.

Более тридцати лет видеохудожники в своих видеоинсталляциях исследуют время как психофизиологический феномен. В работах художников время замедлялось, ускорялось, останавливалось, разбивалось на множество потоков. Видеохудожники стремятся дать возможность зрителю физически почувствовать, пережить различные фазы, отрезки времени, на собственном опыте ощутить его свойства.

Ставшая уже классической и созданная в 1974 г. видеоинсталляция Нам Джун Пайка «TV BUDDA» актуализирует вопрос: каковы связи между реальностью, репрезентацией и созерцанием? Видеокамера снимает скульптуру Будды и в реальном времени показывает её на видеомониторе. Будда внимательно «смотрит» на собственное изображение на мониторе. Момент созерцания (настоящее) и момент репрезентации (прошлое) символически сходятся в едином опыте «восприятия», воплощаясь в безмолвную медитацию Будды. Вовлекая зрителя в своеобразную игру темпоральностей, Пайк заставляет его на своем опыте испытать нетождественность времени художественного и времени реального.

Философ и писатель Вильям Джеймс считал, что в сознании человека время представляется как множество сегментированных отрезков. Эти отрезки, по мнению философа, могут длиться всего несколько секунд, и лишь мышление способно объединять их в более крупные сегменты, составляя поток человеческой памяти. В видеоинсталляции «Decay Time» (1974) американский видеохудожник Билл Виола развивает эту мысль В. Джеймса, заставляя зрителя на собственном опыте ощутить дробность человеческого времени-сознания и времени-памяти. Темное помещение, в котором представлена инсталляция, лишь изредка освещает луч прожектора. В те мгновения, в которые комната освещается прожектором, света хватает, чтобы установленная видеокамера могла захватить изображение стоящего

посередине комнаты зрителя. Зритель вдруг видит собственное отражение на проекционном экране на стене. Однако через несколько мгновений свет гаснет, и изображение на стене растворяется в темноте. «Изображение рождается, мерцает перед глазами зрителя и умирает во мраке, оставаясь лишь в памяти» [5], – комментирует художник свою работу.

Во всех приведённых примерах художники используют приём **иммерсии** [6] – погружения зрителя в особое смоделированное художником пространство, которое провоцирует зрителя на то, чтобы стать активным участником художественного процесса, самостоятельно, на собственном физическом опыте испытать и ментально реконструировать значения, заложенные автором видеоинсталляции.

Что особенно важно, видеоинсталляции позволили реализовать принципиально новое качество для искусства XX в. – **интерактивность** [7]. В отличие от исполнительских искусств, где художник привлекает своими действиями взгляд зрителя и завладевает его вниманием, в инсталляциях пространство и всё, что находится в нём, создано специально для того, чтобы посетитель самостоятельно исследовал его на собственном физическом опыте.

Так, например, в интерактивной работе «Tall Ships» (1992) американца Гэри Хилла, демонстрировавшейся с большим успехом на «Whitney Biennale» в 1993 г., зрители путешествуют по тёмному пространству инсталляции, «встречая» на своём пути лишь отдельные изображения людей, похожие на призраки, видения из снов. Цифровая компьютерная система построена таким образом, что изображение проецируется на экраны в произвольном порядке, как только зритель подходит к экрану. Здесь прием «обратной связи», ответ машины на действие зрителя заменяет собой визуальную репрезентацию. Эта работа не говорит изображениями, а «отвечает» ими на действия зрителя (передвижение по пространству инсталляции). Таким образом, Хилл создаёт видеоэнвайронмент, в котором демонстрирует природу современного отношения человека и мира, зрителя и изображения.

Понятие «критическая дистанция» [8], которое использует Крисси Илз – куратор Музея Уитни (США), подразумевает двойную позицию зрителя / участника видеоинсталляций. С одной стороны, он становится частью произведения, так как именно его изображения и действия становятся предметом отображения. С другой стороны, зритель не перестаёт осмысливать происходящее, выстраивать догадки, создавать интерпретации. Сохранение критической дистанции по отношению к произведению позволяет зрителю находиться между погружением (участием) в са-

мом произведении и одновременно созерцанием его, что делает возможным совмещение процесса переживания, испытания и анализа (понимания) смысла и содержания художественного произведения.

Особые возможности для видеоинсталляций появились в 1980-е гг., когда художникам стали доступны компьютерные технологии. Начиная с 1980-х гг. стали появляться инсталляции, представлявшие собой иммерсивные композиции, состоящие из больших кинематографических видеопроекций и видеомониторов, а также из разного рода материалов и предметов, собранных воедино в пространстве инсталляции. Подобные работы получили название **видеоэнвайронменты**. Задействуя нарративные и симуляционные техники, они продолжили стратегии поиска альтернативных состояний человеческого сознания, характерные для ранних видеоинсталляций, погружая зрителя внутрь произведения, «где зритель становится странником, путешествующим по новым мирам» [9].

Видеоэнвайронменты – это объединение многих пространств, объединение нескольких рассказов (Mary Lucier’s “Obio at Giverny”, 1983), в виде саги (Joan Jonas «Iceland Naples Express», 1985–1988), как сны (Rita Myers “The Allure of the Concentric”, 1985) и в виде аллюзий, одержимости, навязчивых идей (Ken Feingold “The Lost Son”, 1988), как взаимопроникновение публичного и частного пространств (Muntadas “The Board Room”, 1987) и даже слияние частного и общественного пространств (Dieter Froese “Eavesdrop”, 1989) или как своеобразный силлогизм, «обманка» (Francesc Torres “Belchite–South Bronx”, 1987–1988).

Обсуждая проблематику жанра видеоэнвайронмент и пытаюсь определить художественный статус этого жанра в истории искусства, американский искусствовед Т. Саттон пишет в своей статье: «Несмотря на то что они (видеоэнвайронменты) демонстрируются в физическом пространстве (галереи или музея) и задействуют технологии для презентации зрителю, видеоэнвайронменты более соотносимы с бытовым человеческим опытом, нежели традиционные художественные объекты (такие как картины, скульптуры и пр.)» [10]. В этом смысле вопрос о статусе видеоэнвайронментов как художественного явления может решаться только через рассмотрение всего комплекса интерпретаций мыслей и ощущений зрителя, а не посредством анализа объектов и технологий, применяющихся при создании этих работ.

Таким образом, видеоинсталляции и видеоэнвайронменты – это жанры, в которых, пожалуй, наиболее отчётливо обозначились процессы **кинетизации** [11] искусства. Тактильный (ка-

сание, движение, запах) и ментальный (спонтанные ассоциации, случайность, «выхватывание» из памяти смыслов) человеческий опыт становится востребован так же, как традиционные: зрительный и аудиальный. Художники ищут возможности для коммуникации, передачи разнообразной информации посредством кинестетики. Работы, созданные в жанре видеоинсталляции, материализуют, реализуют постмодернистские идеи о трансформации «текста как чтения» в «текст как письмо» [12]. Искусство выступает как физический опыт «действия», искусство как «письмо», создаваемое действиями и активностью сознания зрителя / участника (интерактивность), погружённого в пространство экранного и предметного окружения (иммерсия), созданного заранее художником.

Лучшие видеоэнвайронменты и видеоинсталляции позволяют отразить в пространстве галереи или музея современные процессы медиализации и техногенности нашей жизни, в которой технологии играют всё большее значение, оказывая своё воздействие и на способы восприятия современного искусства.

Примечания

1. Современное искусство (англ. *contemporary art*, иногда в качестве синонима используют определение актуальное искусство) – термин, которым в искусствознании и художественной критике принято обозначать искусство второй половины XX века. Определение из: Антология российского видеоарта. М.: МедиаАртЛаб, 2002. С. 198.

2. Антология российского видеоарта. С. 193.

3. Neumaier, O. Space, Time, Video, Viola [Text] / O. Neumaier // Art of Bill Viola / ed. by Ch. Townsend. 2004. P. 48.

4. Parfait, F. Collection New Media Installations [Text] / F. Parfait // Centre Pompidou. Ch. Van Assche (ed.). Paris: Adagp. 2006. P. 39.

5. Hall, D. Jo. Illuminating Video: An Essential Guide to Video Art [Text] / D. Hall, S. Fifer. New York (US): Aperture, Bay Area Video Coalition. 1990. P. 483.

6. Иммерсивность (от англ. *immersion*, погружение). Понятие «иммерсивность» пришло в современный русский язык из лексики компьютерных игр и виртуальных реальностей; им обозначается эффект «присутствия» – комплекс ощущений человека, находящегося в искусственно созданном трехмерном мире, в котором он может менять точку обзора, приближать и удалять объекты и т. п.

7. Н. Б. Маньковская определяет интерактивность (от англ. *interactivity* – взаимодействие) как «...неклассический тип взаимодействия реципиента с артефактом... Интерактивность заменяет мысленную интерпретацию художественного объекта реальным воздействием, материально трансформирующим его. Принцип обратной связи, режим реального времени, чувственный, поведенческий контакт с иллюзорной квазиреальностью формируют новый тип эстетического сознания. ...перезагружают реципиента с позиции интерпретатора на роль интерартиста, со-творца, реально влияющего на становление произведения; роли художника и публики смешиваются». Маньковская, Н. Б. Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века [Текст] / Н. Б. Маньковская; под ред. В. В. Бычкова. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003.

8. Iles, Cb. Signs and Interpretation: Time-based Installation in the Eighties [Text] / Chrissie Iles // Signs of the Times. Oxford: Museum of Modern Art. 1990. P. 19.

9. Morse, M. Video Installation Art: The Body, the Image, the Space in Between [Text] / M. Morse // Illuminating Video. NY: Aperture, Bay Area Video Coalition. 1990. P. 159.

10. Sutton, T. Immersive contemplation in Video Art Environments. Plymouth. Hass. 2005.

11. Термин «кинестетика» используется как собирательный для всех видов сенсорных переживаний, включая тактильные, висцеральные и эмоциональные (т. е. ощущения тела, тактильные ощущения и внутренние чувства, такие, как вспоминаемые впечатления и эмоции, движения, а также чувство равновесия).

12. Эта идея изложена Р. Бартом в его книге «S/Z». Барт, Р. S/Z. М.: РИК «Культура»: Ad Marginem, 1994.

Таксономия языковых единиц. Лексикография

Г. В. Федюнева

О ТАКСОНОМИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ ДЕЙКТИЧЕСКИХ СЛОВ

В статье в общетеоретическом плане рассматривается совокупность возможных принципов и правил описания класса местоимений как естественной языковой системы. В качестве таксономических рассматриваются лексико-грамматические, функционально-семантические и репрезентативные признаки дейктических слов, анализируется возможность их применения к языкам разных типов (коми и русскому).

The combination of principles and rules of the description of the class of pronouns as a natural language system is considered from general theoretical point of view. Lexical-grammatical, functional-semantic and representative characteristics of deictic words are considered as main taxonomic parameters, the possibility of their using to typologically different Komi and Russian languages is analyzed.

Дейктические слова, представленные в основном местоимениями, плохо поддаются таксономическим процедурам, хотя составляют наиболее структурированную часть лексического состава. Многообразие функций и та роль, которую играют местоимения в смысловой организации языка, создают серьёзные проблемы для их идентификации как иерархической системы, связанной внутренними отношениями включения одних разрядов в другие. В лингвистической литературе имеется множество таксономических гипотез, построенных на учете различных параметров дейктических слов, однако ни одна из них не дает классификации «без остатка»: всегда остается возможность различной трактовки того или иного разряда или даже отдельной формы.

Местоимения имеют сложную лексико-семантическую, морфолого-синтаксическую и структурно-словообразовательную природу. «Для большинства (или даже для всех) языков действителен закон о значительной роли дейктических элементов в формировании общей структуры языка», поэтому многие их характеристики могут быть отнесены к разряду универсальных [1]. Вместе с тем, как свидетельствуют рассмотренные далее коми и русские местоимения, немаловажную роль в формировании дейктических систем играет языковая типология, которая так или иначе находит отражение в таксономических моделях.

Традиционная классификация, опирающаяся на частеречную сегментацию класса местоимений, естественным образом вытекает из объективной природы дейктических слов, которые имеют глубинные, органические связи со сферой номинативной и модифицирующей лексики. Однако она не учитывает многих весьма существенных параметров местоимений, например, таких, как семантическая релятивность, омонимия, частеречная размытость, грамматический синкретизм [2] и т. д., которые проявляются в различного рода репрезентативных, анафорических, ситуативно-референциальных и других отношениях. Кроме того, при осуществлении процедуры таксономии по критерию частеречной соотносительности неизбежно встают два традиционно дискутируемых вопроса: каков статус местоимений в системе частей речи и с какими именно частями речи они соотносятся.

По первому вопросу взгляды исследователей сводятся к следующим положениям: 1) местоимения являются знаменательными словами, которые функционируют наравне с другими частями речи, хотя и имеют свою специфику; 2) местоимения не являются знаменательной частью речи, поскольку не имеют самостоятельного грамматического статуса, а выполняют вспомогательную функцию субституирования, репрезентации и текстообразования, сближаясь с группой служебных слов; 3) местоимения не имеют ни лексической, ни грамматической целостности, поэтому не являются частью речи, а скорее неким «полем местоименности», в которое кроме них включены служебные слова, различного рода прономинативы и т. д.

Относительно второго вопроса, касающегося первичной сегментации класса местоимений, мнения исследователей также существенно различаются. В самом общем виде их можно свести к следующим постулатам: 1) в группе местоимений по признаку «вместо имен» следует выделять таксоны, соотносимые с существительными, прилагательными, числительными; эта точка зрения представлена в общелингвистической и учебной литературе; 2) границы местоимения шире, нежели просто «замещение имен»: в языке любого типа имеются слова заместительно-указательной семантики, соотносимые как с именами, так и глаголами, наречиями, служебными словами; 3) собственным грамматическим статусом обладают только местоимения, имеющие предметные денотаты, остальные должны попол-

нить разряды номинативных и служебных слов. Первые два подхода противопоставляются третьему по тому, какой из признаков берется в качестве основного – семантика и функции (расширенное толкование) или грамматическое оформление (более узкое толкование).

Многообразии полученных результатов уже на начальной стадии сегментации говорит о недостаточной релевантности постулируемого таксономического признака. Ясно, что роль местоимений в системе языка выходит далеко за рамки каких бы то ни было грамматических классификаций. Местоименная лексика выступает как относительно самостоятельная микросистема языка, которая, однако, не дублирует «главную» систему частей речи по принципу указания и замещения [3], а в значительной мере формирует языковую структуру в целом. «Система местоимений, характеризуемая четкостью и глубиной своего строения, по своей природе самодостаточна, она обращена, в то же время, ко всем другим классам слов и с ними сложно взаимодействует. По уровню абстракции эта система стоит над всеми другими классами слов: она осмысляет их устройство и их взаимные связи» [4]. Следовательно, местоимения выступают в качестве общих смысловых категорий, которые пронизывают множество языковых единиц, систематизируя и актуализируя в речи многообразные возможности их выражения. Они специально предназначены для передачи наиболее общих «установочных» категорий языка и мышления: субъект, действие, состояние, предмет, признак, принадлежность, способ действия, количество, мера, место, время, цель, причина и др. Их назначение – управлять более конкретными смысловыми категориями, которые, в свою очередь, могут сегментировать «подведомственное» им смысловое пространство на еще более конкретные сферы. В конечном счете, местоименные слова управляют всеми разрядами полнозначных и служебных слов, группируют их в разряды по категориальному значению (предметы, лица, действия, состояния, свойства и т. д.), функциональным признакам и грамматическому оформлению. Эта семантическая инкорпорированность смысловых категорий языка, выражающаяся через систему местоимений, наиболее полно и последовательно изложена в работах Н. Ю. Шведовой и А. С. Белоусовой [5].

Понимание местоимения как надчастеречной смыслоорганизующей категории позволяет последовательно соотнести классы дейктических и номинативных слов по их грамматическому оформлению. В зависимости от того, с какими «синтаксическими частями речи» соотносятся местоимения, выделяются субстантивные (напр., *кто, что, он, тот, та, все, кто-то* и т. д.), детер-

минирующие субъект предикации, выраженный существительными, субстантивированными прилагательными, причастиями, числительными и т. д.; адъективные (*какой, такой* и т. д.), детерминирующие атрибутивные отношения, выражаемые прилагательными, причастиями, порядковыми числительными и т. д.; квантитативные (*сколько, столько* и т. д.), управляющие числительными и другими квантитативами; адвербиальные (*как, так, когда, где* и т. д.), детерминирующие обстоятельственные отношения, находящие морфологизованное выражение в наречиях, депричастиях, падежных формах имен и других обстоятельственных конструкциях; вербальные (*что делать / сделать*), управляющие финитными и инфинитными формами глагола. Такая таксономическая схема является, по-видимому, универсальной, поскольку вытекает из универсального свойства местоимений отражать глобальные смыслы языка и мышления.

Выделенные по этому признаку группы местоимений в коми и русском языках вполне сопоставимы. Кроме традиционных субстантивных (*ме «я», тэ «ты», ті «вы», коді «кто», мый «что», кодкӧ «кто-то», сійӧ «тот»* и др.), адъективных (*хутшӧм «какой», татшӧм «такой», быдсяма «всякий»* и др.), квантитативных (*мыйта «сколько», сымда «столько»* и др.) местоимений, в коми и русском языках последовательно выделяется группа адвербиальных местоимений, substituирующих различного рода обстоятельства предикации, вроде *кыдз «как», сідз «так», кор «когда», кытчӧ «куда», татчӧ «сюда», тані «здесь»* и т. д. Дискуссионным для обоих языков является вопрос о логико-грамматических связях местоимения с глаголом. Известно, что во многих языках имеются специальные слова, так называемые «местоглаголия», которые соотносятся со всем классом лексически полнозначных глаголов, напр., в болгарском: *Купи ли сахар?* – *Не съм* «Купил ли ты сахар? – Нет, букв. не емь». В русском языке собственно «местоглаголие» отсутствует, однако в качестве такового может быть рассмотрен глагол *делать*, который, особенно в сочетании с местоимением *что*, выступает как заместитель знаменательного глагола, ср. *Не делай этого! Сделаем так!* и др. Аналогично коми глаголы *вӧчны* и *керны* «делать» могут быть включены в систему местоименного дейксиса, поскольку они в сочетании с местоимением *мый «что»* выступают как аккумуляторы и систематизаторы множества конкретно-процессуальных значений и формируют парадигму словоизменения «полноценных» глаголов, напр.: *мый вӧчны: узьны, лыддъысьны, нюмъявны «что делать: спать, читать, улыбаться и т. д.»; мый вӧча: узя, лыддъыся, нюмъяла «что делаю: сплю, читаю, улыбаюсь и т. д.»; мый вӧчи: узи, лыддъыси,*

нюмъялі и т. д. «что делал: спал, читал, улыбался» и т. д. О склонности глагола *керны* к местоименному использованию говорит наличие в коми языке специальной частицы *мыйкӧкерны*, заменяющей в речи ускользнувший из памяти глагол или заполняющей паузу в речи (*мыйкӧ «что-то», керны «делать»*). В разговорном русском языке также зарегистрировано использование предикативов-местоимений, выступающих в качестве глагольных субститутов, напр., в таких предложениях: *А мы его сейчас того* («что-то сделаем»)..., *Он немного не того...* и даже с использованием глагольных префиксов, вроде *Ты уже растого печку?* [6]. Следовательно, вопрос о соотносительности разряда местоимений с классом глаголов может быть рассмотрен более широко – в плане выделения не «местоимений», а «местопредикативов». Интересно отметить также, что в русском языке довольно четко прослеживается разряд местоименных слов, соотносимых с категорией состояния: *Тебе хорошо? – Ничего. Так себе. А мне как? Чувствую себя никак! Все тебе не так! Не тут-то было! Погода – хуже некуда. Погода сегодня – самое то!* и т. д., которому нет соответствия в коми языке. Очевидно, это объясняется тем, что в последней категория стативов еще не сложились, в этой функции обычно выступают «полноценные» прилагательные и наречия.

Специфическая роль местоимений в организации смысловой структуры языка проявляется и в том, что они непосредственно формируют разряды служебных слов. Практически полный частеречный синкретизм в этой области, характерный для многих языков, объясняется универсальным свойством местоимений отражать не только глобальные языковые смыслы, но и различного рода связи и отношения. Как коми, так и русский языки не являются в этом смысле исключением, в них местоимения также непосредственно используются в функции союзов, частиц, модальных слов: *кыдз, кыдзи «как», мыйӧн «чем», мый «что», сидзи «так», кор «когда», мыйла «почему», сы вӧсна мый «потому что», кодӧ «который», кодлӧн «у которого», кутшӧм «какой», со тадз «вот так», кыдз абу яндзим? «как не стыдно?», кутшӧм бур «какой хороший!», тэ мый? «ты что?»* и т. д.

Понимание местоимений как структурированной системы языковых смыслов позволяет более объемно взглянуть на многослойность и разнородность их семантики. Наиболее последовательно идентифицируются собственно лексические (или лексико-грамматические) значения, которые не зависят от контекста и выступают как элементы семантической системы языка. К таковым, напр., относятся значения одушевленности-неодушевленности, личности-неличности, известности-неизвестности,

определенности-неопределенности и т. д., выражающиеся также собственно лексическими значениями неместоименных слов. Классификация по семантическим значениям носит достаточно последовательный и объективный характер, поскольку опирается на когнитивные свойства языка. Она как бы накладывается на сегментацию по частеречному признаку, что особенно последовательно проявляется в сфере неличных местоимений, которые в коми и русском языках, в целом, совпадают. К ним относятся: указательные *тайӧ «этот», сійӧ «тот», татшӧм «такой», сэтшӧм «этакий», тадз «так», сэні «там», тані «здесь», сэки «тогда», тамында «столько»* и др., вопросительные *кодӧ «кто», мый «что», кутшӧм «какой», кыдзи «как», кӧні «где», кор «когда», мыйта «сколько»* и др., отрицательные *некод «никто», нинӧм «ничто», некутшӧм «никакой», некыдз «никак»* и т. д., неопределенные *кодкӧ «кто-то», кутшӧмкӧ «какой-то», кӧнкӧ «где-то», кӧнсюрӧ «кое-где»* и т. д. Разряды неличных местоимений тесно смыкаются со сферой номинативной лексики благодаря наличию в их семантике общих смысловых компонентов, напр., семы одушевленности (*кто, кто-то, человек, сын* и т. д.), неодушевленности (*что, дерево, круг* и т. д.), пространственной и временной ориентации (*там, здесь, далеко, везде, когда-то, в прошлом* и т. д.) и др. Это определяет их грамматическую (собственно частеречную) близость, а также дает широкие возможности для лексикализации местоимений и прономинальной деривации, напр., в коми языке: *татчӧс «тутошний, местный», рус. никудышний «никуда не годный, плохой», ничья «исход игры, при котором никто не выигрывает», никчӧмный «ни для чего не нужный, плохой, бесполезный»* и т. д.

Группа личных местоимений относится к знакам особого типа, которые не имеют выраженной заместительной функции. Они относятся к сфере так называемого ролевого дейксиса, поскольку содержат отсылку к непосредственным участникам речевой ситуации. Однако значение личных местоимений «заключается не только в указании на роль в акте речи, но прежде всего в представлении говорящего или слушающего как индивида, взятого в его единственности» [7].

При сравнении коми и русского языков можно констатировать значительное несовпадение границ личного дейксиса. Прежде всего, если местоимение 3-го лица в русском языке является собственноличным, то в коми – прежде всего указательным (*сійӧ «тот, та, то; он, она, оно»*). Далее, если личные местоимения в русском языке представлены только собственно-личными местоимениями, то в поле личного дейксиса коми языка, кроме собственно-личных *ме, тэ, сійӧ, ми, ті, найӧ*, функционально и семантически

совпадающих с русскими *я, ты, он / она, мы, вы, они*, выделяются личные местоимения, образованные с помощью лично-притяжательных суффиксов и различающиеся различного рода коннотациями. Это: 1) усилительно-личные *ачым* «я сам», *ачыд* «ты сам», *ачыс* «он / она сам(а)», *асъным* «мы сами», *асъныд* «вы сами», *асъныс* «они сами», 2) счетно-личные *отнам* «я один», *отнад* «ты один», *отнас* «он / она один / одна», *отнаным* «мы одни», *отнаныд* «вы одни», *отнаныс* «они одни», 3) обобщенно-личные *ставнам* «я весь», *ставнад* «ты весь», *ставнас* «он / она весь / вся»; *ставным* «мы все», *ставныд* «вы все», *ставныс* «они все», 4) вопросительно-личные *кодным / коднаным* «кто из нас двоих», *кодныд / коднаныд* «кто из вас двоих», *кодныс / коднаныс* «кто из них двоих», 5) отрицательно-личные *некодным / некоднаным* «никто из нас двоих», *некодныд / некоднаныд* «никто из вас двоих», *некодныс / некоднаныс* «никто из них двоих» местоимения. Кроме того, иногда выделяется группа так называемых послеложно-личных местоимений, образованных путем присоединения лично-притяжательных суффиксов к основам послелогов, напр., *вылам* «на мне», *вылад* «на тебе», *свърам* «со мной» и т. д. Однако, на наш взгляд, эти образования не являются местоимениями, тем более личными, поскольку не имеют прямых референциальных связей с участниками коммуникативного события. Здесь следует говорить об эллипсисе послеложных конструкций, вроде *ме вылам* «на мне», *тэ вылад* «на тебе» и т. д., но не о наличии специфического разряда личных местоимений.

Семантические особенности класса местоименных слов объясняются не отсутствием у них лексического значения или его изменчивостью, а тем, что «местоимения задают тот или иной способ (уровень) представления (характеризации) актана ситуации, но не содержат в себе информации, соответствующей этому уровню представления. Вместо этого они либо отсылают к тому элементу контекста или ситуации, который может восполнить недостающие сведения, либо указывают на несущественность этих сведений или отсутствие их у говорящего» [8].

Наполнение дейктических слов денотативным содержанием происходит в условиях текста или высказывания, однако эта информация уже не относится к собственному местоименному значению. Она изменчива, непостоянна, подвержена различного рода флуктуациям, коннотативным изменениям и т. д., что в значительной степени зависит от субъективных установок говорящего. В условиях конкретного речевого события грань между референцией и собственно номинацией часто стирается, поскольку денотат (референт) и не нуждается в специальной номинации. В структуре текста местоимения, вклю-

ченные в систему анафорических отношений, также приобретают «разовое» значение, субституируя конкретно-лексические значения, которых нет в их собственной семантике. Поэтому в контексте или высказывании различные смысловые разряды местоимений теряют свою определенность и могут диффузно смыкаться, единицы одного разряда выступать в роли других. Это характерно как для коми, так и для русского языков, где, напр., личные местоимения могут выступать в роли указательных (*Кто виноват? – Ты.*), указательные – в роли личных (*Эг тэныд висътав, а эсылы* «Не тебе сказал, а ему», букв. тому), вопросительные – в роли отрицательных: напр.: *Кутшым сийö туялысь?! Да какой он ученый!* (т. е. никакой) и указательных: *Кыдзи колö тайöс вöчны?* «Как надо это сделать?» (вопросительное) и *Ме петкöдла, кыдзи колс тайöс вöчны* «Я покажу, как надо это сделать» (указательное), неопределенные – в роли вопросительных: *Как-то все обернется? Кто-то теперь будет министром?*, определенно-указательных, напр.: *Какой-то сопляк будет меня учить?* и др.

Таксономия контекстуальных и референциальных значений представляется весьма проблематичной, поскольку учесть весь спектр местоименных значений в потоке речи вряд ли возможно. На уровне текста семантика дейктических слов скорее может быть представлена как поле, нежели структурированная иерархия языковых значений.

Примечания

1. Майтинская, К. Е. Местоимения и универсалии [Текст] / К. Е. Майтинская // Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 103; Майтинская, К. Е. Местоимения в языках разных систем [Текст] / К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1969. С. 25–38.

2. Ср., напр., «Синкретизм проявляется в регулярном совмещении некоторыми местоимениями признаков прилагательных и существительных в одной и той же синтаксической позиции. Относительные местоимения *который* и *какой*, как известно, подобно прилагательным обладают словоизменительными и согласовательными категориями рода и числа, но категория падежа у них не имеет согласовательного характера, формы косвенных падежей этих местоимений зависят от глагола в придаточном. Синтаксические функции их – типичные функции существительных». Ермакова, О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика [Текст] / О. П. Ермакова. М., 1989. С. 148.

3. «Таким образом, как нам представляется, трактовка местоимений как слов-заместителей принадлежит теперь только истории лингвистических учений». Селиверстова, О. Н. Местоимения в языке и речи [Текст] / О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1988. С. 28.

4. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл [Текст] / Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1998. С. 8.

5. Шведова, Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий [Текст] / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. 122 с.; Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл; и др.

6. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание [Текст] / Ю. С. Маслов. М., 1975. С. 218.

7. Селиверстова, О. Н. Указ. соч. С. 32.

8. Там же. С. 32.

И. А. Сергеева

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА

В статье речь идет о способах представления значения слова, об углублении этнографической характеристики, об оптимальных способах включения экстралингвистической информации в словарную статью диалектного словаря.

The article deals with the methods of presentation of a word value, deepening of ethnographic description and optimum methods of including of extralinguistic information into the word article of dialectal dictionary.

В 1966 г. в Приамурье была осуществлена первая диалектологическая экспедиция. С этого времени началось изучение местной лексики. За 15 лет был накоплен значительный диалектный материал, оформленный в «Словарь русских говоров Приамурья» (далее – СРГП-1), изданный в 1983 г. [1].

Составители СРГП-1 особое внимание уделяли отражению в Словаре особенностей быта, народного миропонимания русских старожилов Приамурья. Дефиниции многих слов содержат детальные энциклопедические описания. Некоторые словарные статьи сопровождаются рисунками, на которых изображены предметы быта, одежды, обувь, сельскохозяйственные орудия, рыболовные и охотничьи принадлежности, виды построек и т. д.

Несмотря на достоинства СРГП-1, возникла необходимость в переиздании, что связано не только с накопленным за последующие годы диалектным материалом, но и с необходимостью переосмысления структуры словарной статьи, способов описания диалектных слов, а также с необходимостью углубить этнографические характеристики, определить способы включения в словарную статью экстралингвистической информации.

Второе издание Словаря было осуществлено в 2007 г. [2] (далее – СРГП-2). В нем значительно увеличен объем словника, углубился этнокуль-

турный аспект оценки лексики. Часть словарных статей пополнена примерами употребления диалектных лексем, особенно в случаях, если в СРГП-1 их недостаточно. Уточнены отдельные значения лексем и границы их распространения. Расширилась территория изучения речи русских жителей Приамурья.

Несмотря на то что в Словарь внесены существенные изменения, составители сохранили лексикографические установки первого издания Словаря. Принципиальные отличия касаются только подачи фонематических и акцентологических вариантов слова (они в СРГП-2 даются в одной словарной статье), дополнены экспрессивные характеристики слов.

В связи с этим работа над путями подачи в Словаре диалектной лексики, которая является прежде всего этнографической, продолжается.

Полагаем, что при создании Словаря необходимо стремиться через слово более полно отразить жизнь крестьян на Амуре (XIX–XX вв.).

Лексикографическая оценка этнографической лексики затруднена, так как большая ее часть является устаревшей, современному читателю многие предметы быта и реалии прежней жизни неизвестны. Это требует более развернутой семантической характеристики слов. Отмечается необходимость сближения филологического и энциклопедического принципов объяснения слов. Так, Ф. П. Сороколетов говорит о том, что энциклопедизм в региональных словарях неизбежен, что толкование неизбежно переходит от определения значений слова к раскрытию идей, понятий, к описанию предметов и явлений [3].

Размышления о путях подачи устаревшей, этнографической лексики находим в работах К. И. Демидовой. Она пишет о необходимости разработки набора дифференциальных признаков для каждой тематической группы [4]. Ее мысль находит подтверждение и в более поздних работах лингвистов. Так, А. Н. Ростова пишет о том, что толкование однопорядковых лексических единиц (сходных концептов) осуществляется в пределах стандартных моделей семантизирующих процедур [5].

Таким образом, в Словаре с целью воссоздания более полно народной картины мира необходимо выделить существенные дифференциальные признаки, по возможности увеличив их число. Объектом анализа в настоящей статье избрана этнографическая лексика тематической группы «одежда» (проанализировано 147 единиц СРГП-2).

При подготовке Словаря (и в первом, и во втором издании) стремление к отражению более полно народной картины мира выразилось в родовидовой организации дефиниции, в системе отсылок. Однако неточности сохраняются до сих пор.

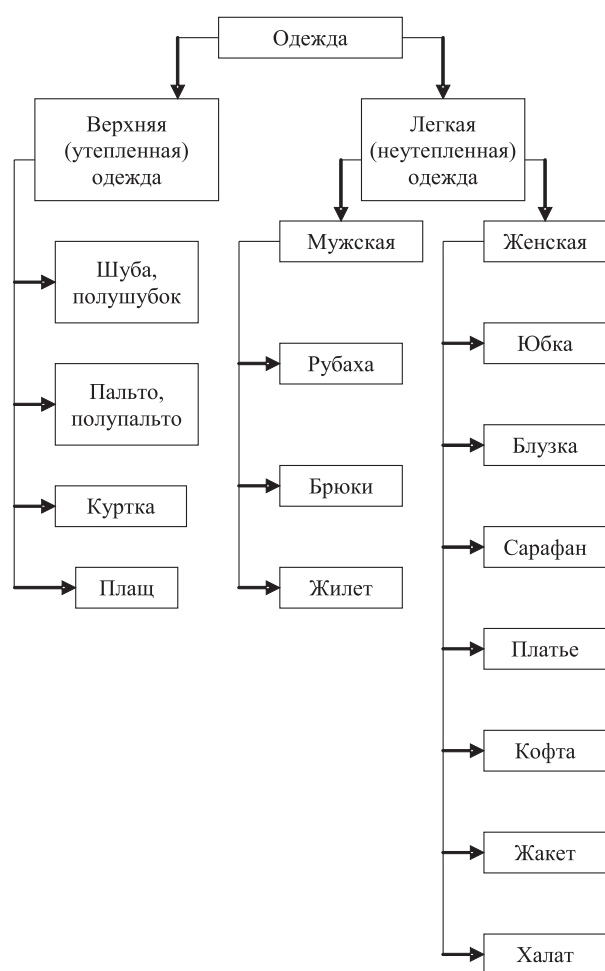
Вся лексика внутри тематической группы «одежда» условно разделена на четыре подгруппы:

«верхняя (утепленная) одежда», объединяющая еще несколько подгрупп – «куртка», «шуба», «пальто», «плащ»;

«легкая (неутепленная) одежда», которая в свою очередь делится на легкую мужскую одежду и легкую женскую (к мужской одежде относятся «рубашка», «брюки» и «жилет», к женской – «юбка», «платье», «блузка», «сарафан», «халат», «жакет», «платье» и «кофта»);

«головные уборы» и «носки», «чулки» (в связи с большим количеством слов две последние подгруппы для анализа не взяты).

Соотношение между элементами подгруппы представлено на приведенной схеме.

Предлагаемое объединение слов достаточно условно, так как результат каждой классификации зависит от того, что положено в её основу. Если говорить о диалектной системе, то это может быть либо литературный язык (общерусские слова), либо диалектный.

Важно помнить, что словарь составляет образованный человек, в полной мере владеющий

системой литературного языка. Предметом же описания служит несколько другая, диалектная система, овладеть которой лексикограф обычно начинает только в процессе работы, так как она не является для него родной. Изучение осуществляется на материалах записей речи старожилы – носителей диалектов, в речи которых в большей степени сохраняются диалектные черты. Это становится особенно актуальным в современное время, когда широкое распространение имеют телевидение, радио, т. е. под влиянием литературного языка современные носители диалекта, как правило, становятся билингвами, и это отражается в том, как они толкуют значения слов.

В научном мире вопрос осмысления значения слова говорящим (или стратегия толкования значения) активно обсуждается. Для исследователей имеет значение то, как представляют в первую очередь описываемый предмет сами диалектоносители.

В связи с этим встает вопрос о правомерности, например, говорить, что

гулами ‘пальто’ (Гулами до колен, красна шерсть. Козуля вылениват. Из её шили гулами. Котёры охотничали, все носили гулами. Лёгонький такой. Весной носили. Пуговки тоже своедёлъски. Рыба есть шшука, с её пуговки делали. Позвоночник такой большой, из них делали пуговицы. Воротника не было. Гулами носили только мужчины, только на охоту (Ин-ка Арх.)), азям ‘плащ’ (Азям накинешь, и тепло, дождь не страшен (Джл. Скв.)),

журочка ‘короткая легкая одежда’ (Раньше одевашки носили и журочки вязаные и шитые (Благовещ.)), так как в своей речи говорящие не употребили данного родового слова (здесь и далее примеры приведены из СРГП-2).

Для сравнения приведем такие определения, как

москвичка ‘мужское пальто’ (Москвички носили уже после войны – это мужское полупальто (Н. Буз. Своб.) Средка оденешь москвичку пофорсить (Свобод.)),

чукмень ‘легкое длинное пальто, сшитое из шерсти’ (Раньше чукмени носили. Ткали шерсть, а из шерсти шили чукмень. Он длинный и вроде лёгкого пальто (Н. Буз. Своб.)) или

тюник ‘юбка особого покроя // Нарядная юбка для детей’ (Тюник – коротенькая юбочка сверх кокетки по талии (Н.-Вскр. Шим.). Детей своих в тюники наряжали), где диалектоносителями употребляются родовые слова.

Общераспространенной практикой описания значения диалектных слов, у которых родовое обобщающее слово не употребляется диалектоносителем, остается использование общерусского слова, несущего в себе интегральный признак,

так как их отсутствие в речи носителя диалекта не подтверждает, что данное слово не распространено в языковой практике диалектного общества. Например, при толковании таких слов, как егá 'короткая шуба из шкур дикой козы мехом наружу', ергáч 'короткая шуба из шкур дикой козы мехом наружу', борчáтка 'овчинная шуба со сборками по талии' включено слово шуба – интегральный признак для всех этих слов. Далее идет набор дифференциальных признаков, необходимый для этой группы лексики.

На наш взгляд, учитывая то, что словарь создается носителем литературного языка и, как правило, предназначен для носителей литературного языка, классифицировать материал целесообразнее с использованием родовых общерусских слов. Что касается отражения языкового сознания носителей диалекта, то это будет учитываться при построении самой дефиниции.

В рамках выделенных тематических групп для определения набора дифференциальных признаков применяется метод компонентного анализа (или вертикально-горизонтальный анализ, согласно терминологии Ю. А. Найды [6]).

Названный метод заключается в научно обоснованном выборе гиперонима и последовательном его использовании при толковании всех связанных с ним гипонимов. Затем путем сравнения элементов того же иерархического уровня (расположенных по горизонтали) определяются (и указываются в толкованиях гипонимов) диагностические компоненты значения, которые дифференцируют один гипоним от другого [7]. Главный принцип, которым необходимо руководствоваться, состоит в том, чтобы выбирать для толкования ряда однородных гипонимов наиболее близкий к ним гипероним.

Придерживаться этого принципа, а также не допускать нарушения семантического членения позволяет приведенная схема. В связи с этим нами рассматриваются как избыточные такие дефиниции, в которых признаки, отраженные в родовом слове, повторяются при толковании значения слова.

Так, для многих слов тематической группы «одежда» в СРГП-2 характерно отсутствие дифференциального признака «назначение», так как, например, слова шуба, пальто, куртка несут в себе этот признак. Тем, кто работает со Словарем, назначение данных предметов известно – они нужны для того, чтобы носить в холодное время года. Если же есть дополнительная существенная информация, то она указывается. Например, данную вещь в основном носят охотники – егá, гулáми, кокалы́.

Такие слова, как рубашка, брюки, жилет, юбка, платье, кофта (см. схему) содержат в себе два дифференциальных признака – легкая (неутеп-

ленная) одежда и назначение предмета. В самой словарной статье в СРГП-2 в основном указывается, мужская это одежда или женская, а также определяется внешний вид (особенности кроя). Например, бáска 'женская блузка облегающей формы, с широким воланом от талии до линии бедер', казáчка 'женская кофта в талию с буфами на плечах и узким рукавом', размахáй 'женское платье свободного покроя', бантóвка 'мужская рубаша с бантовыми складками на спине и спереди'. Называть материал не всегда имеет смысл, так как ткань может быть различной. Главное для данной лексики – описать фасон. В особых же случаях материал называется: чинбáры 'холщовые брюки, которые подвязывались шнурком', сайн 'сарафан из домотканого полотна', станови́на 'нижняя женская домотканая сорочка'.

Исследования показывают, что опыты разложения слов конкретной лексики на семантические компоненты приводят к неодинаковым результатам, ибо одна часть «конкретной» лексики более «системна», а другая – менее.

В рассматриваемой тематической группе «одежда» отмечено шесть дифференциальных признаков, выраженных в семах – 1) верхняя (утепленная) / легкая (неутепленная), 2) мужская / женская, 3) материал, из которого сделана одежда, 4) внешний вид (особенности кроя), 5) способ изготовления, 6) назначение.

Заметим, что дифференциальный признак «способ изготовления» практически не отражен в дефинициях, в то время как он имеет существенное значение. Это связано с тем, что условия жизни, в которых оказались казаки на Амуре, были сложными, поэтому многое делалось своими руками, в том числе одежда, обувь и т. п. Даже современные воспоминания старожилы бывших казачьих станиц содержат немало фактов о кустарном производстве.

Несмотря на это лексика тематической микрогруппы «легкая (неутепленная) одежда» имеет в СРГП-1 и СРГП-2, на наш взгляд, более полную словарную характеристику, так как некоторые важные дифференциальные признаки отражены в родовом обобщающем слове и их повторение приведет только к избыточности в толковании значения.

В тематической микрогруппе «верхняя (утепленная) одежда» не было обнаружено ни одного примера, где бы был представлен полный набор названных ранее дифференциальных признаков. В некоторых случаях их можно восстановить из контекста употребления, а также из дополнительных источников этнографического характера.

Дифференциальные признаки в большинстве случаев выделяются из иллюстративного материала Словаря. Считаем, что слово должно получать полную характеристику уже непосред-

ственно при толковании. Иллюстративный же материал лишь в незначительной степени пополняет общее значение. Основное его назначение – показать, как функционирует слово в народной речи, дать почувствовать ее оригинальность.

Например, козляк в СРГП-1 представлен как ‘шуба из шкур дикой козы’. Контекст употребления (*Козляки шили из козьих шкур, шерсть наружу* (Джл. Скв.). *Козляк короткий такой, а дохи длинные, у козляка ворот небольшой, а у дохи целая козлинка* (Пуз. Окт.). *Козляк до колен, как сейчас шуба* (Рад. Облuch.)) позволяет выделить следующие признаки: ‘шерстью наружу’, ‘до колен’, ‘с небольшим воротником’. Они являются существенными, так как были еще козлячки ‘мехом наверх и внутрь’. Последние два признака относятся к «особенностям внешнего вида». В противоположность им были и другие по крою и внешнему виду шубы. Например, борчатка ‘овчинная шуба со сборками по талии’. Более свободной и объемной также была егá ‘шуба из собачьей шкуры мехом наверх’. Выделенные признаки совпали с теми признаками, которые указаны в толковании слова ергáч в первом значении ‘шуба из шкур дикой козы мехом наружу’. Эта неточность была устранена в СРГП-2, где слово имеет отсылку: козляк ‘то же, что ергáч в 1-м знач.’

На наш взгляд, практически все подгруппы содержат слова, которые сложно по представленным признакам отличить от других слов этой же подгруппы, обратившись к словарным статьям таких слов, сложно понять особенность описываемого предмета. Как правило, в них не всегда подается такой существенный дифференциальный признак, как внешний вид (особенности кроя). Например, москвичка ‘мужское пальто’, плюшка ‘женское полупальто, сшитое из плюша’, шущпáн ‘1. Женский полушубок’. Чем отличаются, например, дождевик ‘плащ’ и кáвнерь ‘одежда от дождя типа плаща’?

Определение слова гудáми, казалось бы, имеет полный набор дифференциальных признаков – ‘мужское пальто особого покроя из шкур дикой козы, которое обычно носили охотники’. Однако такое понятие, как ‘особого покроя’, необходимо уточнить: ‘до колен’, ‘без воротника’. Нужно также добавить, что пальто было ‘весеннее’, из шерсти ‘вылинявшей’ козы.

Требует существенного дополнения определение слова полупóльтик. В данном случае используется литературный эквивалент – полупальто, имеющийся в словаре Ожегова и Шведовой [8] следующее определение: ‘короткое пальто, не доходящее до колен’. Полупóльтик действительно был коротким, однако были и некоторые другие особенности: ‘расклешенное’, ‘с одной пуговицей наверху’.

В слове теплúшка ‘стеганое полупальто’ контекст употребления подчеркивает необходимость добавить, что пальто ‘мужское’ (*Верхнюю одежду теплушкой называли* (Алб. Скв.). *Теплушка как пальто, только короткое, зимнее. Теплушки эти стежéны, это кормушка, а у украинцев – гúнька* (Е.-Ник. Окт.). *Теплушки раньше носили суконные, хорошие* (Уш. Шим.). *У женщин-то кормушки были, а у мужиков – теплушки. Это то же самое* (Черн. Магд.). *Мы ходили в кормушках, а мужики в теплушках* (Уш. Шим.). *Кормушка стежéна и теплушка стежéна* (Е.-Ник. Окт.). *Мужики шили теплушки: она выстежена вся* (Бдж. Лен.). *Теплушка – это мужская одежда* (Папш. Облuch.)).

В словарную статью слова чукмéнь ‘легкое пальто, сшитое из шерсти’ следует добавить, что пальто ‘длинное’ (*Раньше чукмени носили. Ткали шерсть, а из шерсти шили чукмень. Он длинный и вроде легкого пальто* (Н.Буз. Своб.)); толкование слова егá ‘шуба из собачьей шкуры мехом наверх’ следует уточнить указанием на то, что это шуба ‘свободного покроя’ (*Охотники в еге ходили, настухи. В ней удобно, оденешь егу, тепло, и не промокает. Ега большая, как тулуп, шерсть наружу выворачивается* (Джл. Скв.)).

В толковании слова ергáч ‘шуба из шкур дикой козы мехом наружу’ в СРГП-1 не было отмечено, что это шуба ‘короткая’ и ‘носили её обычно охотники’ (*Ергач коротенький, а доха длинна, до полу. Ергачи из козлиных шкур шили, на охоту ходили в них* (Е.-Ник. Окт.). *Ергач из козы, только короткий, а доха до пят. Сносу им нет* (Уш. Шим.). *Козульки шкуры выделают и шьют ергач наврóде куфайки, но только длинне. Что ергач, что козляк – одинаково* (Рад. Облuch.). *Охотники все в орóгдах, в ергачах ходили* (Маар. Облuch.)). Во втором издании Словаря первый признак был введен в толкование.

Сведения этнографического характера необходимо извлекать не только из иллюстративного материала, но и из дополнительных источников историко-культурного плана, среди которых в первую очередь назовем «Словарную картотеку Г. С. Новикова-Даурского» [9].

Ценность картотеки краеведа-энтузиаста отмечают многие. В первую очередь составители СРГП-1 и СРГП-2 – А. В. Кирпикова, Ф. П. Иванова и Л. Ф. Путятинна. Так, А. В. Кирпикова отмечает, что это, пожалуй, единственный случай, когда значительный языковой материал является свидетельством речи амурцев первой трети XX в. [10].

Часть этого обширного словарного (диалектного) материала вошла в «Словарь русских говоров Приамурья». Например, помету *Нов.-Даур.* имеют следующие слова: курмúшка ‘стеганая кур-

тка', но́рка 'ноздря', о́бруть 'конская узда без удила', ободне́ть 'начаться дню', полка́ть (неодобр.) 'бегать без дела, проводить время попусту', ды-моку́р 'дымящий костер из коры, мха, опилок и т. п., разжигаемый для защиты от гнуса' и др.

При определении значения слова можно использовать и другие дополнительные этнографические источники. Например, в статье Н. В. Савиной «Предметы домашнего ремесла в Черняевском музее» [11] говорится о том, что в Черняевском филиале «История амурского казачества» хранятся коллекции мебели, утвари, орудий труда, предметов быта, которые создавались руками казаков, что позволит правильно представить предмет и дать верное ему описание.

Ценным источником этнографической информации является книга А. Н. Дорохиной «Албазинская станица». Её автор занимался местным краеведением более 30 лет. В книге А. Н. Дорохина пытается обобщить имеющиеся источники, дополнить их рассказами и воспоминаниями старожилов станицы. Например, из ее описаний узнаем, что козляк надевали поверх стеганого пальто при подготовке к охоте («Одевал легкую одежду, вниз стеганое пальто, а сверху козляк») [12].

Таким образом, для того чтобы наиболее полно представить жизнь крестьян на Амуре (XIX–XX вв.), увеличить информативную емкость Словаря, устранить имеющиеся неточности, лексикографам при составлении словарных статей важно провести тематическое членение лексики, отражающей материальную культуру крестьян. Для каждой группы с учетом социально-исторических особенностей на основе наибольшего количества противопоставлений определяется свой набор дифференциальных признаков. Нужно также помнить, что для предметной лексики не всегда достаточен определенный набор признаков. Своеобразие предметов и особенности номинации диктуют отступление от них. Дополнительные этнографические источники позволяют существенно дополнить, расширить информацию значения слов.

Примечания

1. Словарь русских говоров Приамурья [Текст] / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, А. Ф. Пуяткина, Н. П. Шенкевец. М.: Наука, 1983. 367 с.

2. Словарь русских говоров Приамурья [Текст] / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, А. Ф. Пуяткина, Н. П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.

3. Сороколетов, Ф. П. Семантическая структура слова в диалектных словарях [Текст] / Ф. П. Сороколетов // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. С. 182.

4. Демидова, К. И. Системные отношения на лексико-семантическом уровне в диалектной форме национального языка [Текст] / К. И. Демидова // Системные отношения в лексике и фразеологии (русский язык). М., 1982. С. 7–8.

5. Ростова, А. Н. Стратегия толкования значений слов говорящими: обусловленность языковыми факторами и когнитивными способностями [Текст] / А. Н. Ростова // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 189.

6. Найда, Ю. А. Процедура анализа компонентной структуры референционного значения [Текст] / Ю. А. Найда // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 61.

7. Бережан, С. Г. Отражение семантических системных связей лексических единиц в одноязычном (толково) словаре [Текст] / С. Г. Бережан // Словарные категории. М.: Наука, 1988. С. 9.

8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

9. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского [Текст] / сост. Л. В. Кирпикова, В. В. Пирко, И. А. Стринадко; вступ. ст. и ред. Л. В. Кирпикова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 199 с.

10. Кирпикова, Л. В. Мир предметов и оценок в речи амерцев начала XX в. (по материалам картотеки Г. С. Новикова-Даурского) [Текст] / Л. В. Кирпикова // Музеи – центры координации краеведческой работы. Благовещенск, 2001. С. 182–185.

11. Савина, Н. В. Предметы домашнего ремесла в Черняевском музее [Текст] / Н. В. Савина // Амурский краевед (информационный вестник). 2002. № 1 (19). С. 55–61.

12. Дорохина, А. Н. Албазинская станица. (К 350-летию русского Албазина. Факты, события, воспоминания) [Текст] / А. Н. Дорохина. Благовещенск, 2000. 90 с.

А. Ш. Юсупова

РОЛЬ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, ТАТАРСКО-РУССКИХ И РУССКО-ТАТАРСКИХ СЛОВАРЕЙ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ XIX в.

Анализ двуязычных словарей XIX в. проводится в контексте исторической жизни татарского народа. В статье выявляются объективные факторы, определившие лексический состав, структуру словарей, пути и способы семантизации лексики.

Развитие лексикографии как науки в XIX в. в России, издание словарей русских и иностранных слов считается главной причиной создания татарско-русских и русско-татарских словарей. В то время было составлено более 140 двуязычных словарей.

Объективными факторами создания татарско-русских и русско-татарских словарей являются политика, экономика и образ жизни людей того периода.

Analysis of bilingual dictionaries of XIX century is given according to historical life of Tatar nation. Objective factors which defined lexical structure of the dictionary, ways of semantic development of the vocabulary are represented in the article.

The development of lexicography as a science in XIX century in Russia, publishing dictionaries of Russian and foreign words can be considered as a main

reason of making Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries. More than 140 dictionaries, which has Russian language in one part, were built at that time.

Objective factors which were mostly connected with politics, economics and people's way of living of that period promoted the creating Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries.

В XIX в. преподавание татарского языка как отдельного предмета в таких известных учебных заведениях, как Санкт-Петербургский, Харьковский университеты, профессиональные школы, духовная академия и гимназии было не роскошью, а жизненной необходимостью во внутренней и внешней восточной политике царского правительства. Это вызвало необходимость создания русско-татарских и татарско-русских словарей.

5 ноября 1804 г. был подписан Устав Казанского университета. В созданный на базе университета Казанский учебный округ вошли огромные территории России: Поволжье, Урал, Сибирь, Средняя Азия, южные регионы России. Университет стал центром общественно-политической и культурной жизни обширного края. Его влияние на просвещение нерусских народов края значительно и явственно прослеживается по следующим направлениям: а) постановка преподавания и научного изучения восточных языков; б) борьба за создание разветвленной сети низших и средних учебных заведений в округе; в) роль университета в проявлении общественно-политической активности татар и других нерусских народов и в их просвещении [1].

Татарский язык был введен и в учебную программу Казанского университета (в 1812 г.). Первым его начал преподавать Ибрагим Хальфин (с 1823 г. – адъюнкт восточной словесности Казанского университета). Он известен и как автор азбуки и грамматики, первой хрестоматии татарского языка. На созданной в Казанском университете кафедре турецко-татарского языка работали такие видные российские тюркологи, как Александр Казем-Бек, И. Н. Березин; мусульманскую каллиграфию преподавал М. Махмудов. Даже когда в результате создания единственного для всей России факультета Восточных языков в Петербургском университете (1854–1855) Восточный разряд 1-го отделения философского факультета Казанского университета прекратил свое существование, изучение татарского языка в Казанском университете продолжалось [2].

В XIX в. преподавание тюркских языков, в том числе татарского языка в гимназиях распространилось уже довольно широко. Эта тема подробно освещена в трудах А. Н. Кононова, посвященных изучению истории тюркологии в России. Татарский язык изучался в Тобольской, Томской, Оренбургской, Саратовской, Астраханской, Ставропольской, Симферопольской гимназиях. В Неплюевском военном училище в Орен-

бурге преподавались арабский, татарский и персидский языки. Занятие по татарскому языку вели Салихджан Кукляшев – автор «Татарской хрестоматии», Мартириан Иванов – автор хрестоматии и грамматики татарского языка, Мирсалих Бикчурин – автор практического руководства по изучению арабского, персидского и татарского языков. В 1866 г. Неплюевское училище преобразовалось в Оренбургскую военную гимназию, где татарский язык изучался до 1875 г. [3].

Кроме светских учебных заведений подготовки специалистов по восточным языкам, в том числе по татарскому языку, занимались также и такие духовные православные учебные заведения, как Казанская православная духовная академия и Казанская семинария. Первым преподавателем татарского языка в Казанской духовной академии был А. А. Троянский, автор татарской грамматики (1814) и татарско-русского словаря (1833–1835). В октябре 1846 г. турецко-татарскую кафедру возглавил Н. И. Ильминский. В качестве преподавателя естественных наук, турецкого и татарского языка он работал до 1858 г.

Значительное развитие лексикографии как науки в XIX в. в России, издание словарей русских и иностранных слов стали своеобразным фоном для составления татарско-русских и русско-татарских словарей. В этот период появилось около 140 двуязычных словарей русского языка.

Издание иноязычных словарей на протяжении столетий было своеобразным показателем особенностей развития той или иной страны, ее международного положения, происходивших изменений в судьбах тех или иных народов.

Выбор для составления иноязычных словарей определенных языков, их словарного запаса и т. д., как правило, отражал демографическую ситуацию в соответствующих странах, уровень их экономического, политического и культурного развития, международные приоритеты и особенности. Поскольку все эти факторы были подвержены постоянным изменениям в ходе исторических процессов, то менялась и картина с изданием иноязычных словарей в тех или иных странах. Поэтому при изучении иноязычных словарей, в т. ч. издававшихся в России, помимо сугубо филологического анализа необходимо иметь в виду историко-филологический и историко-лингвистические ракурсы.

Бросается в глаза то, что до второй половины XIX в. в России крайне мало (лишь в виде единичных случаев) издавались словари с переводом языков народов Российской империи (если не считать словарей с польским языком). Можно найти лишь отдельные словари с татарским или украинским «малороссийским» языками. Среди них: словари Иосифа Гиганова, учителя Тоболь-

ской главной школы (Гиганов, 1801, 1804), составленные при содействии юртовских мулл, «Украинско-русский словарь» М. Максимовича (1827), словарь А. Троянского «Словарь татарского языка...» (1833, 1835), который был издан для учебных целей.

Дело с изданием в России иноязычных словарей существенно начинает меняться с середины XIX в. Появляются все новые и новые словари по переводам с языков народов, входивших или только что включенных в состав Российской империи: «Зырянско-русский и русско-зырянский словарь» П. Савваитова (1850), «Украинско-русский словарь» Н. Закревского (1862), «Краткий русско-калмыцкий словарь, составленный священником П. Смирновым» (1857), «Русско-калмыцкий словарь...» К. Голстунского, «Отрывки из чувашско-русского словаря» Н. Н. Золотницкого (1871–1874) и др.

Тогда же, с середины XIX в., в России начинают публиковаться словари с переводами таких языков Востока, как китайский (Исаия (1870)), корейский (М. Пуцило (1874)), японский (Г. Сутова (1860)). Это стало следствием активизации России после Крымской войны 1853–1856 гг. на Востоке. Завершив во второй половине XIX в. присоединение всех казахских земель, Российская империя захватила туркменские и узбекские земли, дойдя до границ с Ираном и Афганистаном. На Дальнем Востоке она вошла в оживленные отношения с Китаем, Кореей, Японией. Продолжалась активная политика в отношении Османской империи. Эти обстоятельства поддерживали роль татарского языка как испытанного давнего средства общения для налаживания связей с Восточными странами.

Как было отмечено выше, с самого начала XIX в., начиная с 1801 г., стали появляться печатные татарско-русские и русско-татарские словари – лексикографические памятники, предназначенные для изучения татарами русского языка и русскими – татарского.

Созданные татарско-русские и русско-татарские словари И. Гиганова (1801, 1804), А. Троянского (1833; 1835), С. Куляшева (1859), Л. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876, 1892), К. Насыри (1878, 1892), Миссионерского общества (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш. Габдельгазиза (1893), А. Воскресенского (1894), М. Юнусова (1900) донесли до нас богатейший лексический материал той эпохи, который отражал культурно-исторический диалог русского и татарского народов.

Особо следует выделить вклад в этот процесс представителей Казанской школы тюркологов. Они не только изучали книжно-литературный язык тюркских народов, но и уделяли большое внимание разговорным формам языков тех народов, которые имели в то время письменность,

что отразилось в создаваемых ими татарско-русских и русско-татарских словарях.

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX в. могут служить образцом для современных лексикографических трудов. Продуманная структура и композиция этих словарей свидетельствуют о том, что их авторы владели методикой составления словарей. Несмотря на то что они во многом совпадают, каждый имеет определенную отличительную черту. Слова в двуязычных словарях расположены строго в алфавитном порядке, во многих (татарско-русских) – по арабскому алфавиту. Они представлены в трех столбцах: арабский – татарский – русский. Русско-татарские словари твердо соблюдают русский алфавит.

Среди татарско-русских и русско-татарских словарей XIX в. словари И. Гиганова (1801), Миссионерского общества (1880–1891) и Ш. Габдельгазиза (1893) являются тематическими словарями.

Тематический обзор тюрко-татарской лексики татарско-русских и русско-татарских словарей XIX в. позволяет представить картину изученности различных областей лексики татарского языка.

Из общего числа (31) тематических групп тюрко-татарской лексики так или иначе были затронуты в семасиологических, ономазиологических описаниях лишь менее половины (11), причем 7 из них принадлежит первому разделу «Человек как живое существо»: «Термины родства», «Свадьба», «Одежда», «Наряды», «Еда и питье», «Строение», «Болезни, телесные недостатки». Имеются научные исследования по таким тематическим группам, как «Хлеба, травы», «Плоды и овощи», «Названия деревьев», «Птицы», «Животные», «Вещи на гумне» «Суд». Оставались не исследованными такие тематические группы, как «Духовные слова», «Письменные принадлежности и науки», «Занятия и мастерство», «Ходьба», «Плотничьи и кузнечные инструменты», «Деньги», «Мера», «Оружия», «Земной шар», «Воздушные явления», «Насекомые и гады», «Минералы», «Время», «Мера», «Цвета», «Числа», «Части человеческого тела». В нашей работе сделаны первые попытки их изучения.

В словарях зафиксирована и устаревшая лексика татарского языка. Они составляют небольшое количество слов и зафиксированы в основном в работах А. Троянского, Л. Будагова, Н. Остроумова. Такие слова, как **бал икмяк** – прыжок [Б., 1869. С. 198], **тон** – изморозь [О., 1876. С. 123], **йарук тун** – лунная ночь [Б., II т. С. 171], **калкыр купер** – подъемный мост [Б., 1871. С. 141], как **кавын** – сушеная дыня [Б., 1871. С. 18], **кылак акчасы** – оброчные деньги [Б., 1871. С. 104], **ак пыяла** – хрусталь, **кыярчы** – продавец огур-

цов [О., 1876. С. 97; О., 1892. С. 138], мык – гвоздь, крючок [Б., 1871. С. 272], затташ – соотечественник [О., 1876. С. 78; О., 1892. С. 91] и т. д. в современном татарском языке в качестве языковых средств не функционируют.

Некоторые лексемы, зафиксированные в татарско-русских и русско-татарских словарях, с точки зрения сегодняшнего дня, являются историзмами или архаизмами: *ляшкәр* – войско [Т., 1835. С. 201], *ямин* – присяга [Т., 1835. С. 326], *ту* – знамя [Т., 1835. С. 379], *биняк* – тысяча [К., 1859. С. 26], *туман* – большое скопление людей [О., 1876. С. 125; О., 1892. С. 205], *тартым айыл* – ремень, которым подтягивают подушку на седле [Б., 1871. С. 208], *Умәр* – река Обь [Б., 1869. С. 158] и т. д. Выпавшие из живого языка слова могут быть и сегодня использованы в литературных произведениях исторической тематики.

Многие словари XIX в. были составлены на материале письменного литературного языка, в них сохранились и слова, относящиеся к диалектной лексике. Этим отличаются словари И. Гиганова, Н. Остроумова, К. Насыри, Ш. Габдельгазиза. Например, *бакрачъ* – мѣдный сосудъ [Ю., 1900. С. 23], *сулым* – снежный [О., 1876. С. 115; О., 1892. С. 179], *жарка* – бедный [О., 1876. С. 70], *кукар* – плотник [О., 1876. С. 93; О., 1892. С. 130], *жомган* – художой [О., 1892. С. 68; О., 1876. С. 69], *алымсак* – взяточник [О., 1876. С. 48; О., 1892. С. 11], *кыз углан* – девочка [Н., 1878. С. 73], *борым* – моток [О., 1876. С. 60] и т. д. Причины этого явления можно объяснить следующим образом: авторы словарей зафиксировали слова, относящиеся к лексике той местности, откуда они сами были родом (К. Насыри, С. Кукляшев, Ш. Габдельгазиз, М. Юнусов). Вероятно, они считали эти слова нормой литературного языка.

Арабо-персидские заимствования, представленные в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в., составляют большую часть словарного состава данных трудов. Собранный материал дает возможность разделить их на тематические группы. Арабо-персидские заимствования, зафиксированные в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в., были разделены нами на 15 тематических групп. Самыми насыщенными группами оказались следующие: *религиозные слова* (*пигамбяр, ходай, пярештя* – алла, *шайтан, тенгри, Алла, Тягала, Тяңре, Ходай Хак тәяләя* – *Раббъ, ризван, зубани, хуръ*); *абстрактные* (*намус, омот, сыф, азаб, багада, гыйшык, дярт, жан, зиген, кодрыт мирад*); *научно-педагогические термины* (*джаграфия, няхунамя, гыйлме мантыйк, гыйлме хикмәт, филсуфия, исем гадәт, исем зат*), *юридические* (*хокем, хябес, шагид, гаиб, махрәм жасус, алба, факых, мяхбус, шәфғәтә, хаким, гаделият, канун, ихтыяр, дары, хәбесханә*);

бытовые названия (*дастурган, суфра, шәм, шамдан, нардебан, сандала, айна, амбар, анбар, пулат*); *названия растений и животных* (*дяфня агачы, кайбан, бакара, тимсахъ*); *термины родства* (*нябиря, зяуджъ, зяуджа, жефт, жанәккә, гәурәт, гәммвәт, дэйз, жәддә, ахун*); *части человеческого тела* (*чынаг, корна, ряхм, йәд, жясяд, бинасыф, жисем, мигьдя, дяльән*); *названия профессий* (*табибъ, сягятлямя остасы, сяр-гяскяръ, дялляль, сахиръ, сявдагиръ*) и т. д. В остальных тематических группах количество слов значительно меньше.

До начала XX в. в татарском литературном языке преобладали арабо-персидские заимствования, которые составляли 60–65% его словарного состава. Эта картина наблюдается и в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в.

Арабо-персидские заимствования в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в. зафиксированы в разном объеме. Если в трудах И. Гиганова, К. Насыри, Л. Будагова, А. Троянского, С. Кукляшева их достаточно много, то в работах Н. Остроумова, А. Воскресенского, Миссионерского общества они встречаются значительно реже. В этих словарях существующие в татарском языке арабо-персидские заимствования заменены диалектными лексическими единицами или русско-европейскими синонимами.

В этих словарях число слов, заимствованных из русского и вошедших в русский язык из европейских языков, представлено следующим образом: в словаре И. Гиганова (1801) – всего около 1700 слов, из них 14 – русские заимствования, в словаре А. Троянского включено около 10 000 единиц, из них заимствований – 35, в словаре С. Кукляшева русских заимствований очень мало, так как он составлен на основе арабских и персидских текстов: всего 3546 единиц, и только 5 из них заимствованы из русского языка; в двухтомном словаре Л. Будагова зафиксировано 25200 (в первом томе – 16800, во втором – 8400 единиц), из них 52 – русские заимствования, в словаре Н. Остроумова (1876) – около 5040 слов, из них 184 – русские заимствования, а в словаре 1892 г. – 2728 слов, из них 187 – русские слова, в словаре К. Насыри (1878) – около 2970 слов, из них 51 русское слово, в словаре Миссионерского общества (1880) – 983 слова, а из них 83 – русские заимствования, в словаре Ш. Габдельгазиза – 1781 слово, из них 33 – русские заимствования, в словаре М. Юнусова – около 4448 слов, из них 22 – русские заимствования. Общий объем русско-европейских заимствований составляет лишь 1,13% всей лексики исследованных словарей.

Мы посчитали целесообразным классифицировать эту лексику по тематическим признакам, это дает возможность выяснить, в какой именно

сфере деятельности общества происходили наибольшие перемены. Исходя из семантики русско-европейской лексики, нам удалось разделить собранный материал на 17 тематических групп: 1) название посуды и домашней утвари: *кукшинъ, паднусъ, тярлинкя, самавыръ* и т. д.; 2) предметы быта и домашнего обихода: *мунчала, понаръ, плитя, бстял* и т. д., 3) орудия труда: *лумъ, шпалеръ, шотка, ыстанъ* и т. д.; 4) единица меры: *лотъ, геръ, биршукъ, пот* и т. д.; 5) названия строений: *матча, мичъ, жюшкә, застунъ* и т. д.; 6) названия растений, продуктов питания: *кябестя, крянь, анис, грбздә, уиунка* и т. д.; 7) названия одежды и материала: *эшләпә, картусъ, материя, плицъ* и т. д.; 8) предметы сельского хозяйства: *сука, камытъ, бурәнә, буразна, саламъ* и т. д.; 9) учебные принадлежности: *карта, каникул, компас, линейка* и т. д.; 10) военная лексика: *друшка, пулын, штик, пристул* и т. д.; 11) названия профессий: *апикунъ, писеръ, патриотъ, пассажиръ* и т. д.; 12) лексика, относящаяся к финансовой сфере: *касса, сума, банка, панкрутлыкъ* и т. д.; 13) юридические термины: *штрау, сутъ, контрактъ* и т. д.; 14) медицинские термины: *аптека, ликеръ, чакутка* и т. д.; 15) музыкальные термины: *срикя, арганъ, гбслә, гитаръ* и т. д., 16) названия полезных ископаемых: *лазуръ, магнитъ, избисъ, лабастыръ ташы* и т. д.; 17) религиозная лексика: *манастыръ, групъ, пупъ, порфира, сочельникъ* и т. д.

Созданные учеными, преподавателями и миссионерами, эти двуязычные словари, многие из которых были составлены с миссионерскими целями, донесли до нас богатейший лексический материал той эпохи, который отражал культурно-исторический диалог русского и татарского народов.

Следует отметить, что всё более востребованным оказывался в XIX в. не только татарский язык для русских, но и русский язык для татар, которые тогда по своей численности находились в России на втором месте. Они проявили себя особенно заметно в экономической сфере, внося значительный вклад в развитие российской промышленности. Татарские купцы активно занимались крупной и мелкой торговлей на территории России, в крупных торговых центрах работали татарские коммерсанты [4].

Политические и экономические условия, в свою очередь, требовали знания татарами русского языка. Образованные татары, не ограничиваясь знаниями, полученными в медресе, они изучали и русский язык. В 1871 г. в Казанском медресе «Гусмания» был открыт первый русский класс. В таких медресе, как Касыймия [5], Марджания [6], Кшкар, Мачкара, Иж-Буби тоже преподавался русский язык [7].

Результатом буржуазных реформ 1860–1870 гг. стало возникновение русско-татарских школ. Обучение в этих школах должно было вестись сначала на татарском языке или при помощи его с тем, чтобы по мере усвоения детьми устной русской речи продолжать обучение преимущественно и, наконец, исключительно на русском языке.

Русско-татарские школы сыграли положительную роль в развитии просвещения татарского народа, способствуя развитию диалога русской и татарской культур в национальном образовательном пространстве [8].

В 1876 г., на основании положения о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе от 27 марта 1872 г., в Казани открылась татарская учительская школа, которая была первым светским учебным заведением для татар с преподаванием на русском языке. Инициатором открытия этого учебного заведения в Казани был инспектор татарских школ В. В. Радлов, стремившийся сделать его «главным центром для всех татарских народных школ» [9]. Питомцами этой школы стали многие будущие видные представители татарского народа, такие, как Г. Исхаки, Г. Камай, Г. Кулахметов, С. Максуди, М. Фазлулин [10].

Знание русского языка было необходимо для татарского народа, чтобы найти свое место в сфере политики, экономики и образования в масштабах всей России. Изучая русский язык, знакомясь с достижениями русского народа в области культуры, науки и техники, татары получали возможности для своего развития и социологизации. Таким образом, издание многочисленных двуязычных – татарско-русских и русско-татарских – словарей соответствовало жизненным потребностям того времени.

Деятельность татарской интеллигенции также была одной из важных объективных предпосылок, способствовавших составлению подобных словарей в XIX в. В этот период учителя-татары в разных медресе и школах Российской империи обучали тюркские народы чтению и письму, вели среди них просветительскую работу [11].

В XIX в. татарские ученые выходят на мировую арену науки. Имена Ш. Марджани, Р. Фахретдинова, Р. Ибрагимова, Г. Баруди, Ш. Ахмедова, Х. Фаезханова, К. Насыри были известны не только в России, но и в странах Востока [12]. Например, имя татарского ученого Ш. Марджани становится известным и на Востоке, и в Европе, и в Америке: «Марджани два раза снимался в фотографии (один раз для американского консула, а другой – по просьбе издателя энциклопедического словаря в Лондоне)» [13].

На рубеже XIX–XX вв. мусульманская элита России начала в массовом порядке получать русскоязычное образование, то есть появилась груп-

па, способная организовать диалог мусульманской, русской и европейской культур, что привело к массовым переводам произведений русских классиков, общеобразовательной, политической и учебной литературы [14].

В XIX в. типографии Казани и других городов России начинают массовое издание татарских книг. В 1801 г. Габделгазиз Бурашев открыл в Казани первую типографию и начал печатать татарские книги [15]. В 1809 г. открылась типография Казанского университета, и она занимала первое место по изданию татарских книг в России [16]. В 1829 г. эти типографии были объединены [17].

В 1848 г. купец Н. П. Коковин покупает типографию у Л. Щевца. С 1853 г. она функционировала под названием «Типография купчихи Коковиной», а затем превратилась в «Типографию наследников Чирикова», здесь издавались книги на татарском языке [18].

С 1830–1850 гг., по подсчетам А. Г. Каримулина, включая и издания ученых университета с применением арабского шрифта и арабским шрифтом, во всех типографиях Казани была издана 281 татарская книга [19]. Отрадно, что среди этих книг имеется и татарско-русский словарь А. Троянского.

В XIX в. делаются первые опыты в деле формирования татарской периодической печати. Газета «Тарджеман» (1885–1918), издававшаяся И. Гаспринским, стала одним из первых периодических изданий для всех тюркских народов [20]. В 1900 г. в Петербурге начинает публиковаться серия журналов под названием «Миръят» («Зеркало») [21]. Эти первые газеты и журналы представляли собой сигнальные экземпляры быстрорастущей татарской периодической печати начала XX в., которой суждено было играть большую роль в распространении татарского языка, культуры в разные уголки страны.

Создание двуязычных словарей было обусловлено и внешнеполитическими факторами, в частности, ролью татар в восточной политике России. Татары, знающие арабский и персидский языки, способные свободно общаться с другими тюркскими народами, выступили в качестве послов и переводчиков. Русские цари, отправляясь в Османскую империю, Иран и арабские страны, в качестве переводчиков брали с собой татар [22].

Со второй половины XIX в. заметно возрастает значение г. Казани как одного из крупнейших торгово-экономических центров Российской империи. Являясь на протяжении многих веков важным центром торговли на Востоке, Казань превращается в один из главных транзитных пунктов российско-восточной торговли, а татарские купцы – в ведущих посредников этой торговли. Этому способствовали и многовековые связи та-

тар с другими мусульманскими народами, общность их культур и т. д. [23]

В татарско-русские и русско-татарские словари XIX в. включались лексические единицы, находившиеся в активном употреблении, слова разговорной речи. В то же время в словарях зафиксированы и диалектизмы, и сложные арабско-персидские заимствования, и религиозные термины.

Формирование в XIX в. в России указанного корпуса двуязычных словарей является результатом роста национального самосознания татар и усиления роли татарского языка и культуры в общественно-политической жизни России. Но в ещё большей степени рост числа этих словарей и повышение их качественных характеристик показывает существенное усиление процессов многопланового встраивания татарского народа во все важнейшие сферы жизни Российской империи и заметного сближения между татарским и русским народами.

Примечания

1. Михайлова, С. М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья [Текст] / С. М. Михайлова. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 272 с.

2. Там же; Кононов, А. Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов [дооктябрьский период] [Текст] / А. Н. Кононов. М.: Наука, 1974. 340 с.

3. Кононов, А. Н. Указ. соч.

4. Каримуллин, А. Г. У истоков татарской книги [Текст] / А. Г. Каримуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 208 с.; Хабутдинов, А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков [Текст] / А. Ю. Хабутдинов. Казань, 2001. 383 с.; Шкунов, В. Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX века [Текст] / В. Н. Шкунов. Самара, 2007. 577 с.

5. Татарский энциклопедический словарь [Текст]. Казань: Ин-т татар. энцикл. АН РТ, 1999. 703 с.

6. Там же.

7. Там же.

8. Мухаметшина, Р. Ф. Диалог русской и татарской культур в системе литературного образования [Текст] / Р. Ф. Мухаметшина. Казань: Магариф, 2007. 200 с.

9. Казанская татарская учительская школа 1876–1917 [Текст] // Сб. документов и м-лов. Казань: Га-сыр, 2005. 256 с.

10. Татарский энциклопедический словарь.

11. Там же.

12. Там же.

13. Хабутдинов, А. Ю. Указ. соч.

14. Там же.

15. Татарский энциклопедический словарь.

16. Там же.

17. Там же; Мухаметшина, Р. Ф. Указ. соч.

18. Татарский энциклопедический словарь; Каримуллин, А. Г. Указ. соч.

19. Каримуллин, А. Г. Указ. соч.

20. Татарский энциклопедический словарь.

21. Там же.

22. Кононов, А. Н. Указ. соч.; Каримуллин, А. Г. Указ. соч.; Хисамова, Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начала XIX вв.) [Текст] / Ф. М. Хисамова. Казань: Мастер Лайн, 1999. 408 с.

23. Шкунов, В. Н. Указ. соч.

Словари-источники

• Будагов, А. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык [Текст]: в 2 т. / А. Будагов. СПб.: Тип. АН, 1869. Т. 1. 810 с.; СПб.: Тип. АН, 1871. Т. 2. 415 с.

• Гиганов, И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные / И. Гиганов. СПб., 1801. 75 с.

• Гиганов, И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И. Гигановым и муллами юртовскими [Текст] / И. Гиганов. СПб.: Имп. АН, 1804. 627 с.

• Воскресенский, А. Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов А. Воскресенского [Текст] / А. Воскресенский. Казань, 1894. 374 с.

• Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским перево-

дом [Текст]. Казань, 1880. 55 с.; 1882. 55 с.; 1886. 96 с.; 1888. 96 с.; 1891. 96 с.

• Кукляшев, С. Словарь къ татарской хрестоматии / С. Кукляшев. Казань, 1859. 106 с.

• Насыри, К. Татарско-русский словарь [Текст] / К. Насыри. Казань, 1878. 120 с.

• Насыри, К. Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины [Текст] / К. Насыри. Казань, 1892. 263 с.

• Остроумов, Н. П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии [Текст] / Н. П. Остроумов. Казань, 1876. 145 с.

• Остроумов, Н. П. Татарско-русский словарь [Текст] / Н. П. Остроумов. Казань, 1892. 246 с.

• Троянский, А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ речений арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволения комисіи духовныхъ училищъ [Текст]: в 2 т. / А. Троянский. Казань, 1833. Т. 1. 629 с.; Казань, 1835. Т. 2. 340 с.

• Габделгазиз, Шигабутдин. Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь [Текст] / Ш. Габделгазиз. Казань, 1893. 72 с.

• Юнусов, М. Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений [Текст] / М. Юнусов. Казань, 1900. 115 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Фольклор. Образы и мотивы русской литературы. Литературная традиция. Жанры литературы. Сопоставительная характеристика и интерпретация художественного текста

А. Н. Рассыхаев

К ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОГО ИГРОВОГО ФОЛЬКЛОРА КОМИ

В данной статье анализируются этапы собирания, публикации и изучения текстов детского игрового фольклора коми, а также детских народных игр коми. Хронологически исследование охватывает период с первых десятилетий XIX в. и до начала XXI в.

In given article stages of collecting, the publication and studying of texts of children's game folklore komi, and also children's national games komi are analyzed. Chronologically research covers the period from first decades of a XIX century and prior to the beginning of the XXI century.

Приступая к детскому игровому фольклору коми, необходимо заранее определить его границы, имея виду неоднозначное понимание термина среди исследователей. В данном случае к этому разделу детского фольклора следует относить такие произведения, как считалки, жеребьевые стговорки и корпус разнообразных вербальных игровых текстов (игровые приговорки, игровые припевки, детские игровые песни, этикетные приговорки и формулы), организующих и сопровождающих фольклорную игру. История собирания, накопления в архивах, публикации и изучения этих произведений и является предметом предложенного исследования.

Несмотря на то что первые образцы детского игрового фольклора коми были записаны уже в 1827 г., в дальнейшем до первой трети XX в. подобные материалы фиксировались и публиковались редко. Самое первое упоминание о считалке «*Ögöđöm-mögöđöm*» находим в рукописном фонде академика А. Шёгрена. Заумный текст частично прокомментирован словами, в которых, по его мнению, угадывается воспроизведение некоего акта охоты [1]. Данную считалку впо-

следствии А. Шёгрена поместил в работу, которая была издана уже после его смерти в 1861 г. [2] Годом раньше В. А. Попов опубликовал текст считалки «Первый дан, другой дан», записанный в Яренске и называемый «наговором», смысл которого исследователь ищет «в зырянской мифологии, в народных обычаях» [3]. Опубликованную шёгреновскую считалку позже использовал Г. С. Лыткин в книге «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык». Заумные слова считалки лингвист также расшифровал как описание эпизода охоты с луком [4].

В материалах П. И. Савваитова в числе других фольклорно-этнографических данных находятся тексты коми считалок, присланные в 1850-х гг. в этнографический отдел РГО уездным учителем С. Е. Мельниковым. Собиратель привёл 6 считалок, записанных на Сысоле, Печоре и Вычегде, и предварил их небольшой заметкой о выборе водящего в играх: «Зырянские мальчики, собираясь играть в мяч, городки, бабки и проч., раздают (коняты) друг другу следующие названия; кому достанется последнее из этих названий, тот бывает в игре первым и начинает игру» [5]. В другом месте он дополнил текст одной из распространенных считалок коми «*Атэ, катэ*» следующим замечанием: «Слова эти с зырянского на русское не переводимы, и, по моему мнению, они не больше как созвучия, уподобление или подражание выразительному предмету. При выговоре их соблюдается непременно каданс. А некоторые из этих и подобных употребляемых в игре слов есть чисто Манские и Самоедские» [6].

Несколько описаний игр, записанных от «ношульских пермяков» на юге Прилузья, содержит рукопись М. С. Косарева «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда» [7], которая хранится в Государственном архиве Кировской области. Из письма дочери собирателя Е. Косаревой известно, что его отец, учитель Вятской гимназии М. С. Косарев (1804–1871), побывал в селах Летке и Ношуре Вологодской губернии в 1850-х гг., а в Ношуль повторно вы-

езжал и в 1860-х гг. [8]. В этой рукописи собиратель привёл детские игры «в мячик», «в лунки», «Сырки» (Догонялки) и «Чирк» (Кузнечик).

Примечательно, что основоположник коми литературы И. А. Куратов в одной из лингвистических работ также проявил интерес к двум коми играм, посвятив им отдельные словарные статьи. В сохранившейся рукописи «Материалы для пермского толкового словаря», опубликованной к столетию со дня его рождения, И. А. Куратов коротко упомянул о «Дзоль» – «игре в тонкие палочки», которая встречается в сказке «Тсарлӧн пиян дзольясӧны» («Царские сыновья играют в «Дзоль»). Повсеместно распространённую игру «Горань» («Жмурки») он сопровождал следующей пометкой: «буквально искусство скрывать звук и тем поставлять субъекта, которому завязаны глаза, в полное замешательство, в полное незнание, где искать людей играющих» [9]. В конце XIX в. учитель Вологодской духовной семинарии А. Кайлин зафиксировал в верхневычегодском селе Деревянск известную детскую игру в вызывание домового [10]. В начале XX в. у ижемских зырян побывал Н. Белдыцкий, опубликовавший в 1910 г. по итогам поездки статью, в которой сообщил, что ижемцы как дети играют в «городки», и что он сам увлекался этой игрой [11].

После Октябрьской революции и Гражданской войны, в период становления школ с преподаванием на национальных языках, возникла острая необходимость подготовки книг на родных языках, прежде всего для обучения чтению. В Коми крае к этой работе подключился также учитель Помоздинской волости, классик коми литературы В. Т. Чисталёв (Тима Вень), принявшийся записывать произведения коми фольклора для дальнейшего использования в готовящихся изданиях. В сохранившихся рукописях, датированных осенью 1921 г., в числе прочих текстов записаны произведения детского фольклора коми, в том числе 15 считалок, из которых 3 текста с незначительными фонетическими различиями повторяются в другом месте рукописи. Собиратель предварил их словами «ворсігӧн (пудвясян) лыддвясян кыввяс» («Считалки в игре») [12]. Кроме того, судя по оставшемуся в рукописях плану, Т. В. Чисталёв намеревался написать работу по детскому крестьянскому быту, в которой большую часть занимают игры. Анализ подробно составленного плана, датированного декабрём 1920 г., позволяет сказать, что Тима Вень первым дал многоуровневую классификацию детских игр коми. В своей систематизации он учитывал половозрастной принцип (игры до 7 и 15 лет; отдельно для мальчиков и девочек, совместные), использование игрового инвентаря, сезоны года и время суток, место проведения и развитие в иг-

ровой среде определенных способностей. Хотя в его записях отсутствуют описания игр, но он привёл терминологию более 50 народных игр, бытовавших в его родном селе Помоздино [13].

Огромный интерес ко многим сторонам жизни коми народа проявили члены образовавшейся в 1922 г. краеведческой организации «Общество изучения Коми края», внесших неоценимый вклад в изучение и развитие национальной культуры (В. И. Лыткин, А. С. Сидоров, А. Н. Грен и др.) [14]. В 1920-х гг. в публикациях А. С. Сидорова, учёного разносторонних научных интересов, появились описания таких игр и забав детей и молодежи, как «Кар туй» (Дорога в город), «Ёма туй» (Дорога к Ёме), и т. д. [15]. Рассмотрев этимологии коми слова *ворсны* «играть» и удмуртского *шудыны* «тж» в контексте идеологических представлений древнего населения Коми края, исследователь пришёл к выводу, что «ворсны» первоначально означало отправлять, изображать родовые церемонии, изображать мифологические образы в лицах» [16].

Сбором детского фольклора и игр коми занимался также Г. А. Старцев, которому принадлежит подробное описание детской игры «Шег» (Бабки) [17]. В архиве РАН (СПб) хранится его научный отчёт от 1930 г., в котором автор отметил, что он произвёл в Усть-Вымском районе записи фольклорных текстов (до 40 единиц), главным образом образцов детского фольклора, на которые ни он, ни «другие собиратели в прошлые годы мало обращали внимания» [18].

Будучи преподавателем Коми педагогического института, в 1933 г. Г. А. Старцев издал программу собирания коми фольклора, в которой есть специальный раздел о детском фольклоре, вынесенный и в название небольшой брошюры «Коми фольклор: Его изучение и значение, жанры, детский фольклор, что и как изучать» [19]. В институте педагог сумел организовать широкомасштабную работу студентов по собиранию фольклорно-этнографического материала, а в качестве вопросника им послужили лекции и изданная программа Г. А. Старцева. Фольклорные тексты записывались учащимися в 1933–1935 гг. в ученические тетради, позже сброшюрованные в отдельные тома, которые ныне хранятся в отделе фондов Национального музея Республики Коми. Анализ рукописей даёт достаточно оснований утверждать, что в фольклорных материалах существенную часть составляют произведения детского фольклора, причём не только коми, но и русского. Всего выявлено более 20 описаний детских игр и около 200 текстов считалок, зачастую это образцы собственного репертуара. То, что интерес к детскому фольклору проявился в Коми крае именно в этот период, не случайно. С 1920-х гг. началось активное научное изу-

чение русского детского фольклора Г. С. Виноградовым и О. И. Капицей, чьи работы подтолкнули и других собирателей обратиться к произведениям этой области устного народного творчества [20].

Из студенческих записей стоит выделить письменную работу В. И. Матвеева на тему «Детские песни и игры», в которой в качестве примеров использованы собранные в д. Семуково (Нижняя Вычегда) материалы. В этой работе охарактеризованы основные жанры детского фольклора коми, на которых, скорее всего, акцентировал внимание во время лекции преподаватель. В. И. Матвеев разделил песенные тексты на две группы: 1) колыбельные песни и пестушки; 2) песни сезонные, обрядовые, возрастные. Далее автор назвал в составе детского фольклора такие жанры, как заговоры, сказки, загадки, считалки, скороговорки, дразнилки, молчанки, сговорки и голосянки. При этом он не всегда приводит примеры, что, собственно, и понятно. Например, упоминаемые голосянки, которые зафиксированы в русской традиции и исследованы Г. С. Виноградовым, у коми до сих пор не записаны.

Количество собранных студентами фольклорных текстов не лучшим образом повлияло на качество записанного материала. В какой-то степени в этом виновата методика собирания фольклорных данных того периода. Записи студентов не лишены недостатков, одной из которых является неполная паспортизация или их отсутствие, что создаёт дополнительные трудности для дальнейших исследований.

В отделе фондов НМРК сохранилась также подборка текстов под названием «Фольклор коми (детский)» (1925 г.) (Инв. № 190), составленная членами Общества изучения Коми края. Наряду с другими произведениями, рукописный сборник содержит 2 описания народных игр и 15 текстов, которые ныне также относят к числу детских. Это такие известные и популярные жанры, как песни-сказки, прибаутки, дразнильные песни и специально исполняемые для детей шуточные песни, перешедшие из фольклора взрослых.

Коллекция детского фольклора из Собрания Национального музея бесценна, учитывая, что некоторые образцы детского и не только фольклора нигде более не были зафиксированы другими собирателями или записывались крайне редко. К примеру, тексты «сечек», считалок и скороговорок, некоторые описания народных игр. Таким образом, записи произведений детского фольклора коми в фондах Национального музея являются самой первой крупной коллекцией текстов этой области фольклора и представляют огромный исследовательский интерес.

Многочисленные описания игр и тексты считалок практически из всех мест проживания коми

населения зафиксировали участники диалектологических и фольклорно-этнографических экспедиций, материалы которых хранятся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. Диалектологические материалы языковедов (свыше 110 дел) с текстами 1940–1970-х гг. содержат около 100 считалок и 200 описаний игр [21]. Из них только небольшая часть описаний игр и считалок была опубликована в региональной печати [22]. Широкий пласт игровой терминологии отражен в словарях к монографиям диалектов коми языка в десяти томах [23].

Необходимо отметить также и собирательскую деятельность зарубежных учёных. Так, финский лингвист Тойво Утила записывал фольклорные произведения и этнографические сведения от коми военнопленных, попавших в лагеря во время Великой Отечественной войны. Собранные им описания игр (16 единиц) и тексты считалок (5 единиц) позже вошли в подготовленные Паулой Кокконен сборники «Зырянские тексты» в 5 томах [24]. Тексты были записаны с соблюдением всех требований к диалектологическим и фольклорно-этнографическим материалам, в сборниках указаны сведения об информантах, дан перевод на немецкий язык. Способ собирания лингвистического материала, использованный финским коллегой, в своей исследовательской практике применял также эстонский языковед Пауль Аристрэ. В течение нескольких месяцев в 1941–1942 гг. он записывал от попавших к немцам коми военнопленных (в возрасте 20–33 лет) различные тексты, среди которых 4 считалки [25] и несколько описаний народных игр и детских забав [26]. После совместных экспедиций по вычегодским и вымским населённым пунктам с сотрудниками Коми филиала Академии наук СССР венгерский учёный Карой Редэи издал собранные им фольклорные материалы в «Текстах зырянского фольклора», в их числе и две коми считалки [27].

Нельзя обойти вниманием также и сборники материалов коми народных игр, составленные в других регионах России на основе изданных в Республике Коми работ или при непосредственном участии исследователей, занимающихся играми в Коми. Необходимо отметить, что все они, как правило, мало информативны и непригодны для использования в научных исследованиях из-за множества неточностей, вводящих в заблуждение читателей. Так, в сборнике «Игры народов СССР» в раздел «Коми» включили предложенные Е. В. Мороз три игры без предметов: «*Кёрён*» («В оленя»), «*Йёртчём*» («Ведущий»), «*Чур, ставным*» («Чур, все») и две игры с предметами: «*Шарён ворсём*» («Игра с шаром») и «*Ворсэм лызь туй*» («Игра в лыжню»), не совсем характерные для коми традиции. Автор также указала, что коми известно около 200 игр [28].

В пособии для воспитателей детского сада «Детские подвижные игры народов СССР» также представлены «игры народов коми». С. С. Белых предложил для специалистов четыре игры: «Субт, кӧр!» («Стой, олень!»), «Кӧръясӧс нярталаӧн куталӧм» («Охота на оленей»), «Тыв» («Невод»), «Кӧръясӧс куталӧм» («Ловля оленей») [29]. Совершенно очевидно, что три из них («с оленеводческой тематикой») скорее отражают ненецкую традицию, чем коми-ижемскую, находящуюся в непосредственном контакте с ней, и никак не общекومی. Возможно, желание подчеркнуть «национальную специфику» подтолкнуло автора к выбору экзотических игр. Указанные неточности дают нам право при исследованиях не обращаться к подобным публикациям, не забывая, впрочем, об их существовании.

Частично материалы Е. В. Мороз и С. С. Белых использовали при описании игр коми в другом издании. Кроме двух уже известных («Стой, олень!», «Чур, все!») в «Методике собирания и изучения народных игр» автор-составитель этого сборника В. М. Григорьев привёл описание игры под названием «Шегъяс» (Косточки) [30]. Хотя название игры отражено коми словом «Шегъяс» (Бабки), на самом деле игровая терминология не совпадает с бытующими в традициях коми, и выдает ее за игру, характерную для усть-цилёмской игровой культуры. В этом можно удостовериться при сравнении с другим опубликованным описанием игры «Бараньи» [31], в которой игровая терминология положений косточек и иерархичность позиций лодыжек идентичны с той, что видим у В. М. Григорьева.

Шесть описаний коми игр, в том числе и ранее опубликованные («Стой, олень!», «Невод»), использованы при составлении сборника «Игры финно-угорских народов» [32], в котором они условно систематизированы по 6 группам. Видимо, по причине отсутствия у составителей необходимых работ в этом сборнике коми народные игры не нашли отражения в должной мере. Кроме того, не совсем удачно подобраны образцы, по которым можно судить об игровой традиции коми. Так, в традиционной культуре коми никогда не фиксировалось бытование игры спортивного типа под названием «Редька», в котором разделившиеся на две команды участники состязаются перетягиванием игроков.

Народные игры оказались также в поле зрения исследователей смежных дисциплин. Так, в работе Е. В. Мороз «Физкультура и спорт в Коми АССР» были описаны подвижные коми игры, «самобытные физические упражнения и состязания» спортивного характера [33]. Автор рассмотрел игры, источником возникновения которых послужил производительный труд человека как ведущее средство физического воспитания.

В монографическом исследовании интересным представляется перечень типов и количества зафиксированных коми игр. Исследователь отмечает, что «удалось выявить и записать 38 игр, в которых все играющие выполняли основное двигательное действие – бег (наперегонки, с увертыванием, рывками, на скорость), 33 игры – бег в сочетании с метанием (катанием) различных предметов, 33 игры – сочетание бега с ходьбой, 16 игр подражательного характера и столько же игр с элементами борьбы и сопротивления, 13 игр с прыжками, 14 игр – с передвижением или катанием на лыжах и санках, 4 игры со стрельбой из лука» [34]. Обоснованные критические замечания в адрес некоторых положений этой книги, касающиеся бытования традиционных игр коми, были высказаны в работе Д. А. Несанелиса [35]. В частности, неуместным выглядит вывод исследователя о том, что «самобытная физическая культура коми народа обогащалась за счет более прогрессивной (курсив наш. – А. Р.) русской физической культуры» [36].

Приступив к научным исследованиям в середине 1960-х гг., новый подход к собиранию и изучению текстов детского игрового фольклора коми продемонстрировал Ю. Г. Рочев [37]. По воспоминаниям В. М. Кудряшовой, в фольклористических кругах того времени, особенно в административных, шли споры о том, сможет ли Ю. Г. Рочев собрать необходимый материал для написания диссертации по теме «Детский фольклор коми». На основе материалов, собранных в ходе экспедиций Коми филиала Академии наук, он подготовил к изданию первый сборник детского фольклора коми «Челядь сьыланкывъяс да мойдкывъяс» (Детские песни и сказки) [38], который стал убедительным подтверждением предпринятой им работы [39]. Рассчитанное на широкий круг читателей, «учебное издание» ставило своей целью максимально полно представить корпус текстов, еще бытующих в деревенской среде. Фольклорные произведения были отредактированы в соответствии с литературными нормами коми языка, материал систематизирован по жанрам, распределен между 11 разделами; перед каждой группой текстов дана краткая характеристика произведений на коми языке. В сборнике впервые было опубликовано 44 коми считалки. Выделенный Ю. Г. Рочевым корпус текстов детского фольклора коми позже был представлен отдельным разделом во втором томе трёхтомного свода песен «Коми йӧзкостса сьыланкывъяс» (Коми народные песни, 1968), отсутствовавший в предыдущем томе. В тот же выпуск включили две считалки, зафиксированные в ижемской локальной традиции [40]. На тот момент они являлись единственными текстами данного жанра, опубликованными в соответствии с предъявляемыми к фольк-

лорным произведениям требованиями и имеющими нотную расшифровку.

Кроме нескольких работ, в которых проанализирована вербальная составляющая детских игр [41], ещё две публикации Ю. Г. Рочева посвящены старинным народным играм коми. В одной из ранних работ он описал несколько игр, бытовавших у зауральских коми, т. е. непосредственно на его малой родине [42]. Он же подготовил сборник игр для детей младшего школьного возраста, в котором описал восемь «комнатных» и девять «уличных» игр, снабженных схемами расположения участников [43].

Начиная с конца 1980-х гг., коми народная игра как одна из активных форм досуговой деятельности стала предметом изучения Д. А. Несанелиса. На основе опубликованных, полевых и архивных материалов исследователь подготовил несколько работ, опирающихся на неизвестные ранее описания игр и забав коми [44]. С его публикаций началось значимое направление в изучении коми игр, связанное с этносемантической интерпретацией источников, анализом мифологических истоков игровых явлений [45]. Этносемиотическое изучение детских игр коми было продолжено в совместных работах Д. А. Несанелиса и В. Э. Шарапова [46]. В связи с хроматическими представлениями коми народа отдельные их аспекты рассматривали в своих публикациях О. И. Уляшев и В. Э. Шарапов [47].

В последние годы активизировалась деятельность по публикации текстов детского игрового фольклора коми. В 1999 г. А. В. Панюков и Г. С. Савельева издали сборник материалов «Этнография детства», впервые вводящий в научный оборот 34 описания игр и 24 текста считалок, зафиксированных во время фольклорно-этнографических экспедиций 1995–1998 гг. [48]. По сравнению с ранее опубликованными данный сборник ценен указаниями на место бытования игры, распространенность считалки, а также имеет аудиоприложение. Ввод новых архивных материалов по детскому игровому фольклору коми (11 описаний игр и 15 текстов считалок) в научный оборот продолжен в работе «Коми фольклор: Хрестоматия», составленной В. В. Филипповой и Н. С. Коровиной [49]. Ценные данные в обогащение представлений о детском игровом фольклоре коми дают публикации краеведов, опирающихся на собранный ими материал. Одной из таких своеобразных работ является сборник текстов «Духовная культура народа коми Предуралья (бассейн реки Илыч)», подготовленный на основе записанного от старожилов илычских населенных пунктов. Собранное издание включает также 24 описания народных игр коми и 7 текстов считалок (одна на русском языке) [50].

В настоящее время автором данной публикации ведётся дальнейшая работа по выявлению

ранее не известных источников по детскому игровому фольклору коми и их систематизации. Продолжаются публикации как материалов с описаниями старинных игр и текстами считалок коми [51], так и работ аналитического характера, посвящённых этносемиотике народных игр [52], анализу вербальной составляющей и жанров детского игрового фольклора коми [53].

Таким образом, за двухвековую историю собран довольно большой корпус текстов по детскому игровому фольклору коми, позволяющий проследить изменения в одном из областей устного народного творчества. Материалы по этой теме изучались как фольклористами и этнографами, так и специалистами в области спорта, педагогики, психологии. Результаты исследований на практике привлекаются работниками образования и культуры в образовательно-воспитательной и досугово-развлекательной сфере. Между тем ученым предоставлено довольно большое поле для дальнейших разысканий по систематизации игровых текстов, в том числе с учетом особенностей локальных традиций.

Сокращения

ВГО – Вологодский государственный архив (г. Вологда)

ГАКО – Государственный архив Кировской области (г. Киров)

НА Коми НЦ – Научный архив Коми научного центра (г. Сыктывкар)

НА РК – Национальный архив Республики Коми (г. Сыктывкар)

РО РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Рочев, Ю. Г. Детский фольклор коми [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю. Г. Рочев. Сыктывкар, 1972 // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 129. Л. 11–13.

2. Sjögrens, A. Gesammelte Schriften [Текст] / А. Шёргрен. St.-Peterburg. 1861. В. 1. Р. 440. Об этом см.: Рочев, Ю. Г. Отчёт (заключительный) по теме «Детский фольклор коми». 1968–1971 [Текст] / Ю. Г. Рочев. Сыктывкар, 1972 // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 20. Л. 5.

3. Попов, В. А. Следы исторической мысли в жеребьях детских игр Вологодской губернии [Текст] / В. А. Попов // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 49. С. 342. Эту считалку Г. С. Виноградов включает в свою работу: Виноградов, Г. С. Детские игровые прелюдии [Текст] / Г. С. Виноградов // Виноградов Г. С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1998. № 437–6.

4. Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык [Текст] / Г. С. Лыткин. СПб., 1889. С. 163. О субъективном толковании непонятных слов Г. С. Лыткиным см.: Рочев, Ю. Г. Детский фольклор коми: дис. ... Л. 12–13.

5. РО РНБ. Q XVII. № 247. Л. 19–19 об.

6. РО РНБ. F XVII. № 111. Л. 202.

7. Косарев, М. С. Пермьяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда [Текст] / М. С. Косарев

// ГАКО. Фонды Вятской ученой архивной комиссии. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130.

8. *Плосков, И. А.* Вятский исследователь финно-угорской культуры М. С. Косарев [Текст] / И. А. Плосков // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): тез. докл. и сообщ. межрегион. науч. конф. Киров, 1994. С. 431. По последним сведениям И. А. Плоскова, рукопись сдана в губернский статистический комитет в 1864 г.

9. *Куратов, И. А.* Материалы для пермского толкового словаря [Текст] / И. А. Куратов // Куратов И. А. Лингвистические работы. Сыктывкар, 1939. Т. 2. С. 104, 106.

10. *Кайлин, А.* Описание обычаев и нравов коми с. Деревянк [Текст] / А. Кайлин // ВГО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 182. Л. 4, 16.

11. *Белдыцкий, Н.* Несколько дней среди ижемских зырян [Текст] / Н. Белдыцкий // Известия АОИРС. 1910. № 23. С. 16.

12. НА РК: Ф. 965. Оп. 1. Ед. хр. 1 (Перечень произведений) Л. 2, 4, 14. Пользуясь возможностью, выражаю благодарность м. н. с. отдела литературы ИЯЛИ Коми НЦ Н. А. Аген за указание на рукописные материалы В. Т. Чисталёва в фондах НА РК.

13. НА РК. Ф. 965. Оп. 1. Ед. хр. 2 (Стихотворения). Л. 26–30.

14. О деятельности этой краеведческой организации см.: *Жеребцов, И. А.* Стоявшие у истоков (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми) [Текст] / И. А. Жеребцов, Е. Н. Рожкин. Сыктывкар, 2005. С. 53–60.

15. *Сидоров, А. С.* Памятники древности в пределах Коми края [Текст] / А. С. Сидоров // Коми му. 1926. № 6. С. 28; *Сидоров, А. С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми: Материалы по психологии колдовства [Текст] / А. С. Сидоров. СПб., 1997. С. 203, 234–235.

16. *Сидоров, А. С.* Идеология древнего населения Коми края [Текст] / А. С. Сидоров // Этнография и фольклор коми / Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР. Сыктывкар, 1972. Вып. 13. С. 22.

17. *Старцев, Г. А.* Прошлое Гамской волости (Материалы к истории Коми края) [Текст] / Г. А. Старцев // Записки Общества изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1928. Вып. 1. С. 110–111.

18. Об этом см.: *Плосков, И. А.* О научной деятельности Г. Старцева (коми этнографа и фольклориста) [Текст] / И. А. Плосков // Финно-угроведение. 1997. № 1. С. 107–110.

19. *Старцев, Г. А.* Коми фольклор: Его изучение и значение, жанры, детский фольклор, что и как изучать [Текст] / Г. А. Старцев. Сыктывкар, 1933. 29 с.

20. В 1920-х гг. один за другим выходят работы Г. С. Виноградова, посвященные детскому быту и фольклору: «Детский народный календарь» (1924), «Детская сатирическая лирика» (1925), «Народная педагогика» (1926), «Детские тайные языки» (1926), «Детские игровые прелюдии» (1927–1929), «Из наблюдений над детским потешным фольклором. Сечки» (1930). В 1928 г. предпринимается классификация и обзор накопленного по детскому фольклору материала в работе О. И. Капицы «Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. СобираНИЕ. Обзор материала».

21. Подробнее об этом см.: *Рассыхаев, А. Н.* Коми считалки в записях диалектологов (по материалам Научного архива Коми научного центра) [Текст] /

А. Н. Рассыхаев // Архивы Уральского отделения Российской академии наук: тез. докл. Второй науч. конф. Сыктывкар, 2001. С. 41–43.

22. *Гуляев, Е. С.* Сьылан-ворсанъяс [Текст] / Е. С. Гуляев // Войвыв кодзув. 1966. № 8. Лб. 63–64; *Гуляев, Е. С.* Сьылан-ворсанъяс [Текст] / Е. С. Гуляев // Войвыв кодзув. 1966. № 11. Лб. 42; *Гуляев, Е. С.* Ворсьмьяс [Текст] / Е. С. Гуляев // Войвыв кодзув. 1977. № 9. Лб. 62; Образцы коми-зырянской речи [Текст] / сост. Т. И. Жилина, В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1971. С. 72; *Сорвачева, В. А.* Нижневычегодский диалект коми языка [Текст] / В. А. Сорвачева. М.: Наука, 1978. С. 94, 96, 102, 116, 139.

23. *Бараксанов, Г. Г.* Присыктывкарский диалект и коми литературный язык [Текст] / Г. Г. Бараксанов, Т. И. Жилина. М.: Наука, 1971. 276 с.; *Жилина, Т. И.* Верхнесысольский диалект коми языка [Текст] / Т. И. Жилина. М., 1975. 268 с.; *Жилина, Т. И.* Лузско-летский диалект коми языка [Текст] / Т. И. Жилина. М., 1985. 272 с.; *Жилина, Т. И.* Вымский диалект коми языка [Текст] / Т. И. Жилина. Сыктывкар, 1998. 440 с.; *Колегова, Н. А.* Среднесысольский диалект коми языка [Текст] / Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. М., 1980. 226 с.; *Лыткин, В. И.* Материалы по коми диалектологическому словарю [Текст] / В. И. Лыткин // Коми филология / Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР. Сыктывкар, 1972. Вып. 14. С. 110–120; *Сахарова, М. А.* Ижемский диалект коми языка [Текст] / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. Сыктывкар, 1976. 285 с.; *Сахарова, М. А.* Печорский диалект коми языка [Текст] / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова. Сыктывкар, 1976. 152 с.; *Сорвачева, В. А.* Нижневычегодский диалект коми языка [Текст] / В. А. Сорвачева. М., 1978. 228 с.; *Сорвачева, В. А.* Удорский диалект коми языка [Текст] / В. А. Сорвачева, Л. М. Безносикова. М., 1990. 283 с.; *Сорвачева, В. А.* Верхневычегодский диалект коми языка [Текст] / В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1966. Вып. 10. 253 с.; Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов [Текст] / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961. 492 с. (Далее: ССКЗД).

24. Syrjänische texte / Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1986. Band II. № 123, 124, 155–157, 159; Syrjänische texte / Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1989. Band III. № 6–9, 31–37, 66, 95, 207–209; Syrjänische texte / Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1995. Band IV. № 147; Syrjänische Texte. Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt. M. Žikins Texte / Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 2006. Band V. 513 s.

25. Коми фольклор. Чукöртis П. Аристэ / Лöсьödic Н. В. Кузнецов. Тарту, 2005. № 194–197.

26. Коми фольклор. Чукöртis П. Аристэ / Лöсьödic Н. В. Кузнецов. Тарту, 2006. Лб. 140–162.

27. *Karoly, R.* Zyrian Folklore texts. Academia kiado [Текст] / Р. Карой. Budapest, 1978. № 142.

28. Игры народов СССР [Текст] / сост. Л. В. Былева, В. М. Григорьев. М.: Физкультура и спорт, 1985. С. 64–67.

29. Детские подвижные игры народов СССР: пособие для воспитателя детского сада [Текст] / сост. А. В. Кенеман; под ред. Т. И. Осокиной. М.: Просвещение, 1988. С. 58–60.

30. Методика собирания и изучения народных игр (В помощь учителю, руководителю кружка, участникам этнографических и фольклорных экспедиций)

- [Текст] / авт.-сост. В. М. Григорьев. 2-е изд., перераб., доп. М.: Турист, 1992. С. 48–50.
31. Детский фольклор Усть-Цильмы [Текст] / сост. Т. И. Дронова. Сыктывкар, 2000. С. 26–27.
32. Игры финно-угорских народов [Текст] / сост. Т. С. Леухина, Д. Аюпова, Е. Фоминых. Йошкар-Ола, 1995. Вып. 1. 18 с.
33. Мороз, Е. В. Физкультура и спорт в Коми АССР [Текст] / Е. В. Мороз. Сыктывкар, 1967. 168 с.
34. Там же. С. 16–17.
35. Несанелис, Д. А. Раскачаем мы ходкую качель. Традиционные формы досуга сельского населения Коми края (Вторая пол. XIX – первая треть XX вв.) [Текст] / Д. А. Несанелис. Сыктывкар, 1994. С. 24–25.
36. Мороз, Е. В. Физкультура и спорт в Коми АССР [Текст] / Е. В. Мороз. Сыктывкар, 1967. С. 24.
37. Подробнее об исследованиях Ю. Г. Рочев в области детского фольклора коми см.: Кудряшова, В. М. Коми фольклорист и литературовед Ю. Г. Рочев [Текст] / В. М. Кудряшова, И. А. Плосков, А. Н. Рассыхаев // Чужан кыв. 2006. 13 №. Лб. 14–24.
38. Челядь сьланкывъяс да мойдкывъяс [Текст] / Лёсьодис Ю. Г. Рочев. Сыктывкар, 1969. 112 лб. Второе издание – Сыктывкар, 1994. 104 лб.
39. Кудряшова, В. М. Из сайысь Венё Ярк Юрö [Текст] / В. М. Кудряшова // Войвыв кодзув. 2000. № 10. Лб. 76.
40. Коми йöзкостса сьланкывъяс: в 3 т. Изъва да Печора. 2-е изд. [Текст] / сост. А. К. Микушев, П. И. Чисталев. Сыктывкар, 1994. Т. 2. № 80.
41. Рочев, Ю. Г. Детский фольклор коми: дис. ... Л. 217–224; Рочев, Ю. Г. Детский фольклор коми [Текст] / Ю. Г. Рочев // История коми литературы. Фольклор. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. Т. 1. С. 218–219.
42. Рочев, Ю. Г. Зонпоснилöн важъя ворсöмъяс [Текст] / Ю. Г. Рочев // Войвыв кодзув. 1969. № 10. Лб. 59–60.
43. Коми челядьлöн важъя ворсöмъяс / Лёсьодис Ю. Г. Рочев. Сыктывкар, 1988. 24 лб.
44. Несанелис, Д. А. Детские игры коми [Текст] / Д. А. Несанелис // Традиционная культура народа коми. Сыктывкар, 1994. С. 201–209; Несанелис, Д. А. Раскачаем мы ходкую качель [Текст] / Д. А. Несанелис ...; Несанелис, Д. А. Традиционные игры и развлечения [Текст] / Д. А. Несанелис // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. С. 158–166; и др.
45. Несанелис, Д. А. Старинная игра детей коми «гöрд гача»: опыт семантического анализа [Текст] / Д. А. Несанелис // Генезис и эволюция традиционной культуры коми / Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 1989. Вып. 43. С. 80–89; Несанелис, Д. А. Тема смерти в детской игровой культуре народов Севера [Текст] / Д. А. Несанелис // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2003. № 2. С. 36–47; Несанелис, Д. А. Символические формы поведения в традиционной культуре народов Севера [Текст] / Д. А. Несанелис. Архангельск: Поморский ун-т, 2006. 154 с.
46. Несанелис, Д. А. Мотив «раскачивания» в мифопоэтических представлениях народов коми [Текст] / Д. А. Несанелис, В. Э. Шарапов // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского севера / Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 1996. Вып. 60. С. 77–95; Несанелис, Д. А. Тема смерти в детских играх: опыт этносемантического анализа (по материалам традиционной культуры коми) [Текст] / Д. А. Несанелис, В. Э. Шарапов // Смерть как феномен культуры: межвуз. сб. науч. трудов. Сыктывкар, 1994. С. 122–134.
47. Уляшов, О. И. Семантика сёй / сюн в свете традиционных хроматических ассоциаций у коми [Текст] / О. И. Уляшов, В. Э. Шарапов // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского севера / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 1996. Вып. 60. С. 109–118; Уляшов, О. И. Цвет в представлениях и фольклоре коми [Текст] / О. И. Уляшов. Сыктывкар, 1999. С. 17–18, 40.
48. Традиционная культура коми: Этнография детства. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций 1995–1998 годов [Текст] / сост. А. В. Панюков, Г. С. Савельева. Сыктывкар, 1999. 82 с.
49. Коми фольклор [Текст]: хрестоматия / сост. В. В. Филиппова, Н. С. Коровина. Сыктывкар, 2002. 328 с.
50. Уляшова, Г. Я. Духовная культура народа коми Предуралья (бассейн реки Илыч) [Текст] / Г. Я. Уляшова. Приуральский: Троицко-Печорский районный историко-культурный краеведческий музей им. А. Н. Попова, 2006. 80 с.
51. Основные работы с изложением правил народных игр см.: Рассыхаев, А. Н. Коми народные игры [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 188–191; Рассыхаев, А. Н. Ворсöмъясын мыждöм [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Войвыв кодзув. 2002. № 8. Лб. 69–72; Рассыхаев, А. Н. Народные игры коми [Текст] / А. Н. Рассыхаев // «Олан гаж – выль да важ»: методический сборник / Лёсьодисьяс М. В. Низовцева, Г. А. Вурдова. Сыктывкар: «Эскöм», 2005. Лб. 55–61; Коми ворсöм да гаж: тöрыт да талун (Коми игры и веселье: вчера и сегодня) / Лёсьодисны А. Н. Камбалова, А. Н. Рассыхаев. Сыктывкар: Кола, 2007. 76 лб.
52. См.: Рассыхаев, А. Н. Игра с шагами (альчи-ками) на щелчки в традиционной культуре коми [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Игровое пространство культуры: м-лы науч. форума. СПб., 2002. С. 233–236; Рассыхаев, А. Н. Игры с шагами (в бабки) в традиционной культуре коми [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Фольклористика Коми / Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2002. Вып. 63. С. 91–104; Рассыхаев, А. Н. Игра как текст культуры (к интерпретации структуры традиционных детских игр по правилам) [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Символ в системе культуры: проблемы интерпретации текста: докл. межрегион. науч. конф. Сыктывкар: КГПИ, 2003. С. 52–55; Рассыхаев, А. Н. О символической организации пространства в традиционных детских играх коми [Текст] / А. Н. Рассыхаев // STUDIA JUVENALIA (SJ): сб. работ молодых ученых Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2003. С. 133–144; Рассыхаев, А. Н. Анализ народной игры «Отопки» (преимущественно по материалам традиционной культуры коми) [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Коми-пермяки и финно-угорский мир: м-лы межрегион. науч.-практ. конф. Кудымкар: Алекс-Принт, 2005. С. 155–159.
53. Рассыхаев, А. Н. Определение границ понятия «Детский игровой фольклор коми» [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: м-лы Международ. науч. конф.

Сыктывкар, 2000. С. 430–432; *Рассыхаев, А. Н.* Народная терминология для обозначения жанра считалок в коми фольклоре [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Материалы докладов пятнадцатой Коми республиканской молодежной научной конференции: в 2 т. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 308–309; *Рассыхаев, А. Н.* К вопросу о зауми в считалках коми [Текст] / А. Н. Рассыхаев // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: м-лы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 285–287; *Рассыхаев, А. Н.* К вопросу о взаимосвязи в коми фольклоре считалок с другими жанрами [Текст] / А. Н. Рассыхаев // STUDIA JUVENALIA (SJ): сб. работ молодых ученых Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 113–122; *Рассыхаев, А. Н.* Взаимосвязи коми детской литературы с детским фольклором коми [Текст] / А. Н. Рассыхаев // «Память предков: Национальный эпос и фольклор финно-угров сквозь призму детской литературы» в рамках 170-летия карело-финского эпоса «Калевала»: м-лы науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2005. С. 52–57; *Рассыхаев, А. Н.* О взаимодействии русских и коми считалок [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Традиционная культура. 2006. № 3. С. 84–89; *Рассыхаев, А. Н.* Коллекция детского фольклора в собрании Национального музея Республики Коми [Текст] / А. Н. Рассыхаев // Музеи и краеведение: тр. Национ. музея Республики Коми. Сыктывкар, 2007. Вып. 6. С. 299–305. (М-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Музеи в культуре региона: история, проблемы, перспективы», посвященной 95-летию НМРК. Сыктывкар, 17–20 октября 2006 г.).

И. М. Нуриева

ПЕСЕННАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ В СЕВЕРНО-УДМУРТСКОЙ И БЕСЕРМЯНСКОЙ ТРАДИЦИЯХ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена наименее изученному в удмуртской фольклористике явлению песенной импровизации. Термины импровизируемых жанров рассматриваются в культурном контексте традиции, приводятся параллели из смежных видов народного художественного творчества.

The article is devoted to the least studied in the Udmurt folkloristic phenomenon of song improvisation. Terms of improvised genres are investigated in the cultural context of tradition, parallels from adjacent forms of folk art creative work.

В северно-удмуртской и примыкающей к ней по стилю бесермянской песенных традициях импровизация является одним из ведущих принципов музыкального мышления. Наиболее очевидно этот принцип проявляется в песенном жанре *крэзь* – удивительном феномене северно-удмуртской и бесермянской традиционной культуры,

постоянно ускользающим от окончательного его определения и внесения в соответствующий жанровый реестр. Находящиеся на другом конце жанровой системы северных удмуртов и бесермян сюжетные песни *мадь* имеют текст в привычном для современного слушателя понимании. При этом носители традиции четко различают исполнительский процесс, так как '*крэзь* поют, а *мадь* поют-сказывают' (*крэзь кыфзало, нош мадь мадьыло*).

Импровизацию сами носители фольклорной традиции связывают чаще с текстом: *крэзь со, кыл маке-маке шедьтиськод, озвы гинэ вераса* ('Крэзь это, слова вот находишь, так только говоря-пропевая'). Под «словами» имеются в виду служебные части речи (частицы, междометия, союзы), звукоподражательная и устаревшая лексика, – то есть лексический ряд, получивший в удмуртском этномузыковедении термин «припевные слова». Вместе с тем многие записи *крэзей* в сольном исполнении содержат наряду с лексикой и лексические вставки-импровизации. Так, в одной из экспедиций в Глазовский район на нашу просьбу спеть *крэзь* Маргарита Сергеевна Селиверстова (1927 г. р.) тут же откликнулась следующей импровизацией (см. далее).

Что касается мелодической импровизации, то следует отметить, что мелодико-интонационные рамки импровизации северо-удмуртских и бесермянских *крэзей* довольно подвижны, то есть, с одной стороны, существуют определенные напевы, прикрепленные к конкретной обрядовой ситуации (свадьбе, похоронам, проводам в армию и т. д.), мелодический остов которых практически не изменяется. Они легко узнаваемы по мелодическому контуру, по ритмике, по отдельным текстovým клише вне зависимости от сольной или ансамблевой (многоголосной) формы исполнения, локальной принадлежности. Их функциональная приуроченность атрибутируется и на терминологическом уровне (*сюан крэзь* 'свадебный напев', *шайвыл крэзь* 'похоронный напев' и т. д.). Удельный вес собственно музыкальной импровизации здесь не столь значителен, уместнее говорить о вариантности. Большому изменению подвергается текстовая сторона: именно вербальный текст творится в процессе исполнения по законам жанра импровизации.

Вместе с тем почти в каждой северно-удмуртской и бесермянской песенных локальных традициях существует особый *крэзь* или группа *крэзей*, которые пока с трудом поддаются классификации и идентификации. Наиболее общий признак этих напевов – полифункциональность, неприуроченность, исполнение в различных обрядовых и внеобрядовых ситуациях. Весьма показательны ответы наших информантов на вопросы, связанные с мелодической импровизацией:

es = e ♩ = 102

Э бэн мон ма-лы мэ-да дун'-н'э - йэ ворд-ски шус'-ко

тын' та кър-йас' - ко уг бэн ук кот'-мар-лэс' но воз-йас'-кы-са у-ли ук

шу-път - лэс' но кэ-з'ят-лэс' но

кот' мар - лэс' но кот' мар - лэс' но воз - йас' - ки ук бэн ук но

ук бэн ук шу - ис' - ко ли-бо вэ - ра - лом-а но

эх бэн уг э ги-нэ но

пы - чы-йэ - сын ик бэн ук му - ми шу - ь - лиз ук бэн

ай - да ка кър - ља - лом тин' пъл - ль та крэ - зээ куч-ки-лим но

кър-љап'-л'ам ук бэн ук

кь - тын бэн ук та эх бэн ук

са - мой мой шу - мээ пур - ть вад си-мой шы - чы - йээ но бэн

са - мой ук ку - рал-љи-сээ

Курекъян / жож крезь
(печальный/горестный напев)

Э, да [1], я почему же в мир родилась, говорю,
Вот так пою, *ведь, вот, ведь*, завидуя всему жила я, ведь.
И теплу, и холоду.
Всему да всему да завидовала, *ведь, вот, ведь, да.*
Ведь, вот, ведь, говорю, либо скажем ли, да.
Эх, вот, ведь, э, только, да.
С детства, вот, ведь, мама говорила, ведь, вот,
Давай, споем вот. Оказывается, этот крезь начали (петь), да,
Пели, *ведь, вот, ведь.*
Где же это, *эх, вот, ведь.*
Самая я последняя (букв.: квашня-котел) была, самая младшая, *да, вот,*
Самая ведь мученица-страдалица.

1-й информант: Если женщина одна в доме... вот так начинает, на весь дом поет горестный *крезь*... От души у нее вот, из сердца это идет. Вот как она захочет, так запоет она. Но только горестное, свое горе выложит... Каждая женщина даже сама может придумывать.

Собиратель: Слова?

1-й информант: Не слова, мотив. От души, от себя.

2-й информант: Да. У каждой ведь горе-печаль есть, хоть какое, у каждого человека, и любовью *крезь* да выводит и до слез поет, потом останавливается – успокаивается.

1-й информант: Из сердца это, мотив сам получается. Вот.

Собиратель: А как она находит мотив?

1-й информант: Вот, само сердце говорит, что ли, как скажешь?

Собиратель: А может, она какой-нибудь известный мотив берет и переделывает?

1-й информант: Они никогда мотивы не брали, пожилые женщины.

2-й информант: Никто. Откуда пожилые возьмут?..

Проблема мелодической импровизации требует глубокого проникновения в традицию, многократных повторных записей. Исследования в этом направлении только начинаются. Один из первых вопросов, требующих освещения, – проблема народной терминологии. Так, ускользающие от классификации *крези*-напевы, как правило, имеют свои названия: *озьнэ крезь* ('простой напев'), *общий крезь*, *кйт курекстон/курекьяськон крезь* ('горестный, печальный напев'), *бесерман крезь* ('бесермянский напев'), *удмурт крезь* ('удмуртский напев'), *проходной крезь* ('проходной напев'), *веськыт крезь* ('прямой напев'), *весьяк крезь* ('постоянный напев'), *зылак крезь*. Как уже отмечалось выше, терминологией подчеркивается неприуроченность напевов-*крезей*, их свободное положение в жанровой системе, возможность исполнения в любой обстановке, в том числе и обрядовой.

За редким исключением, этимология терминов прозрачна и не требует отдельного исследования. Для понимания природы *крезя*, внутренних механизмов песнетворчества необходим их культурологический анализ, изучение терминологии в живом культурном контексте традиции. Рассмотрим некоторые из терминов. *Веськыт крезь* ('прямой напев'): с музыковедческой точки зрения термин не этимологизируется, хотя не исключается и его музыкально-стилевая интерпретация. В частности, показательны сетования на сложность пения северо-удмуртских *крезей* закамскими удмуртами, в генетическом коде исполнительского стиля которых заложено богато орнаментированное, украшенное мелизмами пение. «Не могу петь так прямо», – говоря о *кре-*

зях, призналась профессиональная исполнительница традиционных песен Альфира Камалтдинова (удмуртка из Башкортостана), очевидно, подразумеваемая под словом «прямо» силлабический (слог-нота) стиль пения северных удмуртов.

Однако более приемлемым кажется другое толкование термина *веськыт* ('прямой'), сделанное на типологически сходном марийском материале: «... песни без слов исполняются марийцами часто без всякой музыки; они носят название «вияш-муро», букв.: «прямая песня», а песни с текстами – «лудыш муро», букв.: «считальная песня». Слово «лудаш» в марийском языке имеет два значения: «читать» и «считать» и применено к песне, вероятно, по сходству, ибо как при счете, так и при чтении книги человек произносит слова почти неотрывно одно за другим» [2]. Отношение к чтению почти как к сакральному акту, в котором проявляется по-детски восторженное удивление, также сохранилось и у удмуртов. В одном из периферийно-южных диалектов, например, одним термином *чифдыны* обозначается чтение, пение соловья и чтение молитвы. Высокий статус сюжетных (чит.: поздних) песен *мадь* подчеркивается иногда и самими информантами: «песен мало было тогда [во время войны], их не знали, неграмотные были, не знали они песен, чтобы вот петь-рассказывать о войне, и вот сами из сердца выводили пели (*крези*)» (Глазовский район). Отсутствие связного (читаемого) текста, определенное песенного сюжета в *крезе*, очевидно, и вызывает аналогию с «прямым» пением.

В этом же ряду стоит и другой термин, зафиксированный нами у нижнечепецких удмуртов (Кировская область) – *зылак крезь*. Наречно-образительное слово *зыл* и его дубликатная форма *зыл-зыл* обозначает плавное, ровное движение: *Зыл-зыл ветлэ* (Ходит не наклоняясь, не переваливаясь); *Пилемъёс зыл кошко* (Плавно плывут облака) [3]. Следует отметить, что у кировских удмуртов отсутствует термин *мадь* для определения сюжетных песен; все исполняемые песни, в том числе импровизации, называются *крезь*. Для номинации импровизируемого пения и существует термин *зылак крезь*: «Хоть любой – зуч *крезез* *басьтиськод*, *сефе зылак крезез* *шуса кариськод*: «Ходила я в лес по малину, трай ла ла» *шуса*. Мотивез *пичияк воштиськод*» ('Хоть любую – русскую песню берешь, потом под *зылак крезь* ее переделываешь: «Ходила я в лес по малину, трай ла ла». Только немного мотив поменять») (Унинский р-н Кировской области).

Новые экспедиции приносят новый терминологический материал. Так, в Кезском районе мы зафиксировали напев «*Дас кык выртын голос*» (букв. 'напев двенадцатью нитченками'), записанный от двух певиц. Семантика этого термина уже

утеряна, и тем ценнее было услышать ремарки певца после исполнения напева:

Информант: Вот так, когда соберемся, звонко (*куаж*) поют женщины... Тяжело только его петь. Ой, веселая ведь его мелодия. Двенадцатью нитченками раньше пели его... Раньше вот так соберутся, на какой-нибудь вечер, садятся вокруг стола и поют... Но сейчас такие песни уже забыты. Никто уже их не поет.

Собиратель: А почему он так называется?

Информант: Почему-то двенадцать нитченков говорят... (Кезский р-н).

Число «двенадцать», обладающее особым символическим статусом в числовой иерархии в удмуртской мифологии, встречается в удмуртских обрядовых песнях [4]. В частности, в песнях южных удмуртов это число символизирует множественность, «ладность», согласованность пения и в то же время – особый звукоидеал сакрального (необычного) пения:

Сюан гур

(свадебная песня алнашских удмуртов)

*Дас кык гынэ зазегъёсыд чош ке вазыло,
Шуккисъкылоз куараосыз, ой, но луд вылэ.
Лыктэм гынэ куноёсмэ чош ке кырзазы,
Шуккисъкылоз куараёсыз бай дорысь бай доры.*

Двенадцать гусей вместе если вскрикнут,
Отзовутся их голоса, ой, над полями.

Приехавшие к нам гости вместе если запоют,

Отзовутся их голоса от одного дома богача к другому [5].

Пукон дыръя кырзан

(посиделочная песня кизнерских удмуртов)

*Дас кык пар, дас кык пар, ой валъёсы
Чош ке но, чош ке но гырдалтизы,
Шуккисъкоз, шуккисъкоз, ой, куаразы
Бодья но, Бодья но возъ кузя.
Дас кык пар, дас кык пар, ой, зазеге
Чош ке но, чош ке но гагактизы,*

*Шуккисъкоз, шуккисъкоз, ой куаразы
Абат но, Абат но шуф кузя.
Дас кык пар, дас кык пар, ой, нылъёсы
Чош ке но, чош ке но кырзазы,
Шуккисъкоз, шуккисъкоз, ой, куаразы
Бодья но, Бодья но урам кузя.
Дас кык пар, дас кык пар, ой тйёсы
Чош ке но, чош ке но чогизы,
Шуккисъкоз, шуккисъкоз, ой, куаразы
Бодья но, Бодья но нюлэс кузя.*

Двенадцать пар, двенадцать пар, ой, лошадей
Вместе если да, вместе если да заржут,
Разнесется, разнесется, ой, ржание

По бодьинскому да, по бодьинскому да лугу.

Двенадцать пар, двенадцать пар, ой, гусей

Вместе если да, вместе если да загогочут,

Раздастся, раздастся, ой, гогот

По Абат да, по Абат речке.

Двенадцать пар, двенадцать пар, ой, девушек

Вместе если да, вместе если да запоют,

Зазвучат, зазвелят, ой голоса

По бодьинской да, по бодьинской да улице.

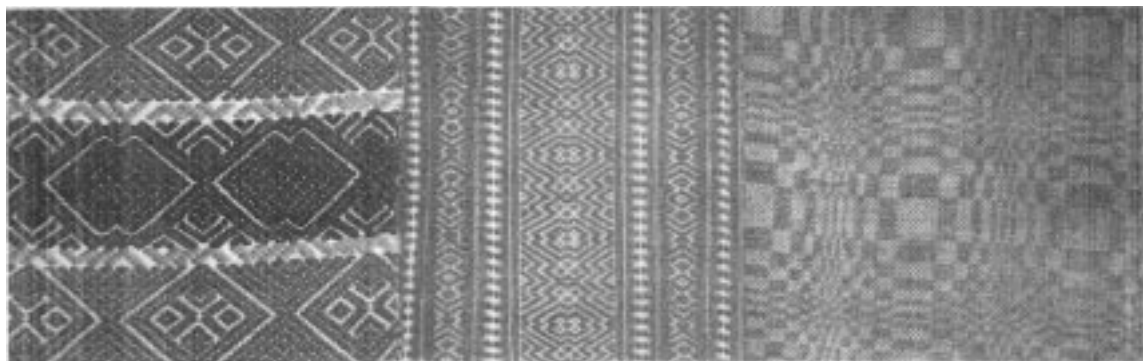
Двенадцать пар, двенадцать пар, ой, парней

Вместе если да, вместе если да станут рубить лес,

Зазвучат, зазвелят, ой, топоры

По бодьинскому да, по бодьинскому да лесу [6].

Удмуртский термин *вырт* связан с текстильным делом и обозначает детали в ткацком станке – ремизки, или ниченки (нитченки), благодаря которым выстраивается тканый рисунок в виде вертикальных рубчиков. Чем больше применяется нитченков, тем сложнее, мельче рисунок и тем искуснее мастерица. В настоящее время распространено ткачество на двух ремизках; искусством ткачества на четырех нитченках в Удмуртии владеют немногие мастерицы. Рисунок, вытканый на двух нитченках, получается крупный, «читаемый», в отличие от более мелкого «плывущего», разбегающегося от центра рисунка, сотканного на восьми ремизках (рисунок). В фольклоре

а)

б)

в)

а) фрагмент полотенца, вытканного на двух ремизках, б) фрагмент занавески, вытканной на четырех ремизках, в) фрагмент скатерти, вытканной на восьми ремизках. Фото автора

ных песенных текстах встречаются строки о ска-
терти, вытканной на восьми нитченках:

Ой, кеносын сюрвын ук тямыс выртэн
льккышетэ.
Мон ке но кулһ, мон ке кулһ, малтаса
вклды, кенаке.

Ой, в амбаре на перекладине ведь восемью нит-
ченками тканая скатерть.

Если я умру, если умру, думая (обо мне) расстели,
тетя [7].

Ткачество на двенадцати ремизках, как пояс-
нили нам профессиональные мастерицы ткацко-
го дела, в удмуртской традиции считалось наибо-
лее сложным, вершиной профессионального ис-
кусства. Закономерно возникает вопрос, что имен-
но подразумевается под термином *дас кык выр-
тын голос*: определенная ли иерархия голосов в на-
певе, точное (возможно, желательное) количество
участниц в ансамбле или это метафора?

На наш взгляд, данный термин, зафиксирован-
ный нами по отношению к конкретному напеву,
метафоричен и может обозначать 1) «ладность»,
стройность совместного обрядового пения, 2) осо-
бый звуковой эффект при исполнении *крезей*, со-
здающийся одновременным пропеванием различ-
ных фонем. Как известно, уникальная особенность
коллективного пения *крезей* заключается в том,
что каждый певец ведет свою самостоятельную
текстовую партию, что создает очень мощный зву-
ковой эффект – эффект еще одного, невидимого,
участника по принципу детской игры, во время
которой дети одновременно громко произносят
разные слова (например, *аптека, спички, часы*),
в результате чего получается совершенно другое,
не произнесенное никем слово (*апчихи*).

Очевидно, выстраивание сложной политексто-
вой партитуры голосов, сложенное их перепле-
тение напоминало песельницам детализирован-
ный тканый рисунок или сам процесс ткачества
[8]. Приходится только поражаться удивитель-
ной точности найденной исполнителями ассоци-
ации, воспроизводящей и форму, и содержание
«разнотекстового» пения.

Примечания

1. Курсивом выделена асемантическая лексика, то есть
«припевные слова».

2. Четкарев, К. Предисловие [Текст] / К. Четка-
рев // Марий калык муру (Марийские народные пес-
ни) / сост. сб. и коммент. В. Коукаль, ред. и вступ. ст.
К. Четкарева. М.; Л., 1951. С. 24–25.

3. Борисов, Т. К. Удмурт кыллюкам [Текст] /
Т. К. Борисов. Ижевск, 1991. С. 157.

4. Показательна пословица, записанная нами в фольк-
лорной экспедиции в Кезском р-не в 2008 г.: «*Дас
кык уж, дас кык пбртэм*» («Двенадцать работ, (и все)
двенадцать разные»).

5. Бойкова, Е. Б. Песни южных удмуртов. Вып. 1.
(Удмуртский фольклор) [Текст] / Е. Б. Бойкова,
Т. Г. Владыкина. Ижевск, 1992. С. 51.

6. Чуракова, Р. А. Песни южных удмуртов.
Вып. 2. (Удмуртский фольклор) [Текст] / Р. А. Чу-
ракова. Ижевск, 1999. С. 130–131.

7. Сборник удмуртских народных песен, записан-
ных в 1938–1940 годы [Текст] // Н. М. Греховодов –
композитор, фольклорист, педагог: сб. м-лов / сост.,
вступ. ст., биограф. статья, муз. редакция Р. А. Чурако-
вой. Ижевск, 2006. С. 44.

8. В этом же районе мы зафиксировали и другой
термин *дас кык вурусен* («двенадцатью швами напев»),
являющийся, возможно, вариантом первого.

А. В. Камитова

ДВУЯЗЫЧИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКОГО ПОЭТА КУЗЕБАЯ ГЕРДА [1]

Статья посвящена феномену художественного
билингвизма на примере творчества классика уд-
муртской литературы Кузебая Герда. В работе дана
попытка объяснения причин и обстоятельств, обус-
ловивших творение на ином языке.

The article is devoted to the artistic bilingualism
phenomenon on the example of Kuzebay Gerd's
works, of a classical author of the Udmurt literature.
The author of the article try to explain the courses
and circumstances which caused Udmurt author to
create on other language.

Имя Кузебая Герда является одним из ярких
фигур финно-угорского мира. Для современного
поколения он оставил незабываемое культурное
наследство. Его стихи стали классикой удмуртс-
кой литературы. С конца XX в. в научных тру-
дах намечился новый виток изучения творчества
удмуртского поэта, и это находит продолжение
в XXI в. Проводятся научные конференции и Гер-
довские чтения, издаются коллективные и автор-
ские работы. С 1992 г. ассоциацией «Удмурт
Кенеш» учреждена литературная премия им. Ку-
зебая Герда за выдающиеся достижения в обла-
сти культуры.

Трагическая судьба поэта стала основой для со-
здания фильма и драматической постановки тра-
гедии о жизненном пути Герда [2]. О возросшем
интересе к феномену гердоведения свидетельству-
ют и новые публикации сборников стихов и поэм,
статей и научных работ, писем автора на удмурт-
ском и русском языках. С полным творчеством
Кузебая Герда современный читатель может по-
знакомиться в солидном шеститомном издании
(2001–2005), куда вошло все «многообразие его
вербального творческого наследия (поэзии, про-
зы, драматургии, фольклористики и литературо-

ведения, эпистолярного жанра и т. д.)» [3]. Зарубежные издания «преподносят своим читателям творения К. Герда на удмуртском языке в той степени подлинности, в какой они представлены в наших изданиях» [4].

2008 год юбилейный для Удмуртии. В этом году исполняется 110 лет со дня рождения Кузебая Герда, и наша республика празднует 450-летие добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. К этим датам приурочены и научные конференции, проводимые в разных городах Удмуртской Республики.

Творчество Кузебая Герда, одной из ярчайших личностей в литературном мире всего Урало-Поволжья, поистине неисчерпаемо. Несмотря на многочисленные работы, рассматривающие феномен Герда-поэта, исследование особенностей его художественного мира остается быть актуальным.

Художественный билингвизм – важный феномен поэтического творчества Кузебая Герда. Писательское двуязычие поэта определяется его владением и творением на национальном языке и на русском – в форме авторских переводов поэтических текстов. Переводное творчество удмуртского поэта отличается большим объемом (кроме русского, имеются переводы на чувашский, венгерский, коми, финский, татарский, киргизский, английский языки), следовательно, его поэзия входит в контекст общеевропейской культуры.

На сегодняшний день феномен художественного билингвизма отличается недостаточной изученностью. Возможно, это связано с недостаточным вниманием к этому явлению, незаинтересованностью этим видом творчества самих писателей-билингвов, общим экономико-политическим состоянием в структуре литературного образования России.

Сокращение переводов можно объяснить тем, что в недостаточной степени развит опыт культурного «обмена» носителей разных языков. Между тем в современную эпоху интеграции культур проблема межъязыковой коммуникации вызывает большой интерес гуманитарных наук. Сейчас интерес ученых концентрируется в области как устного, так и письменного переводов. Формирование новейших научных исследований в этой области, а также кино-видео перевода и т. д. предпринимаются для того, чтобы соответствовать современным потребностям. Эта проблема сегодня представляет интерес для многих смежных наук. В связи с этим расширяется круг исследований от частных моментов до выявления сложных причин многоаспектных переводческих решений.

Развитие удмуртского художественного билингвизма – явление, присущее удмуртской литературе на всех этапах ее существования – от

зарождения до современного состояния. Отрадно отметить, что традиция двуязычного творчества и обращение к переводческой практике в современной удмуртской литературе не прерывается. Положительную роль в этом играет сопряженность, близкое географическое сосуществование двух культур (что касается удмуртско-русских переводов), близкородственность языков, реализация и сохранение самобытности, интерес к специфичной иноязычной лингвокультурной системе (переводы на финно-угорские и иные языки) как результат межкультурного общения.

Обращение удмуртского поэта Кузебая Герда к поэтическому творчеству на русском языке относится к периоду 1915–1929 гг., хотя основы русского стихотворчества прослеживаются еще в раннем детстве. Увлеченность поэта переводным трудом совпало с черным периодом российской литературы: разгулом террора, репрессий, удушением прав. Но именно после 1917 г., по наблюдениям исследователей, искусство поэтического перевода переживало рассвет.

Кузебай Герд принадлежал кругу переводчиков 20-х гг., которые подняли поэтический перевод на определенную высоту. Этому способствовал их интерес к другим культурам и знакомство иных народов со своей национальной самобытностью.

Но «совершенно очевидно, даже при блестящем владении языками переход из одной языковой среды в другую в литературном творчестве очень сложен, ведь речь буквально идет о смене «языкового генотипа», ментальности, особенно когда корреспондируют разные лингвистические системы, скажем, агглютинативная и флективная» [5]. Творчество Кузебая Герда представляет именно такую систему взаимодействия языков.

Причин и обстоятельств, обусловивших творение на ином языке, может быть несколько. Одной из них явилось то, что «в дореволюционное время... удмуртский язык не имел права гражданства и на нем невозможно было публиковать поэтические произведения <...> И после Октябрьской революции К. Герд писал на русском языке оригинальные стихи, совершенно в ином плане, отступая от удмуртской основы, переводил свои стихи и создавал самобытные поэтические произведения» [6]. То есть мастер пера мог реализовать себя лишь в области перевода.

Сам Герд в статье «Ашалычи Оки» отмечает актуальность переводов: «Ознакомление русской читающей публики с образцами вотяцкой художественной литературы в русских переводах до сих пор не налажено. Но потребность в этом уже назрела» [7]. Художественные переводы удмуртского поэта входят органичной частью в его поэтическую систему и имеют важное значение в

ознакомлении с художественной картиной мира лирика в полном объеме, а также в ознакомлении русскоязычной аудитории с национально-специфичными явлениями удмуртской культуры. Но важно отметить и то, что в переводном текстовом пространстве начинают взаимодействовать две модели мира с двумя культурно-лингвистическими контекстами. И во всем русскоязычном творчестве наблюдается явное присутствие Герда-билингва.

Причиной обращения к русскоязычному творчеству писателя может быть и «давнее и широкое бытование русского языка среди удмуртов...; желание авторов придать более широкий читательский резонанс своим произведениям, включив их в огромную орбиту русского языка; вечная неудовлетворенность автора качеством переводов и стремление напрямую без посредников выйти к русскоязычному читателю, что считалось более престижным; поскольку осознанно или подсознательно ощущалась не полная своя реализованность в родной речи, что могло быть вызвано как небезупречным владением этой речью, так и общим состоянием разработанности родного языка при всей его, казалось бы, самодостаточности» [8]. Так же допускаем мысль, что удмуртский и русский языки для Кузубая Герда были равнодействующими с ранних лет. И для него русский не в меньшей степени родной, чем удмуртский.

Выбор исходных произведений для их перевода на русский язык Кузубаем Гердом также может быть связан несколькими причинами. Вероятно, это спонтанный и произвольный «отбор» поэта-билингва или осознанный выборочный путь. По замечанию В. М. Ванюшева, в авторском отборе стихов для переводов «обнажаются общее и особенное в жизненном укладе обновленного революцией удмуртского народа, в его образном восприятии окружающей природы и социальных явлений» [9]. Возможно, это выдвинутая временем возможность выражения идеи социалистического мировоззрения, многонационального единства бывшего Советского Союза и советской литературы.

Двуязычное творчество удмуртского писателя как часть национального литературного процесса не отрицает возможности проследить в нем социально-исторические моменты, биографические факты и опосредованно – особенности развития удмуртско-русского художественного билингвизма. Именно русскоязычное творчество национальных писателей в силу определенных исторических, социальных, политических и общекультурных условий сформировало истоки литературного процесса в удмуртском литературоведении.

Возможно, особый стиль изложения Кузубая Герда и других поэтов-переводчиков обусловлен

тем, что художественная действительность родной культуры в силу разных причин не может уложиться в рамки русского литературного языка. И тогда в русские переводы носитель национальной (удмуртской) культуры вносит дополнительные и даже специфичные способы изображения художественного мира. В результате этого происходят и изменения смысловой нагрузки. Но такой текст является особым видом творческого синтеза билингвальной личности с его ментальной природой.

В мире литературном национальное выступает как проблема художественного своеобразия. Совокупность же всех разбросанных по русскоязычным текстам этнически маркированных вкраплений, взятых в динамике развития сюжета и характеров, предлагается называть национально-стилевой (или этностилевой) интерференцией. Перенос лингвистическое значение термина «интерференция» (наложение языков) в область литературоведения, под данным термином понимаем явление транспозиции (перемещения) национальных особенностей восприятия, осмысления и образного отображения мира на инонациональную основу – русскоязычный художественный текст. Такое наложение идет из исконной, родной сферы на неродную, вторичную. Данное взаимодействие языковых систем наблюдается в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка.

Формы и способы проявления этностилевой интерференции в русскоязычном произведении могут быть самыми разнообразными. Но, пожалуй, самым мощным ее «генератором» является фольклор – как одна из форм реализации канон национальной эстетики. В этом случае следует говорить о такой художественно-образительной категории, как фольклорно-стилевая интерференция. Поливалентность фольклорных мотивов предполагает рассмотрение фольклорно-стилевой интерференции на разных уровнях: образном, сюжетном и ассоциативно-фоновом. Так, например, на образном уровне ощущается национальная самобытность, этнический колорит произведения.

Фольклорная природа мотива состоит в адекватности передачи народнопоэтического и авторского восприятия, экспрессивной окраски тех или иных фольклорных и авторских фрагментов, как бы пронизанных специфическим «этнополем», генерируемым находящимися внутри таких фрагментов текста фольклорными мотивами, деталями, ассоциациями. Таким образом, совокупность фольклорных мотивов, содержащихся в русскоязычном произведении как единое целое, несет в себе этноспецифическую художественную информацию, создает фольклорно-стилевую интер-

ференцию. Для русскоязычного творчества, не имеющего в своем арсенале адекватных национальных языковых изобразительных средств, «рейтинг» национально маркированных реалий как синонимов самобытности, несомненно, возрастает. Реалии выступают тем художественным фактором, которые производят национально-стилевую интерференцию.

Эстетико-художественный потенциал имеющих в русскоязычных текстах национально маркированных единиц вполне достаточен для участия их в обрисовке того или иного конкретного характера, в расстановке этнопсихологических акцентов. Введение реалий в русскоязычный художественный текст именно с этой целью связано и с максимальной реализацией художественно-изобразительного потенциала. Изначальная, внутренняя связь с первичной (удмуртской) культурой и овладение иной «предоставляет для автора еще одну возможность описания действительности: создание адекватного художественного образа на ином языке» [10].

Культурно значимые единицы используются в качестве составляющих национально-самобытного фона, то есть на фоновом уровне. При этом этническая неповторимость фона связывается, как правило, с удмуртской культурой, с ее элементами, имеющими бесспорный и красноречивый этноизобразительный потенциал (описания национальной одежды, пищи). Возможно, встречающиеся в русскоязычном творчестве Герда определенные реалии, являются осознанным их выбором в качестве наиболее специфичных, маркирующих национально-культурное своеобразие. И, вероятно, именно в ином (русском) художественном пространстве они (реалии) выполняют роль символических маркеров национальной культурной самобытности народа.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что причин обращения поэта к иноязычному творчеству может быть несколько. И в языке перевода национальное, выраженное этнически маркированными единицами, выполняет разные художественные функции и является одним из важных компонентов осмысления мировидения автора-переводчика. Национальные писатели-билингвы создают «уникальный сплав национальных менталитетов и национальных культур» [11]. Неоспоримо, что поэтическое творчество Герда на русском языке дало возможность расширить «контекстуальность своего существования» [12], а первичная культура обогатила его видение. На наш взгляд, на основе собственной культуры удмуртский поэт проложил путь и «предложил» опыт взаимодействия разных национальных начал в контекст русской литературной традиции.

В настоящее время в связи с ростом культурного общения между народами вопросы худо-

жественного перевода приобретают все большее значение. Особенно примечательно культурное содружество с финно-угорским сообществом, которое «стало заметным общественным явлением в Европе и, безусловно, будет направлено на сохранение и развитие народов, входящих в эту языковую семью» [13]. На конференциях и форумах все чаще обсуждаются важнейшие вопросы по сохранению и развитию национальных литературных традиций, популяризации литератур финно-угорских народов и расширению писательского сотрудничества. Позиция самих писателей заключается в раскрытии духовных ценностей, которые рождаются в диалоге культур, не отрываясь от национальной канвы. Хочется верить, что общие гуманистические ценности останутся в основе культурного сотрудничества народов России, которые помогут в упрочении международных связей и воспитании толерантных отношений. Произведения словесности и другие формы духовной культуры, содержащие этнические проявления народной памяти и знаний, обладают силой, которая притягивает и пленяет читателя.

Примечания

1. Кузубай Герд (Кузьма Павлович Чайников) – известный талантливый удмуртский поэт и прозаик, драматург и музыковед, переводчик и общественный деятель.
2. Министерством культуры, Союзом писателей УР к столетию со дня рождения Кузубая Герда был объявлен конкурс на лучшую пьесу о поэте. Интерес жюри вызвала трагедия на удмуртском языке Е. Е. Загребина «Кукушка все кукует».
3. Кельмаков, В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка [Текст] / В. К. Кельмаков. Ижевск, 2008. С. 255.
4. Там же. С. 264.
5. Владыкин, В. Е. Билингвизм в литературном творчестве PRO ET CONTRA [Текст] / В. Е. Владыкин. Ижевск, 2003. С. 302.
6. Ермаков, Ф. К. Удмуртский поэт и ученый [Текст] / Ф. К. Ермаков. Ижевск, 1988. С. 168.
7. Герд, К. Собрание сочинений [Текст]: в 6 т. Т. 4: Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма / К. Герд. Ижевск, 2004. С. 191.
8. Владыкин, В. Е. Указ. соч. С. 302.
9. Ванюшев, В. М. Поэзия Кузубая Герда на русском языке [Текст] / В. М. Ванюшев // К изучению жизни и творчества Кузубая Герда: сб. ст. Ижевск, 1988. С. 35.
10. Бахтикиреева, У. М. Творчество писателя-билингва в восприятии носителя русской языковой культуры [Текст] / У. М. Бахтикиреева // Вопросы филологии. 2005. № 1(19). С. 73.
11. Там же. С. 73.
12. Там же. С. 72.
13. Яналов, В. Финно-угорский мир и XXI век [Электронный ресурс] / В. Яналов // Финно-угорский вестник. 2006. № 3. Режим доступа: <http://www.finugor.ru/?q=node/1801>.

А. А. Лысов

**ДУХОВНЫЕ ОБРАЗЫ
И МУЧЕНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА
КАК РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ**

Статья посвящена связи поэзии Н. Клюева с древнерусскими культурными корнями через русский фольклор и старообрядчество.

Материалом статьи послужили стихотворения 1910–1920-х гг. – наиболее плодотворного периода творчества поэта. Количество проанализированных стихотворений достаточно для корректных выводов.

Духовные образы и мученические мотивы рассматриваются как явления русского народного православия, синтезирующие восточно-славянские национальные традиции с духовной символикой византийского православия.

Статья имеет ясную структуру, ход исследования логичен. Автор опирается на различные исследования в области философии и литературы, однако имеет свой взгляд на, казалось бы, хорошо исследованное поэтическое явление, что придает статье новизну. Следует подчеркнуть и актуальность данной статьи, так как творчество Н. Клюева сегодня может быть осмыслено в контексте всего XX в. Это касается и черт его личности, и символической наполненности его поэтического слова.

The article is devoted to the actual aspect of his dissertation research: connexion of N. Kluev's poetry with Old Russian cultural background via Russian folklore and Old Belief (Staroobryadchestvo).

Used as a material for the article were poems written in 1910–1920's – the most productive period of N. Kluev's poetic creation. The number of analysed poems is sufficient to make correct inferences.

Spiritual images and crucifying motifs are considered as a phenomenon of Russian Folk Pravoslavie synthesizing eastern-slavonic national traditions and spiritual symbolism of Byzantine Orthodoxy.

The article has clear structure, the course of the investigation is logical. The author refers to various philosophic and literary investigations, yet has his independent point of view at the seemingly well investigated problem, which gives the article some novelty. However it is necessary to accentuate the topicality of this article, since N. Kluev's creative work can be interpreted nowadays throughout the whole XXth century context. It concerns both the features of the poet's person itself and symbolic fullness of his poetic word.

В поэтическом творчестве Клюева присутствуют духовные образы и связанные с ними мученические мотивы, обнаруживаемые как в ранних произведениях поэта, стилизованных под фольклор, так и в стихотворениях послереволюционного периода, навеянных, как кажется на первый взгляд, идеей интернационального единения мира. Мученические мотивы осмысливаются Клюевым в контексте народного православия как фольклорного явления, которое, слившись с духовной символикой христианства, обнаруживает

глубоко национальное понимание христианских идей и мотивов, усматривая в них подлинное проявление русской национальной самобытности и духовной природы русской культуры, исконно связанной с образом своего носителя народа-Христа.

Будучи глубоко фольклорными, образы стихотворений Клюева непосредственно ассоциируются с христианской символикой. Наглядным примером в этом отношении как простое в восприятии сюжета и композиции, но очень глубокое по художественному замыслу и идейно-образному синкретизму предстает стихотворение «Слободская» (1909):

Как во нашей ли деревне –
В развеселой слободе
Был детина, как малина,
Тонкоплеч и чернобров;

Он головушкой покорен,
Сердцем-полымем ретив,
Дозволенья ожениться
У родителя просил.

На кручинное моленье
Не ответствовал отец, –
Тем на утреннем пролете
Сиза голубя сгубил:

У студеного поморья,
На пустынном берегу
Сын под елью в темной келье
Поселился навсегда.

Иногда из кельи строгой
На уклон выходит он
Поглядеть, как стелет море
По набережью туман,

Как плывут над морем тучи,
Волны буйные шумят,
О любви, о кручине,
О разлуке говорят [1].

Образы отца, сына и сизого голубя, заключая в себе евангельский подтекст, казалось бы, передают противоположную христианским идеалам картину отсутствия между людьми согласия и лада, вводя мотив гибели сизого голубя, символизирующий гибель духовной связи между отцом и сыном, гибель гармонии внутри человеческих взаимоотношений. Но в то же время завершающий картину духовного разлада образ сына под елью отчетливо ассоциируется с евангельским мотивом жертвы Христовой как народный символ принявшего на себя мученические страдания Христа во имя искупления грехов человеческих

и возрождения духовной целостности человека и Бога.

Как и евангельский образ Христа, увенчанного тернием, символизирует страдания Бога за род человеческий, – так и фольклорный образ сына под елью, подражая образу Христа, доказавшего своим примером возможность достичь совершенства человеческой природы и указавшего путь к преобразению, воспринимается как символ стремления человека к Богу, стремления следовать христианским заветам на пути к своему совершенству.

Поэтому образ сына под елью символизирует еще и жертвенность, которая требуется от вступившего на путь служения Богу, и указывает на то, что жизнь человека, идущего по стопам Господним, должна быть сопряжена с телесными страданиями, с испытаниями на стойкость его в вере, с обетом строгого воздержания от земных благ и радостей плотской любви для укрепления своего духовного выбора и доказательства преданности Богу. Мотив жертвенности обнаруживает также связь с сектантскими представлениями о духовном преобразении человека и его сближении с Богом через освобождение души от телесных оков, – представлениями, основанными на скопческих идеях умертвления плоти как средства искоренения свойственной натуре человека врожденной греховности и на хлыстовских обрядах физического самоистязания, восходящих к понятию аскетизма, имеющих параллели с верижничеством, постничеством, страстотерпием – явлениями, рассматриваемыми традиционным христианством в контексте аскезы как духовного подвига, мученичества за веру. По этому поводу исследовательница Л. А. Киселева тонко подметила, что главный в стихотворении образ юноши – сына – сизого голубя содержит аллюзию на скопческую секту: «Лирический герой песни, отмеченный кротостью и женственной красотой ('как малина', 'тонкопеч и чернобров', 'головушкой покорен'), назван 'сизым голубем'. Здесь можно усмотреть аллюзию на секту скопцов, называвших себя 'голубями'» [2] (П. И. Мельников указывает, что скопцы «...те же самые хлысты, с их учением и обрядами, но ради умертвления плоти ведшие у себя оскопление» [3]). К тому же исследовательница идет дальше и, объединяя образ голубя с образом ели, рассматривает их как «наиболее орнаментальные» в зрительном отношении знаки... связанные, возможно, и с иконографической семантикой зеленого и голубого цветов (земной и ангельский 'престолы')» [4]. Впрочем, нельзя не заметить, что такое сочетание цвета в соответствии с иконографической символикой указывает на небесную и земную природу Христа как Сына Божьего и Сына Человеческого. Полностью образ выглядит в сти-

хотворении как «сын под елью в темной келье», ассоциируясь с мотивом отшельничества. В буквальном смысле поселение в келью означает уход в монашескую жизнь от мирской суеты, но в сочетании с мотивом гибели сизого голубя как фольклорного названия человека и следующим за ним образом пустынного берега как символа смерти в фольклоре поселение сына в келью может пониматься символично как его физическая смерть, телесная гибель или как намек на умертвление плоти сектантами. Сочетаясь же с образом голубя как христианским символом духа-объединителя, выражающего неделимую сущность единой природы Бога-Отца и Бога-Сына [5], глубоко христианским предстает образ сына под елью как русский национальный символ Христа, покрытого тернием, как символ смерти через распятие на кресте.

Неоднократно подчеркиваемая в стихотворениях Клюева как главная художественная особенность его поэзии идея единства, целостности и нераздельности человека и Бога, гармонии мира земного и мира незримого, духовного, встречающаяся иногда и в виде идеи интернационального единения, находит осмысление в контексте русской народной культуры, русского национального православия, прежде всего через образ крестьянской избы или крестьянского избытого храма и через христианские мотивы преобразования, спасения и воскресения или возрождения, т. е. традиционные мученические мотивы, восходящие к евангельскому сюжету страстей Христовых.

В стихотворении «Чернильные будни в комиссариате» (1919, 1923) вводится мотив явления в овине раджи на священном слоне как символ наступления на земле Царствия Небесного, обретения людьми в этом мире единства друг с другом и духовной целостности с Богом, Белой Индии в красной светелке, мужицкого избытого киноарного рая. Овин – это деталь, связанная с представлениями о дворовом хозяйстве в избытом имении русской деревни, – атрибут, который у Клюева приукрашивается эпитетом «зырянский», ассоциирующимся в контексте русского национального фольклора со словом «заря», с красным цветом как символом зари, восхода, возрождения, воскресения Христова и приобретающим поэтому русскую национальную идентичность, воспринимающимся частью русской народной культуры в интернациональном контексте, в контексте мировой художественной культуры: «И раджа на слоне священном / Посетит зырянский овин, / Из ковриги цветом нетленным / Взрастет златостольный крин. // Вспыхнет закат-папах, / Озарит потемки чернил, / И лагунной музыкой Баха / Зажурчит безмолвье могил».

В стихотворении «Солнце избу взнуздало...» (1920 или 1921) сенокос как типичное явление

народной жизни русской деревни сопровождается образом индуса в тюрбане вместо привычного ожидаемого крестьянина: «На покосе индус в тюрбане...». Преображение мира, обретение духовной целостности или единение в Боге различных культур и их представителей – народов изображается в виде великого купания, недвусмысленно намекающего на второе крещение, а над всем этим возвеличивается образ крестьянской избы как русский национальный символ христианского единения разных культур и народов: «И, внимая плескам великим, / Улыбается мать-изба, / А за печью лебяжьим криком / Замирает миров борьба». Христианский мотив здесь налицо, его символом является также и образ лебяжьего крика. Подтверждением этому могут служить другие произведения поэта, в частности, поэмы «Мать-Суббота» и «Соловки», в которых образ лебедя непосредственно соотносится с Иисусом Христом. В поэме «Соловки» глубоко фольклорным как атрибут русского народного православия выглядит образ лебедя-Христа. В поэме «Мать-Суббота» строка «Распятый лебедь и Роза над ним...» ассоциируется с мученическим образом Иисуса Христа в терновом венке или Христа, покрытого тернием, т. е. страданием.

Мученические мотивы в стихотворениях Клюева передаются целым рядом фольклорных образов, распространяя идею страдания Христа на весь мир, прежде всего на Россию, ее народ и природу, окружающую человека в среде русской деревни. В аспекте русского национального православия фольклорная образность клюевских стихотворений передает идею богатства и разнообразия русской культуры, обладающей великим духовным наследием и сильными восточно-славянскими национальными традициями, которые, укрепляя духовный потенциал нации, вносят в то же время заметный вклад в сокровищницу мировых общечеловеческих ценностей. Это передается целым рядом значимых, заключающих в себе вечные духовные ценности образов-архетипов – Бога, Царствия Небесного, храма Божьего, чаши Христовой и др.

Значимое место среди фольклорных образов клюевских стихотворений занимает образ русского народа-Христа, наделенного высоким духовным предназначением носителя истины Божьей, выразителя идей христианства. Глубоко духовными, проникнутыми вечными христианскими смыслами предстают образы Китеж-града, избыного киноварного рая, крестьянской избы, самовара, солнца как русские национальные символы Царствия Небесного на земле, земного рая, христианского храма, вселенной, Божьего мироздания, вечной жизни, причащения кровью Христовой из жертвенного сосуда.

В стихотворениях, проникнутых пафосом интернационального единения мира, целому множе-

ству образов, передающих представление о культурах разнообразных народов, довольно контрастно противостоят образы русской народной культуры, которая, подавляя величием своего совершенства и утонченной духовностью, как бы поглощает все прочие атрибуты, выражая глубоко национальную идею поиска рая земного, легендарного града Китежа или Индийского Царства (встречающегося в стихотворениях Клюева, равно как и в духовных стихах русского фольклора, также под названием опоньского, т. е. японского). Эта идея, вдохновлявшая старообрядцев в их исканиях к хождениям на Дальний Восток [6], имеет много родственного с переведенными на церковнославянский язык древнегреческими хрониками о хождении Александра Македонского в Индию (воодушевлявшегося в своих завоеваниях, как известно, рассказами Аристотеля, в том числе и его мифом о легендарной Атлантиде) и с великими географическими открытиями, сделанными в ходе поисков затерянного на необитаемых материках земли рая [7].

Автор помещает предметы и явления, свойственные русской культуре, характерные природно-географическим особенностям России, в экзотическую обстановку, окружая их деталями, не свойственными русской и европейской ментальности как специфической черте христианской цивилизации, создавая образы и образные ряды, связанные с интернациональной идеей единения мира. Подчиняясь мотивно-образной системе поэзии Клюева в целом, эта идея развивается через мотивы возрождения, жертвенности, мученического подвига, преобразования и дополняет фольклорные представления о царстве Божьем на земле, о мужицком избыном киноварном рае, о Белой Индии в красной светелке, являясь средством, с помощью которого поэт пробует выразить народную мечту об обретении Китеж-града и воплотить вечные гуманистические идеалы.

В стихотворении «Брезг самоварной решетки...» (1919) образ избыного пространства, заполненного лиловатой мглой с брезжущим в ней светом, вызывает ряд зрительных ассоциаций с синим и золотым цветами как иконографическими символами, связанными с представлениями о горнем мире и идеей его незримости («мгла») как Града Господнего, указывает на то, что изба – храм, «подобие вселенной», а самовар в ней – потир, священный сосуд Грааль, чаша Христова или сердце Бога-Отца, брезжущее на алтарной возвышенности жертвенными лучами заходящего солнца и возвещающее о грядущем искуплении человеческих грехов и преобразении мира через гибель и возрождение Своего Сына Христа (солнца). Кроме того, палитра лилового цвета, состоящая из красного и синего оттенков,

тоже выражает идею Христа-Богочеловека, указывая на Его жертвенную кровь как Сына Человеческого и небесную святость как Сына Божьего. Вечерний свет от заходящего солнца аналогичным образом сочетает в себе помимо золотого (символ Града Господнего) еще и багряный оттенок красного, придавая мотиву солнечного заката жертвенный смысл.

В этом стихотворении, казалось бы, значимым должен являться образ Багряного Адама, но фактически это не так: прямо восходя к антропологическому мифу Ветхого Завета о возникновении людей, он по смыслу не укладывается в иконографическую и мотивно-образную символику идеи «гибель-воскресение» и, не встречаясь в литературных текстах других авторов и эпох, не дает о себе никакого другого представления, кроме того что выступает как некий гимновый атрибут советской символики, связанный с торжественным пафосом прославления революции. Образ Багряного Адама выглядит чужеродным в образной системе Клюева, встречаясь всего лишь в нескольких стихотворениях, и, можно предположить, был создан не столько для того, чтобы приветствовать революцию, сколько для того, чтобы выдерживать революционную критику.

Брезг самоварной решетки
В избяной лиловой мгле —
Провозвестник, что вечер кроткий
Гостит на трудной земле.

Что твердь починила дыры —
Пастбище стад дождевых.
Живоносных капелей клиры
Поют о солнцах ржаных.

Я верю флейтам капелей,
Кукушью лесным словам, —
Золотой пирог новоселий
Испечет Багряный Адам... [8]

В действительности ценными, наделенными вечными архетипическими смыслами являются образы дождевых капелей, кукушки, выкликающей из земли покойников, и образ золотого пирога, которые часто встречаются в народной обрядовой поэзии и в памятниках древнерусской литературы, в том числе и в «Слове о полку Игореве», как отголоски языческих представлений о гибели и возрождении солнца вследствие поражения и победы бога грозы Перуна (Ярилы) в битве со змеем (тучей).

Древнеславянские представления о земле как матери-прародительнице и связанные с ними мученические мотивы гибели и возрождения, активно бытующие в фольклорных и старообрядческих формах патриархальной культуры русской

деревни, ощущаются также в современных, секуляризованных от религиозно-церковной семантики образах, понятиях и идеях. Например, связанные с идеями рождения и вскармливания архаические слова «мать» и «млеко», сочетаясь друг с другом в христианском смысле, образуют понятие «молоко Девственницы», восходящее к духовному мотиву непорочного зачатия и идее сохранения целомудрия до, во время и по рождении младенца Христа. Но, с другой стороны, производными этих слов выступают понятия «материя» и «млечный путь», указывающие на земное, материальное и, соответственно, на космическое, возвышенное. В христианском контексте сочетание их значений приводит к мысли о Богочеловеке — понятию, непосредственно связанному с образом Иисуса Христа и мотивом Боговоплощения для искупления грехов человеческих через Свою мученическую смерть как Человека и чуда воскресения как слияния очищенной мученической смертью плоти с духом. При этом данные образы, понятия и идеи воспринимаются не просто как патриархальные пережитки или архаические отголоски Древней Руси, а как архетипические праобразы, общеевропейские первоисточники, лежащие в основе всех современных проявлений русской культуры, в том числе и модернистических тенденций индустриального города, воспроизводящих идею преобразования мира в контексте десакарлизованных мотивов гибели и возрождения. Поэтому встречающиеся в некоторых стихотворениях Клюева необычные для него образы с пролетарской символикой тоже могут рассматриваться как выражение возрожденческих тенденций древнерусской культуры, манифестирующей в виде идеи индустриальных преобразований. Архетипическими в этом отношении как мифологизированные символы современных преобразовательных тенденций предстают образы Радия, плечистого Магнита, Электричества-вола, Вселенской Матери, кузнеца Вавилы, плещущих над горном золотых пав, стальнойнобрюхого трактора, связанные в контексте клюевских стихотворений («Смольный — в кожаной куртке, с загаром на лбу...» (1923), «Я кузнец Вавила...» (1926)) с аграрными представлениями о земле как матери-прародительнице и мотивами гибели и возрождения. В контексте поэтического творчества Клюева в целом подобные образы связываются с мотивами возрождения древнерусских истоков и преобразования современной России в великую и могущественную державу — Древнюю Русь.

Таким образом, мученические мотивы жертвенности, умирания, воскресения и преобразования проявляются в творчестве Николая Клюева в своей наиболее архаичной форме, находя воплощение в фольклорно-религиозной символике

и указывая на оригинальную стилевую манеру поэта, возрождавшего древнерусские культурные традиции на почве национальной культуры Русского Севера. Мученические мотивы, осмысливаясь в контексте народного православия, объединяющего фольклорные образы с образной символикой христианства, обнаруживают глубокое понимание жертвы Христовой во имя рода человеческого, вскрывая на русской национальной почве ее нравственно-эстетическую природу и духовную глубину, позволяя понять истинное предназначение русского народа-Христа и духовную ценность русской культуры, а вместе с тем обрести исконную целостность с Богом в себе и в своей нации.

Примечания

1. Клюев, Н. А. Белая Индия: Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. А. Клюев. М.: ООО Изд. дом Летопись, 2000. С. 44.

2. Киселева, Л. А. У истоков «Большого эпоса» Николая Клюева: «Песни из Заонежья» [Текст] / Л. А. Киселева // РЛ. 2002. № 2. С. 46.

3. Мельников, П. И. Собр. соч.: в 8 т. [Текст] / П. И. Мельников / сост. и общ. ред. М. П. Еремина. М.: Правда, 1976. 432 с. (Б-ка «Огонек»: Б-ка отеч. классики). Т. 8: Письма о расколе; Тайные секты; Белые голуби; Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. С. 67.

4. Киселева, Л. А. Указ. соч. С. 56.

5. Не случайно в стихотворении мотив гибели злого голубя располагается как центральный символ, указывающий на характер разрушающих духовную целостность семьи взаимоотношений между просящим сыном и отказывающим ему в просьбе отцом.

6. «Поиски старообрядцами “Града Невидимого”, легендарного “Беловодья” происходили на границе Алтая и монгольских степей. К 1908–1910 годам относятся клюевские “хождения” в Кульджу (Западный Китай) и Тибет». Клюев, Н. А. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. А. Клюев; авт. вступ. ст. и коммент. С. Куняев. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. 255 с., портр. (Сер. «Русский Север»). С. 243.

7. «Прекрасный сад вечного блаженства, несмотря на ясное библейское указание, что врата земного рая затворены херувимом с пламенным оружием, пленял умы, манил искателей счастливой доли, становился предметом многочисленных апокрифических повествований и богословских дискуссий, с теми или иными указаниями на место его расположения...

При этом в качестве восполняющей библейские пробелы информации богословы приводили дохристианские сведения, истоки образа которого уходят глубоко в общеиндоевропейские мифологические представления... Предпосылки для двух принципиально различных восприятий рая отмечаются еще в ветхозаветной традиции и во многом исходят из принципов подхода к библейскому толкованию: рай то выступает как конкретное место на земле, то воспринимается аллегорически, как пласт бытия, недоступный для чувственного восприятия и, следовательно, для пространственной локализации. Среди представителей раннехристианской мысли первой точки зрения придерживались антиохийцы, следовавшие принципу

буквализма в отношении Библии и отрицательно относившиеся к сведениям античности...

Как ни странно, но далекое от реальности антиохийское понимание рая скрывало в себе императив к практическим поискам райской земли, коль скоро она где-то существует. Антиохийская локализация рая влекла к границам неизведанного, к крайним пределам земли, наивные смельчаки всерьез пускались на поиски затерянного рая и вместо него открывали новые земли, страны и материки. Великие географические открытия на пороге Нового времени: плавание Колумба в Америку, движение русских поморов на Север, русское освоение необъятных просторов Сибири совершались с ожиданием, что наконец-то будет достигнута сказочная благодатная земля благополучия и счастья». Полянский, С. М. О научных аспектах изучения космологических представлений в Древней Руси [Текст] / С. М. Полянский // Древнерусская космология / отв. ред. Г. С. Баранкова. СПб.: Алетейя, 2004. 480 с. (Серия «Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты»). С. 16–18.

8. Клюев, Н. А. Стихотворения и поэмы. С. 148.

Д. В. Постнова

ЖЕСТ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА, Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО и А. П. ЧЕХОВА)

Статья посвящена рассмотрению эволюции жестов героев А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова в свете литературной традиции. Подчеркивается, что жест, становясь одним из важнейших элементов изобразительного ряда художественного произведения, выполняет функции как прямого цитирования, так и опосредованной реминисценции.

The article is devoted to the evolution of gesture features of characters presented in A. S. Pushkin's, F. M. Dostoevsky's and A. P. Chekhov's works in the aspect of the literary tradition. The gesture being one of the important elements of artistic line of a literary work is confirmed to functionalize both as the direct citation and the mediated reminiscence.

Проблема жестово-пластического наполнения художественного произведения в отечественном и зарубежном литературоведении по-прежнему крайне мало исследована [1]. Вместе с тем осмысление системы жестов героев приобретает особое значение в связи с рассмотрением вопроса о литературной традиции.

Ю. Н. Тынянов в работе «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» [2] отмечал: «Когда говорят о “литературной традиции” или “преемственности”, обычно представляют некоторую прямую линию, соединяющую младшего представителя известной литературной ветви со старшим.

Между тем дело много сложнее. Нет продолжения прямой линии, есть скорее отправление, отталкивание от известной точки – борьба.

По нашему мнению, эти слова Ю. Н. Тынянова как нельзя лучше определяют природу осмысления жестов А. С. Пушкиным, Ф. М. Достоевским и А. П. Чеховым предшествующей литературной традиции.

Так, с точки зрения организации системы жестов можно взглянуть на тему «маленького человека», традиционно выделяемую в связи с творчеством этих художников: прослеживается своеобразная эволюция одного повторяющегося жеста в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина, «Бедных людях» Ф. М. Достоевского и «Человеке в футляре» А. П. Чехова.

Главный герой пушкинского «Станционного смотрителя» Самсон Вырин, «сущий мученик четырнадцатого класса» [3], истосковавшись по «заблудшей овечке своей» Дуне, едет за ней в Петербург. На просьбу смотрителя вернуть ему дочь Минский отвечает отказом и трижды прогоняет его. Весь эпизод выстроен по принципу градации. Вначале офицер Минский просит у «старого солдата» прощения, говоря, что Дуню не покинет, и сует ему за рукав «несколько пяти- и десятирублевых смятых ассигнаций». Во второй раз уже военный лакей «грудью вытеснил его (Вырина) из передней и хлопнул двери ему под нос». Наконец, в третий раз, когда смотритель, отслужив молебен у Всех Скорбящих, решает все-таки увидеть «свою бедную Дуню» и идет к ней на квартиру, Минский, «сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу» [4].

На параллелизм сцен в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина и «Бедных людях» Ф. М. Достоевского обратил внимание еще В. В. Виноградов [5], однако представляется необходимым остановиться на анализе этих эпизодов подробнее.

Именно с помощью жеста Ф. М. Достоевский переосмысляет пушкинскую ситуацию с точностью до наоборот. Девушкин, главный герой романа «Бедные люди», набравшись смелости после проведенных вместе с «бывшим» чиновником Емельяном Ильичом трех дней в трактире, решает вступить за честь Вареньки и отправляется к оскорбившему ее офицеру. В письме от 28 июля Макар Алексеевич пишет: «Я, Варенька, ничего, по правде и не помню; <...> Я не помню также, что я говорил, только я знаю, что я много говорил в благородном негодовании моем. Ну, тут-то меня и выгнали, тут-то меня с лестницы и сбросили, то есть оно не то чтобы совсем сбросили, а только так вытолкали» [6].

Сходство в поведении двух героев позволяет говорить о продолжении литературной традиции на уровне жеста, однако сама ситуация по-новому осмысливается Ф. М. Достоевским. Вырина

выгоняет соблазнитель дочери, с которым она счастлива: это Дуня сидит на ручке кресел Минского «как наездница на своем английском седле». Девушкин же, на правах «родственника и покровителя», «с пьяных глаз» вступает за соблазненную и уже брошенную Быковым Вареньку, пытаясь защитить ее от посягательств офицера. Хотя в фабульном отношении два текста расходятся, общие элементы сюжетной ситуации все же совпадают.

Исходный для романа Ф. М. Достоевского жест Минского своеобразно преломляется в рассказе «Человек в футляре» А. П. Чехова. Беликов, видя, как его «потенциальная невеста» Варенька (возможно, не случайно и совпадение имен героинь Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова) катается вместе с братом на велосипеде, что уж никак «не разрешено циркулярно», идет к Коваленко «с целью предупредить», «как бы чего не вышло». Вся сцена заканчивается в соответствии с обозначенной литературной традицией: Коваленко «схватил его (Беликова) сзади за воротник и пихнул, и Беликов покатился вниз по лестнице, гремя своими калошами» [7]. Попытка героя «по-своему», «своеобразно» «вступить за честь» Вареньки на правах жениха терпит фиаско.

А. П. Чехов, сохраняя исходную пушкинскую ситуацию («маленького человека» «спустили с лестницы»), именно через жест полностью ее переосмысляет. Участники сцены фактически меняются местами: Коваленко не офицер, а всего лишь «честный человек», а Беликов, по глубокому убеждению А. П. Чехова, – отнюдь не беззащитный «маленький» человек, а часть большого и очень опасного явления – беликовщины. Не случайно в финале рассказа звучат ставшие уже хрестоматийными слова Буркина: «Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет» [8].

Таким образом, если жест офицера в «Бедных людях» – это явная реминисценция жеста Минского из «Станционного смотрителя», то чеховский текст хранит в себе «память» о произведении А. С. Пушкина лишь опосредованно.

Говоря о скрытой, опосредованной реминисцентности жеста в произведениях А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, можно выделить и еще одну литературную параллель: становящиеся знаковыми смятые ассигнации, которые Минский сует за рукав Вырину как плату за поруганную честь «бедной» Дуни, – это, на наш взгляд, скрытая аллюзия на подобный же жест Эраста из «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина. Проигравшись «на войне» в карты и решив поправить свое состояние женитьбой на богатой вдове, Эраст, встретив Лизу, откупается от нее: в качестве отступных он сует героине сто рублей и фактически выставляет

вон. «Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей – возьми их, – он положил ей деньги в карман, – позволь мне поцеловать тебя в последний раз – и пооди домой». – Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора» [9].

В «Бедных людях» Ф. М. Достоевского тоже фигурируют сто рублей: это деньги, которые его превосходительство «всунул... в руку» [10] Девушкину в знаменитой «сцене с пуговкой». При этом Макар Алексеевич в письме к Вареньке Доброселовой предметом особой гордости делает тот факт, что его превосходительство «весь покраснел... взял мою руку недостойную, да и потряс ее, <...> словно равне своей, словно такому же, как сам, генералу». «Ступайте, говорит, чем могу... Ошибок не делайте, а теперь грех пополам» [11].

Наиболее интересным в этой сцене представляется высказывание генерала: «...а теперь грех пополам». Достаточно мистическая, на первый взгляд, фраза. Она непонятна, если ее вырвать из контекста всего романа. В чем грех? Ведь жест генерала – акт милости в традиции христианского сострадания к страждущему. Однако Ф. М. Достоевский употребляет отнюдь не случайное слово – грех. К. Степанян отмечает: «Загадочные для многих исследователей слова его превосходительства “а теперь грех пополам” как раз и демонстрируют, в чем действительно могут быть едины люди – в грехе, сострадании и милосердии» [12].

И все же думается, что ближе к истине точка зрения Е. А. Яблокова, высказанная им в статье «Падший Девушкин, или Что дозволено быку» [13]. По мнению исследователя, «деньги, подаренные начальником, – тоже своеобразные “отступные”: плата «за то, что им бедного человека показывали».

Таким образом, этот эпизод оказывается в одном ряду с рассуждениями главного героя романа «Бедные люди» о характере благодетелей: «Вон Емеля говорил наемни, что ему где-то подписку делали, так ему за каждый гривенник, в некотором роде, официальный осмотр делали. Они думали, они даром свои гривенники ему дают – ан нет: они заплатили за то, что им бедного человека показывали. Нынче, маточка, и благодетеля-то как-то чудно делают... а может быть, и всегда так делались, кто их знает. Или не умеют они делать, или уж мастера большие – одно из двух» [14]. По мнению Р. Г. Назирова, жест унижительной подачи денег в романном творчестве Ф. М. Достоевского играет особую роль. Этот символический, по определению исследователя, жест «одновременно выражает презрение дающего к деньгам и к тому, кто берет их» [15].

Таким образом, можно говорить о продолжении литературной традиции в произведениях

Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского на уровне жеста, поскольку его семантика, несмотря на сюжетно-фабульные различия текстов, остается неизменной: деньги (сто рублей Эраста в «Бедной Лизе», смятые ассигнации Минского в «Станционном смотрителе» и сто рублей генерала в «Бедных людях») воспринимаются как «отступные», плата за поруганную честь героев.

Отметим, что зачастую для писателя жест как один из важнейших элементов изобразительного ряда художественного произведения становится способом отсылки не только к чужим литературным творениям, но и к собственным. В качестве примера приведем некоторые жестовые константы текстов Ф. М. Достоевского.

Р. Г. Назиров [16] справедливо утверждает, что «многие жесты героев Ф. М. Достоевского подчеркнуты цитатны» [17]. Полностью соглашаясь с этим утверждением, отметим, что само понятие цитатности применительно к творчеству писателя, на наш взгляд, должно быть дополнено понятием «самоцитатность». И зачастую одним из ключевых элементов отсылки художника к своему произведению становится именно жест и поза.

По нашему наблюдению, особенно часто Ф. М. Достоевский обыгрывает повторяющиеся жесты в сценах похорон и созерцания смерти. Так, к примеру, сцена самоубийства Оли в романе «Подросток» удивительным образом перекликается с финальной сценой романа «Идиот». Аркадий Долгорукий, главный герой «Подростка», «несчастную» самоубийцу видит, «уже когда ее сняли», «накрытую простыней, из-за которой выставлялись две узенькие подошвы ее башмаков» [18]. Эта накрытая простыней повешенная вызывает ассоциации с мертвой Настасьей Филипповной, которую Рогожин так же накрывает простыней: «На белевших кружевах, выглядывая из-под простыни, обозначился кончик обнаженной ноги; он казался как бы выточенным из мрамора и ужасно был неподвижен» [19].

Можно выделить и еще один пример жестового «самоцитирования» Ф. М. Достоевского. Удивительным образом перекликаются сцены похорон детей в первом и последнем романах писателя – «Бедных людях» и «Братьях Карамазовых». Именно жест становится ключевым элементом трансформации сюжетных ситуаций в произведениях: из двух сцен переживания потери сыновей в двух семьях, Горшковых и Покровских, в «Бедных людях» Ф. М. Достоевский создает одну – переживание близкими смерти Илюшечки Снегирева в «Братьях Карамазовых» (более подробно жестовые параллели этих сцен рассмотрены нами ранее [20]). Обращение к образцам зрелой прозы Ф. М. Достоевского – романам «Под-

росток» и «Братья Карамазовы» – показывает, что жест для писателя становится способом переосмысления не только «чужого» литературного опыта, но и собственного.

Подводя итог, отметим, что жест в произведениях русских писателей (А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова) зачастую становится универсальным способом обращения к предшествующей литературной традиции, который может выполнять функции как прямого цитирования, так и опосредованного реминисцентного осмысления.

Примечания

1. Белобровцева, И. З. Мимика и жест у Достоевского [Текст] / И. З. Белобровцева // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 195–204; Назиров, Р. Г. Жесты милосердия в романах Достоевского [Текст] / Р. Г. Назиров // Studia Russica IV. Budapest, 1983. С. 231–249; Пухачев, С. Б. Кинеситические наблюдения над романом Ф. М. Достоевского «Бесы» [Текст] / С. Б. Пухачев // Достоевский и современность: м-лы XX Междунар. Старорусских чтений 2005 г. Великий Новгород, 2006. С. 269–287; Постнова, Д. В. Детская тема и ее жестово-пластическое выражение в произведениях Ф. М. Достоевского [Текст] / Д. В. Постнова // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 2. С. 324–328.
2. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю. Н. Тынянов. М.: Наука, 1977.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. [Текст]: в 10 т. Т. 6 / А. С. Пушкин. Л., 1978. С. 88–98.
4. Там же. С. 96.
5. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы [Текст] / В. В. Виноградов. Л., 1976. С. 141–190.
6. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. [Текст]: в 30 т. Т. 1 / Ф. М. Достоевский. Л., 1972. С. 67.
7. Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем [Текст]: в 32 т. Т. 10 / А. П. Чехов. М., 1977. С. 42–54. С. 52.
8. Там же. С. 53.
9. Карамзин, Н. М. Собр. соч. [Текст]: в 2 т. Т. 2 / Н. М. Карамзин. Л., 1984. С. 506–519. С. 518.
10. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. [Текст]: в 30 т. Т. 1. С. 93.
11. Там же. С. 93.
12. Степанян, К. Тайна человека в романе «Бедные люди» [Текст] / К. Степанян // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 189.
13. Яблоков, Е. А. Падший Девушкин, или Что дозволено быку [Электронный ресурс] / Е. А. Яблоков. Режим доступа: <http://som.fio.ru/getblob.asp?id=10017015>.
14. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. [Текст]: в 30 т. Т. 1. С. 69.
15. Назиров, Р. Г. Указ. соч. С. 127.
16. Там же. С. 127.
17. Там же. С. 127.
18. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. [Текст]: в 30 т. Т. 13 / Ф. М. Достоевский. Л., 1975. С. 141.
19. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. [Текст]: в 30 т. Т. 8 / Ф. М. Достоевский. Л., 1973.
20. Постнова, Д. В. Жесты-реминисценции героев Ф. М. Достоевского в романах «Бедные люди» и «Братья Карамазовы» [Текст] / Д. В. Постнова // Русское слово в Башкортостане. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 238–244.

Г. А. Склейнис

ГЕНЕЗИС И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА

В статье исследуются истоки и жанровые особенности антинигилистической романистики: своеобразие сочетания политического и исторического романов; специфика беллетристики. Особое внимание уделяется «великому пятикнижию». Доказывается: несмотря на соблюдение канонов антинигилистического романа, творчество Ф. М. Достоевского способствовало разрушению законов антинигилистической прозы.

The origins and the genre peculiarities of antinihilistic novels are analyzed in this article: distinguishing features of the combination of political and historical novel; specific features of the fiction. Special attention is paid to the “Great Pentateuch” by Dostoevsky. It’s proved in this article that Dostoevsky destroyed the laws of the antinihilistic prose in his works though he followed the canons of the antinihilistic novel.

Нигилизм как безрелигиозное, оппозиционное, рационалистически-утилитарное миропонимание, крайним проявлением которого стал политический радикализм, явился «диалектическим моментом в судьбе России» [1]. Этот феномен нуждался в серьезном осмыслении – социальном, политическом, нравственно-религиозном и, конечно, эстетическом, поскольку именно эстетическая интерпретация явления позволяет не только глубоко проникнуть в его сущность, но и увидеть его потенциал.

Цель нашей работы – предложить итоги исследования генезиса и жанровой природы антинигилистического романа.

1. Нигилистическое миропонимание овладевало общественным сознанием постепенно. Главным импульсом к рецепции идей нигилизма на отечественной почве стали реформы Петра I – революционера в области духовной жизни – и корни этого явления следует искать в послепетровском времени.

Антиох Дмитриевич Кантемир, первый светский писатель России, – один из тех, кто стоял у истоков русского Просвещения. Он не только выступил с резкой критикой духовных и светских авторитетов, но и был поддержан в этом вице-президентом Святейшего правительствующего Синода, архиепископом псковским и новгородским Феофаном Прокоповичем [2]. Лицо, представлявшее одновременно интересы церкви и государства, поощряло писателя к критике авторитетов:

Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы! Ти блажен трикрати...
а я ныне сущий твой любитель.
Но сие за верх славы твоей буди,
что тебя злие ненавидят люди [3].

Парадоксальным знаком религиозного скептицизма поэтов и писателей «безумного и мудрого» столетия служит увлечение идеологией Руссо. Парадоксальным – потому, что Руссо, провозвестник «религии сердца», поклонялся «grand Etre» (великому существу). Знаком – потому, что учение Руссо обладало искушающей силой и уже в XVIII в., в наиболее либеральный период правления Екатерины II, воспринималось как противное «закону Божию и человеческим ценностям» [4].

Из русских писателей антинигилистической направленности сущность учения Ж. Ж. Руссо, объективно атеистическую, наиболее последовательно выявлял Ф. М. Достоевский, в 70-е гг. XIX в. называвший «женевские идеи» «добродетелью без Христа» [5].

2. В России понятие «нигилизм» вошло в речевой обиход в конце 20-х гг. XIX в. Н. И. Надеждин, автор статьи «Сонмище нигилистов» (1829 г.), не просто первым в России употребил слово «нигилист», но и придал ему мировоззренческий смысл, оценивая русских байронистов как отрицателей, скептиков, безбожников. Публицисты-шестидесятники только актуализировали общественно-политическое значение этого понятия, а роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» способствовал его популяризации.

3. Антинигилистический роман возник как реакция на нигилизм, и это очевидно. Механизм и логику данного явления мы представляем себе следующим образом.

Жанровая «история» антинигилистического романа устойчиво ассоциируется у нас с возникновением и развитием классицизма. Аналогия возникает уже в связи с тем, что теория классицизма в России предшествовала литературной практике, а идеология классицизма, несмотря на стремление классицистов к «учительству», была призвана укреплять авторитет политического абсолютизма (идея просвещенного абсолютизма).

У антинигилистического романа есть свой, условно говоря, теоретик, точнее, идеолог жанра – М. Н. Катков, «человек царской выделки» [6]. Его «Русский вестник» и «Московские ведомости» пытались влиять на общественное сознание, предлагая официальную, «православно-самодержавную», концепцию русского нигилизма как общественной болезни, корни которой кроются в «бесилии нашей казенной науки» [7]; трактуя фигуру русского нигилиста как пешку в руках лондонских агитаторов и польских революционеров.

4. Катковская версия нигилизма в какой-то степени определяет не только содержание, но и поэтику антинигилистической романистики.

Ю. М. Лотман в работе «Проблемы поэтики и истории литературы» говорит о периодах «смены глубинных идеологических представлений»,

когда «тексты, обслуживающие эстетическую функцию, стремятся как можно менее походить своей имманентной структурой на литературу» [8].

Мы полагаем, что эта характеристика как нельзя более хорошо подходит к антинигилистическому роману.

Одна из важнейших черт антинигилистической романистики – *публицистичность* (черта, вновь сближающая это литературное явление с различными жанрами классицизма) – определяет ее промежуточное положение между произведениями художественной и нехудожественной ориентации. То же самое можно сказать о таком жанровом признаке антинигилистического романа, как *памфлетная адресность*, связанная с «отрицательным» публицистическим пафосом.

5. Практика конкретных писателей, ориентирующихся на жанровые законы, но создающих персональные модели мира, вносит коррективы как в содержание, так и в форму антинигилистического романа.

А) Публицистика М. Н. Каткова задавала двойной – обличительно-утвердительно – тон антинигилистической романистики. Двойной пафос определил особенности сочетания в антинигилистическом романе *различных жанровых тенденций*: сатирического нравоописания и бытописания при изображении русского нигилиста и идеологов польской смуты; романического становления заблудшего нигилиста, итогом исканий которого становится нравственное прозрение; национально-патриотической героики, интерпретируемой как реальная, существующая, а не идеальная, желаемая альтернатива нигилистическому брожению.

Хочется обратить внимание, что особое соотношение жанровых тенденций еще не означает «амбивалентности» проблематики. И если, например, в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина отрицательный пафос полностью оппозиционен самодержавию, то в антинигилистической романистике и пафос отрицания, и пафос утверждения носят охранительный характер.

Однако в процессе художественного воплощения антинигилистических идей неизбежно происходят их переосмысление и корректировка.

Так, уже в первом антинигилистическом романе, во «Взбаламученном море» А. Ф. Писемского, сатирический пафос перераспределяется и объектом критики становятся не только нигилисты, но и произвол чиновников, безнравственность помещиков, бесчинство откупщиков; «Панургово стадо» В. В. Крестовского открывается сценой подавления крестьянского восстания; едко, саркастически, в духе щедринской сатиры изображены в первом романе его дилогии нравы провинциального бомонда; с беспощадной сатирической силой обрисовано губернское общество

в «Бесах» Ф. М. Достоевского. И только в «Маре» В. П. Ключникова и в «Марине из Алого Рога» Б. Маркевича, наиболее «чистых» образцах жанра, пафос обличения направлен исключительно на нигилистов.

Б) Несмотря на то что публицистичность является жанрообразующей особенностью антинигилистического романа в целом, формы ее присутствия разнообразны и индивидуальны: от более или менее пространных внесюжетных авторских включений в текст («Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургово стадо» В. В. Крестовского) до резонерства героев-alter ego (Розанов в «Некуда» Н. С. Лескова, Холодец в «Двух силах» В. В. Крестовского). А. Ф. Писемский на определенном этапе вводит в сюжетное действие себя самого; В. В. Крестовский во второй части антинигилистической дилогии – романе «Две силы» – завершил жанровый «симбиоз» и создал художественно-публицистическое произведение, в котором сосуществуют два равноценных и равноправных плана изображения – документально-публицистический и художественный.

В) Весьма характерной и специфической жанровой особенностью антинигилистической романистики является сочетание жанровых признаков *политического и исторического романа*.

Вопреки мнению некоторых исследователей [9], мы полагаем, что *любой* антинигилистический роман содержит в себе жанровые признаки политического (в ходе исследования мы определяем его как политический роман национально-исторического типа с *доминирующим пафосом утверждения*), поскольку главным импульсом для создания антинигилистической романистики послужило желание авторов откликнуться на *политическую* ситуацию в пореформенной России и конкретные *политические* события русской жизни, а главным критерием состоятельности – несостоятельности героя явился характер его участия в *гражданской* жизни общества.

Политический роман предполагает актуальность, а значит, апелляцию к современности и к заинтересованным, сопереживающим современникам. Исторический требует временной дистанции (никем не определено, насколько продолжительной). Однако создатели антинигилистической прозы жили в эпоху, когда «движение истории стало слишком ощутимым» [10]. Это и определило, на наш взгляд, восприятие современной им действительности как «живой истории». Следствием этого стали попытки придать повествованию исторический характер, особенно очевидно повлиявшие на жанровую форму «Кровавого пуфа» В. В. Крестовского – форму исторической хроники.

Г) Антинигилистический роман – произведение беллетристическое или, как в случае с рома-

нистикой Ф. М. Достоевского, ориентированной на жанровые законы антинигилистической прозы по принципу притяжения – отталкивания, сознательно «беллетризованное», так сказать, адаптированное к интеллектуальным и духовным возможностям и литературным вкусам широкого читателя.

В. Хализев дифференцирует беллетристику на две ветви – серьезно-проблемную и развлекательную [11]. В антинигилистической беллетристике два этих начала, разнородных по своим установкам, соединяются. При этом вершинная литература и ее «срединное пространство» [12] как бы движутся навстречу друг другу: беллетристика в доступной ей форме, по преимуществу авантюрной, пытается выразить «думу и вопрос дня» [13], а классическая литература с помощью авантюристичности прокладывает читателю путь к проблематике высших ступеней «пирамиды тезауруса» [14], стремясь, как писал Л. П. Гроссман о Ф. М. Достоевском, «компенсировать читателю занимательной внешней интригой все утомительные напряжения его внимания над философскими страницами» [15].

Почему путь к читателю лежит в антинигилистической прозе именно через авантюристичность?

Главная причина, на наш взгляд, кроется в представлении писателей об авантюрном характере своей эпохи и о политическом авантюризме лидеров революционного движения. Вторая причина тяги к авантюристичности – ориентация на определенную литературную традицию, – ориентация, отвечающая, в свою очередь, натуре и природе таланта, к примеру, В. В. Крестовского и Ф. М. Достоевского. Интригующие сюжетные перипетии, обольщение, подлог, провокация, уголовщина – все это за несколько лет до «Кровавого пуфа» можно найти в «Петербургских трущобах» В. В. Крестовского, созданных под влиянием «Парижских тайн» Э. Сю; сходный «набор» авантюрных атрибутов за десять лет до «Бесов» – в «Униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского, вобравших в себя традиции того же Э. Сю, готической прозы Э. Т. А. Гофмана, романа «ужасов и тайн» А. Радклиф.

6. По образному выражению А. И. Батюто, под оболочкой каждого из антинигилистических романов «таились тургеневские гены, преобразованные или отравленные, но живучие» [16]. А между тем в «Отцах и детях» И. С. Тургенева, которых имеет в виду исследователь, нет практически ни одного из названных нами жанровых признаков антинигилистического романа, таких, как охранительность, «непосредственная» публицистичность, наличие черт политического или (и) исторического романа, авантюристичность и пр.

Главный герой Тургенева – «беспокойный, тоскующий Базаров» (V, 59–60) – человек,

не просто лишенный памфлетных черт, но *трагически* заблуждающийся; не просто неверующий, но испытывающий мучительную потребность веры. Тем не менее фигура тургеневского героя стала ориентиром для создателей антинигилистической прозы, однако ориентиром *полюемическим*, и В. П. Ключников, В. Авенариус, Н. С. Лесков, В. В. Крестовский многократно пародировали базаровские черты, манеры, нигилистические афоризмы, пытаясь упростить личность Базарова, лишить ее трагического ореола.

Несмотря на то что Базаров в романе (волея автора. – Г. С.) все-таки побежден самой идеею этой жизни, характер и контекст использования тургеневских цитат авторами антинигилистической прозы убеждает, что Базаров был, по сути, воспринят ими как герой нигилистического, а не антинигилистического произведения.

Вероятная причина этого кроется в религиозных сомнениях самого И. С. Тургенева, которого Ф. М. Достоевский считал и прямо называл «атеистом» (XXVIII. Кн. II, 210). Характерно, что в последнем своем романе, «Братьях Карамазовых», Достоевский отождествляет тургеневскую позицию с базаровской, делая ее источником искушения для «маловойской дамы» госпожи Хохлаковой: «...умру и вдруг ничего нет, и только «вырастет лопух на могиле», как прочитала я у одного писателя. Это ужасно! Чем, чем возратить веру?» (XIV, 52).

7. В отличие от тургеневских «Отцов и детей», «великое пятикнижие» Ф. М. Достоевского (в особенности «Преступление и наказание» и «Бесы») было воспринято современниками как явление, родственное антинигилизму, а писателями антинигилистической направленности (например, В. В. Крестовским в «Двух силах») даже как достойное подражания. Однако именно Достоевский дал совершенно особенную художественную трактовку нигилистическому миропониманию, разрушающую антинигилистический роман в пределах его собственных жанровых рамок.

В «великом пятикнижии» нашел преломление *личный* идеологический опыт писателя, выстраданный и отвергнутый им. Это придавало особую страстность отрицанию и искушающую силу до конца не изжитым религиозным сомнениям Достоевского; повлияло на концепцию нигилизма и типологию героев-нигилистов.

Нигилизм трактуется Ф. М. Достоевским как трагическое заблуждение гордого разума, одержимого бесовским духом, как следствие безбожного вызов Богу и стремящегося «исправить подвиг Христов».

Роман Ф. М. Достоевского беспощадно *памфлетен*, и в создании «идеологических карикатур» [17] на периферийных героев-нигилистов

автор «Преступления и наказания», «Бесов», «Братьев Карамазовых» наиболее близок законам антинигилистической прозы. Однако главный герой-идеолог – фигура, взятая «из сердца» (XXIX, кн. I, 142), масштабная, величественная (пусть даже мнимым величием зла, но величием, до конца не деэстетизированным).

Роман Ф. М. Достоевского *публицистичен*, но это публицистичность особого рода. Она не соплагается художественности, как в антинигилистической романистике А. Ф. Писемского, Н. С. Лескова, не образует второй сюжетный пласт, как в дилогии В. В. Крестовского «Кровавый пуф», а «вбирается» в художественность, подпитывая прежде всего страстные монологи героев-богборцев.

В романистике Ф. М. Достоевского, особенно в «Бесах», явлена «сатанинская сторона крайних форм нигилизма» [18], то есть политического радикализма. По меньшей мере два произведения «великого пятикнижия», «Преступление и наказание» и «Бесы», могут быть названы образцами *политического* романа, но образцами особого рода. Так, в «Преступлении и наказании» эмпирическая реальность подлежит символической дешифровке, уголовное преступление является метафорой политического бунта. В политической организации, действующей в «Бесах», узнаются черты текущей русской жизни, но, благодаря нарочитым анахронизмам, в романе не просто контаминированы черты нечестивщины с дьявольственностью петрашевцев. При всей своей злободневности «Бесы» – вневременной символ политического экстремизма и авантюризма, *политический роман-символ и роман-предупреждение*.

«Искусство Достоевского, – писал Н. Бердяев, – все о глубочайшей духовной действительности, о метафизической реальности, оно менее всего занято эмпирическим бытом» [19].

Именно поэтому столь незначительное место занимает в его послекаторжной романистике такой неотъемлемый жанровый признак антинигилистической прозы, как *бытописание*. И именно ощущение присутствия «высшей» реальности в эмпирической позволяет автору «великого пятикнижия» творить особую реальность, в которой возможны «перетасовка» эпох, переключение от каждодневного ко всеобщему, прорыв – при сохранении жгучей злободневности – за пределы «злости дня», характерной для антинигилистического романа.

8. Чтобы перерасти жанровые рамки, в них надо побывать. Для больших художников антинигилистический роман явился не болезнью роста, а жанровым экспериментом. Это особенно очевидно при обращении к романистике Ф. М. Достоевского, который с первых шагов литературной деятельности «учитывал» и полемически осваи-

вал различные творческие методы, жанровые формы, мотивы, сюжетные ситуации, раскрывая тем самым их потенциал. Творчество больших писателей: И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского – способствовало не только разрушению законов антинигилистической прозы, но и реализации ее *возможностей*. Мы полагаем, что именно Достоевский в наибольшей мере способствовал преобразению такого идеологического явления, как антинигилистический роман, в эстетическое.

Одной из жанровых приемниц антинигилистического романа стала политическая антиутопия XX в. Роман Е. Замятина «Мы» сознательно ориентирован на традицию «Бесов» и «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Как и в произведениях великого предшественника, «злоба дня» в замятинской антиутопии узнаваема – и в то же время преодолена символической многозначностью и обобщенностью образа Единого государства – образа, истинный смысл которого, возможно, суждено постичь только нашим потомкам.

Примечания

1. Бердяев, Н. А. Русская идея [Текст] / Н. А. Бердяев // Русская литература. 1990. № 2. С. 98.
2. Костомаров, Н. Архиепископ Феофан Прокопович [Электронный ресурс] / Н. Костомаров. Режим доступа: <http://peoples.ru/state/statesmen/pheofan-prokopovich/index.html>
3. Русская литература XVIII века, 1700–1775 [Текст]: хрестоматия / сост. В. А. Западов. М., 1979. С. 56.
4. Цит. по: Лотман, Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века [Текст] / Ю. М. Лотман // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1967. С. 215.
5. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. [Текст]: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. Л.: Наука, 1972–1988. Т. XVI. С. 281. Далее ссылки в тексте на это издание даны с указанием тома и страниц.
6. Шкловский, В. Б. О теории прозы [Текст] / В. Б. Шкловский. М.: Сов. писатель, 1983. С. 176.
7. Катков, М. Н. Отзывы и заметки. Русский вопрос [Текст] / М. Н. Катков // Русский вестник. 1863. Т. 43. Февраль. С. 847.
8. Лотман, Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» [Текст] / Ю. М. Лотман // Поэтика. Хрестоматия по вопросам литературоведения для слушателей университета. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1992. С. 8.
9. Шафифуллина, С. В. Проза В. В. Крестовского в контексте антинигилистической беллетристики 60–80-х гг. XIX века [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Шафифуллина. М., 2003.
10. Пинский, А. Е. Исторический роман Вальтера Скотта [Текст] / А. Е. Пинский // Магистральный сюжет. М.: Сов. писатель, 1989. С. 299.
11. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст]: учебник / В. Е. Хализев. М.: Высш. шк., 2005. С. 153–154.
12. Там же. С. 151.
13. Белинский, В. Г. Собрание сочинений [Текст]: в 9 т. / В. Г. Белинский. М.: Худож. лит., 1976–1982. Т. VII. С. 358.

14. Луков, В. А. Теория персональных моделей в истории литературы [Текст] / В. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2006. С. 48–49.

15. Гроссман, Л. П. Поэтика Достоевского [Текст] / Л. П. Гроссман. М.: Гос. Академия худож. наук, 1925. С. 17.

16. Батюто, А. И. Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени [Текст] / И. С. Тургенев. Л.: Наука, 1990. С. 397.

17. Померанц, Г. С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским [Текст] / Г. С. Померанц. М.: Сов. писатель, 1990. С. 133.

18. Лосский, Н. О. Бог и мировое зло [Текст] / Н. О. Лосский. М.: Республика, 1994. С. 348.

19. Бердяев, Н. А. Мирозерцание Достоевского [Текст] / Н. А. Бердяев. Прага: Американ. изд-во, 1923. С. 21–22.

О. Ю. Осьмухина

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АВТОРСКОЙ МАСКИ В РАМКАХ ПАРОДИИ («ПЕРЕСМЕШНИК» М. Д. ЧУЛКОВА)

В статье впервые исследуются особенности функционирования авторской маски, которая рассматривается как стилистически маркированный повествовательный прием, средство позиционирования автором себя в пределах пародийного текста.

In the article is for the first time investigating the peculiarity of the author's mask functioning. The author's mask is considered as stylistically marked narrative device, and as the mean with the help of which the author presents himself in the parodies text.

Как известно, воцарившийся в литературе русского Века Просвещения классицизм узаконил примат определенных жанров (трагедии, оды и героической поэмы), утвердив риторическую форму авторского контакта с действительностью и читателем и поставив авторскую индивидуальность в рамки соответствующего жанра. В силу этого художественная проза, оказавшаяся внизу жанровой иерархии и получившая «на откуп» непосредственный, нериторический контакт с социальной и чувственной жизненной эмпирикой, оказалась в полемических отношениях с «высокими» и «средними» жанрами классицизма. Поэтому «дериторизация» действительности в сатирической прозе авантюрно-приключенческого жанра шла в русле пародии на упомянутые жанры классицистические. Разоблачая риторические механизмы классицизма, авторская проза получила, таким образом, собственную риторическую установку, носившую принципиально иной характер: шутивно-игровой «маски» конкретного автора, фактически впервые осознающего дистан-

цию и динамическую связь между стилем и своим авторским «я».

В этом контексте весьма показателен сборник М. Д. Чулова «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766–1768 гг.), ориентированный на выход за рамки нормативной поэтики классицизма, выстраивающийся по законам барокко, с элементами готики, сентиментализма, и достаточно пестрый в жанровом и стилистическом отношении. В нем, выходя за рамки риторики (в смысле внешнего слоя текста), сакрального круга культуры, примеряя маску, автор «реальный» предлагает читателям ложную идентификацию собственного авторства, передавая повествование другим рассказчикам, целенаправленно ведя игру с аудиторией реципиентов, совершенно не рефлексировав по поводу того, верят ему или нет. И в этом отношении писатель предвзят в известном смысле открытия Н. М. Карамзина, отчетливо осознавая роль читательского восприятия, не делая текст неким «комментарием» к авторской фигуре, не выступая в качестве «пророка», «наставника», но «поднимая» читателя до уровня автора, предполагая в нем способность к декодировке предлагаемого сочинения, к адекватному восприятию заложенных в тексте смыслов, игровых и пародийных прежде всего.

«Пересмешник» М. Чулова можно считать пародией на всех уровнях по нескольким причинам: во-первых, его структурное построение со всей очевидностью отсылает к сказочным восточным и ренессансным европейским новеллистическим сборникам с рамочной композицией (достаточно вспомнить хорошо известные в России с 1680 г. новеллы боккаччиевского «Декамерона» или же арабские сказки во французской переработке А. Галлана); во-вторых, пародийность сюжетов позволяет трактовать «Пересмешник» как пародию на французские галантно-героические романы XVII–XVIII вв. («Комический роман» П. Скаррона, «Хромой бес» А. Лесажа и др.); в-третьих, отдельные стилистические пассажи сборника пародийно воспроизводят поэтику бурлеска и трагедии, состоявшую в резком противопоставлении стиля и темы, представленную, например, в сочинениях И. Баркова или в поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вах», и, наконец, что гораздо существеннее, – пародирует сам образ автора, поскольку Чулков профанирует образ создателя художественного текста как таковой, «расщепляя» его на нескольких авторов «фиктивных» (рассказчиков), чьи «голоса» передают «реальность» с точки зрения традиционализма, нормированности искажающе и отчуждающе: именно спрофанированный авторский образ, замененный системой авторских масок, инвертирует обычное, традиционное повествование, предлагая иные,

непривычные читателю и видение мира, и само построение текста.

Несмотря на обозначение историй как «сказка», действие каждой из которых разворачивается в богатырской, доисторической древности, фантастичность «сказок» «Пересмешника» выглядит «реальностью», благодаря «современности» героев и реалий, их мнимой временной изолированности. Чулков усвоил не только отечественные и европейские классицистические тексты, но и всю народную традицию, поставив себя и фиктивных авторов-рассказчиков по отношению к описываемой реальности в статус современника, отказавшись от единого стиля и жанра, нашел возможность создания текста синтетической природы с сосуществованием и столкновением различных «голосов». Обработка всего предшествующего литературного материала с сознательным дистанцированием от него, обновление как литературных жанров, так и стилистического кода, авторская иронизация позволяют рассматривать «Пересмешника» как произведение, пронизанное пародией. Однако пародия текста Чулова нацелена не столько против классицистической системы как таковой, сколько против крайностей, системе опасных, о чем свидетельствуют финальные главы, где комическая струя заметно уменьшается. Если первые главы были насыщены откровенно смеховыми эпизодами, представляющими и реальность (литературную в том числе), и героев-повествователей, и самого автора в искаженном и деформированном виде (как элементы эстетической игры), то к финалу становится очевидно, что сборник можно было бы воспринять в том «серьезном» виде, каковой он должен был бы иметь, а смысл всего повествования вполне идентифицируется с самим актом рассказывания.

Рамочная конструкция сборника (истории знакомства «фиктивных» авторов-нарраторов друг с другом и рассказывания на «вечерах» в доме полковника всевозможных занимательных «сказок») мыслится не просто абстрактной схемой для структурирования материала в рамках определенной нарративной традиции, но становится демонстрацией дистанцирования от существующих норм и их пародированием (каждая «сказка» показывает свободное использование «реальным» автором возможностей всех жанров без жесткого их подчинения правилам), посредством авторской маски как части литературной мистификации.

С целью мистификации читателей Чулков не только вводит фиктивных авторов-повествователей – вымышленных нарраторов-плутов, которые, не уступая друг другу в «красноречии», забавляются тем, что «по вечерам развлекают всякими выдумками своих придурковатых хозяев» [1]. При

этом «развлекательность» повествования определяется не только авантюрами и приключениями, в которые попадали фиктивные авторы и о которых они рассказывают слушателям, но и самой ситуацией рассказывания, помещенной в аналогичный контекст непредсказуемости, равно как и сами истории. Средством ввода и последующей репрезентации фиктивных авторов-нарраторов выступают у Чулкова «Предуведомление», вводные главы – истории жизни (автобиографии) Русака, Ладона и Монаха. В творчестве Чулкова впервые, не без посредства экспериментального опыта западно-европейских романов, в первую очередь Л. Стерна, «оказалось возможным наполнение традиционной формы» литературного предисловия «нетрадиционным содержанием» – автор предстает *«играющим»* традиционной формой обращения к читателю» [2]. Так, в «Предуведомлении», открывающем «Пересмешник», фиктивный автор Русак поясняет причины публикации сборника следующим образом: «<...> выпускаю сию книгу на волю не с тем, чтоб ею прославиться, потому что нечем, ибо бездельцею целому свету показаться невозможно, а единственно для того, чтоб научиться. <...> В сей книге важности и нравоучения очень мало или совсем нет. Она неудобна <...> исправить грубые нравы; опять же нет в ней и того, чем оные умножить; итак, оставив сие обое, будет она полезным препровождением скучного времени, ежели примут труд ее прочитать. <...> Я стараюсь быть писателем, если только когда-нибудь мне оное удастся, и все мое желание основано на этом» [3]. Очевидно, что фиктивный автор еще не считает себя профессиональным сочинителем, подчеркивает, что он лишен каких-либо литературных амбиций, поскольку это его «первый труд», извиняется за «невладение» языком и использование «чужестранных слов»: «Оные клал я иногда для лучшего приятства слуху, иногда для того, чтоб над другими посмеяться, или для той причины, чтоб посмеялись тем надо мною. Человек, как сказывают, животное смешное и смеющееся, пересмехающее и пересмехающееся, ибо все мы подвержены смеху и все смеемся над другими» [4]. Последняя реплика отнюдь не случайна – она подчеркивает амбивалентность авторского намерения – смеяться, высмеивать и быть осмеянным одновременно. В «пересмешника» превращается не только сам текст, выворачивающий наизнанку и пародирующий уже известное, но и автор, смеющийся и над клишированными литературными образцами, и над сформированными в читательском сознании образом писателя, «офранцузенного» или «онемеченного», пытающегося по западным «лекалам» построить текст с сугубо отечественными реалиями, нередко злоупотребляющего иноязычной лексикой,

стремящегося «русскими буквами» изображать «французские слова». Фиктивный автор занят не только языковой стороной своего сочинения, он не пассивно присоединяется к содержащимся в нем эстетическим и идеологическим интенциям, – речь его ориентирована на читателя, даже несмотря на те случаи, когда повествование ведется от лица других авторских масок, оказывающихся и объектами и субъектами (персонажами) повествования, соответственно, «голос» Русака объединяет две интенции – собственно авторскую (автора «внетекстового», «реального») и действующих лиц, свидетелей и соучастников повествования (Ладона, Монаха).

Помимо этого «Русак» утрирует собственную «обычность» и неприметность, молодость, а как следствие – отсутствие «серьезности» и жизненного опыта и вытекающую из этого необходимость «самоустраниться», обрести некую анонимность. Кроме того, в рамки «Предуведомления» включен сон Русака, насыщенный персонажами античной мифологии (Юпитер, Пан, Ата, Мом и др.) в назидание «завистникам» и объясняющий необходимость появления книги – за избавление от смерти молодого сатира Мом награждает Русака, что, естественно, выдает присутствие автора «реального», не только обыгрывавшего античные и славянские мифологические сюжеты в «Пересмешнике», но и являвшегося составителем «Краткого мифологического лексикона (1767)» и «Словаря русских суеверий» (1782): «<...> он с позволения Зевесова подарил мне перо и сказал, что до окончания моей жизни могу я им писать, никогда не очиняя, и чем больше стану его употреблять, тем больше будет оно искуснее черкать. Итак, писал я им сию книгу, и как в первый раз его употребил, то можно видеть, что оно еще не описалось, а по обещанию Момову, может быть, оно придет со временем в совершенство и будет порядочнее чертить по бумаге» [5]. В данном отрывке вновь явственно проступает общая пародийная направленность книги: иронически обыгрывается идея «божественного» происхождения поэтического вдохновения и дара писательства как данного свыше (Мом с позволения Зевса награждает Русака), не случайно именно Мом избирается в качестве фигуры, инспирировавшей опыт «сочинителя», поскольку Мом был богом «пересмешества»; упражнение его состояло в том, чтоб «рассматривать дела как богов, так и человеков, а после бы над ними насмеяться» [6]. Очевидно, что автор в «Предуведомлении» не учит, не выступает в характерном для него качестве пророка или судьи, его слово не авторитарно, не абсолютно, но носит отчетливо выраженный игровой характер.

Помимо главной авторской маски, коей выступает Русак как собиратель и публикатор всех

историй «Пересмешника», Чулков создает подчеркнута игровую атмосферу книги благодаря введению ещё двух фиктивных авторов-нарраторов, также исполняющих функцию авторских масок, организующих повествование, – Ладона и Монаха. Изображение Русака, Ладона и Монаха становится пародийно-полюемическим приемом по отношению не столько к сложившейся жанровой традиции, сколько к «сакральному» статусу создателя художественного произведения, сопряженного с абсолютным, высшим началом. М. Д. Чулков же, в противовес существующему канону, выводит пародийные образы авторов-рассказчиков, во-первых, в «Предупреждении» собирателя «сказок» Русака, во-вторых, во вводных главах – Ладона и Монаха, фамильяризирующие, травестирующие образ автора как таковой. Подобный «новый автор» выстраивает в рамках сугубо литературного произведения и образ «нового» мира – карнавального, смехового, игрового в своей основе. Подтверждением этого становятся многочисленные комические ситуации, которыми насыщен текст «Пересмешника», состоящий из нанизываемых друг на друга комических эпизодов, изображения образов дураков, фамильярных развенчаний, наиболее показательна из которых история о чудачествах и злоключениях Балабана. И именно рассказ о Балабане с его подчеркнута смеховой атмосферой насыщен ироническими комментариями и автокомментариями, автоаллюзиями и пародийными отсылками к произведениям отечественной и западно-европейской литературы XVIII в. – создается впечатление, что автор сознательно снижает повествовательный и стилистический регистр, включая реплики относительно современной ему словесности именно в контекст походов дурака Балабана, создавая в сознании читателя иллюзию о «несерьезности», незначительности собственных замечаний и суждений, но одновременно – «дуристью» персонажа и его поступков еще более оттеняя свою идеологическую и эстетическую позицию.

Во-первых, неоднократно осмеиваются сочинители любовных романов («Тут вспомнил я слова нововыпеченного сочинителя – любовь вкусна, и всегда в ней новые присмаки, которые производятся от электризации и от капитуляции» [7]), стремящиеся нагромождением иноязычной лексики «украсить» собственный слог. Во-вторых, повествуя о продаже Балабаном книг, фиктивный автор-нарратор указывает в автокомментарии: «Этому удивляться не должно, что Балабан за те деньги, которые взял за “Телемака”, мог купить мантилет, потому что этакое книги у нас очень дороги, а другие, например, грады, вертограды, стансы, мадригалы, идиллии, билеты, то оными намостить можно Московскую дорогу» [8]. Оче-

видно, что не только «набор» названий и жанров выдает собственно авторские пристрастия, – автокомментарий содержит и явно сатирическую отсылку («грады, вертограды») к романам Ф. А. Эмина, выпустившего в 1763 г. перевод с португальского «Любовный вертоград, или Непреоборимое постоянство Камбера и Арисены» и занимавшего принципиально иную позицию, нежели М. Д. Чулков, в рамках литературной борьбы середины XVIII в. Эмин, выстраивая авантюрные сюжеты, делал сценой их развертывания весь мир – от Египта до Испании и Турции, соответственно отечественные реалии иносказательно изображались под видом западных, тогда как Чулков впервые в беллетристической форме изображает Россию, ее прошлое, хотя и псевдоисторическое, последовательно русифицируя и контаминируя хорошо известный материал волшебного-рыцарской литературы и переводных древнерусских повестей. В-третьих, пародийной автоаллюзией Чулкова на собственный роман «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» можно, вероятно, считать сатиры Балабана, в которых обыгрывается та же тематика: «Без жару никогда на стуже воск не тает, / Подобно девушка без денег не вздыхает. // <...> А пламеннее всех тогда она бывает, / Когда любовник ей карман свой открывает <...>» [9]. Последующий автокомментарий относительно женской сущности и способности любить еще более подчеркивает генетическую взаимосвязь тематики и мотивики «Пересмешника» и «Пригожей поварихи»: любовница Балабана «обходилась ласково со многими мужчинами, которых карманы находились во добром здравье <...>» [10].

Кроме того, в тексте плутовских историй «Пересмешника» содержится немало автоотсылок к волшебному-сказочной части сборника, представляющей собой серию рассказов о похождениях богатыря Силослава в поисках прекрасной Прилепы, похищенной чародеем: «Каким образом и что из того последовало, извольте слушать, примолвил сказывальщик, я буду рассказывать. Слышали вы в повести о Силославе, что истукан Чернобогов был пустой» [11].

И, наконец, уже в рамках повествования о похождениях Балабана фиктивный автор-нарратор (Ладон) постоянно подчеркивает «сделанность» текста: «А я <...> не стал ей рассказывать хорошей и длинной истории, желая употребить оную в свое время, что действительно и сделал. Итак, начал рассказывать ей сие приключение, которое означает **пятая глава моей книги**» [12]. Очевидно, что повествование, якобы создающееся на глазах у читателя, является собой если не законченный, то, по крайней мере, четко структурированный текст, в котором, к тому же, предусмотрено указание на подлинное «авторство» нарратора – Ладона. Кроме того, ориентируясь на

слушателя (читателя) и забегая вперед, он комментирует происходящее, дает авторские оценки тем или иным событиям, поступкам героев, ему заведомо известных, но незнакомых читателю: «Еще обещаю я объявить поболе в своем месте о неудачных его (Балабана. – О. О.) откровениях, и наконец о его свадьбе. Оставим его теперь <...> и дадим ему надежду в его любви. Он не преминет и еще изъясниться» [13]. Подобные «опережающие» комментарии будут даны не только собственным «сказкам» Ладона, но и «истории» о «похождении» Монаха, в рассказ которого, ведущийся от первого лица, будет нередко вкраплена «чужая» речь, как правило, резюмирующего свойства, вновь указывающая на временной сдвиг повествования, ретроспективность рассказываемого: «Таким образом кончил монах своехождение, которое, однако, было еще не все; смешные с ним приключения услышим мы после» [14]. Примечательно, что далее, продолжая вести игру с читателем-реципиентом, выстраивая с ним принципиально новую систему взаимоотношений, фиктивный автор-нарратор делает вид, что учитывает горизонт читательского ожидания, но сознательно нарушает его: «Но простофиля мой от того не умудрился и написал еще за то на нее сатиру, за что дядя посадил его на хлеб да на воду, чему он был рад, ибо случилось, что не едал дни по три сряду, затем что деньги употребил на амуры, а после сидит голодом. Действительно бы так должно было сказать, это бы было ближе к природе и к самому моему дурню, однако в рассуждении повести попротиворечу я сам себе» [15].

Возвращаясь непосредственно к фиктивным авторам-нарраторам «Пересмешника», отметим, что, преследуя своекорыстные цели, ища ничем не обремененного существования, нарраторы-плуты во всем руководствуются «случаем», заставляющим их страдать, помогающим чудесным образом избавляться от гибели, определяющим как сам ход повествования, так и «писательство» или же способность к «рассказыванию» автогероев. Необходимо заметить, что текст «Пересмешника», вне зависимости от причастности к рассказыванию той или иной истории Ладона, Русака или Монаха, насыщен обращениями к читателю, в чем, безусловно, проявляется ориентация на западно-европейские, прежде всего, французские романы. Но также, благодаря им, происходит смена читательской роли – из стороннего наблюдателя читатель становится активным участником изображаемых событий, вовлекается в происходящее (процесс слушания, рассказывания). Сами же фиктивные авторы-нарраторы при этом подчеркивают «сделанность», сочиненность текста, проводя пространственно-временную границу между происходящим и фиксируемым, «за-

писываемым» и, соответственно, – собой и читателем, читателем и героями художественной реальности: «Мы еще не слышим их разговоров; конечно, не довольно они еще накушались. Оставим все, что ни есть на столе, их голоду на жертву; пускай они будут довольны. Пока они станут кушать, а я тем временем подумаю о расположении второй главы» [16]. Очевидно, что фиктивный автор-рассказчик (Ладон) является героем собственного повествования, находится среди тех, о ком он ведет речь (сидящих за столом в доме полковника), но одновременно – он автор, пишущий этот текст, для которого и герои, и он сам – участники действия, подобного театральному спектаклю, разыгрываемому на глазах у публики.

Например, уже само название второй главы сборника – «Ежели она будет не складна, то в том я не виноват, потому что будут говорить в ней пьяные» – маркирует переадресацию авторской речи: Русак как составитель всей книги демонстративно самоустраивается из процесса повествования, подчеркивая собственную непричастность не только к рассказываемым «историям» как таковым, но и к их стилистическому, художественному построению и оформлению, передавая процесс рассказывания другим нарраторам – Ладону, прежде всего, который ведет повествование то от первого (описывая себя, внешний мир, воссоздавая сам контекст для последующих «сказок»), то от третьего лица (внося автокомментарии относительно происходящего, героев его же рассказа и их «историй»). Однако обозначение уже следующей главы – «Объявляет, каким образом проглотил я Купидона» – вновь демонстрирует доминирующую речевую позицию фиктивного автора-нарратора Ладона, в противовес остальным участникам «вечеров».

Несмотря на отсутствие четких пояснений в тексте «Пересмешника» относительно того, кто из фиктивных авторов-нарраторов рассказывает ту или иную «сказку», идентифицировать «авторство» историй вполне возможно на основании пояснения Ладона, непосредственно предвещающего рассказывание: «<...> сделали мы с моим приятелем (Монахом. – О. О.) ночными рассказчиками. Я положил, чтоб рассказывать мне о древних наших богатырях и рыцарях, а товарищ мой обещал шуточные и смешные приключения по окончании каждой моей повести рассказывать» [17]. Соответственно, можно с уверенностью приписать волшебнo-сказочную часть «Пересмешника» Ладону, все остальные, комические, истории – Монаху, соответственно Русак выступает лишь в качестве «составителя» всего сборника, его оформителя и редактора. При этом подчеркнем, что все рассказываемые Ладонem и Монахом на «вечерах» сказки осмысливаются самими нарраторами в

едином смысловом, стилистическом и эстетическом контексте не только друг с другом, но и как часть всего сборника, героями которого, собственно, Ладон и Монах являются, на что указывает, например, реплика Монаха в сказке «Драгоценная щука»: «Исчисление коих хитростей, ежели оные описывать, составит пять частей «Пересмешника», а нам недостает здесь только двадцатой главы, следовательно, описание их должны мы оставить до другого случая, а теперь удовольмся одною только из них хитростию, а именно похождением драгоценной щуки» [18].

Особое место с точки зрения специфики функционирования авторской маски в рамках «Пересмешника» занимает «Сказка о рождении тафтяной мушки», также рассказываемая Монахом и построенная по канонам жанра плутовского романа со смешением условности и реальности. Несмотря на то что повествование о похождениях Неоха здесь ведется от лица «я-рассказчика» и самим нарратором подчеркивается его вымышленность, сказочность, фиктивный автор-нарратор продолжает утрировать эту условность, отмечая осознание самим Неохом его «персонажности» в рамках романного действия, предчувствовавшего, что «с этой минуты будет он действительным лицом в том романе, который сочинителю писать заблагорассудилось. Неох теперь в полной его власти, и он будет повелевать им так, как своим невольником. Может одеть его в странную одежду, <...> и так покажет его людям собранием четырех частей света или еще и больше. Ежели соизволит, даст ему скипетр и посадит на престол, свергнувши с оного – заключит в темницу, даст ему любовницу и опять отымет оную <...>; а ежели сойдет с ума по общему обыкновению писателей романов, то повернет землю вверх дном и сделает его каким-нибудь баснословным богом, ибо от романиста все невозможное стать может. А я, продолжал рассказчик, как сказываю сказку, то без всяких пышных украшений буду продолжать мое повествование с начала. <...> он <...> узнал, что писатель романов, желая привести читателей в волнение, получить громкую славу, присвоить себе Пегаса и получить Парнасский лавр, не только это, но и на воздухе палаты построить может, ежели только захочет» [19]. Примечательно, что еще до начала описания Неоховых походов нарратор, перечисляя возможные извивы судьбы героя, которая гипотетически ему может быть уготована «сочинителем», пересказывает основные этапы жизненного пути Неоха и его приключения – от неожиданного обретения богатства, тюремного заключения и побега, многочисленных переодеваний до получения титула «ближнего боярина» государя и устройства личного счастья. Одновременно рассуждения Монаха о писатель-

ских возможностях можно считать иронической автоотсылкой Чулкова к тексту «Пересмешника», где реальное органично сочетается с фантастикой и согласно авторской воле, действительно, герой может очутиться где угодно, и репликой в адрес собратьев по перу, в частности, Ф. Эмина, который, апеллируя к читательскому любопытству, помещает персонажей в самые невообразимые места и ситуации.

Следовательно, в «Пересмешнике» автор «реальный», затекстовый, по всей вероятности, создает особый иронический модус авторского слова как посредством введения авторской маски Монаха в качестве фиктивного автора-нарратора, который, будучи частью художественной реальности, на глазах читателя выстраивающейся, знает то, что ему как такому же герою произведения знать не положено как раз в силу его «внутринаходимости». Монах также указывает и на себя самого как на порождение фантазии «сочинителя» и осознает включенность своего рассказа, себя, героев «сказки» в художественную ткань «Пересмешника», отчасти выражая и авторскую позицию относительно «историзма» художественных произведений: «Сие описываю я для того, что сочинитель романов должен быть непременно историк и не упускать ничего, что принадлежит до вранья и басен; а ежели оного мы, хотя и не в числе оных, романисты, употреблять не будем, то скоро все люди потеряют к нам должную честь и трудами нашими будут обертывать купцы товар <...>. Что же он (Неох. – О. О.) думал об этом, я не ведаю, хотя бы и должно было мне описать его смущение и движение сердца; но сочинители романов, ежели видят где непонятное их уму, то всегда оставляют то без описания, чтоб не так много невежество их открывалось перед теми, которые почитают их разумными и учеными» [20]. Рассуждения Монаха, как явственно видно, не только содержат скрытую отсылку к самому «Пересмешнику», в котором впервые в отечественной словесности был предложен художественный вариант древнеславянской истории (точнее, «псевдоистории»), а кроме того, нарратор сознательно создает иллюзию некоей дистанции между собой и профессиональными сочинителями, что со всей очевидностью отсылает к «Предупреждению» сборника, в котором Русак также позиционирует себя «начинающим» писателем, непрофессионалом, но одновременно причисляет себя к «сочинителям», следуя тем же шаблонным романским приемам и воспринимая те же повествовательные и сюжетные схемы. На протяжении всего повествования нарратор постоянно подчеркивает собственное «авторское» всевластие, демонстрируя ретроспективность «истории» по отношению к ситуации рассказывания и подчеркивая собственное авторство или, как минимум, определенную при-

частность к нему: «Куда пошел крестьянин, об этом я неизвестен, а что касается до Неоха, то хотя я не шел за ним следом, однако знаю все его намерения и что вперед с ним случиться может» [21] и т. д. Однако речь фиктивного автора-нарратора нередко прерывается замечаниями «составителя» сборника, его вводными конструкциями, подчеркивающими «вторичность» голоса Монаха по отношению к описываемым событиям («Этому вы удивляться не должны, продолжал сказывальщик <...>» [22] и др.), а также собственными комментариями нарратора относительно структуры как «Сказки о рождении тафтяной мушки», так и сборника, частью которого она является: «Неох не спешил увенчаться земляною диадимой; сверх же того знал он и это, что он мне весьма надобен для продолжения моей сказки, а сочинителю для продолжения книги <...>» [23].

Таким образом, текст, на первый взгляд, рождающийся на глазах у читателей и, соответственно, слушателей, поскольку является рассказываемой историей, одновременно объемлет собой всех действующих лиц – и рассказчика с его окружением (текстовую реальность), и героев повествования рассказчика («вторичную» внутритекстовую реальность), становясь в конечном итоге частью целостного литературного произведения, предлагаемого читателю и составленного с точки зрения нарратора автором-романистом, писателем-профессионалом. Мало того, к финалу «Сказки о рождении тафтяной мушки» «голоса» «рассказчика» и «сочинителя», разграничиваемые на протяжении всего повествования самим же «сказывальщиком», не просто сливаются, – читателю старательно внушается, что «рассказчик» и составитель сборника одно и то же лицо, благодаря ложной самоидентификации рассказчика и использованием взаимозаменяемый местоимений «я»/«он» в их автореференциальном значении: «<...> мне пора уж возвратиться к моему повествованию. <...> но путешествие его к жрецу и что с ним там сделалось покажет нам другой вечер, а теперь рассказчик должен сказать, что приехал в город Длан, то есть тот человек, который отрекся от лошади и от табакерки» [24]. Авторская игра на самотождестве себя и фиктивных авторов, а также фиктивных авторов друг с другом содержит сугубо игровую коннотацию, ведет читателя-реципиента к ложной идентификации авторов «реального» («внетекстового») и мнимых (рассказчиков, выдающих себя за «подлинных» авторов, собранных в «Пересмешнике» историй).

Очевидно, что в «Пересмешнике» М. Д. Чулкова прямое авторское слово, разъясняющее и поучающее, заменяется словом «чужим», автором переадресованным: в связи с утверждением ин-

ститута авторства, «обособлением» литературного текста от фигуры его реального создателя, авторский голос обретает иные, игровые возможности и способен не только воздействовать на читательскую аудиторию идеологически, декларируя собственные воззрения, но и эстетически, художественно, вплоть до демонстративного самоустранения из собственного сочинения – это и предпринимает М. Д. Чулков, избирая формой репрезентации себя как автора «реального» авторские маски, стилизуя «чужие» голоса, – Русака в качестве публикатора и составителя всего сборника «Пересмешник», Ладона и Монаха как непосредственных повествователей «историй», в сборник включенных и в конечном итоге его составивших. Не случайно, по всей видимости, и избрание в качестве масок именно персонажей-пикаро, связанных и по происхождению, и по образу жизни с «телесным», «изнаночным», «смеховым» аспектом жизни: травестированные автогерои пародируют сформированный в читательском сознании традиционный образ автора, превращающийся из наставника, «учителя» или «пророка» в шута, плута, демонстрирующего неустойчивость не только изображаемой реальности, но и собственной позиции, играющего и с читателем, и с героями, и с самим собой.

Примечания

1. Плюханова, М. Российский пересмешник [Текст] / М. Плюханова // Лекарство от задумчивости, или Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. М., 1989. С. 43.
2. Лазареску, О. Г. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. Г. Лазареску. М., 2008. С. 23.
3. Чулков, М. Д. Пересмешник [Текст] / М. Д. Чулков. М., 1987. С. 6.
4. Там же. С. 7. (Здесь и далее выделено нами. – О. О.)
5. Там же. С. 10.
6. Чулков, М. Д. Краткий мифологический лексикон [Текст] / М. Д. Чулков. СПб., 1767.
7. Чулков, М. Д. Пересмешник. С. 42.
8. Там же. С. 79.
9. Там же. С. 80.
10. Там же. С. 86.
11. Там же. С. 185.
12. Там же. С. 42.
13. Там же. С. 42.
14. Там же. С. 77.
15. Там же. С. 82.
16. Там же. С. 19.
17. Там же. С. 88.
18. Там же. С. 134.
19. Там же. 153–155.
20. Там же. С. 156.
21. Там же. С. 189.
22. Там же. С. 156.
23. Там же. С. 174.
24. Там же. С. 238–239.

Е. В. Верхолотова

**РИТМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
В ЛИРИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ
Н. ГУМИЛЕВА И А. АХМАТОВОЙ**

В статье произведен анализ разнообразных ритмических форм, способствующих созданию целостности лирического цикла: членение книги на разделы и главы, метаобразы и лейтмотивы, стихотворная метрика, строфика и другие. Мы доказываем, что образное целое в лирическом цикле представляет собой «синархию» – ритмический перебой взаимопроницающих друг в друга тем.

In Elena Verholotova's article "Rhythmical forms in the Gumilyov and Akhmatova's verses" analysed different rhythmical forms, that assist to make complete lyrical cycle: dividing book into parts and chapters, metaimages and leitmotives, metrics, strophics and others. We demonstrate that the whole image into lyrical cycle represents "sinarhy" – rhythmical intermission interconnected themes.

Для лирического цикла важнейшей связующей основой является ритм.

Под этим понятием мы подразумеваем закономерное чередование и повторение однородных частей художественной формы [1]. Ритм может создаваться не только буквальным повторением какого-либо выразительного элемента, но также и интонированием и акцентированием этого элемента и, как следствие, постоянно возобновляющейся художественной цельностью. Именно благодаря этому ритм формирует художественный смысл и является циклообразующим фактором. Для читателя ритм является своеобразным раздражителем, он помогает легче отыскать связи между элементами формы, ощутить цельность всего художественного произведения.

Существует концепция, согласно которой в мелодико-ритмическом плане стихотворения могут представляться аккордами, а циклы – мелодически развернутыми музыкальными темами [2]. Принципиально важными представляются слова П. Флоренского о том, что образное целое любого произведения представляет собой не систему, единицы которой строго субординированы, а «синархию», ритмический перебой взаимопроницающих друг в друга тем [3].

Многообразии ритмических форм проявляется на самых разных уровнях – от категорий макроуровня (таких, как членение книги на разделы, композиция) до «микрокатегорий», например, стихотворной рифмы как определенной метрической закономерности. Необходимо рассмотреть эти уровни, чтобы представить себе закономерности построения лирического цикла, формиру-

ющие его как единую систему. Ритмическое единство цикла необходимо проанализировать во всех возможных способах организации материала, только тогда мы сможем объективно говорить о понятии «целостности».

1. Членение книги на разделы (главы, части)

Авторы делят текст на составляющие для выражения в структуре литературного произведения образно-художественных идей и связей между ними [4]. Этот графический прием представляется чрезвычайно значимым. Графические «отрывки» мы можем сравнить с ритмическими ударами, которые сначала оставляют первичный образ в памяти, а уже потом воспринимаются как обобщенное представление, сложившееся от ряда ощущений. Зонная природа ритма позволяет в известных пределах ставить подобные ритмические удары свободно. Лирическая книга традиционно делится на части (ритмические удары), обозначенные цифрами (например, части 1 и 2 книги Н. Гумилева «Чужое небо», «Белая стая» А. Ахматовой), или «тематические» части (например, «Китай» и «Индокитай» в книге «Фарфоровый павильон» Гумилева, «Седьмая книга» А. Ахматовой), но бывают и более сложные членения лирических книг. Например, книга Ахматовой «Anno Domini MCMXXI» имеет три «внешние» части, каждая из которых включает в себя не только отдельные стихотворения, но и микроциклы, «внутренние» части. Примечательно, что Ахматова использует множество способов графического озаглавливания (разные шрифты заголовков, название стихотворения по первой строчке и т. д.), которые не связаны с условным делением на «внутренние» и «внешние» части, а отражают индивидуальный творческий замысел поэтессы, который сложно свести к привычной схеме.

**2. Метаобразы и лейтмотивы
как основа ритмического рисунка**

Термин «лирический мотив» может быть определен как «внутритекстовый смыслообразный компонент (...), способный иметь знаковый характер, повторяться от стихотворения к стихотворению или циклу внутри книги», а также как «компонент интертекстуальный, обозначающий повторность и взаимосвязь комплекса идей и состояний лирического субъекта от книги к книге и от автора к автору» [5]. В лирических произведениях мотив выступает чаще всего в виде «слов-звезд», то есть ассоциативно-образных словосочетаний. Безусловно, необходимо выделить и понятие «лейтмотив», основная функция которого – «создание художественной целостности способом прочерчивания доминирующих семантических рядов, тематических оппозиций, ассоциативных цепочек, образующих внутренний и внешний планы смыслового поля произведения»

[6]. Повторение главнейших образов и мотивов лирической книги – важнейшая ритмическая составляющая. Эти повторы не обязательно образуют ярко выраженный ритмический рисунок, но, тем не менее, использование образов и мотивов одной семантической группы в разных стихотворениях одной лирической книги является своеобразным «связующим материалом».

Обобщающие метаобразы возникают благодаря системным отношениям в цикле на предметно-образном уровне.

Книга «Фарфоровый павильон» (китайские стихи), помимо строфического и ритмического единообразия, имеет организующие метаобразы и лейтмотивы. Большинство из них связаны с культурологическими и мифопоэтическими представлениями Гумилева о Китае: дракон (как объект для поэтического сравнения), чаши с водой или подогретым вином (также выступают объектом для сравнения, что, вероятно, связано с представлением о чаше как середине мира, как о категории моделирования пространства, самой распространенной в большинстве мифологических систем), лодка (как символ «вынесения» из привычной среды, как ассоциация с процессом перехода из материального мира в мир духовный), луна (или месяц – этот образ присутствует практически во всех стихотворениях цикла), вода (озеро, возможно искусственное. Трактовка этого образа сближается с представлением об «озерной глади» Колриджа и других поэтов озерной школы). Взаимосвязь доминантных метаобразов луна – озеро проясняется в стихотворении «Соединение», где посредством метафорического мотива отражения передается одна из важнейших тем цикла – страдания неразделенной любви.

Для примера рассмотрим книгу Н. Гумилева «Чужое небо». В ней метаобразы, помимо повторения, еще и вступают в оппозиционные отношения. Можно сказать, что ритм книги держится на следующих метаобразных и лейтмотивных оппозициях:

Горячий, горящий, пламень / **прохладный** рай, холодный поэт, снеговая;

Красота, прекрасный, изумительный, рыцари неба / **внешняя непривлекательность**: плешивые, калеки, нищие, оборванцы;

Юность: гармоничная, благословенная, святая / **старость**: странная и мудрая;

Природа: река, облака, скалы, море / **замкнутое пространство дома**: книги, кабинет, мягкие кресла и диваны;

Вечер, заходящее солнце, сумрак / **ночь**;

Время года: **осень** (безбурная) / **весна** (бред весны, томный апрель);

Триада: **бездна** (море, река, озеро) / **долина** (пустыня) / **горы** (скалы).

Основная сюжетобразующая оппозиция: **мужчина/женщина**. (Выборка аллегорий и эпитетов недвусмысленно свидетельствует о биографической подоплеке образов.)

Связующим началом является также ритмически организованная цветопись: в 1-й части это такие цвета, как голубой, розовый (дымно-розовый), желтый (лунный свет, пустыня, песок), медный (как цвет и как звук). Во 2-й части мы видим иное «цветовое поле»: используются такие цвета, как золотой, красный (алый), синий, зеленый, розовый. Обобщенно мы можем их назвать «цвета рая». Таким образом, благодаря как антонимичным, так и синонимичным метаобразам и лейтмотивам, в сознании читателя возникает определенный ритмико-семантический рисунок.

3. Метрический ритм

Известны слова Н. Гумилева: «У каждого метра своя душа, свои особенности и задачи (...). Различные размеры этих метров тоже разнятся по их свойствам: так, четырехстопный ямба чаще всего употребляется для лирического рассказа, пятистопный – для рассказа эпического или драматического, шестистопный – для рассуждения и т. д. Поэты нередко борются с этими свойствами формы» [7].

Гумилев осознавал, что стихотворные метры и размеры имеют собственную семантику и формируют смысл текста независимо от семантики слов, дополняя и поддерживая его либо вступая с ним в конфликт.

Поэтический ритм, помимо уже рассмотренных нами семантических повторов, – это также все регулярные композиционно значимые повторы словесно-звукового материала. В лирической книге поэтический ритм становится одним из важнейших связующих факторов. Соотношения, выявленные ритмическими фигурами, заменяют привычные для прозы логические формы взаимосвязи элементов текста: причинно-следственные связи, последовательность или одновременность и т. д. Различного вида ритмические повторы используются как прием композиционно-го членения и связывания словесного материала.

По подсчетам В. С. Баевского, у Гумилева отношение между ямбами, хорейми, трехсложными метрами и неклассической метрикой равно 33.3:20.8:25.1:20:8 [8]. Серебряный век сохранил то же отношение между ямбами и хорейми, что существовало в «золотом веке». При этом количество трехсложников уменьшилось за счет увеличения доли неклассических метров. По «удельному весу» новых метров Гумилев значительно ушел от предшествующей традиции, что характеризует его как «решительного новатора» [9]. Это позволяет утверждать, что в метрике Гумилева заключены все основные тенденции русско-го стиха XX в. Высокие поэтические достиже-

ния Н. Гумилева в большинстве своем связаны с трехиктным и четырехиктным дольником. Это обстоятельство позволило А. Н. Колмогорову утверждать, что «временем окончательного формирования современного русского дольника можно считать 1910–1920 гг.; это формирование связано по преимуществу с именами Ахматовой, Гумилева (...)» [10].

Также Гумилев экспериментировал с тактовиком, который во времена поэта даже не имел названия. В этом размере между слогами, которые несут ударение, могут возникать до трех безударных слогов, и только тонкий художественный вкус Гумилева помогал такому стиху «не разваливаться». Это достигалось за счет перемежения менее строго ритмизированных стихов с более строго ритмизированными. Если мы обратимся к книге Н. Гумилева «Огненный столп», то обратим внимание на то, что большинство стихотворений в ней написаны дольником, в которых в пределах одного стихотворения ритм удерживается посредством чередования трехиктной и четырехиктной вариаций:

Самый первый: некрасив и тонок, --/--/--/--/
 Полюбивший только сумрак рощ, --/--/--/--/
 Лист опавший, колдовской ребенок, --/--/--/--/
 Словом останавливавший дождь. /---/--/--/
 (из стихотворения «Память»)

Над городом плывет ночная тишь, /---/--/--/
 И каждый шорох делается глуше, /---/--/--/
 А ты, душа, ты все-таки молчишь, /---/--/--/
 Помилуй, Боже, мраморные души. /---/--/--/
 (из стихотворения «Душа и тело»)

Это касается не только строго рифмованных катренов и таких же «строгих» двестишней («Лес», «Молитва мастеров»), но и стихотворений свободной рифмовки и сложной строфической организации («Мои читатели», «Звездный ужас»):

Старый бродяга в Аддис-Абебе, /---/--/--/
 Покоривший многие племена, --/--/--/--/
 Прислал ко мне черного копыеносца /---/--/--/
 С приветом, составленным из моих стихов.
 /---/--/--/--/
 (Из стихотворения «Мои читатели»)

Объем статьи не позволяет нам привести примеры всех стихотворений. Тем не менее приведенные наблюдения свидетельствуют о том, что метрическая организация осуществляет циклообращающую функцию.

4. Стихотворный размер как способ ритмической организации

Ритм стихотворных размеров Гумилева изучен достаточно полно зарубежными исследователями – К. Тарановски, Дж. Бэйли (J. Bailey), Э. Д. Сэмпсо-

ном (E. D. Sampson), Р. Д. Б. Томсоном (R. D. B. Thomson), а также М. А. Гаспаровым и В. С. Баевским. При жизни Н. Гумилева вопросы ритмики горячо обсуждались литературной общественностью, но поскольку теоретические постулаты не были оформлены, замечания самого Гумилева носят скорее субъективный характер: «У Мандельштама отмечается «хрупкость вполне выверенных ритмов» [11], «ритмика Ахматовой служит могучим подспорьем ее стилистике. Пэоны и паузы помогают ей выделять самые нужные слова в строке» [12]. Гумилевым использовался как восходящий ритм (количество ударений от первой стопы к третьей нарастает), выровненный (все три начальных стопы имеют приблизительно одинаковое количество ударений), так и нисходящий (убывание количества ударений). Так, Гумилев использовал все возможности ритмического варьирования пятистопного ямба. Наибольшей индивидуальностью отличается ритм трехиктного дольника у Гумилева. Являясь одним из канонизаторов этого размера, о чем мы уже писали выше, поэт придал дольнику отличный от других, легко узнаваемый ритм. Приведем строки из стихотворения «Рим» (из книги «Чужое небо»):

Волчица с пастью кровавой /---/--/--/
 На белом, белом столбе, /---/--/--/
 Тебе, увенчанной славой, /---/--/--/
 По праву привет тебе. /---/--/--/

Это пример «основного типа» гумилевского дольника: стихи, в которых между первым и вторым ударными слогами, как правило, один безударный, а между вторым и третьим – как правило, два. Также встречаются формы с двумя двусложными междударными промежутками:

На полях опаленных Родоса --/--/--/--/
 Камни стен и в цвету тополя --/--/--/--/
 Видит зоркое сердце матроса --/--/--/--/
 В тихий вечер с кормы корабля --/--/--/--/
 (стихотворение «Родос» из книги «Чужое небо»)

Также можно выделить формы, в которых между первым и вторым ударными слогами два безударных слога, а между вторым и третьим ударными слогами один безударный. Все эти формы образуют определенный ритмический узор, узнаваемый на слух.

5. Синтаксический и строфический ритм

Объем нашей работы не позволяет нам привести подробный ритмический анализ всех книг поэтов-акмеистов, поэтому ограничимся примером анализа книги Н. Гумилева «Чужое небо».

Каковы синтаксические особенности стихотворений книги? И Гумилев и Ахматова часто ис-

пользовали enjambement: границы предложений и синтаксических единств не совпадают с границей стихов и приходится на их середину. В связи с этим отличительная особенность строфической организации ахматовских стихотворений – точка посреди строки. Еще в рецензии на книгу «Четки» Гумилев рекомендовал поэтессе отойти от четырехстрочной строфы, которая слишком велика [13]. Со временем поэтесса выработала особенные шестистишия, получившие название «ахматовская строфа». В большинстве стихотворений книги Гумилева «Чужое небо» преобладают сложные предложения, которые при помощи анжамбемана переносятся на две строки. Таким образом, значительная часть строк начинается со сложносочиненных или сложноподчиненных союзов, а также семантически значимых частиц. Синтаксические конструкции со сходной организацией являются важным ритмообразующим признаком. Как мастер стиха Гумилев стремился к синтаксическому разнообразию строк, в его стихотворениях синтаксические конструкции почти не повторяются. Исключение может составить лишь вторая часть книги «Чужое небо», в которой распространены единоначатия и синтаксический параллелизм в пределах одного стихотворения. Также обращают на себя внимание поэтически сокращенные формы союзов и частиц: иль (вместо или), коль (вместо коли), ужель (вместо ужели) в первой части. Подобные сокращения требовались поэту для сохранения определенного размера с определенным количеством стоп (вторая часть книги «Чужое небо» написана более «длинными» размерами).

Анализ показывает, что в книге прослеживаются определенные ритмические закономерности. Они складываются, во-первых, из чередования традиционных четверостиший (преобладающих и располагающихся всегда группами по 2–3–4 стихотворения) с более сложными размерами. Кроме того, тип рифмовки трехстиший и шестистиший для обеих частей книги выбран одинаковый, несмотря на всевозможное разнообразие вариантов.

В «Письмах о русской поэзии» Гумилев говорил: «Что же касается строф, то каждая из них создает особый, непохожий на другие, ход мысли (...). Для сколько-нибудь серьезного знакомства с поэтом необходимо знать, какие строфы он предпочитал и как ими пользовался» [14]. По подсчетам В. С. Баевского, Гумилев использовал 75 типов строф на 2106 строф, так что коэффициент разнообразия равен приблизительно 0,04. Больше всего у него четверостиший, как и вообще в поэзии. Среди них, как обычно, преобладает перекрестная рифмовка. Безусловно, у поэта встречаются и двустишия, и шестистишия, и восьмистишия, реже, что и естественно, встречаются строфы с нечетным числом стихов – с

пятью, семью, с одностопными эквивалентами слов. Все это есть и у современников Гумилева, причем часто в значительно более богатом ассортименте [15]. Таким образом, следуя совету Гумилева и выясняя, какие строфы он предпочитал, мы не сможем оценить его индивидуальность. В общей сложности можно выделить четыре типа строфической организации у Гумилева, что мало для экспериментальной направленности поэзии XX в. (ср. сложные строфические построения В. Брюсова, А. Блока, А. Белого). Гумилев обычно складывает стихотворение из одинаковых строф простой формы с одним и тем же стихотворным размером. Отступления от этой системы единичны и скромны. К циклообразующим строфическим экспериментам мы можем отнести использование «холостых», нерифмованных стихов. Поскольку употребление таких стихов, по мнению Гумилева, имело экзотическую окраску, он использовал их в циклах подобной тематики: в «Абиссинских песнях» и «Фарфоровом павильоне». Вступительное стихотворение «Фарфорового павильона» задает строфический тон всему циклу: это нерифмованные катрены. Большинство стихотворений как «Китай», так и «Индокитай» нерифмованные. Исключением являются лишь перекрестно рифмованные катрены стихотворения «Луна на море», рифмованные двустишия стихотворения «Лаос», а также стихотворение «Дорога», где перекрестная рифма в первом катрене оказывается тавтологической:

Я видел пред собой дорогу
В тени раскидистых дубов.
Такую милую дорогу
Вдоль изгороди из цветов.

Отметим, что лексему «дорога», измененную в разных падежах, можно назвать ритмообразующей в стихотворении, так как она всегда оказывается в сильной позиции конца строки. Отдельно стоит отметить стихотворение «Три жены мандарина». В нем каждая из четырех частей состоит из нерифмованных катренов, однако стихотворение выглядит ритмически цельным за счет единоначатия трех первых катренов (то же единоначатие несколько изменяется в четвертом катрене) и синтаксически-смыслового параллелизма последних трех строк каждого катрена.

Для Ахматовой, как и для Гумилева, было важно строфическое единообразие в цикле. Иногда при строфическом неравенстве частей цикла единство достигается особой формой рифмовки, увеличением или сокращением длины строки (количества стоп), использованием одного и того же размера. В пределах одного стихового единства у поэтессы доминирует определенный метр. Это составляет своеобразие ахматовского ритмического рисунка. Например,

микроцикл «Библейские стихи» (из книги Anno Domini МСМХХI) помимо тематического единства «скрепляется» метрическим рисунком (таблица).

Как мы видим, три стихотворения объединяет в цикл основная метрическая форма с двумя двусложными междударными промежутками, которая незначительно варьируется.

Хотя Ахматова писала, что ее именем не будут звать «ни улицу, ни строфу», существует ее авторская поэтическая форма – шестистрочная строфа (секстина). Этот тип рифмовки стал таким же знаменитым, как «онегинская» строфа у Пушкина и подобные открытия Лермонтова, Северянина, Брюсова. Ахматовская строфа – это 4 строки с перекрестной рифмовкой и две со смежной абабсс. Именно с помощью этой строфы Ахматова щедро одарила культуру поэтической речи оригинальными открытиями: объемностью воплощения мира, созданием целостного поэтологического континуума пространства и времени, в котором получили слитное выражение мир, автор и герой, – это ее «священное и тайное» трооперстие, наиболее полно раскрытое в «Поэме без героя» [16].

6. Рифма как составляющая часть стихотворного ритма

Поскольку пример анализа типов рифмовки был приведен выше, обратимся к лексической наполненности рифм. Исчерпывающие словари рифм Гумилева и Ахматовой приведены в книге

А. Казанцевой [17]. Исследователь доказала индивидуальность каждого из поэтов в рифменной организации текста, продемонстрировала, что лексически словарь рифм у Ахматовой менее разнообразен, чем у Гумилева, но при этом оригинален, так как поэтесса использует лексику, приближенную к разговорной речи. Рифмы Гумилева очень разнообразны благодаря широкой эрудиции поэта в области истории, мифологии, географии, философии. У обоих поэтов встречаются некоторые виды неточных рифм: ассонансы, консонансы, неравносложные рифмы, богатые и глубокие, составные и тавтологические и т. п. За исключением некоторых рифм, одинаковых у Ахматовой и Гумилева, каждый из них был совершенно индивидуален в рифменной организации текста, так что большая часть рифм присуща только одному из поэтов.

Рифменная организация лирического произведения влияет на строфическую композицию. При построении строфы женские и мужские окончания чередуются, подчиняясь определенным закономерностям. А. Казанцева путем анализа выявила примерно одинаковое количество мужских и женских рифм у Ахматовой и Гумилева. Это принципиальное сходство в рифменной организации текста связано с принадлежностью их к акмеизму как новой литературной школе. Стих акмеистов «скупее», чем у символистов, но «ин-

Название	Строфическая модель стихотворения	Метрический рисунок	Тип рифмовки в одной строфе
«Рахиль»	5 шестистиший	Схема одного шестистишия: -/--/--/ -/--/--/ -/--/--/ -/--/--/ -/--/--/ -/--/--/	Ababcc
«Лотова жена»	Двенадцатиштишие + четверостишие	-/--/--/ -/--/--/ -/--/--/ -/--/--/ (эта схема повторяется 3 раза)	ababccdefef + abab
«Мелхола»	26-штишие	Схема стихотворения: ABCBCABBBBB *	ababccddffgghihijklmnm

*Где А обозначает ритмическое чередование в четверостишии:

-/--/--/

-/--/--/

-/--/--/

-/--/--/

В обозначает двустишие

-/--/--/

-/--/--/

С обозначает двустишие

-/--/--/

-/--/--/

тенсивнее». Уменьшение количества женских рифм в стихах Ахматовой и Гумилева способствовало сжатию смыслового пространства, что придавало стихам особую энергию выражения (женские окончания более плавные, незавершенные, тогда как мужские отрывисты, интенсивны и закончены) [18].

Возьмем для анализа книгу Н. Гумилева «Шатер» – она обладает всеми признаками продуманного лирического цикла. Организующим началом, безусловно, является строфическая однородность – подавляющее большинство стихотворений написаны четверостишиями с перекрестной рифмовкой. Помимо этого обстоятельства обращает на себя внимание единообразие каждого стихотворения – как строфическое, так и рифменное. В пределах одного стихотворения автором не используются какие-либо неожиданные приемы – смена размера, внезапные нерифмованные строки, смена четкой незамысловатой схемы чередования мужских и женских окончаний (в единичных случаях дактилических). Ключевые стихотворения цикла (несущие наибольшую смысловую нагрузку – такие, как «Вступление», «Дамара» и «Нигер») автор не счел нужным выделять какой-то особенной строфической или рифмовкой. Оригинальное построение стихотворения «Судан», вероятно, использовалось скорее для экзотизма и местного колорита, чем для обозначения семантической значимости в цикле.

Все многообразие ритмических категорий, рассмотренное нами, помимо художественно-выразительной, несет еще и циклообразующую нагрузку. Ритмические закономерности в лирическом цикле во многом сближают его с целостностью музыкального произведения. Будучи первопроходцем и реформатором по своей художественной природе, Н. Гумилев не мог не оценить и не воспринять идеи символистского раскрепощения стиха и сближения поэтического слова с музыкой. Согласимся с А. Павловским, который отметил, что при всем отличии акмеистической поэтики от символистской, Гумилев, традиционно уделявший внимание четкости поэтической речи и твердости рисунка, всегда стремился выявить внутреннюю воздушно-мерцающую природу стиха [19]. Подобные художественные воззрения были близки и Ахматовой как соратнице

Гумилева по эстетическим убеждениям. Для символистов было важно приблизить стихотворение к музыкальному произведению, и не последнюю роль в этом играл ритм, выполняющий гипнотизирующую функцию. Отдавая дань этой традиции, Гумилев, оставаясь строгим теоретиком поэзии, вкладывал в понятие поэтического ритма нечто большее, чем эстетизм завершенности и возможность поэтического внушения. Стихотворный ритм во всех его проявлениях становится своеобразной «сеткой», каркасом, собирающим и удерживающим лирическую книгу как на микро-, так и на макроуровнях.

Примечания

1. Книга Как Художественный Предмет [Текст]. М.: Книга, 1988 С. 282.
2. *Мирошникова, О. В.* Лирическая книга: архитектура и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века) [Текст]: учебное пособие / О. В. Мирошникова. Омск: ОмГУ, 2002. С. 34.
3. Цит. по: *Мирошникова, О. В.* Анализ лирического цикла книги стихов [Текст] / О. В. Мирошникова. Омск, 2001. С. 18.
4. Книга Как Художественный Предмет. С. 325–326.
5. *Мирошникова, О. В.* Лирическая книга... С. 7.
6. Там же. С. 7–8.
7. *Гумилев, Н.* Собрание сочинений [Текст]: в 4 т. / Н. Гумилев. М.: Терра, 1991. Т. 4. С. 215.
8. *Баевский, В. С.* Николай Гумилев – мастер стиха [Текст] / В. С. Баевский // Н. Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. ИБ № 44619. С. 80.
9. Там же. С. 80–81.
10. *Колмогоров, А. Н.* О долинике современной русской поэзии [Текст] / А. Н. Колмогоров, А. В. Прохоров // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 85.
11. *Гумилев, Н.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 178.
12. Там же. С. 191.
13. Там же. С. 141.
14. Там же. С. 212.
15. *Баевский, В. С.* Указ. соч. С. 93.
16. *Зайцев, Н. А.* Поэтический мир А. Ахматовой: Строфа, пространство, время [Текст] / Н. А. Зайцев / Ахматовские чтения: сб. науч. работ. Тверь, 1991. С. 65.
17. *Казанцева, А.* Анна Ахматова и Николай Гумилев. Диалог двух поэтов [Текст] / А. Казанцева. СПб.: Росток, 2004. С. 101–332.
18. Там же. С. 87.
19. *Павловский, А.* О творчестве Николая Гумилева и проблемах его изучения [Текст] / А. Павловский // Н. Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. ИБ № 44619. С. 12.

М. К. Бронич

**«БОЛТАЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК» СОЛА БЕЛЛОУ
И «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

В статье рассматривается проблема рецепции Солом Беллоу творчества Достоевского. Анализ преломления архетипических моделей Достоевского через призму полемики Беллоу с экзистенциализмом в романе «Болтающийся человек» показывает, что импульсом к литературному взаимодействию авторов оказываются не столько типологические сходства, сколько различия, коренящиеся в противоположной оценке роли рациональности в системе этики.

This paper discusses Saul Bellow's reception of Dostoyevsky. The analysis of Dostoevskian archetypal models as reflected in Bellow's argument with existentialism in *Dangling Man* demonstrates that the literary interaction between Bellow and Dostoyevsky is driven by differences arising from the conflicting views on the role of rationality in the ethical system, rather than typological confluences in the contrasted texts.

В современной компаративистике на первый план выдвигается вопрос, «почему и в каких условиях в определенных культурных ситуациях чужой текст делается необходимым» [1]. В связи с этим особый интерес приобретает характер использования прецедентного текста в философско-литературной полемике в творчестве такого чрезвычайно реминисцентного автора, как Сол Беллоу. Уже в первом романе Беллоу «Болтающийся человек» (1944) начинается непрекращающееся в течение всей его жизни сражение с нигилизмом, воплощением которого в середине XX в. становится экзистенциализм. При этом полемика носила не умозрительный характер, а была вызвана глубокими изменениями в мировоззрении начинающего писателя, который, так же как и его многочисленные сверстники, разочаровавшись в леворадикальных идеях, в частности в троцкизме, «отчуждается» от политики и общественной жизни, видя в них помеху для творчества. Его ближайший друг и единомышленник Айзек Розенфельд сформулировал суть этого идеологического кризиса кратко и ёмко: «Мой святой покровитель – Подпольный человек Достоевского» [2]. В центре романа Беллоу тоже отчужденный герой, предтечу которого Беллоу усматривает в подпольном Парадоксалисте русского классика. Свою полемику с экзистенциализмом Беллоу ведет через призму художественного мира Достоевского.

Достоевский, предвосхитивший проблемы экзистенциального сознания и «интегрированный» в рамках экзистенциалистской интеллектуальной

романистики, прочитывается Беллоу двойственно. С одной стороны, его восхищает утверждаемый русским писателем идеал «высочайшего развития личности» [3], а с другой – он не приемлет его недоверия к рациональности и западной умозрительной философии. Беллоу не берет в расчет то, что неприятие рационализма Достоевским связано в первую очередь с его выступлением против позитивистского преклонения перед естественными науками, против теории среды, которая казалась ему отрицанием самого понятия нравственности. Принципиальный нигилизм «подпольных людей», беспощадно обнажаемый Достоевским, видится ему апологией «героя черты». Первоначальное название романа Беллоу: «Записки болтающегося человека» («Notes of a Dangling Man»). Позже эту прозрачную аллюзию на «Записки из подполья» писатель снял.

«Записки из подполья» давно заняли свое место в истории мировой философии. Уолтер Кауфман в предисловии к антологии «Экзистенциализм от Достоевского до Сартра» утверждает, что первая часть повести являет собой «наилучшее введение в экзистенциализм, которое когда-либо было написано» [4]. Повесть, опровергающую просветительскую концепцию личности, рассматривают как необыкновенной силы «деконструкцию» основ идейного мира Нового времени [5]. В «Записках из подполья» Достоевский ставит сложнейшую философскую проблему о границах свободы воли человека, созвучную экзистенциалистской теме абсолютной свободы. Первого, согласно М. М. Бахтину [6], «героя-идеолога» Достоевского характеризовали как «экзистенциалиста до экзистенциализма» [7]. Живя в полном одиночестве, забившись в подполье, Парадоксалист обособлен, отчужден от людей. «Я-то один, а они-то все» [8]. Свобода, которой он взыскует, вожделеет лишь самое себя, а его надрывно-истерические утверждения, что он не «штифтик» и не «фортепьянная клавиша», – форма бегства от неподлинного существования, стремление отыскать свою самость. Протагонист «Записок из подполья» выступает в романе Сола Беллоу как обобщающая модель для создания характера, развертывание которого призвано доказать необходимость и возможность преодоления отчуждения. Писателя интересуют прежде всего поиски адекватной сюжетной схемы и героя нового типа, а не прямая полемика с Достоевским и не желание создать свой вариант «Записок из подполья».

Герой в написанного в форме дневника первого романа Беллоу, некто по имени Джозеф, оставив службу в ожидании мобилизационной повестки, пытается возобновить на досуге свои занятия историей Просветительской мысли. В известной степени Джозефа можно назвать героем-идеологом и даже героем интеллектуальным в том смысле,

что разум преобладает у него над чувством. Он не просто существует, но постоянно обосновывает свои поступки, задается, по собственному признанию, «вечными вопросами» [9]. Тягостное ожидание и отсутствие работы обостряют внутренний кризис героя, который подпитывается его напряженными размышлениями о самосознании, свободе и отчуждении. Поиск самого себя является одной из стержневых тем романа. «Я должен понять, кто я такой» [10].

Обретенная свобода оказывается непосильным бременем для героя. Сосредоточенность на себе, своих ощущениях, переживаниях, мучительные кошмары, которые его преследуют, погружают его в состояние абсолютной бездеятельности и одиночества. Образ жизни Джозефа становится вызовом, бунтом, восстанавливающим против него жену, друзей, родственников, и в этом Джозеф черпает наслаждение и самооправдание, подобно тому как герой «Записок из подполья» наслаждается отчаянием. Н. Бердяев пронизательно заметил, что «с обычной точки зрения герои Достоевского могут производить впечатление бездельников. Но отношение между людьми и есть самое серьезное, единственное серьезное “дело”. Человек выше всякого “дела”. Человек и есть единственное “дело”» [11]. Сходство изначальной ситуации бездеятельности, в которой находятся герои «Болтающегося человека» и «Записок из подполья», принципиально. Это сходство антропологического сознания, централизованного на человеке, на загадке его трансцендентной судьбы и возможностей его духа.

Хотя в романе Беллоу нет прямых ссылок на «Записки», он построен на цитировании русской повести. Реминисценции представлены на уровне художественных мотивов и отдельных сюжетных ситуаций. Уже само полемическое начало романа, дающее нравственную установку произведения и направленное против культа «крутого парня» («Ведь это эпоха жестких и бесчувственных. Сегодня кодекс атлета, крутого парня – типично американское наследие ... сильнее, чем когда-либо» [12]), переключается с заявлением героя «Записок», утверждающего свое моральное и интеллектуальное превосходство: «Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель – существом по преимуществу ограниченным» [13]. Прямые параллели можно провести и в описании атмосферы и места действия американского романа и русской повести. «Комната моя дрянная, скверная, на краю города», «...климат петербургский мне становится вреден» [14], – констатирует герой «Записок». В такой же дрянной комнате, характеристики которой рассыпаны по всему тексту романа,

живет и Джозеф, а из окна третьего этажа ему открывается панорама бедных кварталов Чикаго, «окаймленных линиями водосточных канав» [15]. Окружение героев совпадает даже в деталях: у подпольного человека служанка «деревенская баба, старая, злая от глупости, и от нее к тому же дурно пахнет» [16]; горничная, приходящая убирать комнату Джозефа, тоже злая, она ни во что не ставит Джозефа. «Я думаю, – записывает в дневнике герой, – что я единственный человек, при котором она осмеливается курить: она понимает, что я ничего не значу» [17]. Семантически совпадающие детали фона функционально различны в сопоставляемых текстах. Там, где Достоевский предельно лапидарен, Беллоу многословен. Герой «Записок» отталкивается от внешнего мира, он анатомирует свое «я», сосредоточиваясь на дилемме большого сознания. Джозеф, напротив, ищет причины своего внутреннего опустошения и духовной апатии во внешних причинах. Отсюда акцент на описание обстоятельств, а не психологических мотивировок поступков и реакций героя. Подпольный человек делает что-либо, как он говорит, из злости и тщеславия – он не лечится из злости, грубит из злости и удовольствия, развратничает озлобленно. Его истерические порывы «со слезами и конвульсиями» – результат острых и жгучих «страстишек». Истеричность и раздражительность Джозефа – результат злобности и тщеславия окружающих его людей, с которыми он ощущает неразрывную связь. «В их бизнесе и политике, их кабаках, кино, их агрессивных выходах, разводах, убийствах я постоянно старался отыскать отчетливые признаки их обычной человечности... Ведь я был частью их, потому что нравилось мне это или нет, это было мое поколение, мое общество, мой мир» [18]. Фон в романе Беллоу выступает в качестве своеобразного комментария к действию [19]. Он складывается из рельефных бытовых деталей: интимный туалет некой дамы, случайным свидетелем которого стал Джозеф, подробно описанная неряшливость мистера Ванейкера, скрупулезный портрет Эбта, приятеля рассказчика, исчерпывающий перечень занятий героя и так далее. Это общество лишено духовности, оно вырастает на материально-прагматическом основании ложно понятого «разумного эгоизма», который тут же приводит на память Лужина с его непоколебимой верой в утилитаризм, вычитанной у английских политэкономистов. Именно Лужина вспоминает и цитирует Джозеф, когда сталкивается с мелочно-расчетливой практикой портного Фанцеля. Фон служит для оценки героя. Отсутствие внутренней динамики мира резче подчеркивает дискомфорт героя, его моральное и интеллектуальное превосходство.

Как и подпольный человек, Джозеф презирает себя, что проявляется в воображаемых или преувеличенных обидах, которые он терпит. И тому и другому присущи болезненная мнительность и непомерное тщеславие. Структура образа Джозефа во многом аналогична структуре образа подпольного человека. В качестве примера можно сравнить два эпизода. Джозеф случайно встречается в ресторане бывшего товарища по коммунистической партии Джимми Бернса, и тот делает вид, что не узнает его. Джозеф, расценивая подобное поведение как официально предписанное партией отношение к ренегатам, уязвлен. Приступ ущемленного самолюбия выливается в публично устроенный им скандал. Антитеза – Бернс-стойкий коммунист – Джозеф-ренегат – аналогична антитезе – приятный во всех отношениях Зверков – злобный подпольный человек. Конфликт между последними тоже разгорается в ресторане, и сцена эта носит такой же истерически взвинченный характер. И Джозеф, и подпольный человек осознают нелепость и постыдность своего поведения и в то же время оправдываются некими высшими принципами.

По выражению Достоевского, подпольный человек – «антигерой». Вскрывая сущность подпольного человека, он писал: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть не стоит и исправляться...». Достоевский утверждает, что «причина подполья кроется в уничтожении веры в общие правила. Нет ничего святого!» [20]. Герой Беллоу никак не может быть назван «антигероем». Он именуется себя «моральной жертвой войны». Его состояние внутренней раздвоенности и нравственного страдания временно и обусловлено по большей части внешними обстоятельствами: он пребывает во взвешенном состоянии из-за бюрократической волокиты по поводу его канадского гражданства, тормозящего призыв в армию.

Созданный Достоевским трагический тип человека с разорванным сознанием полемически обращен против просветительской концепции человека. Подпольный человек обрушивается на распространение знания, на «просвещение», восстает против законов науки, которые воздвигают «каменную стену необходимости»: «Как будто такая каменная стена и вправду есть успокоение и вправду заключает в себе хоть какое-нибудь слово на мир, единственно только потому, что она дважды два четыре» [21]. «Записки из подполья», включающие элементы исповеди, построены как диатриба и насыщены открытой и скрытой полемикой [22]. У подпольного человека есть воображаемый оппонент, который ему

возражает. Заставляя своего героя проповедовать программу крайнего индивидуализма, Достоевский намечает и возможный, с его точки зрения, выход из этого состояния. Воображаемый оппонент говорит подпольному человеку: «Вы хвалитесь сознанием, но вы колеблетесь, потому что, хоть ум у вас и работает, но сердце ваше развратом помрачено, а без чистого сердца – правильного сознания не будет» [23].

У Беллоу акценты расставлены иначе. В беседе со своим вторым «Я», Духом Противоречия, Джозеф защищает просветительские ценности, ценности Разума и философию рационализма, отступление от которых представляется ему предательством человечности. Беллоу, как и просветители, а вслед за ними и трансценденталисты, разработавшие принципы духовного индивидуализма – альфы и омеги американизма, отделял разум как высшую способность ума от рассудка. Рационализм не противопоставляется этике, а сопрягается с ней, доверие Разуму органически связано с врожденным нравственным чувством. Предвосхищая аргументы Духа Противоречия, Джозеф иронически замечает: «...вся мощь человеческих возможностей слишком ничтожна, чтобы противостоять неразрешимому. Наша природа, природа разума, слаба, и положиться можно только на голос сердца ... Тогда для чего же дан нам разум? Чтобы открыть в себе божий дар иррациональности?» [24]. Полемические выпады против иррационализма нацелены и на опровержение экзистенциалистской идеи отчуждения как неизбежного человеческого удела. Дух Противоречия проповедует и защищает идею отчуждения или, как он выражается, «идеальную конструкцию», то есть абсолютную свободу от требований, предъявляемых человеку окружающим миром. Проблема свободы и отчуждения становится точкой пересечения основных идеологических систем времени, от которых отталкивается приверженный рациональности герой, в частности от экзистенциализма.

Джозеф отказывается принять экзистенциализм Сартра, не соглашаясь категорически с двумя положениями, которые касаются человеческой природы и ангажированности. Герой Беллоу не приемлет сартровское отрицание внутренней духовной жизни человека, обусловленное представлением о том, что сознание обязательно живет вовне, в мире среди других людей и потому исчерпывается деянием, которое и составляет человеческую связь с миром. Он отвергает постулат Сартра о главенствующей роли бытия, а также его неизбежное следствие – что человек представляет собой в конечном итоге совокупность собственных поступков. «Должна быть разница, просто она от меня ускользает – разница между вещами и лицами и даже между де-

лами и лицами. Должно быть, есть некая грань, как-то ускользнувшая от меня грань между предметами и людьми или даже между поступками и людьми» [25].

Но более всего Джозеф далек от позиции экзистенциалистов в вопросах ангажированности, отчуждения и свободы. Абсолютизируя самостоятельность индивида, Сартр в его исторической и социальной неукорененности усматривает прообраз подлинного существования личности. Идея отчуждения для Джозефа – результат извращенного взгляда на мир. «Можно развестись с женой, оставить ребенка, но что прикажешь делать с самим собой?» [26]. Не верит Джозеф и в возможность свободного выбора. Запись в дневнике от 28 января гласит: «В наши дни личный выбор немногого стоит» [27]. Герой записывается в армию как раз, чтобы избавиться от свободы и ответственности. Его вступление в армию представлено в романе не как результат свободного выбора, а как неизбежность судьбы. «Я поддерживаю войну, хотя, пожалуй, подобные заявления неуместны: мы привыкли считать такие вопросы делом нравственного выбора и личной воли, к которым они не имеют ни малейшего отношения» [28]. Отказ от свободы воли здесь, как и во всех подобных размышлениях на тему войны, проявляется даже на грамматическом уровне при переходе от «я» к «мы», отождествляющем героя с безликой массой и снимающем с него личную ответственность. Вместе с тем, как ни парадоксально, эту самую свободу он хочет сохранить, служа в армии. «Я был готов вступить в армию, но не слиться с ней» (*I was willing to be a member of the Army, but not a part of it*) [29].

Апробация свободы Джозефом в целом восходит к ставшей архетипической художественной модели, заданной героями Достоевского: свободы от мира и свободы от себя. Но в отличие от героев Достоевского, которые доводят свою тяжбу с миром до метафизического бунта, подвергая сомнению разумность Божественного мироустройства, герой Беллоу предъявляет окружающему миру претензии морального характера, причем, как правило, на бытовом уровне: навязчивый прагматизм брата, демонстративная наглость племянницы, бесцеремонность поведения соседей, пренебрежительное отношение банковских клерков и т. д. Если Парадоксалист провоцирует скандальные ситуации, как, например, на прощальном обеде в честь Зверкова, для того чтобы досадить, то Джозеф выступает в роли моралиста, обрушивая свой гнев на разрушителей традиционных норм межличностного общения.

В споре с Духом Противоречия Джозеф окончательно приходит к выводу, что «вне жизни нет никаких ценностей, вне жизни все ничто» [30]. Но его понимание жизни носит узко эмпиричес-

кий характер. Жизнь отождествляется со средой, обществом, от которого отталкивался в начале герой. Последняя запись в дневнике Джозефа подводит итог его сомнениям: «Мне жаль покинуть ее (жену), но я не сожалею, расставаясь со всем прочим. Мне не надо будет больше отвечать за себя, и я рад этому. С другой стороны, я освобождаюсь от необходимости самоопределения, свобода отменяется. Да здравствует трудовая дисциплина и контроль над мыслями! Ура регламентации!» [31]. Отказ от личной ответственности за результаты собственного свободного выбора с точки зрения экзистенциализма означает зависимость от конформизма, порождаемого давлением общественного мнения. Быть свободным — значит оставаться собою, доказывая предтеча европейского экзистенциализма Кьеркегор. Беллоу в своей полемике с экзистенциалистскими постулатами готов признать и благо конформизма, утверждая при этом, с ссылкой на Спинозу, право и обязанность личности быть собой [32].

Признавая «регламентацию», Джозеф капитулирует перед «каменной стеной», которую не желал признавать «подпольный парадоксалист». В то же время конформистский вывод героя Беллоу, несмотря на иронические интонации, в целом совпадает с заключительным фрагментом «Записок из подполья», в котором подпольный человек утверждает: «Ну, попробуйте, ну дайте нам, например, побольше самостоятельности, развяжите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и мы... да уверяю же вас: мы тотчас же попросимся опять обратно в опеку» [33].

С приятием мира завершается и дневник героя, так как экзистенциальная ситуация исчерпана, экзистенциальная антитеза – *pour-soi* v.s. *en-soi* – снимается. Дневник возможен лишь тогда, когда есть сознание, сознающее себя. Дневник как исходная индивидуальная техника свободы, по выражению К. С. Пигрова [34], неожиданно открывает герою истину о том, что нет смысла в свободе вне общества, что его свобода от всех социальных связей лишь увеличивает пустоту, в которой он «болтается». А. Ахарони тонко подметила, что центральный образ «болтающегося» человека ассоциируется с виселицей, а стало быть с тюрьмой и заточением [35].

Вынесенный в название эпитет «болтающийся» представляется существенным для понимания смысла рассказанной истории. Семантическая многозначность слова «dangling» и его производных (висячий, болтающийся, слоняющийся, бездельничающий, волочащийся) выстраивает коннотативный ряд характеристик героя, которые последовательно актуализируются в развертывающемся слое за слоем образе. И хотя в тексте несколько раз Джозеф упоминает о болтании в воздухе,

его метания от замкнутости в себе и в своей комнате до контактов с окружающими – женой, любовницей, соседями, родственниками, друзьями – это движение в горизонтальной плоскости сугубо межличностных отношений. Русский перевод заглавия романа «Между небом и землей» [36] не совсем корректен. Во-первых, заглавие в русском переводе вызывает ассоциации с вертикалью, а во-вторых, коль скоро речь идет об экзистенциальном дискурсе, то естественно ориентирует на оппозицию божественного и человеческого, чуждую роману. С другой стороны, русское заглавие сознательно или бессознательно сближает роман Беллоу с традицией Достоевского, который, по словам А. Труайя, «повисает между небом и землей, взывая и к небу и к земле» [37]. Французский биограф имеет в виду, что Достоевский, открывший трагическое противоречие человеческой природы в бытийственных глубинах, заставляет своих героев беспрестанно метаться между верой и безверием, в то время как религиозные убеждения Достоевского и апелляция к Богу его героев не слишком волнуют Беллоу. Таким образом, русское заглавие, подсказывая источник, не учитывает переосмысление темы: метафизический бунт у Достоевского и неприкаянность между миром конформизма и миром «самости» у Беллоу.

«Болтающийся человек» со всей очевидностью демонстрирует дивергентность [38] в отношении к воспринимаемому прототипу. Архетипические модели Достоевского вполне узнаваемы, но они преломляются, с одной стороны, через призму современных автору идеологических дискуссий, а с другой – через призму редуцированной иронии. В споре с современным нигилизмом Беллоу естественно ориентируется на Достоевского, но существенно переакцентирует его художественную и философскую мысль. Достоевский выступает уже в первом романе американского писателя как текст-код [39], который в разных вариациях проявляется во многих его произведениях.

Примечания

1. *Лотман, Ю. М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) [Текст] / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 113.

2. *Atlas, J.* Bellow: a biography [Text] / J. Atlas. N. Y.: Random House, 2000. P. 85.

3. *Bellow, S.* It All Adds Up: From the Dim Past to the Uncertain Future: A Nonfiction Collection [Text] / S. Bellow. N. Y.: Penguin Books, 1995. P. 42–43.

4. Existentialism from Dostoevsky to Sartre [Text] / Ed. with an introd., pref. and transl. by Walter Kaufman. N. Y.: Penguin Group, 1975. P. XII.

5. *Померанец, Г. С.* Борьба с двойником [Текст] / Г. С. Померанец // Достоевский и мировая культура. Альманах № 11. СПб.: Серебряный век, 1998. С. 13.

6. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. Изд. 4-е. М.: Сов. Россия, 1979. С. 68.

7. *Назирова, Р. Г.* Об этической проблематике повести «Записки из подполья» [Текст] / Р. Г. Назирова // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 143.

8. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений [Текст]: в 30 т. Т. V / Ф. М. Достоевский. Л.: Наука, 1973. С. 125.

9. *Bellow, S.* Dangling Man [Text] / S. Bellow. N. Y.: Penguin Books, 2006. P. 14.

10. Ibid. P. 87.

11. *Бердяев, Н. А.* Мирозерцание Достоевского [Текст] / Н. А. Бердяев. М.: Захаров, 2001. С. 28.

12. *Bellow, S.* Dangling Man. Op. cit. P. 1.

13. *Достоевский, Ф. М.* Указ. соч. С. 100.

14. Там же. С. 101.

15. *Bellow, S.* Dangling Man. Op. cit. P. 13.

16. *Достоевский, Ф. М.* Указ. соч. С. 102.

17. *Bellow, S.* Dangling Man. Op. cit. P. 6.

18. Ibid. P. 13.

19. *Dutton, R. R.* Saul Bellow [Text] / R. R. Dutton [Revised Edition]. Boston: Twayne Publishers, 1982. P. 14.

20. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений [Текст]: в 30 т. Т. XVI / Ф. М. Достоевский. Л.: Наука, 1976. С. 329–330.

21. *Достоевский, Ф. М.* Указ. соч. Т. V. С. 106.

22. *Бахтин, М. М.* Указ. соч. С. 129.

23. *Достоевский, Ф. М.* Указ. соч. Т. V. С. 122.

24. *Bellow, S.* Dangling Man. Op. cit. P. 99.

25. Ibid. P. 13.

26. Ibid. P. 100.

27. Ibid. P. 91.

28. Ibid. P. 59.

29. Ibid. P. 98.

30. Ibid. P. 124.

31. Ibid. P. 143.

32. Ibid. P. 124.

33. *Достоевский, Ф. М.* Указ. соч. Т. V. С. 178.

34. *Пигров, К. С.* Чтение и письмо как технологии «заботы о себе» [Текст] / К. С. Пигров // Межкультурные взаимодействия и формирование единого научно-образовательного пространства: сб. статей / под ред. Л. А. Вербицкой, В. В. Васильковой. СПб.: Политехника-сервис, 2005. С. 46.

35. *Abaroni, A.* The Search for Freedom in Dangling Man [Text] / A. Abaroni // Saul Bellow Journal. Vol. 3. № 1, Fall/Winter 1983. P. 50.

36. *Беллоу, С.* Между небом и землей [Текст]: пер. с англ. / С. Беллоу // Иностранная литература. 1998. № 4. С. 39–109.

37. *Труайя, А.* Федор Достоевский [Текст]: пер. с фр. / Анри Труайя. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 266.

38. *Дюришин, Д.* Теория сравнительного изучения литературы [Текст]: пер. со словац. / Диониз Дюришин. М.: Прогресс, 1979. С. 150.

39. *Лотман, Ю. М.* Указ. соч. С. 151.

Зарубежная литература. Переводоведение

В. Е. Холмогорова

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «NATUR» (ПРИРОДА) (ОТ РОМАНТИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ)

В статье исследуется влияние романтической эстетики на постмодернистский художественный текст. Рассматриваются категории романтической эстетики с позиций их имитации в постмодернистском тексте. С помощью потенцирования – выявления последовательных определений – обнаруживается десемантизация отдельных категорий романтической эстетики.

In the article the influence of the romantic aesthetics on the postmodern text is researched. Categories of imitation in the postmodern text are examined. Using the so-called "Potenzieren", revealings of consecutive definitions, found out de-semantics of the separate categories of a romantic aesthetics.

Исходя из тезиса о том, что современный постмодернистский роман интуитивно улавливает языковые проблемы, мы представляем его себе как некую лингвоструктуру, как некий текст, имеющий имплицитные и эксплицитные лингвистические показатели. Лингвистическая, философская и художественная модели постмодернистского текста объединены общим пафосом – познанием тайны языка как живого организма, способного к саморазвитию и саморефлексии.

В эпоху романтизма, т. е. почти два века назад, язык и духовная деятельность, обуславливая друг друга, поочередно давали импульс для дальнейшего развития. «Язык, как писал Гумбольдт, – не есть продукт деятельности (Ergon), а сама деятельность (Energeia) [1].

У авторов эпохи постмодернизма – особое языковое чутье. Когда они пишут, то иным читателям кажется, что они пародируют мир, но на самом деле они его особым образом пересоздают. Если текст постмодернистского романа – это знаковый дискурсивный продукт со сложной референцией к миру, и, в частности, к романам прошлого, то можно сказать, что не только артефакты (романы двух эпох) вступают в соревновательную коммуникацию, но тут задействована и историческая реальность. Роман и жизнь соревнуются в своей изобретательности, но у романа есть свойство упорядочивать факты, и тог-

да жизнь перестает быть случайностью, она подключается к определенной структуре.

В работе «Язык романтической мысли» О. Вайнштейн, исследуя тексты немецких философов эпохи романтизма, отмечает стремление мышления избавиться от языка или создать правильный рациональный язык, зеркально отражающий действительность. И мы наблюдаем, что некоторые формальные приемы литераторов, в области формы и не только, выживают при полной смене категориальной парадигмы подобно синтаксическим структурам в языке на фоне исторически изменчивой лексики.

Уходящий в прошлое жанр Märchen, возобновляясь на новом этапе, на новом витке развития, сохраняет прежние приемы (аллегоричность, афористичность, богатство метафор и определений), прежний словарь, но при этом нельзя еще и не отметить происходящие с ним глубокие перемены.

Этимологизирование – старинный излюбленный немецкими поэтами прием, он по-своему преломляется в каждой эпохе. Романтик А. В. Шлегель, рассуждая об этимологии, говорил о необходимости найти единство и многообразие, упорядочить языковой материал с помощью философской или этимологической идеи и доказать эту идею на лингвистических примерах. Мистический язык писателей романтического склада, их образная поэтичность применяются и сегодня. Одновременно произошли и серьезные перемены. Попробуем в них разобраться.

Новалис, например, строил *символические ряды* как поэт. Уподобившись пифагорейцам, он хотел охватить все мироздание: цифры – буквы – планеты – музыкальные ноты – время суток и т. д.

Для него «расшифровать» и «декодировать» значит добраться до первоэлементов, до «гранитной материковой породы» в сознании. Так получается *динамическая система понятий*. Сила – это материк материала. Дух – душа душ. Бог – дух духов. Последовательные определения – *лестница на небо, или иначе потенцирование*, т. е. видение возможности предмета, проверка его возможности к саморазвитию. При потенцировании «вещь» за счет собственных ресурсов пытается раздвинуть свои пределы, свою дефиницию [2].

Писатели-постмодернисты всегда отличаются тем, что и они тоже хотят сказать «правду на все времена». Историческая «одежда» персонажей для

них не особенно важна, часто просто условна. Таким образом, получается, что произносимые их героями истины как будто действительны всегда и повсюду, как «дважды два четыре». Однако мы утверждаем, что историческая реальность, конкретика момента, если только она затронута автором, обычно вносит свои коррективы.

В настоящей статье мы попытаемся проверить жизнеспособность отдельных понятий романтической эстетики, или, иначе, ключевых слов романтизма, на примерах из книги писателя-постмодерниста Патрика Зюскинда, использующего историко-романтическую окраску для своего романа «Парфюмер. История одного убийцы», действующее лицо которого, говоря современным языком – маньяк. Но далеко ли он ушел от упырей Э. Т. А. Гофмана?

Понятия или концепты, как известно, – это такие мысленные образования, которые замещают при работе мысли неопределенное множество предметов того же рода [3]. В конце XIX – начале XX вв. появились и другие определения концептов. Этот термин стал восприниматься как «обозначение ресурсов нашего сознания, как наш ментальный лексикон».

Понятие *концепта* отражает смыслы, которыми оперирует человек в процессе мышления, и эти смыслы отражают процессы познания мира в виде, как считают некоторые авторы, неких «квантов».

Согласно Е. С. Кубряковой, концепт – это оперативная, содержательная единица ментального лексикона концептуальной системы мозга (*lingvo mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [4]. При анализе отдельного концепта автор считает вполне оправданным использование *понятий фона и фигуры*. Таковые в когнитивной лингвистике используются при описании сенсорно-оперативных процессов. Читатель-реципиент осознает себя частью целого, своего рода фигурой, идентичной персонажу на каком-то фоне в каком-то пространстве. Через использование чужого опыта воспринимающий субъект входит в более абстрактные сферы и строит свои представления о реально или непосредственно им *ненаблюдаемом*.

Когда Е. С. Кубрякова моделирует один из главных принципов человеческого познания – «принцип контейнера», который является одновременно принципом семиотического или когнитивного подхода к языку, то вместе с ней приходишь к мысли об обратимости позиции наблюдателя. Любой объект в мире может иметь прямую и обратную перспективу, и его видение зависит от точки зрения. А главное, эта точка может быть изменена. В реальной исторической действительности она часто целиком изменяется.

Язык есть особое видение мира, в нем отражается позиция наблюдателя, позволяющего себе

случайное абстрагирование. И поскольку объект может быть передан с помощью разных языковых средств, например, с помощью специального лексикона, тех же ключевых слов или концептов, то мы вправе задаться вопросом о том, идентична ли, например, лексика или концепты в романтизме и постмодернизме.

Современный читатель постмодернистского романа, ощущая диахронию, игру со словом во времени, понимает, что при сходстве концептуальных структур лексем или лингвоструктур романов, все, казалось бы, одинаковое звучит по-разному. Вслед за Е. С. Кубряковой, обратившей внимание на выявление определенных значений через концептуальные структуры, мы обозначаем новый подход к связыванию знания и значения. По сути, это уже отмеченный ранее и оказавшийся важным для эпохи романтизма а затем и постмодернизма, философский прием *потенцирование*. Поднятый из глубины времени, сегодня он по-новому освещает культурные объекты.

Но остановимся на концептах или ключевых словах, важных для романтической эстетики, и разберем некоторые из них.

Из цепочки: *Kreative Person* (Креативная личность), *Weg/Haus* (Дорога/Дом), *Chaos/Eintraht* (Хаос/Гармония), *Liebe/Abneigung* (Любовь/Отвращение), *Natur/Gesellschaft* (Природа/Социум) мы выбрали концепт *Natur* (природа), находящийся в прямой оппозиции к *Gesellschaft* (социуму).

Природе в целом – как космосу, как пейзажу и как единичной детали пейзажа – приписываются чувства, характерные для человеческой души. Оценка природы как доброго, сочувствующего друга, как доброй матери, как носителя моральных ценностей противопоставлена испорченным городским нравам [5]. Социум отмечен пренебрежением к искусству, культом денег как единственной ценности. Топос социума – топос *конечного*, он покинут духом, Богом, являясь продуктом распавшегося, несостоявшегося единства мира [6]. Вот как об этом пишет Э. Т. А. Гофман («Крошка Цахес»):

• Als sie unendlich in die kühlen Schatten des duftenden Waldes traten, als die Büsche wie in sehensüchtigen Seufzern flüsterten, als die wunderbaren Melodien der rauschenden Bäche die Lieder des Waldgefögels fernhin tönten und en Wiederhall weckten, der ihene aus den Bergen antwortete, da stand Balthasar plötzlich still und rief: „Oh, nun ist mir wieder wohl! – unbeschreibend wohl“ [7].

(Когда наконец они вступили в прохладную сень благоухающей рощи, когда зашептали кусты, словно обмениваясь нетерпеливыми вздохами, когда вдалеке зазвучали чудесные мелодии журчащих ручьев и пение лесных птиц пробудило эхо в горах, – Бальтазар внезапно остановился,.. и воскликнул:

– О, теперь мне снова хорошо, несказанно хорошо) [8].

Слияние с природой, растворение в ней свойственно людям эпохи романтизма. Природа таит в себе выздоровление. А вот как пишет П. Зюскинда о природе в «Парфюмере»:

• Zu der Zeit, da das Haus Giuseppe Baldini stürzte, befand sich Grenouille auf der Straße nach Orleans. Er hatte den Dunstkreis der großen Stadt hinter sich gelassen, und mit jedem Schritt, den er sich weiter von ihr entfernte, wurde die Luft um ihn her klarer, reiner und sauberer... Grenouille empfand diese Simplizität wie eine Erlösung. Die gemächlichen Düfte schmeichelten seiner Nase [9].

(В то время когда обрушился дом, Джузеппе Балдини находился на пути в Орлеан. Он оставил за собой кольцо испарений большого города, и с каждым шагом, по мере удаления от Парижа, воздух вокруг него становился яснее, свежее и чище... Гренуй воспринимал эту деревенскую простоту как избавление. Эти безмятежные ароматы ласкали его обоняние) [10].

Для П. Зюскинда и его героя природа тоже несет «бальзамическое начало», выздоровление.

Возьмем еще один пример, представляющий природу, теперь из настоящего романтического автора Новалиса. Высокие скалы, возвышающиеся над облаками, стали символами романтического восприятия возвышенного. Поэт, стоящий на покрытых снегом вершинах, чувствует себя ближе к бесконечному, к космосу [11].

• Er sah sich an der Schwelle der Ferne, in die er oft vergebens von der nahen Bergen geschaut und die er oft sich mit sonderbaren Farben ausgemacht hatte [12].

(Он увидел себя на пороге дали, в которую часто и тщетно вглядывался с близких гор и которую рисовал себе в небывалых красках) [13].

• ... und bald kam ich an einer hohen Berg. Als ich oben war, sah ich die goldne Aue vor mir und überschaute Thüringen weit und breit, also dass kein Berg in der Nahe umher mir die Aussicht wehrte... wie mir nun da recht wohl innerlich ward... Bald gewährte ich einen Stiege, die in der Berg hineinging, und ich machte mich hinunter [14].

(...и вскоре очутился у высокой горы. Поднявшись на вершину ее, я увидел золотистую равнину; передо мной простиралась вся Тюрингия; ни одна гора по близости не застилала мне взор. Тогда мне сделалось еще отраднее на душе,.. Вскоре я увидел лестницу, которая вела в глубь горы, и стал спускаться по ней) [15].

А теперь снова вернемся к П. Зюскинду:

• Grenouille erreichte den Berg in einer Augustnacht des Jahres 1756. Als der Morgen graute, stand er auf dem Gipfel... Er war dem verhassten Odium entkommen! Er war tatsächlich vollständig allein [16].

(Гренуй достиг горы августовской ночью 1756 г. К рассвету добрался до вершины... он ушел от ненавистного зловония! В нем разразилась буря ликования) [17].

Как в XIX столетии, так и в XX в. человек с художническим началом (поэт, художник и т. д.) бежит в лоно природы от сложных и неясных ему общественных проблем, от неуверенности

своей повседневной жизни, от бед, разочарований, от своей внутренней напряженности, от своих сомнений. Внутренняя связь с природой приносит ему облегчение, свежесть, придает новые силы.

Теперь опять обратимся к тексту эпохи романтизма (Новалис, «Генрих фон Офтердинген»):

• Hinter der Wiese erhob sich eine hohe Klippe, an deren Fluss er einen Öffnung erblickte, die der Afang eines in der Felsen gehaunten Gangens zu seien schien. Der Gang führte ihn gemächlich eine Zeitlang eben fort, bis zu einer grossen Weitung, aus der ihm schon vom fern ein helles Licht entgegenglänzte... die Wänder der Hölle waren mit dieser Flüssigkeit überzogen, die nicht heiss, sondern kühl war und auf den Wänden nur ein mattes bläuliches Licht von sich warf. Er tauchte seine Hand in das Becken und benezte seine Lippen. Es war, als durchdränge ihn ein geistiger Hauch, und er fühlte sich innigst gestärkt und erfrischt [18].

(За лугом высился утес, у подножия которого он увидел отверстие; оно казалось началом прохода, вырубленного в утесах. По этому внутреннему ходу он шел прямо несколько времени и дошел до широкого выхода, откуда сверкнул ему навстречу яркий свет... Стены пещеры были покрыты этой влагой, не горячей, а прохладной; она светилась слабым голубоватым светом. Он погрузил руку в бассейн и омочил свои губы. Его точно пронизало веяние духа, и он почувствовал себя укрепленным и освеженным) [19].

По контрасту с ним и в оппозицию попробуем посмотреть на текст П. Зюскинда:

• Nahe der Wasserstelle entdeckte er einen natürlichen Stollen, der in vielen engen Windungen in das Innere des Berges führte, bis er nach etwa dreißig Metern an einer Verschüttung endete. Dort, am Ende des Stollens, war es so eng, dass Grenouilles Schultern das Gestein berührten, und so niedrig, dass er nur gebückt stehen konnte. Aber er konnte sitzen, und wenn er sich krümmte, konnte er sogar liegen. Das genügte seinem Bedürfnis nach Komfort vollkommen [20].

(Недалеко от родника он открыл естественную узкую штольню, которая, образуя множество изгибов, вела внутрь горы и метров через тридцать заканчивалась завалом. Там, в конце штольни, было так тесно, что плечи Гренуя едва вмещались в проем, и так низко, что стоять он мог, лишь согнувшись. Но он мог сидеть, а если сворачивался клубком, то и лежать. Это полностью удовлетворяло его потребность в комфорте) [21].

При беглом сравнении семантических полей концепта «Natur» (природа), первого – созданного писателями с поэтическими наклонностями в XIX в., и второго – созданного в наши дни, нам не бросится в глаза расхождение между ними. Однако если мы проверим значение одних и тех же слов семантического поля Natur/Gesellschaft с помощью словарей начала XIX в., начала XX в.

и современного словаря Duden, мы приходим к несколько иным выводам.

Словарь Я. Гримма и В. Гримма, приводящий значение слова *Natur*, расшифровывает его следующим образом.

Die zeugende, bildende, verändernde kraft im weltalle oder in dessen theilen; oft mit oder minder lebendiger personification aufgefasst, weshalb auch der artikel fehlen kann [22]. (Все мироздание в активном значении: творящая, созидаящая, меняющаяся сила вселенной или ее часть: часто понимаемая как более или менее одушевленный организм, может употребляться без артикля.)

1. In bezug auf das weltall oder auf die erde und deren reiche und geschöpfe. (В значении «вселенная, Земля, земное создание».)

a) besonders in bezug auf körperliche gestalt oder geistige beschaffenheit lebender wesen. (Особенно в значении «телесный облик, духовное состояние одушевленного существа».)

Далее идет толкование, непосредственно относящееся к эстетике романтизма, поскольку Якоб и Вильгельм Гримм принадлежат к романтической школе гейдельбергского периода.

b) In beiden vorhergehenden beziehungen tritt die personification am deutlichsten hervor, wenn der natur mit menschlicher gestalt und kleidung, mit menschlicher rede, thätigkeit beigelegt wird und die geschöpfe als ihre kinder bezeichnet werden [23]. (В двух предыдущих значениях персонификация особенно отчетливо проявляется, когда природе приписываются человеческий облик и одевание, владение речью и человеческие поступки, а люди выступают в качестве ее детей.)

Таким образом, авторы словаря постепенно подводят нас к романтическому толкованию лексемы “*Natur*”, хотя первое значение слова может истолковываться не столько как предпосылка романтического видения, сколько как отражение толкования, характерного для развития науки девятнадцатого столетия.

В этом же ряду выступает и следующее значение:

c) da die geschöpfe ihr leben der zeugenden natur verdanken und schlden, so heiszt die schuld der natur bezahlen... sterben [24].

(Умереть, тем самым отплатить природе за обязательство перед ней.)

Это значение переключается с представлениями романтиков о смертоносной и одновременно животильной силе природы.

Примечательно, что авторы словаря Я. и В. Гримм разделяют значение слова «*Natur*» на «активное» и «пассивное», в котором «пассивное» означает «die erschaffenen welt und deren theile» [25] – «сотворенный мир». При этом «пассивное» значение уступает «активному» по актуальности употребления. Это означает, что первостепенную

важность представляет именно первое «активное» значение творящей, созидаящей силы, которое совпадает с представлениями романтиков о творимом мире.

В толковом словаре М. Хейна, выпущенном в XX в. и датированном 1906 г., первое значение слова «*Natur*» – это «Schöpfung, ihre Kraft und Art» (мироздание, его сила и характер).

2. *Natur, die innere, durch Gott anerschaffene Art seiner Ebenbilder, der Menschen, sowie Christi.* (Человеческое создание, сотворенное Богом по его подобию, равно как и Христос.)

Другое новое значение этого слова метафорично и говорит об особом характере человека:

3. Übertragen auf der Besitzer der inneren Art, das Geschöpf selbst, erst in neueren Sprache ausgebildet [26]. (В переносе на внутренний характер носителя, сам человек, новое значение в языке.)

В толковом словаре М. Хейна уже видна предпосылка к новому толкованию данного слова.

В толковом словаре Duden слово «*Natur*» значится как *lat. Natura – Geburt; natürliche Beschaffenheit; Schöpfung zu...* (от *лат. «Natura» – рождение; натуральное качество, свойство; созидание, создание чего-л. ...*). И тут мы отмечаем:

1. Alles, was an organischen und anorganischen Erscheinungen ohne Zuteil des Menschen existiert oder sich entwickelt (все явления органического и неорганического происхождения, существующие и развивающиеся без вмешательства человека).

2. (Gesamtheit der) Pflanzen, Tiere, Gewässer und Gesteine als Teil der Erdoberfläche oder eines bestimmten Gebietes (das nicht oder wenig von Menschen besiedelt oder umgestaltet ist) (совокупность растений, животных, вод и гор как частей земной поверхности или определенной области суши, не заселенной или почти не заселенной людьми).

3. Geistige, seelische, körperliche oder biologische Eigentümlichkeit, Eigenart von (bestimmten) Menschen oder Tieren, die ihr spontanes Verhalten o. ä. entscheidend prägt [27]. (Духовная, душевная, телесная или биологическая особенность (определенного) человека или животного, которое формирует его спонтанное поведение.)

Все эти определения показывают смещение значения понятия «природа» от абстрактного обозначения слова “*Natur*” как «силы, творящей мироздание» к современному расплывчатому обозначению, к значению, которое определяется только земными рамками, не затрагивающими космос и вселенную к «узкому» значению измечивой природы. У романтиков слово “*Natur*” имело первостепенное значение, определяющее отношение человека к окружающему миру; в современном значении оно утрачивает «творящую» составляющую, персонификация полностью исчезает.

Эту тенденцию можно отметить и при сравнении цитат с семантическим полем «природа» из произведений писателей-романтиков (Э. Т. А. Гофмана, Новалиса) и цитатами писателя из произведения постмодерниста П. Зюскинда.

Писатели-романтики большое значение уделяют *персонализации* природных явлений. Природе же они характеризуют как страдающего друга, обладающего речью, слышимой только тем, кто воспринимает саму природу как одушевленную сущность [28].

...die Büsche wie in sehensüchtigen Seufzern flüsteren, als die wunderbaren Melodien der rauschenden Bäche die Lieder des Waldgeflügels fernhin tönten und en Wiederhall weckten, der ihene aus den Bergen antwortete... [29]

(...когда зашептали кусты, словно обмениваясь нетерпеливыми вздохами, когда вдалеке зазвучали чудесные мелодии журчащих ручьев и пение лесных птиц пробудило эхо в горах...) [30]

В творчестве писателя-постмодерниста П. Зюскинда природа безмолвствует, она живая, но не очеловеченная, умиротворяющая, но не соперничающая. Природа уже не имеет тех особых отношений с художником, какое наблюдается у писателей-романтиков.

Итак, если мы сравним три раскрытия в словарях разных эпох значения слова-концепта «природа», подкрепленные использованием семантических полей у романтиков и постмодерниста, то обнаружим явные их несовпадения.

Выше были проведены два определения концепта. Второе из них, данное Е. С. Кубряковой, приблизило нас к когнитивной лингвистике. Американский ученый Р. Гиббс в статье «Что значит *когнитивное* в когнитивной лингвистике?» писал: «Я бы предположил, что когнитивная лингвистика является таковой в силу специфичности того, каким образом она использует данные других дисциплин и в силу того, что она стремится к изучению специфического содержания концептуального знания человека, а не только архитектуры этого знания [31].

С этой точки зрения можно было бы построить график изменения значения, а именно сужение слова-концепта «природа», а также, привлекающая исследования филологов, изучавших постмодернизм, отметить новые очертания этого концепта, где «обратимость» точки зрения современного наблюдателя, вглядывающегося в прошлое и констатирующего недостающие элементы концепта, играет не последнюю роль.

Понятие концепта пришло из философии и логики, но в последние пятнадцать лет оно постоянно переживает период *актуализации* и осмысления.

Из множества инвариантных признаков концепта (вербализация с помощью слова; наличие полевой структуры; обработка, хранение и пере-

дача знаний; наличие подвижных границ; социальность; обусловленность ассоциативного поля прагматикой) мы не вычеркнем ни один, а отметим, что все они оказываются задействованными в выяснении значения постмодернистского текста. В постмодернистском тексте ключевые слова «природа» и его составляющие теряют свой эмоциональный, экспрессивный и оценочный ореол и поэтому сходят на нет.

Примечания

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. М.: Прогресс, 2000. С. 70.
2. Вайнштейн, О. Язык романтической мысли: О философском стиле Новалиса и Фридриха Шлегеля [Текст] / О. Вайнштейн // Чтения по истории и теории культуры. М.: РГГУ, 1994. Вып. 6. С. 23.
3. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267.
4. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова. М., 1996. С. 90.
5. Хорват, К. Романтические воззрения на природу [Текст] / К. Хорват // Европейский романтизм. М.: Наука, 1973. С. 206.
6. Федоров, Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика [Текст] / Ф. П. Федоров. М.: МИК, 2004. С. 39.
7. Hoffmann, E. T. A. Klein Zaches genannt Zinnober [Электронный ресурс] / E. T. A. Hoffmann. Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de>.
8. Вайнштейн, О. Указ. соч.
9. Süskind, P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders [Электронный ресурс] / P. Süskind. Режим доступа: www.lib.ru.
10. Гумбольдт, В. Указ. соч. С. 137.
11. Хорват, К. Указ. соч. С. 219.
12. Novalis Heinrich von Ofterdingen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.franklang.ru>.
13. Кубрякова, Е. С. Указ. соч.
14. Novalis Heinrich von Ofterdingen.
15. Кубрякова, Е. С. Указ. соч.
16. Гумбольдт, В. Указ. соч.
17. Süskind, P. Указ. соч.
18. Novalis Heinrich von Ofterdingen.
19. Кубрякова, Е. С. Указ. соч.
20. Süskind, P. Указ. соч.
21. Гумбольдт, В. Указ. соч.
22. Grimm, J. Deutsches Wörterbuch [Text] / J. Grimm, W. Grimm. Leipzig: S. Hirzel, 1889. Bd. 7. P. 430.
23. Там же. С. 431.
24. Там же. С. 432.
25. Там же. С. 433.
26. Heyne, M. Deutsches Wörterbuch [Text] / M. Heyne. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1906. Bd. 2. P. 958–960.
27. Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache in zehn Bänden [Text]. Band 2: Bedr – Eink. – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich, 1976. P. 2707.
28. Хорват, К. Указ. соч. С. 206.
29. Hoffmann, E. T. A. Указ. соч.
30. Вайнштейн, О. Указ. соч.
31. Актуальные проблемы современной лингвистики [Текст]. М.: Наука, 2007. С. 194.

Е. Г. Бурова

БАЛЛАДА «ВЫБОР КРЕСТА» А. ШАМИССО В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX в.

В статье рассматривается восприятие поэзии А. Шамиссо в России в XIX в. и проводится сопоставительный анализ двух переводов баллады «Выбор креста», выполненных В. Жуковским и Ф. Миллером. Перевод В. Жуковского выполнен с романтической субъективностью, допускающей заметное переосмысление подлинника. В переводе Ф. Миллера ощутимо влияние В. Жуковского. Его работу отличает точность в передаче формы и неоднородность в воспроизведении лексико-стилистических особенностей.

The article is devoted to the perception of A. Shamisso's poetry in Russia in the 19th century. Contrastive analysis of two translations of the ballad "Kreuzschau" made by V. Joukowski and F. Miller is performed. V. Zhukovsky's translation is notable for romantic subjectivity with its free interpretation of the original text. Miller's version, being obviously influenced by V. Zhukovsky, is distinguished both by its formal adequacy and inclinations in depicting lexical and stylistic peculiarities of the original.

Среди большого числа немецких романтиков одним из первых занял прочное место в русской литературе Адальберт фон Шамиссо (1781–1838). Всемирную известность Шамиссо принесла «Удивительная история Петра Шлемиля», переведенная на все европейские языки, в том числе и на русский. В 20-е гг. XIX в. стала известна и его лирика, в которой наметился переход немецкой поэзии к злободневным политическим проблемам и публицистике.

В России поэзия Шамиссо стала популярна по разным причинам. С одной стороны, Шамиссо выразил в своем творчестве основные демократические тенденции: тему национально-освободительной борьбы, политическую сатиру, горечь разочарований и утраченных иллюзий, проблемы социального неравенства, которые глубоко соответствовали духу оригинальной русской поэзии XIX в. С другой стороны, личное знакомство с Россией (Шамиссо в качестве натуралиста совершил кругосветное путешествие в составе русской экспедиции и в 1834 г. посетил Россию), глубокий интерес к ее истории и литературе нашли отражение в творчестве поэта.

Одним из первых поэзию Шамиссо представил русской литературе Василий Андреевич Жуковский. Жуковский был хорошо знаком с членами Берлинского кружка Варнгагеном фон Энзе и Юстинусом Кернером. Известно также, что он лично встречался и с Адальбертом фон Шамиссо.

Излюбленным жанром Жуковского была баллада, и для перевода в творчестве многих авто-

ров он в первую очередь выбирал балладу. Шамиссо не стал исключением. Русский поэт выбрал для перевода два балладных стихотворения – «Выбор креста» и «Маттео Фальконе». Первая баллада является оригинальным произведением Шамиссо, а первоисточником для второй послужила новелла Проспера Мериме.

Склонность Шамиссо к написанию лирических произведений на заимствованный сюжет была известна. Причиной этого стала отнюдь не скудость собственной фантазии, а исключительная компетентность в мировой литературе, которая, вероятно, вызывала «дух соперничества», потребность ученого провести собственный эксперимент. Академик М. П. Алексеев подчеркнул эту особенность писательского таланта Шамиссо, сближающего его с Жуковским: «Замечательная эрудиция Шамиссо, которая доставляла ему материал для самостоятельных переработок и пересозданий, не ослабила его личного поэтического своеобразия; это роднит его с Жуковским, который охотно переводил Шамиссо, тонко передавая сложную ритмическую структуру и звуковую изобразительность его стиха» [1].

Оригинальная баллада Шамиссо «Выбор креста» (1834) не менее интересна. В русской литературе XIX в. она получила распространение в двух переводах. Как отмечалось выше, впервые стихотворение А. Шамиссо было переведено В. Жуковским. Перевод был опубликован в «Современнике» в 1846 г. Затем спустя почти три десятилетия в 1874 г. в «Русском вестнике» появился еще один перевод, выполненный Федором Миллером. Представляется интересным сравнить перевод В. Жуковского с переводом Ф. Миллера, чтобы определить, какая из интерпретаций более соответствует подлиннику. Поскольку перевод В. Жуковского относится к его позднему творчеству, любопытно также проследить, как изменились переводческие принципы русского поэта и насколько интерпретация Жуковского повлияла на создание перевода Миллера.

Лирическое стихотворение А. Шамиссо «Kreuzschau», выражающее отношение человека к окружающему миру, напоминает стихотворения Л. Уланда. Интерес немецкого поэта к политическому и социальному давлению, к нищим и людям, находящимся по ту сторону общественного социального расслоения, пронизывает многие его стихи. «Выбор креста» напоминает по содержанию притчу о неотвратимости рока, невозможности изменить свою судьбу. Явно романтический мотив стихотворения во многом определил выбор Жуковского.

Произведение Шамиссо отличается тем, что в нем присутствуют элементы романтической баллады и сказки-притчи. Соединение этих двух в определенной степени противоположных начал

оказало воздействие на Жуковского, сосредоточенного в последние годы на изображении духовных поисков героя и выражении его религиозных чувств. Причиной тревожных настроений и философских раздумий послужили и обстоятельства семейной жизни русского поэта. В письме к декабристу А. Ф. фон дер Бриггену от 3 июня 1847 г. он написал: «У каждого из нас свой крест: мой крест в эту минуту есть болезнь, уже давно продолжающаяся, моей жены» [2]. Эти строки были написаны Жуковским год спустя после публикации перевода, но они подтверждают, что идея, выраженная в произведении Шамиссо, произвела неизгладимое впечатление на поэта и глубоко проникла в его сознание. Мысль о неотвратимости судьбы была связана с религиозной настроенностью Жуковского в целом в последние годы жизни.

Перейдем непосредственно к анализу стихотворения. При первом взгляде мы сразу обнаружим, что подлинник и перевод заметно отличаются друг от друга по объему: разница составляет девять строк. Это первый из фактов, который говорит в пользу того, что Жуковский в стремлении выразить свое неповторимо личное чувство не отказался от принципов романтического перевода. В метрическом плане Жуковский был более точен и следовал основному размеру оригинала – 5-стопному ямбу, правда, с неизбежными вариациями.

Содержательная сторона при сохранении сюжета также подверглась некоторым изменениям. Точность и даже некоторая скупость в описаниях, характерная для Шамиссо, в переводе Жуковского едва ощутима. С первых строк переводчик создает яркий зрительный образ изнуренного путника. У Шамиссо о путнике, за исключением того, что он «перешел через горы» – «Der Pilger, der die Höhen überstiegen» и «увидел долину» – «Sah jenseits schon das ausgespannte Tal», почти ничего не сказано. У Жуковского образ паломника не только более колоритен, но и имеет подтекст. Движение путника передано в градации: «шел усталый, с усилием передвигая ноги», «тащился» и «наконец достиг». Из этого следует, что путь паломника был очень длинный и сложный – он пересек не просто горы, а шел «крутой горою», тащился «по гладким скалам горы», то есть герой многое пережил и испытал, прежде чем дойти до этого места. Описанный переводчиком путь, возможно, символизирует жизнь человека с ее перипетиями, поисками смысла, проблемой выбора. У Шамиссо нельзя точно сказать, на каком этапе пути находится герой, в отличие от точной формулировки Жуковского – «И наконец достиг ея вершины». Стремительная завязка действия приостанавливается и сменяется про-

странным описанием долины так, что первые три строки оригинала у Жуковского выливаются в одиннадцать.

Образ долины у Шамиссо описан всего в двух строках: (der Pilger) «Sah jenseits schon das ausgespannte Tal / In Abendglut vor seinen Füßen liegen» (путник «сразу же увидел у своих ног простирющуюся в вечернем свете долину»). В отличие от него Жуковский рисует целый романтический пейзаж:

С вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небес склонившагося солнца:
Свершив свой путь, великое светило
Последними лучами озаряло,
Прощаясь с ним, полужаснувший мир,
И был покой повсюду несказанный.

Для верной передачи оригинала было бы достаточно первых трех строк, однако Жуковский идет дальше. Он не просто «дорисовывает» понравившийся образ, а намеренно, опережая сюжетное развитие оригинала, останавливает на нем внимание читателя. Олицетворяя образ солнца («озаряло мир, прощаясь с ним» и «великое светило»), переводчик подчеркивает его многозначность, символичность. Если в оригинале путник лег отдохнуть просто «благодарившись у создателя», то в переводе он прочитал молитву под воздействием увиденного:

Утешенный видением таким,
Стал странник на колени, прочитал
Вечернюю молитву и потом
На благовонном лоне муравы
Простерся...
(Auf dürft'ges Gras, im milden Sonnenstrahl
Streckt er ermattet sich zur Ruhe nieder,
Indem er seinem Schöpfer sich befahl).

Жуковский как настоящий художник-романтик (а, может быть, даже импрессионист) запечатлевает незабываемую картину захода солнца, чтобы затем извлечь ее в нужный момент. Кроме этого образ путника и долины навеивает что-то из переведенной Жуковским «Одиссеи» Гомера. Поэтому явление путнику Бога в виде солнца не выглядит в переводе неожиданным:

Пред ним явилось
Господним ликом пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небес,
Подножием Господних ног земля...

Обращение путника к Богу с просьбой заменить крест Жуковский воспроизводит почти дословно, только заключительная фраза звучит немного экзальтированно по сравнению с оригиналом:

Мой слишком мне тяжел, не по моим
Он силам; облегчи его, иль он
Меня раздавит и моя душа
погибнет.

(Mein Kreuz ist allzu schwer; sieh', ich verlange
Die Last nur angemessen meiner Kraft;
Ich unterliege, Herr, zu hartem Zwange).

В этом эпизоде обращает на себя внимание еще одна деталь. В оригинале, жалуясь на тяготы земной жизни, странник уверен, что Бог внимает мольбам и облегчит его участь, и сразу после происходят ожидаемые перемены. В переводе же герой произносит свою речь спонтанно, в отчаянии («И к Господу воскликнул он...»), возможно, уже не надеясь на то, что Бог его услышит («Так в безмыслии он Бога Всевышнего молил»). Поэтому происходящие вслед за этим события носят оттенок внезапности – «И вдруг великий / Повевал ветер; и его умчало / На высоту неодолимой силой».

Эти и другие черты определяют характер героя, который имеет явные отличия в подлиннике и в переводе. К примеру, у Шамиссо странник, оказавшись перед огромным количеством крестов, неуверенно приступает к выбору:

Versuchend ging er da, ungeschlüssig fast,
Von einem Kreuz zum anderen umher,
Sich auszuprüfen die bequem're Last.

У Жуковского герой тотчас же принимается за дело:

...И начал

Кресты он разбирать, и тяжесть их
Испытывать и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобней.

Герой Шамиссо более сдержан. Узнав, что он выбрал тот же самый крест, герой смирился со своей участью. В переводе реакция героя остается неизвестной, только недоуменный возглас автора – «Но что же? – Он был самый тот, который он уж нес» – подсказывают нам, что герою стало досадно.

Детализированное описание в начале стихотворения контрастирует с урезанным финалом. Сжатая кульминация и отсутствие развязки делают перевод недосказанным, в особенности это касается последних строк – «Wogegen er zu murren sich vermaß, / Er lud es auf und trug's nun sonder Klagen», которые Жуковский полностью исключил. Однако эту потерю переводчик компенсировал удачной интерпретацией заглавия, выражающего основную идею произведения. Название «Die Kreuzschau» дословно переводится как «выставка (демонстрация, показ) крестов». Жуковский истолковал выражение как «выбор креста», обозначив тем самым идею произведения: человек не может изменить свою судьбу, даже если имеет возможность выбора.

В переводе Ф. Миллера прослеживаются явные переключки с переводом Жуковского, а в некоторых случаях даже заимствования как отдельных словосочетаний, так и целых выражений. Сравним некоторые из них:

У Жуковского:	У Миллера:
1) крутой горою	1) крутой горы
2) вся облитая лучами	2) облитая вечернею зарей
3) не по моим он силам	3) мне не по силам
4) перед тобою все кресты земные здесь	4) тут все перед тобою кресты скорбей
5) один был слишком для него велик; другой тяжел	5) тот слишком был велик, а тот тяжел
6) иной был слит из золота, за то и не в подъем, как золото	6) но золотой, за то и не вподъем
7) и снова уж начинать хотел он пересмотр	7) и снова он хотел уж, утомленный, начать обзор

Миллер, как и Жуковский, увеличил объем стихотворения, правда, не на 9 строк, а всего на 3. В плане размера и рифмы переводчики по-разному предприняли попытки воспроизвести ее своеобразие. Миллер последовательно придерживался рифмовки Шамиссо во всем тексте перевода. Жуковский остался верен своему принципу: заменил терцины белым стихом: его перевод – все те же нерифмованные строки, лишь по своему слововому членению укладывающиеся в метрические рамки пятистопного ямба. К примеру, первые строки переведены так:

Der Pilger, der die Höhen überstiegen,
Sah jenseits schon das ausgespannte Tal
In Abendglut vor seinen Füßen liegen.

У Жуковского:

Усталый шел крутой горою путник;
С усилием передвигая ноги,
По гладким он скалам горы тащился
И наконец достиг ея вершины.

У Миллера:

Печальный странник, перейдя вершину
Крутой горы, увидел пред собой
Веселую, цветущую долину.

Аналогичная картина наблюдается и в воспроизведении композиционного строения; в отличие от Жуковского, Миллер более последовательно придерживался оригинала: сохранил краткую завязку, развитие действия и развязку с «поучительной моралью». Такая точность со стороны Миллера позволяет, на первый взгляд, заключить, что перевод Жуковского заметно проигрывает его переводу. Однако это не так.

Перевод Жуковского обнаруживает в нем поэта, чье восприятие окружающего мира соответствовало содержанию поэзии Шамиссо, что позволило ему в своем переводе, несмотря на формальные расхождения, в близкой автору манере передать общее для них умонастроение. Вероятно, поэтому в последующие годы многие издатели отдавали предпочтение переводу Жуковского, не новому, но более качественно. Перевод Жуковского вошел в антологию Н. В. Гербеля «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (1877) [3] и в 1899 г. был включен в персональный сборник А. Шамиссо «Избранные произведения в переводах русских писателей» [4].

Работу Миллера характеризует точность в передаче формы и пестрота в воспроизведении лексико-стилистических особенностей. Некоторая примитивность в передаче мыслей автора, клишированность выражений, смешение лексики, – все это не позволило переводчику довести свое произведение до высокого художественного уровня оригинала. Разумеется, при таких особенностях работа Миллера не смогла заменить вольный, в чем-то устаревший перевод Жуковского.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что переводы В. Жуковского и Ф. Миллера так или иначе имеют значительные отступления от оригинала, обусловленные разными эстетическими принципами переводчиков и вкусами исторической эпохи, в которую они творили.

Примечания

1. Алексеев, М. П. Немецкая поэма о декабристах [Текст] / М. П. Алексеев // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 321.

2. Русский архив [Текст]. 1867. № 5–6. С. 857.

3. Гербель, Н. В. Немецкая поэзия в биографиях и образцах [Текст] / Н. В. Гербель. СПб., 1877.

4. Шамиссо, фон А. Избранные произведения в переводах русских писателей. Чудесная история Петра Шлемиля. – Избранные стихотворения [Текст] / А. фон Шамиссо. СПб., 1899.

О. И. Кирьякова

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДОВ АНТОНИМОВ БАЗОВЫХ ЛЕКСЕМ «JOY» И «РАДОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XIX в.

В статье приводится анализ перевода антонимов базовых лексем «joy» и «радость» при их функционировании в английской и русской прозе XIX в. В английском языке это антонимы «grief», «sorrow», «unhappiness», «misfortune», «distress», «misery», «gloom». Среди антонимов в оригинальных русских текстах наблюдаются такие составные элементы антонимического ряда, как «грусть», «печаль» и «горе». Проведенное исследование показало, что при переводе антонимов с английского языка на русский в большей мере учитывается обстоятельство соотношения русского эквивалента с составом антонимов базовых лексем изучаемого концепта. При переводе с русского языка на английский этот факт учитывается значительно реже.

In the article the research of translation of antonyms of base lexemes «joy» and «радость» is made on the material of Russian and English prose works of XIX century. In English these antonyms are «grief», «sorrow», «unhappiness», «misfortune», «distress», «misery», «gloom». In Russian texts such antonyms as «грусть», «печаль» and «горе» can only be met. The analyses showed that when translated from English into Russian the Russian antonyms correlate to the corresponding antonyms of the base lexeme of a concept «joy». During translation from Russian into English that fact is considered not so often.

Анализ переводов художественной англоязычной прозы XIX в. на русский язык показал, что в текстах этого периода используются не все антонимы базовой лексемы «joy», а лишь некоторые из них. К их разряду можно отнести: grief, sorrow, unhappiness, misfortune, distress, misery, gloom.

Перечисленный ряд антонимов не представляет собой закрытой системы, но в анализируемых текстах эти антонимы встречаются чаще всего.

Проанализируем переводы каждого из представленных антонимов на русский язык.

Антоним «grief» в большей мере переводится на русский язык с сохранением его основных значений: огорчение, печаль, горе.

Having given some further directions and intimated that he should call again the next day, he departed, to my grief: I felt so sheltered and befriended [1].

Дав еще несколько указаний и предупредив, что завтра опять зайдет, он удалился, к моему огорчению: я чувствовала себя в такой безопасности, так спокойно [2].

Fearful, however, of losing this first and only opportunity of relieving my grief by imparting it... [3]

Однако, я слишком боялась упустить этот первый и единственный случай облегчить свою печаль, поделившись ею... [4]

...that would be a great grief to your relations! [5]

А сколько горя это доставило бы твоим родным! [6]

Хотелось бы отметить, что русские лексемы «печаль», «горе» (производное «огорчение») являются антонимами базовой лексемы «радость».

Данное обстоятельство говорит о том, что при переводе учитывалось при подборе эквивалентов наличие имеющихся антонимов существующей английской лексемы «joy» её русскому эквиваленту «радость».

Однако в переводных текстах отмечается представленность английской лексемы «grief» русской лексемой «скорбь», которая по своему значению («крайняя печаль, горесть, страдание») отличается от семантики лексемы «grief».

...the girls indulged understanding in their grief... [7]

Девушки открыто предавались безудержной скорби [8].

Хотя лексема «скорбь» тоже является антонимом базовой лексемы «радость».

Существующий антоним «misery» может быть представлен в переводных текстах лексемой «несчастье», отражающей значение этого слова:

Now, these persistent assuagements of his misery and lightenings of his load, had by this time begun to have the effect... [9]

Тем временем эти настойчивые попытки смягчить его несчастье и облегчить лежавшее на нем бремя печали начали оказывать свое действие... [10]

Русская лексема «несчастье» не входит в состав антонимов базовой лексемы «радость».

Антоним базовой лексемы “joy” “sorrow” передается в переводных текстах лексемами «печаль; несчастье», которые показывают полностью значение английского антонима:

They wondered about human nature, human passions, human hopes and fears, the struggles, triumphs and defeats, the cares and joys and sorrows [11].

Они задавались вопросами по поводу человеческой природы, человеческих страстей, надежд и ожиданий, борьбы, побед, поражений, человеческих забот, радостей и печалей [12].

В состав антонимов базовой лексемы “joy” входит лексема “unhappiness”, которая при переводе может передаваться с долей частичной трансформации.

Very frequently they were charged with heartlessness by Kitty and Lydia, whose own unhappiness was extreme [13].

Такая бесчувственность вызывала частые упреки со стороны безмерно несчастных Кити и Лидии [14].

В этом случае значение сохраняется. Но в оригинальном тексте мы имеем дело с существительным, а в переводном тексте – с прилагательным.

В переводных текстах антоним “unhappiness” может передаваться лексемой «отчаяние».

Their fond mother shared their unhappiness [15].

Преданная мамаша разделяла отчаяние дочек... [16]

Как демонстрируют примеры, переводчик проявляет «вольность» в переводе, так как лексема «отчаяние» не обладает семантикой, аналогичной значениям лексемы “unhappiness”. Согласно данным толковых словарей русского языка, «отчаяние» имеет значения: крайняя безнадежность, упадок духа вследствие горя, неприятности.

Зафиксированный антоним английской базовой лексемы “joy” “misfortune” при его функционировании в художественной прозе XIX в. может переводиться в виде лексемы «несчастье», сохраняя при этом эквивалентность значения данного слова.

He is such a disagreeable man that it would be quite a misfortune to be liked by him [17].

Понравиться такому несносному человеку было бы просто несчастьем [18].

Как указывалось выше, русская лексема «несчастье» не относится к разряду антонимов русской базовой лексемы «радость».

Антоним “distress”, отмечаемый в анализируемых художественных текстах, может переводиться лексемой «горечь».

...she said, curiously distressed, and not by any usual appearances of sorrow [19].

...казала она со странной горечью, не похожей на обычные в таких случаях проявления печали [20].

Русская лексема «горечь» имеет такие значения, как «горькое чувство от обиды, неудачи, несчастья»; «горькое чувство от обиды, разочарования, неудачи». Вероятнее всего, подбор к английскому антониму “distress” русского эквивалента «горечь» связан, с одной стороны, с тем, что лексема «горечь» производна от лексемы «горе», входящей в состав антонимов русской базовой лексемы «радость», а с другой – с частичным совпадением значений.

При переводах антонимов базовой лексемы “joy” наблюдается использование такого составного элемента антонимического ряда, как “gloom”, но в виде составной части сложного слова “gloom-stricken”, которое в переводном тексте имеет соответствие в виде лексемы «мрачный».

The gloom-stricken old father was still more borne down in his fate and sorrow [21].

...тем горше было мрачному старцу нести тяжесть своего несчастья [22].

Буквальный перевод “gloom-stricken” имеет вид: «охваченный мрачностью». При этом значение «мрачность» входит в состав сем антонима “gloom”, зафиксированных словарем.

Сопоставление оригинальных английских и переводных русских текстов прозы XIX в. показывает, что главным образом при переводах антонимов базовой лексемы “joy” учитывается и проявляется их словарное значение (81,25%). Собственная интерпретация при переводе на русский язык значений антонимов базовой лексемы “joy” в прозаических произведениях XIX в. – редко встречаемое явление (8,75%).

Целесообразно проанализировать возможности эквивалентного подбора при переводе антонимов русской лексемы «радость» на английский язык при их функционировании в прозе XIX в.

Среди таких антонимов в оригинальных русских текстах наблюдаются не все, а такие составные элементы антонимического ряда, как «грусть», «печаль», «горе».

При переводе антонима «грусть» можно отметить две тенденции подбора эквивалентов на английском языке, сразу оговорившись, что при переводе на английский язык в основном учитывается набор значений русских лексем.

В первом случае речь идет об употреблении английского эквивалента “grief”.

...нельзя было удержаться от какого-то смешанного чувства сожаления, страха и грусти [23].

...it was impossible to repress a mingled feeling of pity, fear and grief [24].

При переводе учитывается то обстоятельство, что лексема «грусть» является антонимом базовой лексемы «радость», а лексема “grief” – базовой лексемы “joy”. В семном составе этих лексем присутствует значение «печаль», которое

и берется во внимание при переводе с русского языка на английский.

Лексема «грусть» может переводиться на английский язык в виде слова "sadness", не являющегося составным элементом антонимического ряда базовой лексемы "joy".

«Как это странно! Как это странно!» – проговорил он через минуту даже с какой-то злостью: в сильные минуты ощущения радости ему всегда становилось грустно, он сам не знал отчего [25].

"How strange it is! How strange it is!" he said a minute later, even with a certain sadness. Without knowing the reason why, he always felt sad at moment of intense joy" [26].

В этом случае во внимание берется одинаковое присутствие значений «печаль», «уныние», имеющих место в семном составе этих лексических единиц.

Лексема «грусть» при переводах может использоваться в текстах в виде прилагательного «грустный», которое, как и в предыдущем случае, переводится на английский язык в виде лексемы "sad" – «печальный», «унылый».

Антоним русской лексемы «радость» «печаль» может быть переведен на английский язык в виде лексемы "melancholy".

...в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние [27].

...his face expressed profound melancholy and contrition [28].

В этом примере прослеживается такая тенденция при переводе, как учет (как и в представленных выше примерах) основных словарных значений этих слов. В нашем случае за основу берется при переводе на английский язык обладание значением «грусть» как лексемой «печаль», так и лексемой "melancholy".

Производной от антонима «печаль» является лексема «печальный», которая довольно часто используется в русских прозаических текстах XIX в. Эта лексема может быть переведена на английский язык словом "mournful".

Каков он тебе показался? Печален, задумчив? [29]

How did he strike you – mournful, pensive? [30]

Как это отмечалось выше, при переводе с русского языка на английский берется во внимание присутствие одинакового значения «скорбный».

В русских прозаических текстах XIX в. можно встретить функционирование антонима базовой лексемы «радость» «горе», который переводится на английский язык также антонимом базовой лексемы "joy" "misfortune".

Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе [31].

Here he began to give me a detailed account of his misfortune [32].

При подборе эквивалентов на английском языке учитывается то обстоятельство, как и в предыдущих случаях, что подбирается также антоним из состава антонимов базовых лексем. Общим для русской лексемы «горе» и английской лексемы "misfortune" является присутствие в этих лексемах значений «беда», «несчастье».

Таким образом, при переводе антонимов базовой лексемы «радость» на английский язык прослеживается две тенденции. Основной и ведущей тенденцией является учет общих значений (66,7%). Но отмечается в незначительной степени проявление второй тенденции, а именно, подбор не только английского эквивалента, обладающего аналогичным значением, но и учет того обстоятельства, что этот эквивалент тоже является антонимом. Вторая тенденция проявляется нечасто; эти случаи составляют лишь 33,3% общего числа выборки примеров.

Итак, при переводе встречаемых антонимов с английского языка на русский в большей мере учитывается обстоятельство соотношения русского эквивалента с составом антонимов базовых лексем изучаемого концепта. При переводе с русского языка на английский этот факт учитывается значительно реже. Данное обстоятельство связано, вероятнее всего, с отличием восприятия антонимической представленности концепта в сознании читателей – носителей сравниваемых языков.

Примечания

1. Brontë, C. Jane Eyre [Текст] / C. Brontë. М., 1952. Р. 30.
2. Бронте, Ш. Джен Эйр [Текст] / Ш. Бронте. Воронеж, 1990. С. 18.
3. Brontë, Charlotte. Указ. соч. Р. 136.
4. Бронте, Ш. Указ. соч. С. 23.
5. Brontë, Charlotte. Указ. соч. Р. 7.
6. Бронте, Ш. Указ. соч. С. 57.
7. Thackeray, W. Vanity Fair [Текст] / W. Thackeray. М., 1950. Р. 7.
8. Теккерей, У. Ярмарка тщеславия: Роман без героя [Текст] / У. Теккерей. Кишинев, 1986. С. 34.
9. Dickens, Ch. Hard Times [Текст] / Ch. Dickens. М., 1952. Р. 209.
10. Диккенс, Ч. Тяжелые времена [Текст] / Ч. Диккенс. Кострома, 1954. С. 200.
11. Dickens, Ch. Указ. соч. Р. 52.
12. Диккенс, Ч. Указ. соч. С. 97.
13. Austen, J. Pride and Prejudice [Текст] / J. Austen. London, 1996. Р. 70.
14. Остен, Дж. Собрание сочинений. Т. 1. Гордость и предубеждение [Текст] / Дж. Остен. М., 1988. С. 592.
15. Austen, J. Указ. соч. Р. 70.
16. Остен, Дж. Указ. соч. С. 593.
17. Austen, J. Указ. соч. Р. 8.
18. Остен, Дж. Указ. соч. С. 383.
19. Dickens, Ch. Указ. соч. Р. 168.
20. Диккенс, Ч. Указ. соч. С. 162.
21. Thackeray, W. Указ. соч. Р. 7.

22. Теккерей, У. Указ. соч. С. 343.
23. Толстой, А. Н. Детство. Отрочество. Юность [Текст] / А. Н. Толстой. М., 1989. С. 21.
24. Tolstoi, L. Childhood. Boyhood. Youth [Текст] / L. Tolstoi. M., 1961. С. Foreign Languages Publishing House, 1961. P. 29.
25. Достоевский, Ф. М. Идиот [Текст]: роман в четырех частях / Ф. М. Достоевский. Минск, 1981. С. 367.
26. Достоевский, Ф. Идиот [Текст]: Т. 2. [На англ. яз.] / Ф. Достоевский. М., 1971. С. 362. Progress Publishers. 1971. С. 123.
27. Пушкин, А. С. Драматические произведения: проза [Текст] / А. С. Пушкин. М., 1982. С. 219.
28. Pushkin, A. Selected Works in Two Volumes. Prose Works [Текст] / A. Pushkin. M., 1978. P. 234.
29. Пушкин, А. С. Указ. соч. С. 231.
30. Pushkin, A. Указ. соч. Р. 60.
31. Пушкин, А. С. Указ. соч. С. 221.
32. Pushkin, A. Указ. соч. Р. 48.

В. И. Пинковский

ПОНЯТИЕ МУЗЫКАЛЬНОСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

В статье рассматривается проблема неоднозначного понимания *музыкальности* поэзии Ш. Бодлером, П. Верленом, Р. Гилем, С. Малларме, А. Бремюном.

The polysemy of the concept *musicality* in French poetry is considered in the article on the base of the poetical theory of Ch. Baudelaire, P. Verlaine, R. Ghil, S. Mallarmé, A. Bremond.

Если подыскивать высказывание, в значительной мере выражающее культурную тенденцию эпохи, обозначенной в заглавии настоящей статьи, то вряд ли найдётся столь же удачное, как бергсоновское из «Творческой эволюции» (1907 г.): «Мы берем якобы мгновенные снимки с текущей действительности. И так как они являются характерными для этой действительности, то нам достаточно нанизать их вдоль некоторого абстрактного, однообразного, невидимого процесса, лежащего в основе аппарата нашего познания... Когда речь идет о том, чтобы мыслить процессы становления или выражать их в словах, или хотя бы воспринимать их, мы просто заставляем действовать известного рода внутренний кинематограф. <...> Механизм нашего обычного познания имеет кинематографический характер» [1]. (Курсив А. Бергсона. – В. П.).

Дело здесь, конечно, не в том, что философ упоминает кинематограф (это примета времени внешняя), а в том, что Бергсон говорит о познании, как будто начинающемся с нулевой отмет-

ки, вне связи со знанием, которое накоплено человечеством до рождения конкретного познающего субъекта и может быть передано посредством устного или письменного слова. Сознание, представленное Бергсоном, является или детским, или первобытным, или намеренно «забытым», отбросившим в недоверии всё то, что не получено путём непосредственного наблюдения или некоего «прозрения». Это сознание авангардистское. В поэзии такое сознание оперирует в основном визуальными образами, «поскольку пространственные ощущения самые ранние» [2].

Тяготение к визуальной образности нарастает во французской поэзии от начального рубежа рассматриваемого нами исторического отрезка до финального – от почти не замеченной современниками «теории ясновидения» А. Рембо до «эпидемии сновидений» в сюрреалистической группе А. Бретона. Конечно, можно заметить, что среди чувственных образов поэзии визуальные преобладают в любую эпоху. Это так. Однако не во всякую эпоху подобное естественное преобладание ощущается как некая новизна. Это происходит лишь тогда, когда и без того лидирующему качеству остро противопоставлено какое-то другое, отвергаемое. Отодвигаемым, принижаемым качеством становится поэтическая фоника, в том числе и такое её проявление, как *музыкальность*.

Пренебрежительно отзываясь о музыкальности поэзии А. Рембо: «В Греции... стихи и лиры ритмизируют деятельность (rhythme l'Action). В последующие времена музыка и рифмы – игра, развлечение» [3]. Организатор эфемерного «второго сюрреализма» И. Голль (1891–1950) в статье «Сюрреализм» (1924 г.), направленной против сюрреализма бретоновского типа, но отражающей некоторые характерные идеи 20-х гг., разделявшиеся обеими ветвями этого авангардистского движения, провозглашает едва ли не отмену звуковых элементов в поэзии вообще: «До начала XX в. качество поэзии оценивало УХО (выделение шрифтом здесь и ниже – И. Голля. – В. П.). Ритм, звучность, каданс, аллитерация, рифма – все для уха. Начиная с 20-х гг. реванш берет ГЛАЗ. Это эпоха кинематографа. Мы осуществляем коммуникацию по большей мере посредством визуальных знаков» [4].

Визуальная тенденция, направленная на постижение «неведомого» (l'inconnu – понятие, передающееся, как эстафета, от романтиков к сюрреалистам), не проходит бесследно и для отвергаемого качества, которое испытывает, с одной стороны, негативную реактуализацию (что заметно всем), а с другой – различные деформации значения, что остаётся без внимания, так как отрицаемому всегда достаётся привилегия считаться досконально известным (то есть исчер-

панном). В случае с *музыкальностью* ситуация усугубляется ещё и тем, что среди метафорических понятий, используемых для характеристики поэзии, *музыкальность*, несомненно, имеет больше прав на существование, чем, например, *животность* или *пластичность*: сходство в некоторых качествах поэзии и музыки не требует доказательства, и уже в «Поэтике» Аристотеля оба этих *технэ* рассматриваются как родственные вовсе не потому, что видовое деление искусства у древних не совпадает с современным, а по причине очевидности этой давно, до всякого теоретического осмысления, отмеченной близости. Не случайно С. Малларме, объясняющий необычность своей поэмы «Бросок игральных костей никогда не упразднит случая» (1897 г.) использованием качеств, равно присущих музыке и литературе, как будто даже отказывается от какого-либо новаторства, заявляя, что просто восстанавливает эти качества в своих правах («je les reprends») [5]. Конечно, понимание *музыкальности* Стефаном Малларме (симфоническое соединение стихотворения в прозе и верлибра) было бы непонятно не только во времена Аристотеля, но в некоторой степени не совсем привычно и сегодня, однако насколько же характерно употребление поэтом понятия *музыкальность* как не нуждающегося в пояснении, очевидного в своём значении!

Если бы слово *музыкальность* устойчиво обозначало только ясную для всех близость поэзии своей фонической стороной к музыке, затруднений с пониманием этого нестрогого термина не возникало бы и было возможно писать, как, например, критик начала XX в. А. Сеше в обобщённой характеристике поэзии предшествующего столетия: «романтики, парнасцы и символисты... *музыкализировали* (musicalisaient) слова» [6], или как современный отечественный исследователь: «Очарование визуальностью... поэтического произведения продержалось во французской литературе до символизма, который устами Верлена (“Поэтическое искусство”, “L’art poétique”, 1874) провозгласил вместо визуальности примат музыкальности в поэзии: “Музыка прежде всего ... Все прочее – литература”» [7]. Однако, получив распространение в области близкой, но всё же не тождественной музыке, слово *музыкальность* расширило свою семантику, так что каждое его употребление требует уточняющих оговорок, чего практически никогда не делается, и только по некоторым нюансам каждого конкретного использования этого полутермина можно определить, какое из значений востребовано в данном случае.

24 октября 1925 г. на публичной лекции в Институте Франции (5 Академий) священник, критик и писатель Анри Бремон (1865–1933) выдвигал

идею «чистой поэзии», суть которой имеет непосредственное отношение к *музыкальности*, кажется совершенно традиционной и сводится к следующему: «Поэт не кто иной, как музыкант среди других людей. Поэзия и музыка – это одно и то же (Poésie, musique, c’est même chose)» [8]. Удивительно, что среди полтора десятков поэтических имён, упомянутых аббатом Бремоном в контексте рассуждений о *музыкальности*, не нашлось места П. Верлену и Р. Гилю – поэтам, без которых подобный разговор представляется по меньшей мере неполным (С. Малларме мимоходом назван). Однако у А. Бремона были основания не считать себя эпигоном *музыкальных* поэтов предшествующей эпохи, как и у современной ему критики, иначе трудно объяснить продолжительную полемику вокруг высказанных аббатом положений [9] – вторичные идеи не вызывают столь острой реакции.

Следует вспомнить, в чём состоит суть *музыкальности* по Верлену. В верленовском «Поэтическом искусстве» (1874) об этом сказано вполне определено: «De la musique avant tout chose, // Et pour cela préfère l’Impair, // Plus vague et plus soluble dans l’air, // Sans rien en lui qui pèse ou qui pose» (Прежде всего музыки, предпочти для этого нечеткое, наиболее расплывчатое, растворяющееся, невесомое, без чего бы то ни было тяжёловесного и застывшего) [10]. Глаголы «peser» (весить) и «poser» (быть установленным, зафиксированным) передают основные качества того, чему противопоставляется музыка, которая в данном катрене и стихотворении в целом понимается не столько как звучание, сколько как отказ от, выражаясь в самых общих словах, застывших представлений и застывших же форм их выражения. Верлен даже ополчается против такого безусловно музыкального средства, как рифма: «Oh! qui dira les torts de la Rime? // ...ce bijou d’un sou, // Qui sonne creux et faux sous la lime?» (О! кто расскажет о вреде рифмы? ... это дешёвое украшение, звучащее, как напильник, пусто и фальшиво) [11].

В понимании *музыкальности* как свободы выражения П. Верлен имеет предшественника – Ш. Бодлера. Говоря в известном письме к А. Уссе о «стихотворении в прозе», Бодлер указывает на такое его качество, как «музыкальность без ритма и рифмы», что позволяет новому жанру приспособиться к «лирическим порывам души, к поворотам фантазии, к метаниям совести» [12]. Слова Бодлера являются не только перечислением черт его собственных стихотворений в прозе, но и относятся в первую очередь к поэтическим произведениям в прозаической форме из знаменитого сборника А. Бертрана «Ночной Гаспар». Полвека спустя лидер сюрреалистов А. Бретон, отзываясь на очередное переиздание этой книги,

по сути, повторит в иных выражениях мысль Бодлера об особенной, странной *музыкальности*, выражающейся в «дерзком торжестве языка над трудностями просодии» [13].

Несмотря на то что в некоторых пунктах А. Бремон и П. Верлен почти дословно совпадают (в отрицательном отношении к риторике – l'éloquence), в главном их эстетические программы расходятся. Последовательно применённая, установка Бремона привела бы к десемантизации поэтических текстов: «...чтобы должным образом, то есть поэтически, воспринять стихотворение... нет необходимости улавливать его смысл» [14]. Читательское впечатление, по мнению автора, создаётся звучанием – отдельной строки или даже одного слова «чистой поэзии». В качестве аргумента аббат Бремон указывает на крестьян, поддающихся воздействию псалмов на латыни, которую они не понимают. Довод неубедительный, поскольку в данном случае речь корректнее вести в первую очередь о музыке, а не о музыкальности поэзии, но этот довод логично вписывается в теоретическую систему, отождествляющую музыку и поэзию.

Идеи же П. Верлена, как и его творчество, скорее соотносятся с областью изобразительных искусств, чем музыки. Не случайно в сборнике с *музыкальным* названием, более полемическим, чем соответствующим содержанию, – «Песни без слов» («Romances sans paroles», 1874) есть цикл «Брюссель» с подзаголовком «Простые фрески» и раздел «Акварели». Образы в этой книге ни в малейшей степени не музыкальны в бремоновском понимании – они визуальны. Тяготение верленовских образов к неопределенности контуров, плоскостности, как будто бесплотности (в противовес парнасским), позволяет продолжить параллель с изобразительными искусствами: это не скульптура, не масляная живопись, данная в полную силу, могущая отчасти быть скульптурной при пастозном нанесении краски, а живопись подмалёвка, сильно разведенными красками, позволяющими просвечивать полотно, живопись того этапа работы над картиной, когда формы, световые и колористические отношения только намечаются, живопись, напоминающая работы красками на водной основе или, точнее, эскизы кистью.

Конечно, в стихах П. Верлена можно обнаружить примеры по-бремоновски понимаемой *музыкальности*, но – даже не в объёме целых текстов, а – совсем по-бремоновски! – в объёме строк, в лучшем случае – строф, как в данном наиболее известном и удачном *музыкальном* образце:

Il pleure dans mon cœur
Comme il pleut sur la ville.
Quelle est cette langueur
Qui pénètre mon cœur?

(Мое сердце плачет, // Как дождь над городом. // Что это за томление, // Проникающее в мое сердце?) [15].

Прочитированные строки являют редкий образец сочетания смысла слов и значения, образуемого двумя звуковыми рядами: pl – l – pl – l ... Это чередование воспроизводит естественный звук переплесков дождя и всхлипываний, а цепь носовых гласных, а также согласных p и m напоминают сдержанные стоны.

В ещё меньшей степени, чем П. Верлен, близок к А. Бремону автор известной, назовем её «звукосмысловой», теории (1886 г.) символист Р. Гиль (1862–1925), опирающийся на старинную риторическую традицию: «...Мы находим следующие замечания, относящиеся к XVI в.:

а, о, m – для [выражения] величия, изобилия и размаха; é, i – для выражения тонкого, редкого, мелкого, острого, проникновенного, траура и печали; o, r, s, x – для великих страстей, суровости, порывистости, резкости; u, n – для выражения сомнения, чего-то неявного...» [16].

Усилия Р. Гиля были направлены на создание специального поэтического языка с музыкальным кодом, отдельные звуки и их сочетания уподоблялись инструментам («L, N, R, S, Z – рога, фаготы, гобои...» [17]), таким образом, предполагалось унифицировать субъективные звуковые ассоциации читателя и поэта: «...Если поэт мыслит посредством слов, отныне он будет мыслить при помощи слов, наделенных смыслом подлинным и полным (sens originel et total), слов музыкальных (les mots-musique) языка-музыки (langue-musique)» [18]. Теория Р. Гиля, интересная как попытка рационалистического утверждения за звуками неких устойчивых значений, не имела практического успеха.

Итак, даже обращение к краткому историческому периоду одной национальной поэзии даёт целый спектр значений понятия *музыкальность*, а мы коснулись ещё не всех случаев, рассматривая лишь хоть сколько-нибудь сознательно осмысленное применение данной категории, но ведь существует и непосредственное практикование *музыкальности*, не отрефлектированное поэтами и не вошедшее в корпус теоретических воззрений эпохи, например, являющийся своеобразной реализацией метафоры «музыка поэзии» текст Р. Десноса (1900–1945) «L'asile ami» (1923 г.), данный в двух ипостасях – словесной и музыкальной (нотной). Название следует читать и как «Убежище друг», и как перечисление нот «ля», «си», «ля», «ми». По такому принципу построен весь текст, состоящий из пяти предложений и сопровождаемый нотным станом: «Là! L'Asie. Sol miré, phare d'haut...» (Там! Азия. Помеченная почва, высокий маяк...) [19].

Нестрогие понятия неизбежны в науке, имеющей дело со сложным объектом исследования, к тому же предполагающим, в силу своей образной природы, использование таких адекватных этой природе средств отражения и осмысления, как тропы. Однако ассоциации, продуцируемые тропами, должны в научном тексте ограничиваться корректирующими пояснениями, чтобы не возникало «исследовательской мифологизации» изучаемого предмета, мифологизации, которой, увы, эгидой науки априорно обеспечено большее доверие, чем к «чистому» мифу.

Примечания

1. Бергсон, А. Творческая эволюция [Текст] / А. Бергсон // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 339.
2. Фрейденоберг, О. М. Миф и литература древности [Текст] / О. М. Фрейденоберг. М.: Наука, 1978. С. 27.
3. Rimbaud, A. Lettre à Paul Demeny (15 mai 1871) [Text] / A. Rimbaud // Rimbaud A. Lettres du voyant. Genève: Droz; P.: Minard, 1975. P. 136.
4. Goll, Y. Surréalisme [Text] / Y. Goll // Goll Y. Œuvres. Т. 1–4. Т. 1. P.: Émile-Paul, 1968. P. 87–88.
5. Mallarmé, S. Préface à Un coup de dés jamais n'abolira le hasard [Text] / S. Mallarmé // Mallarmé S. Poésies. P.: Librairie général française, 1998. P. 255.
6. Sécché, A. Les Caractères de la Poésie contemporaine [Text] / A. Sécché. P.: E. Sansot, 1913. P. 32.
7. Зенкин, С. Н. Французский романтизм и идея культуры [Текст] / С. Н. Зенкин. М.: РГГУ, 2001. С. 49.
8. Bremond, H. La poésie pure [Text] / H. Bremond. P.: V. Grasset, 1925. P. 23.
9. Robichez, J. Précis de Littérature française du XX-e siècle [Text] / J. Robichez. P.: Presses universitaires de France, 1985. P. 181–182.
10. Verlaine, P. Art poétique [Text] / P. Verlaine // Verlaine P. Œuvres poétiques. P.: Librairie Saint-Germain-des-Prés, 1969. P. 261.
11. Там же. P. 262.
12. Бодлер, Ш. Парижский сплин [Текст] / Ш. Бодлер; пер. с фр. Т. Источниковой. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С. 10.
13. Breton, A. «Gaspard de la Nuit» par Louis Bertrand [Text] / A. Breton // Breton A. Œuvres complètes. Т. 1–3. Т. 1. P.: Gallimard, 1988. P. 243.
14. Bremond, H. Op. cit. P. 18.
15. Verlaine, P. Il pleure dans mon cœur... [Text] / P. Verlaine // Verlaine P. Œuvres poétiques. P. 148.
16. Ghil, R. En méthode à l'œuvre [Text] / R. Ghil // Ghil R. Œuvres complètes. Т. 1–3. Т. 3. P.: A. Messein, 1938. P. 236.
17. Ghil, R. Op. cit. P. 231.
18. Ibid. P. 233.
19. Desnos, R. L'asile ami [Text] / R. Desnos // Desnos R. Domaine public. P.: Gallimard, 1953. P. 86.

А. С. Мжельская

МОТИВЫ СВОБОДЫ, СТРАХА И ОДИНОЧЕСТВА В НОВЕЛЛЕ П. ЗЮСКИНДА "DIE TAUBE"

Данная статья посвящена анализу новеллы Патрика Зюскинда «Die Taube» с точки зрения её мотивной организации. В статье рассматривается ряд мотивов, образующих единую систему: мотивы страха/бесстрашия, смерти, одиночества, свободы/несвободы. Эти мотивы группируются вокруг основных сюжетных мотивов зрительных ощущений, что выявляет их сюжетообразующую функцию в новелле.

Given article is dedicated to analysis of the short story by Patrik Zyuskind "Die Taube" with standpoint of its motive's organization. In article is considered a number of motives, forming united system: the motives of fear/fearlessnesses, death, solitude, freedom/unfreedom. These motives are grouped around the main of a plot motives of the visual sensations that reveals their plot-making function in the short story.

В творчестве Патрика Зюскинда центральное место занимает проблема одиночества человека в результате глубинного отчуждения от других людей, мира в целом. Своеобразие сюжетной разработки Зюскиндом этой проблемы в новеллистике заключается в том, что писатель, как будто ограничиваясь изображением героя в чисто бытовых обстоятельствах, вместе с тем создает ситуацию, обладающую повышенной мерой необычности и своего рода «фантастичности» переживаний героя. Новеллистический эффект интересной необычности «случая» создается в том числе и благодаря особому заострению ситуации, так что она приобретает своего рода «метафизический характер», особую обобщенность, связанную с радикальной разработкой одного из аспектов психологического состояния человека в ситуации отчуждения. Речь идет об особом рода художественной редукции состояния человека к его переживаниям, связанным с фундаментальными проблемами личности в состоянии отчуждения. Поэтому мотивы страха и связанного с ним одиночества играют немаловажную роль в сюжетной организации новеллы Зюскинда и в новелле "Die Taube" в частности. Алексей Зверев назвал сюжет этой миниатюры кафкианским – «внезапная перемена всего порядка жизни, причем под воздействием событий, которые не поддаются сколько-нибудь рациональному объяснению» [1]. Фабула проста: герой новеллы встречается с голубкой на пороге своей комнаты, пугается до смерти, бежит из дома и, проведя ночь в отеле, возвращается утром домой и обнаруживает, что голубки уже нет. Зюскинд описывает жизнь одного абсолютно бес-

цветного обывателя Ионатана Ноэля, который всю жизнь прослужил охранником в парижском банке. Проблема состоит в том, что герой болезненно относится к нарушению собственного покоя. Главная характеристика его жизни, как нам кажется, заключена в емком зюскиндовском выражении “vollkommene Ereignislosigkeit” (полное отсутствие событий) [2]. Поэтому неудивительно, что появление голубки, случайно залетевшей в коридор пансиона, где живет Ионатан, вызывает у героя шок.

Ионатан Ноэль, главный герой новеллы, тщательно ограждающий свою налаженную жизнь от всяких событий, думает о своей смерти как о чем-то значительном и неизбежном. Теоретически его это устраивает, потому что со смертью заканчивается жизнь, а значит, и события, «нарушающие внутреннее равновесие и вносящие сумятицу во внешний порядок вещей» [3]. К одиночеству, можно сказать, он пристрастился, став посмешищем для всей деревни после измены жены. Всеобщее внимание его только раздражало, с тех пор он начал бояться любого признака внимания к своей персоне, который в рамках новеллы утрированно сводится к моментам испытывания на себе взглядов других людей. Особое место занимают эпизоды, когда герой боится показаться смешным. Взгляд другого порождает страх – страх смерти или страх стать посмешищем, что в критические моменты выливается в виде игры поля зрения (или изображения) с собственным взглядом героя. Ноэль даже посещает мысль о том, что он мог бы стать близоруким за одну ночь. Важно, чтобы охранник банка одним только видом своим внушал окружающим невозмутимое спокойствие и страх. Ионатан же боится сам. Чтобы успокоиться, он решает зафиксировать взгляд на какой-нибудь детали, но у него ничего не получается: “Kaum war zur rechten Hand der Strohhut fokussiert, da riß ein Autobus den Blick nach links die Straße hinunter, um ihn schon nach ein paar Metern an ein weißes Sportcabriolet abzugeben, das ihn wieder nach rechts die Straße herauftrieb, wo unterdessen der Strohhut verschwunden war <...>. Und die Frauen schienen heute alle grelle Kleider zu tragen, sie loderten wie Flammen vorüber, zwangen den Blick auf sich und ließen ihn doch nicht verweilen. Nichts war mehr klar umrissen. Nichts war mehr deutlich zu fixieren. Alles waberte” [4].

Видеть мир без искажений для человека с нормальным зрением – признак душевного равновесия и спокойствия. Если реальность вдруг начинает приобретать непривычные для Ионатана очертания, то это – признак жуткого страха персонажа. Так происходит после отказа портнихи мадам Топель срочно починить прореху на его брюках: “... und er sah auch noch im Hintergrund

verschwommen das Getriebe des Supermarktes... aber er sah sich plötzlich selbst nicht mehr, das heißt, er sah sich selbst nicht mehr als einen Teil der Welt, die ihn umgab, sondern ihm war für ein paar Sekunden, als stünde er weit weg und außerhalb und betrachtete diese Welt wie durch ein umgekehrtes Fernglas” [5].

Интересен при этом следующий сюжетный ход: Ионатан вспоминает, что забыл на скамейке в парке пакет из-под молока, возвращается, чтобы выбросить его, и рвет по неосторожности брюки. Таким образом, страх не соответствовать нормам общественного порядка приводит его к тому, что он смешно и нелепо выглядит в порванных форменных брюках. Потрясение от случившегося велико, и ему начинает казаться, что все окружающие вдруг сразу заметили его прореху: “Auch schien ihm das “Ratsch” <...> von so enormer Lautstärke gewesen, als wäre da nicht nur irgend etwas an seiner Hose gerissen, sondern als liefe ein Riß durch ihn selbst, durch die Bank, durch den ganzen Park, wie eine klaffende Erdbenspalte, und als müßten alle Leute im Umkreis es gehört haben <...>, und nun ihn, Jonatan, als dessen Urheber empört ansehen. Es schaute aber niemand” [6].

Страх нарастает и трансформируется в страх смерти с акцентом на то, как эта смерть будет выглядеть. Смешной смерти боялись романтические герои или героини рыцарских романов. Ноэль, не в силах выносить раздражающие его картины суетливой жизни города, боится умереть на посту с заклеенной скотчем прорехой на форменных брюках: “Ja, so würde er enden: nicht als respektabler, seine Rente verzehrender alter Herr, zu Hause im eigenen Bett in den eigenen vier Wänden, sondern hier vor den Toren der Bank als kleines Häuflein Dreck! Und er wünschte, daß es schon soweit wäre; daß der Verfallsprozeß sich beschleunigte und ein Ende wäre” [7].

С мотивом страха и его возбудителей тесно связан мотив избавления или даже спасения от страха. Не удивительно, что в качестве своеобразного «спасителя» от неприятных ощущений или от пугающих ситуаций, в основном, выступает солнечный свет – центральный образ, связанный с мотивами зрительных ощущений. Ионатан Ноэль в начале новеллы бежит прочь из комнаты от голубки, освещенной солнечным светом, а в финале произведения видит пустой коридор в свете утреннего солнца. То, что выступало как раздражитель и помощник при созерцании устрашающего зрелища, служит теперь облегчением после пережитых мучений.

В “Die Taube” смерть не так зрелищна, как, например, в новелле “Die Geschichte von Herrn Sommer”, но она постоянно воображаема персонажем. Здесь вообще многие события даны в сослагательном наклонении, что раскрывает тип

личности героя – «терпеливца», а не деятеля [8]. Ионатан Ноэль задумывается о естественной смерти голубки, которая избавила бы его от необходимости находиться в бегах слишком долго, потом ему приходит в голову мысль об убийстве птицы. С одной стороны, убийство голубки могло бы стать для него избавлением, с другой – само предположение о том, что он может застрелить живое существо, становится для него возбудителем страха: "<...> keine Fliege kannst du töten, doch, eine Fliege schon, gerade noch eine Fliege oder eine Schnacke oder einen kleinen Käfer, aber niemals ein warmblütiges Ding, ein pfundschweres warmblütiges Wesen wie eine Taube, eher schießt du einen Menschen über den Haufen, piffpaff, das geht schnell, das macht nur ein kleines Loch, acht Millimeter groß, das ist sauber und ist erlaubt, in Notwehr ist es erlaubt, <...>" [9]. Определяющим фактом при таком лихорадочном размышлении об убийстве становится то, насколько подобные действия разрешены и насколько чистым при этом останется пол. Таким образом создается ирония в новелле.

Мотив возможного убийства появляется в моменты ненависти героя ко всему происходящему вокруг него. Особенно его раздражают официанты, которые своим поведением чем-то напоминают клошара и совсем не зависят от обстоятельств и жары, как Ноэль. Убийство мыслится Ионатаном разными доступными ему способами: он хочет как расстрелять прохожих и автомобилистов, так и «заколоть насмерть своими взглядами» [10] официантов, за то что те выставляют на всеобщее обозрение жирные кошельки, набитые выручкой. Увиденное опять же побуждает героя помыслить об убийстве.

Особую роль в новеллах играют сцены страха перед стихией. Для Ионатана Ноэля гроза, пережитая в комнате-гробу, стала кульминацией всего дня, полного страданий. Слушая раскаты грома, он ожидает не просто собственную смерть, но не менее как конец света. Спасением для него служит стук дождя по крыше: Ноэль также внезапно перестает бояться, как и начал.

Мотив свободы/несвободы личности, пожалуй, один из самых распространенных в мировой литературе. В новелле Зюскинда «Die Taube» он проявляется опять же через мотив зрительных ощущений героев. Этот мотив реализуется здесь через систему персонажей произведения. Прежде всего, обратим внимание на отношения Ионатана и клошара. Они ровесники, живут в одном квартале уже много лет. Когда Ноэль впервые увидел клошара, то испытал к нему то, что Зюскинд описал как "eine Art wütender Neid <...> Neid auf die unbekümmerte Art, mit der dieser Mensch sein Leben führte" [11]. То есть это была бешеная зависть вперемешку с возмущением от того, что он, Ноэль, должен каждый день хо-

дить на работу, преодолевая лень, усталость и страх быть рассмотренным консьержкой мадам Рокар, а клошар ничего этого не делает и счастлив. Хотя при таком безответственном и антисанитарном образе жизни клошар должен был бы давно умереть от какой-нибудь страшной болезни, но: "Statt dessen aß und trank er mit bestem Appetit, schlief den Schlaf des Gerechten und machte in seiner geflickten Hose <...> und seiner Baumwolljacke den Eindruck einer durchaus gefestigten Persönlichkeit, die mit sich und der Welt in schönstem Einklang stand und das Leben genöß..." [12]. Фактически он делает все то, что Ионатану на протяжении почти всего повествования не удается. Для клошара нет рамок и ограничений ни в чем. Его личное пространство совпадает с реальным, с общим пространством, с бесконечностью, так как у него нет дома, крыши над головой. Время для него не существует вообще. Он абсолютно удовлетворен своей жизнью. Клошар мирно засыпает в парке на скамье, окруженный голубями и воробьями, которые не то что не пугают его, но даже нисколько ему не мешают. Можно было бы утверждать, что клошар абсолютно свободен, в отличие от Ноэля, вечно боящегося чего-то, живущего по четкому распорядку дня, структурирующего свою жизнь до малейшей детали. Но сам герой вскоре перестает испытывать зависть к клошаровой свободе. Причиной этому послужил тот факт, что Ионатан однажды стал свидетелем ужасающего зрелища. Он увидел клошара, испражняющегося прямо на улице. Тогда герой пережил шок, сравнимый, пожалуй, только с испугом, внушаемым видом глаза голубки, и мотив свободы связан здесь с мотивом страха от увиденного: "So elend, so ekelerregend, so grauenvoll war dieser Anblick, daß Jonatan noch heute erschauerte, wenn er sich bloß daran zurückerinnerte. Damals floh er, nach einem Moment der Entsetzenserstarrung, in das rettende Postamt, bezahlte seine Stromrechnung, kaufte noch Briefmarken, obwohl er gar keine brauchte, nur um seine Aufenthalt zu verlängern und um sicher zu sein, daß er den Clochard beim Verlassen des Postamtes nicht mehr bei seinem Geschäft anträfe" [13]. После этого Ионатан утверждает во мнении, что живет правильно. Потрясающее его зрелище повлияло на формирование суждений о том, что есть сущность человеческой свободы: "Als Jonathan die Erkenntnis gekommen war, daß das Wesen der menschlichen Freiheit im Besitz eines Etagenkos bestand und daß er über diese essentielle Freiheit verfügte, wurde er von einem Gefühl tiefer Genugtuung ergriffen" [14].

Однако в конце испытаний тяжелого для него дня герой незаметно для себя обретает-таки часть той свободы, которая ранее была ему недоступна. Возможно, причиной тому стала дикая уста-

лость после насыщенного событиями дня. Ужин Ионатана – «не его обычная пища, и повторяет – случайно, а значит в высшей степени закономерно – дневную трапезу клошара. И вкушает он ее с неожиданным ощущением счастья» [15]. Это совпадение, как нам представляется, связано с мотивом «взгляд другого». Ионатан, «потерявший» свое жилье, из-за голубки как бы становится бродягой, и уже в обед, сидя в парке и трясясь от страха, наблюдает за клошаром, за тем что он ест, что делает. Сам процесс наслаждения трапезой описан очень подробно, заметно, что в Нюэле просыпается «вкус к жизни», а вместе с ним и вкус к свободе хотя бы на уровне ощущений: “<...> wenn er nach jedem Bissen einen kleinen Schluck Rotwein aus der Flasche nahm, ihn über die Zunge laufen ließ und zwischen den Zähnen bewegte, so vermischte sich nun seinerseits der stahlige Nachgeschmack des Fisches mit dem lebhaften säuerlichen Parfüm des Weines auf so überzeugende Weise, daß Jonatan sicher war, noch nie in seinem Leben besser gespeist zu haben als jetzt, in diesem Augenblick” [16].

Утром следующего дня после еще одного приступа страха, пережитого в темной и чужой комнате отеля во время грозы, герой с облегчением возвращается домой. Он идет по улице и шлепает по лужам, причем делает это намеренно, по-детски озорно забрызгивая витрины магазинов, автомобили и даже собственные брюки (а ведь еще накануне прореха на штанах казалась ему концом света): “<...>, es war köstlich, er genoß diese kleine kindliche Sauerei wie eine große, wiedergewonnene Freiheit” [17]. Получается, что сущность свободы состоит не только в обладании собственным клозетом и крыши над головой, а в умении радоваться жизни и получать большое удовольствие от, казалось бы, незначительных вещей.

Подводя итог, отметим, что мотивы страха/бесстрашия, смерти, одиночества разрабатываются в тесной связи с мотивом «взгляд другого» и мотивом зрительных ощущений вообще, так как герой, в основном, испытывает страх от увиденного либо от того, что сам стал наблюдаем. В рамках исследуемого произведения можно выделить мотив страха сам по себе, мотив страха перед смертью и мотив одиночества, так как во всех новеллах позиционируется именно тип героя-одиночки, маленького человека с большими страстями. Особое место, как нам представляется, в произведении занимает мотив страха от увиденного, так как именно посредством этого мотива в повествование вводятся пугающие героя мысли и переживания, являющиеся своеобразным толчком для дальнейшего развития действия.

Примечания

1. Зверев, А. М. Преступления страсти: вариант Зюскинда [Текст] / Алексей Зверев // Иностранная литература. 2001. № 7. С. 256.
2. Süskind, P. Die Taube [Text] / P. Süskind. Zürich: Diogenes Verlag, 1987. S. 5.
3. Зюскинд, П. Голубка. Три повести и одно наблюдение [Текст] / П. Зюскинд; пер. с нем. Э. Венгеровой. СПб.: Азбука, 2000. С. 7.
4. Süskind, P. Указ. соч. S. 47–48.
5. Ibid. S. 73.
6. Ibid. S. 64–65.
7. Ibid. S. 82.
8. Зюскинд, П. Указ. соч. С. 115.
9. Süskind, P. Указ. соч. S. 17–18.
10. Зюскинд, П. Указ. соч. С. 111.
11. Süskind, P. Указ. соч. S. 52.
12. Ibid. S. 59–60.
13. Ibid. S. 54.
14. Ibid. S. 57.
15. Михайлин, В. Патрик Зюскинд «Голубка» [Текст] / В. Михайлин // Волга. 1995. № 7. С. 172.
16. Süskind, P. Указ. соч. S. 90.
17. Ibid. S. 98.

РЕЦЕНЗИИ

С. В. Чернова

ЯЗЫК ВЗАИМОПОНИМАНИЯ, СОТРУДНИЧЕСТВА И КОНСОЛИДАЦИИ...

(Тихонова Р. И., Паршина О. Д., Зайцева Е. А. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: Курс лекций и просеминарий. – Самара, 2007. 280 с.).

Российская Федерация – многонациональное государство, в составе которого сосуществуют культуры и языки разных народов. Представители многочисленных национальностей, населяющих РФ, именуют себя россиянами. Средством взаимопонимания, сотрудничества и консолидации разных этносов в составе России является русский язык как государственный язык Российской Федерации. Такого рода статус и предназначение русского языка должны быть осмыслены и поняты каждым жителем России, особенно молодым поколением. В связи с этим преподавателям школ и высших учебных заведений крайне необходимо пособие, содержащее материалы, на основе которых можно было бы проводить работу по разъяснению роли русского языка в жизни общества. Опубликованная самарскими учеными книга как раз и выполняет такого рода задачу. Она адресована преподавателям высшей и средней школы, а также работникам других образовательных учреждений.

В пособии дается определение понятия «государственный язык». Ср.: *«Государственным называется язык, обязательный в данной стране для ведения делопроизводства в учреждениях, судопроизводства, преподавания в школах и других учебных заведениях, независимо от национального состава населения»* (С. 58). Читатель узнает также о том, как соотносятся термины *государственный язык, официальный язык, язык большинства населения, язык титульной нации*. Авторы приводят алфавитный список государственных и титульных языков РФ с указанием их социального и правового статуса; знакомят с единым перечнем коренных малочисленных народов РФ; рассматривают вопросы о языке как общественном явлении, рассуждают о современной языковой ситуации, языковой политике государства; русский язык характеризуется в этнокультурном и социологическом аспектах.

Книга содержит Программу учебной дисциплины «Русский язык как государственный язык Российской Федерации», а также материалы для проведения просеминария по соответствующей специализации.

В качестве Приложения приводятся Федеральный Закон «О государственном языке Российской Федерации» от 7 июня 2005 г., Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» от 24. 07. 1998 г. и еще целый ряд законов, регулирующих функционирование языков разных народов России.

Книга вышла в период, когда во всем мире то и дело возникают конфликты на этнической почве и когда насущной необходимостью является обсуждение вопросов, связанных с духовной культурой как культурой отношений между различными народами. Язык – часть духовной культуры.

Русский язык имеет богатые традиции взаимодействия с языками народов, населяющих РФ. На русском языке были изданы и издаются сегодня произведения талантливейших представителей самых разных национальностей. Через посредство русского языка как государственного языка РФ все члены общества знакомятся с особенностями культуры, быта, обычаями, верованиями тех, кто живет в общем доме под названием Россия.

Статус русского языка как государственного языка РФ, закрепленный в Конституции Российской Федерации (статья 68), необходимо всячески поддерживать. Этому как раз и способствует книга самарских авторов.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ВятГГУ

*Кафедра русской литературы
Кафедра зарубежной литературы и английского языка
Кафедра русского языка*

Основные публикации за 2008 год

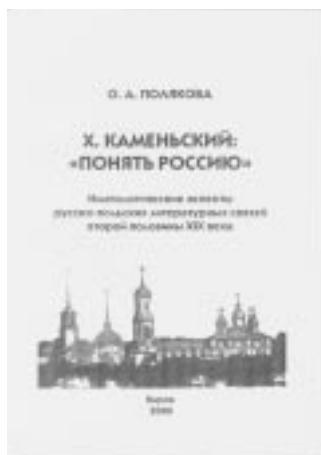
В коллективной монографии под редакцией Е. О. Галицких предпринята попытка реализации герменевтического подхода в современном гуманитарном образовании. Монография выполнена в соответствии с базовым направлением научной деятельности Вятского государственного гуманитарного университета: «Гуманитарные ценности современной России: история, язык, культура». Основное внимание авторов сосредоточено на применении герменевтического метода исследования в философии, филологии, психологии, педагогике в единстве методологической целостности интерпретации текстов.

Монография адресована научным работникам в области гуманитарного образования, филологам, педагогам-исследователям, библиотекарям, студентам.

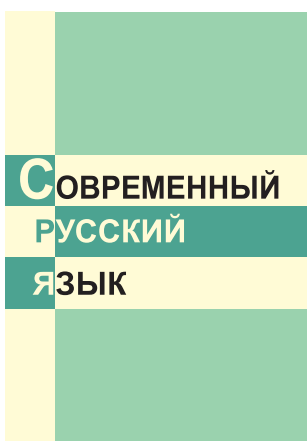
В монографии рассматривается история изучения политической биографии А. С. Пушкина в дореволюционной России, в СССР и странах русского рассеяния в 1920–30-е годы. Особенностью исследования является сопоставительный характер аналитического описания советских и эмигрантских источников, большинство из которых в данном аспекте рассматриваются впервые.

Книга предназначена для литературоведов, учителей русского языка и литературы, а также для студентов-филологов и всех интересующихся жизнью и творчеством А. С. Пушкина.

В монографии исследуются художественное творчество, философские и публицистические работы, эпистолярное наследие известного польского мыслителя и писателя Х. Каменьского в контексте русско-польских литературных связей XIX в. Основное внимание уделяется имагологическим аспектам, выявляющим истинные и ложные представления о России, сформировавшиеся в общественном сознании поляков.

Для филологов-литературоведов, культурологов, историков и краеведов.

В монографии рассматривается вопрос об отражении в языке целенаправленной деятельности человека. Характеризуются особенности семантики и функционирования модальных предикатов, которые отображают типовые ситуации, организующие структуру семантической модели «замысел – осуществление замысла», и дают представление об обобщенной модели поведения человека, стремящегося к достижению цели. Значительное место в монографии занимают образцы анализа моделей поведения персонажей художественных произведений, раскрывающие особенности трансформации идеальной модели применительно к деятельности конкретных людей в определенных жизненных ситуациях. Работа носит междисциплинарный характер.

Словарь охватывает наиболее употребительные термины искусства (живопись, графика, скульптура, архитектура). Слово представляется на основе раскрытия его всесторонних связей с реалиями действительности, с учетом законов восприятия и порождения речи. Читатель включит термин в свой активный словарь благодаря не только толкованию значения слова, но и описанию его сочетаемостных свойств, а также особенностей его функционирования в речи. Цель издания – расширить и систематизировать круг знаний в сфере искусства, научить читателя свободно ориентироваться в терминах, активизировать речевую деятельность.

Продолжается издание толкового диалектного дифференциального «Областного словаря вятских говоров» (под ред. З. В. Сметанной). Выпуски словаря формируются на основе картотеки кафедры русского языка, начало которой было положено в 1918 г. и которая продолжает пополняться и сегодня. Словарь содержит лексические и этнографические материалы, отражающие многовековые контакты русских с коми, марийцами, татарами и удмуртами.

Сборник упражнений (под ред. С. В. Черновой) включает материалы для отработки студентами навыков практического разбора. Пособие содержит упражнения для аудиторной и внеаудиторной работы, домашние контрольные работы, вопросы для самопроверки, диктанты, а также задания по историческому комментированию фактов современного русского языка.

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Срок публикации – по мере поступления материалов.

Для публикации статьи в реферируемом журнале необходимо

- 1) представить в редакцию
 - а) отзыв-рекомендацию научного руководителя;
 - б) заключение кафедры, на которой проходило выполнение научной работы;
 - в) текст статьи в печатном варианте и в электронном виде с приложением сведений об авторе (см. ниже);
- 2) возместить стоимость издательских услуг, исходя из действующего тарифа (включая тариф НДС). В сумму платежа входит получение автором 1 экз. журнала.

Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к научным журнальным статьям. К публикации принимаются научные статьи объемом от 0,5 до 1 печатного листа, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.

**ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА**

Общие требования

Распечатка на бумаге А4 в 2 экземплярах, дискета с текстом статьи в формате Word или RTF (файл обозначается фамилией автора).

Параметры страницы

Поля: левое – 25 мм, правое, нижнее и верхнее – по 20 мм.

Интервал: 1,5.

Гарнитура: Times New Roman.

Размер кегля: основной текст – 14 пт; сноски и примечания, формулы – 12 пт.

Запрет висячих строк.

Оформление статьи

Текст начинается с указания фамилии, имени и отчества автора статьи (на русском и английском языках). Далее следует название статьи (на русском и английском языках), до десяти ключевых слов на русском и английском языках. После названия (для аспирантских работ) указывается: работа представлена кафедрой (название кафедры и вуза). Статья сопровождается индексом УДК (универсальная десятичная классификация).

Аннотация статьи. Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом).

Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках.

Напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1].

Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература *в порядке цитирования ее в тексте статьи*. Автор, источник, место и год издания, страница оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 Библиографическая ссылка. Ср., напр.:

Примечания

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.
2. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.

3. *Кутепов В. И., Виноградова А. Г.* Искусство Средних веков / под общ. ред. В. И. Романова. Ростов н/Д, 2006. С. 144–251.

4. *Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. А.* Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Рисунки

Формат bmp, tif

Диаграммы

Формат Excel

Таблицы

Формат Word

Математические и физические формулы

Редактор MS Equation

Сведения об авторе (на отдельном листе)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
2. Специальность
3. Ученая степень, звание, должность по кафедре
4. Полное название кафедры, вуза
5. Научный руководитель (ФИО, научная степень, ученое звание, должность)
6. Адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail

• Аспиранты очного обучения указывают ведущую кафедру и полное название вуза.

• Аспиранты заочного обучения и соискатели указывают место работы и должность.

• Докторы и преподаватели вузов указывают ученую степень, звание, должность по кафедре, полное название кафедры и вуза.

Все документы необходимо отправлять в одном письме по адресу
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ»,
направление «Филология».

Редколлегия рецензируемого научного журнала
оставляет за собой право отклонять представленные материалы,
если они не соответствуют установленным требованиям.
Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 4 (2)

Подписано в печать 14.11.2008 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 1000. Заказ № 1083.

Издательский центр ВятГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674